Государственное Военное Издательство.

МОСКВА, Тверская, д. 15.

Адрес для телеграмм: МОСКВА — ВОЕНГИЗ.

Новейшая литература и пособия для Р.-К. К. А. и Ф.

Военно-техническая литература.

Барановский, В. — Справочная книжка по тактике. 882 стр. с 115 черт. и схемами. Ц. 2 р. 75 к.

Тактика крупных войсковых соединений (Франц. времен. наставление). 160 стр. Ц. 90 к.

Морозов, Н.—Тактика пехоты. Изд. 3-е, стр. 288. Ц. 2 р. 25 к.

Верховский, А.—„Методика тактических занятий на карте". Организация ведения военной игры. (Задачи и военные игры). С 17 схем. Стр. 128. Ц. 90 к.

Файвуш, Я.—„Тактическое применение военного телеграфа". С 19 сх. в тексте. Рекомендовано инспекцией войск связи РККА. Стр. 128. Ц. 85 к.

Кохенгаузен.—„Вождение войск". Пособие для старших начальников и их помощников. С 38 сх. Перев. со 2-го немецкого издания А. Таубе. Стр. 290. Ц. 2 р. 75 к.

„Маскировка артиллерии и конницы". Сборник материалов. С 47 рис. Одобрено Управлением Штаба РККА по исследованию и использованию опыта войн. Стр. 52. Ц. 35 к.

Цейтлин, В.—„Связь". (Справочные сведения). С 9 черт., 2-е испр. и дополн. изд. Стр. 80. Ц. 25 к.

„Укрепление полевых позиций". Пособие для командного состава РККА. С 82 черт. в тексте и 6 сх. в приложении. Стр. 176. Ц. 1 р.

Вакулич, П. — „Взаимодействие войск". С 11 сх. Стр. 76. Ц. 25 к.

Мархилевич и Куланов.—„Краткое руководство по метеорологии". С 55 рис. Стр. 112. Ц. 1 р.

„Маскировка пехоты".—Сборник материалов. С 42 рис. и фотограф. Одобрено управлением РККА по исследованию и использованию опыта войн. Стр. 64. Ц. 45 к.

Опацкий, Н.—„Военные сообщения". Справочные сведения с 68 черт. в тексте. Ц. 1 р. 40 к.

Свечников, М.—„Разведка конницы". С 7 рис. в тексте. Стр. 84. Ц. 25 к.

Жоффр.—1914—1915 г.г. Подготовка войны и ведение операций. Пер. с франц. Брагинского. 66 стр., с 1 схемой. Ц. 75 к.

Зайончковский, А. М.—Стратегический очерк войны 1914—18 г.г. Ч. VI. Период от прорыва Юго-Зап. фронта в мае 1916 г. до конца года. 137 стр., с прилож. 3 схем. Ц. 1 р.

Его же. — Стратегический очерк войны 1914—18 г.г. Часть VII. Кампания 1917 г. 192 стр., с 9 схемами в приложении. Ц. 3 р.

Его же.—Мировая война 1914—18 г. г. Общий стратегический очерк. 457 стр. и 3 схемы в тексте. Ц. 3 р. 50 к.

Де-Лазари, А. Н.—Мировая война 1914—18 г.г. Атлас схем к труду А. Зайончковского, 50 красочн. схем. Ц. 4 р. 50 к.

Дембицкий, К. В.—Оборона Индии. 68 стр. с 5 сх. Изд. Разведупр. Ц. 1 р. 20 к.

Стратегия в трудах военных классиков. Ллойд, Наполеон, Медем, Вилизен, Леваль, Верди, Фон-дер Гольц, Фош, Фон-Шлиффен, т. I. Под ред. со вступительной статьей и комментариями А. Свечина. 365 стр. В переплете. Ц. 2 р. 50 к.

Стратегия в трудах военных классиков, т. II. Бюлов, Блюме, Шлихтиц и др. Под ред. проф. А. Свечина. 25 печ. листов. Изд. 1925 г. В перепл. Ц. около 2 р. 50 к.

Цихович, Я. К. — Стратегический очерк войны 1914—18 г.г., ч. I. Период от об'явления войны до начала сентября 1914 г. Первое вторжение русских армий в Восточн. Пруссию и Галицийская битва. 240 стр., с прил. 36 схем. Ц. 1 р. 75 к.

Шапошников, Б.—На Висле. К истории кампании 1920 г. 206 стр., с прилож. 12 схем. Ц. 1 р. 75 к.

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Т 72/139

801-15/1562

НК-А СК

А. СВЕЧИН

СТРАТЕГИЯ

С.С.С.Р. ИНСТИТУТ К. Маркса и Ф. Энгельса Ц.И.К.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926

10804

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО № 1389.
Тираж 5.000-25.
Ленинградский Гублит № 17025.
ЗАКАЗ № 627.
Воен. Типография Гл. Упр. Р.-К. К. А. (Пл. Урицкого, 10).

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА
Р 38139-39

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

От автора 7

ВВЕДЕНИЕ.

Стратегия в ряду военных дисциплин 15

Классификация военных дисциплин.—Тактика.—Оперативное искусство.—Стратегия, как искусство и как теория искусства.—Отношение теории к практике.—Стратегия, как искусство военных вождей.—Обязательность знакомства со стратегией для ответственных политиков и всего комсостава.—Приступ к изучению стратегии должен относиться к началу серьезных занятий военным искусством.—Задача курса стратегии.—Военная история.—Маневры.—Военная игра.—Изучение классиков.

Стратегия и политика

1. Политика и экономика 37

Историческое наступление и оборона.—Политическое искусство. — Насилие. — Война. — часть политической борьбы. — Борьба за экономическую боеспособность. — Внешняя торговля.—Развитие промышленности.—Экономические позиции за рубежом.—Географическое распределение промышленности.

2. Политическая цель войны 51

Экономические задачи войны.—Политическая цель войны и ее формулировка.—Политическая база.—Политическое наступление и оборона.—Развитие идеи политического наступления.—Сокрушение и измор.—Политическая цель и программа мира. — Превентивная война.—Политика определяет главный театр войны.—Интегральный полководец.—Совместная работа политиков и военных.

3. План внутренней безопасности 66

Непосредственное охранение внутренней безопасности. — Внутренняя политика. — Крестьянский вопрос в Пруссии и России в начале XIX столетия.—Значение

стр

тыла.—Вера Засулич и тройственный союз.—Авантюра Русско-Японской войны.—Дурново.—Подготовка к войне в отношении внутренней политики. — Наступательный фронт внутренней политики.

4. Экономический план войны 72

Размах экономической борьбы.—Экономический план войны. — Транспорт.—Стоимость войны и военный бюджет.—Средства для ведения войны.—Военный коммунизм.—Экономическая мобилизация: перманентность экономической мобилизации, организационный вопрос, распределение рабочей силы, город и деревня, промышленная мобилизация.—Техническая внезапность.—Экономический генеральный штаб.

5. Дипломатический план. 105

Задачи дипломатии.—Лозунги войны.—Зависимость внешней политики от внутренней.—Дипломатическая подготовка войны.—Крестовый поход.—Лига наций.—Коалиции; их эволюция и упрочнение.—Трудности сепаратного мира.—Здоровый государственный эгоизм.—Вассалы эпохи империализма.—Союзники поневоле.—Великие державы и малые союзники.—Военные конвенции.—Политические стыки.—Согласование стратегии коалиции.

6. Линия политического поведения во время войны 126

Политическое маневрирование.—Оккупационная политика.—Эвакуация и беженцы.—Изменение политической цели войны.—Политика и свобода отступательного маневра.—Кутузов и Френч.—Бородино.—Ватерлоо.—Седан.—Мировая война: план Шлиффена, основные линии ведения войны Германией и Англией, Марнская операция, стратегия сокрушения Нивеля.—Помощь политики при окончании войны: Наполеон I, Бисмарк.—Политика и выбор операционного направления. — Географический объект операций.—Самостоятельные операции морского и воздушного флота.—Воздействие внешней политики в начале и в конце войны.

Подготовка вооруженного фронта

1. Исходные положения. 151

Значение фронта вооруженной борьбы.—План войны и план операции.—Военизация.—Разведка.

2. Строительство вооруженных сил 163

Политическая основа армии.—Моральные силы.—Количество и качество.—Малые государства.—Регулярная

стр.

армия и партизаны. — Укомплектование. — Организация, отношение нестроевых к строевым; отношения между родами войск.—Железнодорожный маневр.

3. Военная мобилизация. 194

Перманентность мобилизации.—Необходимость гибкости. — Предмобилизационный период. — Мобилизация и план оперативного развертывания.—Группировка возрастов. — Мобилизационный план.—Дислокация. — Округа или корпуса?

4. Подготовка пограничных театров 209

Организационная подготовка. — Дорожная подготовка.—Фортификационная подготовка.

5. План операций. 218

Его содержание и объем. — Степень изменчивости плана операции.—Гибкость его.—Оперативное развертывание.—Организация фронтов.—Оперативный базис.—Перевозки по сосредоточению.—Прикрытие развертывания.—План снабжения.—Снабжение и регулировка военных действий.

Группировка операций для достижения конечной военной цели

1. Формы ведения военных действий. 250

Исходные положения.—Сокрушение.—Целесообразность операции.—Измор.—Стратегическая оборона и наступление.—Позиционность и маневренность.

2. Сообщения 278

Стратегия—учение о сообщениях.—Сообщения в стратегии XX века.—Полезная работа вооруженного фронта.—Логика Александра Македонского.—Поджог своих кораблей.—Сообщения при сокрушении.

3. Операция с ограниченной целью. 295

Эволюция операции. — Внезапность. — Операция и местные бои.—Материальное сражение.—Экономия сил.—Оперативная оборона и наступление.—План операции.—Формы операции.—Оперативное развертывание.—Подготовка операции.

4. Стратегическая линия поведения 317

Конечная военная цель и цели операций.—Последовательность операций. — Кривая стратегического напряжения.—Момент начала операции.—Обрыв операции.—Действия по внутренним линиям.—Одновременное пре-

стр.

следование нескольких позитивных целей.—Дозирование операций.—Стратегический резерв.—Стратегическая линия поведения.

Управление

1. Стратегическое руководство 354

Генеральный штаб.—Место ставки. — Ориентировка в действиях своих войск.—Диагноз неприятельских намерений. — Принятие решения. — Активность. — Высшее командование и тактика.—Скрытность.—Сообщения для печати.—Ориентировка работы тыла.

2. Методы управления 381

Приказ и директива.—Частная инициатива.—Меры фактического воздействия. — Гармоничность организации.—Трения.

Важнейшие поправки 397

ОТ АВТОРА.

55 лет отделяют последнее практическое выступление стратегии Мольтке—франко-прусскую войну—от последней операции Наполеона, разрешившейся под Ватерлоо. 55 лет отделяют и нас от Седанской операции.

Мы отнюдь не можем ссылаться на замедление темпа эволюции военного искусства. Если у Мольтке были основания для того, чтобы приступить к ревизии стратегического и оперативного мышления, оставленного в наследство Наполеоном, то еще большие основания имеются в наше время, чтобы приступить к ревизии стратегического мышления, оставленного нам Мольтке. Мы можем сослаться на ряд новых материальных факторов, заставляющих нас занять новую точку зрения на стратегическое искусство. Укажем, например, на железные дороги, игравшие в эпоху Мольтке существенную роль лишь при первоначальном оперативном развертывании; теперь железнодорожный маневр вторгается в каждую операцию и составляет существенную ее часть; укажем на возросшее значение тыла, экономического и политического фронтов борьбы, на перманентность военной мобилизации, отодвигающую момент наивысшего стратегического напряжения с 20-го дня войны на несколько месяцев, и т. д. Целый ряд истин, справедливых еще в эпоху Мольтке, ныне является пережитком.

Блестящее военное творчество Наполеона в значительной степени облегчило работу Жомини и Клаузевица по составлению теоретических трактатов по стратегии; произведения Жомини являются лишь кодификацией в теории практики, созданной Наполеоном. Не столь законченный, но все же богатый материал, с рядом мастерских решений, оставил Мольтке старший в распоряжение Шлихтинга. Современный исследователь стратегии, опирающийся на опыт мировой и гражданской войн, конечно, не может жаловаться

на недостаток нового исторического материала; однако, его задача труднее задач, выпавших на Жомини и Шлихтинга: ни мировая, ни гражданская война не выдвинули таких практических деятелей, которые оказались бы вполне на высоте требований новых условий и которые бы авторитетом своих мастерских решений, увенчанных победой, подкрепили бы новое изложение стратегической теории. И Людендорф и Фош, и военные деятели гражданской войны далеко не господствовали над событиями, а увлекались их водоворотом. Отсюда вытекает меньшая связанность современного стратегического писателя, но свою свободу он вынужден окупить громадными трудностями работы и еще, быть может, большими затруднениями на пути утверждения и признания его взглядов. Мы атакуем значительное количество предрассудков стратегии, которые, быть может, в глазах у многих не потерпели еще окончательного поражения в жизни, на театре войны. Новые явления заставляют нас давать новые определения, устанавливать новую терминологию[1]); мы стремились не злоупотреблять новшествами; однако, как ни путаны устаревшие понятия, вероятно, они найдут своих защитников. Маршал Мармон, которому сделали упрек, что он употребляет, вместо термина „оборонительная линия“ термин „операционная линия“, имеющий совершенно другое значение, имел же развязность назвать шарлатанами лиц, стремившихся согласовать военный язык с военной действительностью!

Характер нашего труда совершенно не допускает цитирования авторитетов для подтверждения наших взглядов. Если на стратегию сыплются упреки в том, что это лишь „вежливость военных“, скрывающая пустое место, казарменная сказка, то в этом дискредитировании стратегии крупную роль играли число компилятивные труды, блестевшие набором афоризмов, заимствованных у великих людей и писателей разных эпох. Мы не опираемся ни на какие авторитеты; мы стремимся воспитывать критическую мысль; наши ссылки указывают или на источник фактического материала,

[1]) Это неотъемлемое право каждого автора. В математике цифры и формулы имеют совершенно точное значение; а в стратегии термины представляют такие же формулы, в которые, однако, часто вкладывается совершенно различное содержание.

которым мы орудуем, или приводят первоисточник отдельных, слишком известных мыслей, улегшихся в нашу теорию. Первоначальный наш замысел был—написать труд по стратегии без всяких цитат,—так стали нам ненавистны наборы изречений,—усомниться во всем и лишь из бытия современных войн построить учение о войне; нам не удалось осуществить этот замысел до конца. Мы не хотели точно так же и вступать в полемику — поэтому мы не подчеркивали противоречий между даваемыми нами определениями и пояснениями, и мнениями очень больших и знаменитых писателей. К нашему сожалению, этих противоречий в нашем труде имеется даже значительно больше, чем требовалось бы для признания его вполне оригинальной работой. К сожалению,—так как это может затруднить понимание нас при поверхностном чтении. Мы надеемся, что эти затруднения отчасти будут смягчены знакомством с нашим трудом по истории военного искусства, а также несколькими курсами лекций по стратегии, которые мы прочли в течение двух истекших лет, и которые уже несколько популяризировали нашу постановку некоторых вопросов.

Мы рассматриваем современную войну, со всеми ее возможностями, и не стремимся сузить нашу теорию до наброска красной советской стратегической доктрины. Обстановку войны, в которую может оказаться втянутым СССР, предвидеть необычайно трудно, и ко всяким ограничениям общего учения о войне надо подходить крайне осмотрительно. Для каждой войны надо вырабатывать особую линию стратегического поведения; каждая война представляет частный случай, требующий установления своей особой логики, а не приложения какого-либо шаблона, хотя бы и красного. Чем шире охватит теория все содержание современной войны, тем скорее придет она на помощь анализу данной обстановки. Узкая доктрина, может быть, будет более путать наше мышление, чем ориентировать его работу. И надо не забывать, что только маневры бывают односторонними, а война представляет всегда явление двухстороннее. Надо иметь возможность охватить войну и в представлении противной стороны, уяснить себе ее стремления и ее цели. Теория может принести пользу только поднявшись над сторонами, проникшись полным бесстрастием; мы избрали

и не брезгали даже подтасовкой фактического материала для достижения воспитательного эффекта. Мы очень далеки от этих взглядов. Мы не думаем, что стратегическая теория в какой-либо степени ответственна за наступательный импульс в армии. Последний ведет свое происхождение из совершенно других источников. Клаузевиц, провозгласивший оборону сильнейшей формой войны, не развратил германскую армию.

Мы отказались от погони за деталями и не давали правил. Изучение деталей является задачей соприкасающихся со стратегией дисциплин, останавливающихся подробно на вопросах организации, мобилизации, комплектования, снабжения, стратегической характеристики отдельных государств. Правила в стратегии неуместны. Китайская пословица, правда, гласит о том, что разум создан для мудрецов, а закон для людей немудрых. Теория стратегии, однако, напрасно стремилась бы стать на такой путь и пыталась бы популяризировать свое изложение в виде уставных правил, доступных для лиц, не имеющих возможности самостоятельно углубиться в изучение стратегических вопросов и посмотреть в корень. В любом вопросе стратегии теория не может выносить жесткого решения, а должна аппелировать к мудрости решающего.

Из изложенного читатель отнюдь не должен делать вывод, что автор видит в своем произведении верх совершенства. Автору отчетливо рисуется недоговоренность и недостаточная углубленность разработки многих вопросов. В пределах той же серии вопросов можно было бы работать над настоящим трудом еще десятки лет. Так поступал Клаузевиц, неуспевший за всю свою жизнь докончить свое исследование о войне, окончательно редактировавший лишь первую главу, но создавший все же труд, который сохранит свое значение, частью, и во второе столетие своего существования. Такое капитальное углубление не отвечает условиям нашего времени. Эволюция идей идет таким темпом, что, проработав десятки лет над углублением труда, можно больше отстать, чем нагнать ход развития. Нам кажется, что в известной мере труд отвечает существующей потребности в стратегическом обобщении; нам представляется, что при всех своих несовершенствах, настоящий труд все же может оказать

помощь для уяснения современных особенностей войны и пригодиться лицам, готовящимся к практической работе в области стратегического искусства.

Только эти соображения и подвинули автора на издание настоящей книги. Далеко не во всех частях она, разумеется, оригинальна. Во многих местах читатель натолкнется на мысли, известные ему по трудам Клаузевица, фон дер Гольца, Блуме, Дельбрюка, Рагено, ряда новейших военных и политических мыслителей. Автор считал бесплодным пестрить текст беспрерывным указанием первоисточников мыслей, органически улегшихся в данную работу и являющихся частью ее логического целого.

ВВЕДЕНИЕ.

Стратегия в ряду военных дисциплин.

Классификация военных дисциплин. Тактика. Оперативное искусство. Стратегия, как искусство и как теория искусства. Отношение теории к практике. Стратегия, как искусство военных вождей. Обязательность знакомства со стратегией для ответственных политиков и всего комсостава. Приступ к изучению стратегии должен относиться к началу серьезных занятий военным искусством. Задача курса стратегии. Военная история. Маневры. Военная игра. Изучение классиков.

Классификация военных дисциплин. Военное искусство, понимаемое в широком смысле, охватывает все вопросы военного дела; оно включает в себя: 1) учение об оружии и других технических средствах, которыми ведется вооруженная борьба, а также учение о постройке оборонительных сооружений; 2) учение о военной географии, оценивающее средства, имеющиеся в различных государствах для ведения вооруженной борьбы, изучающее классовую группировку населения и его исторические, экономические и социальные устремления, и исследующее возможные театры военных действий; 3) учение о военной администрации, исследующее вопросы организации вооруженных сил, аппарата их управления и методов снабжения, и, наконец, 4) учение о ведении военных действий.

Еще в эпоху великой французской революции, военно-технические вопросы, отнесенные нами к первой рубрике, представляли основное содержание, вкладываемое в понятие военного искусства. Искусство ведения военных действий представляло область, на которой лишь немногие историки войн останавливали свое внимание; только формальная его часть, охватывающая элементарные уставные вопросы — о строях, перестроениях, боевых порядках — анализировалась в курсах тактики, как предмет ежедневных упражнений войск.

В новейшее время вопросы, относящиеся к ведению военных действий, значительно осложнились и углубились. Ныне нельзя рассчитывать вести сколько-нибудь успешно войну против подготовленного врага, если командный состав не будет заблаговременно подготовлен к решению тех задач, которые встанут перед ним с началом военных действий. Эта часть военного искусства настолько теперь расширилась и получила столь самодовлеющее значение, что в тесном смысле под военным искусством мы разумеем в настоящее время именно искусство ведения военных действий.

Искусство ведения военных действий не делится какими-либо гранями на вполне самостоятельные, резко очерченные отделы. Оно представляет одно целое, к которому относится и постановка задач для действий фронтов и армий, и вождение небольшого разъезда, высланного для разведки врага. Однако, изучение его в целом представляет крупное неудобство. Оно обусловило бы опасность, что не всем вопросам было бы уделено надлежащее внимание; мы могли бы усвоить себе подход к основным, крупным вопросам войны с точки зрения мелочных требований, или, наоборот, мы могли бы слишком свысока, обобщенно подходить к изучению боевых действий мелких частей, и от нашего внимания укрылись бы чрезвычайно существенные в своей сумме подробности. Поэтому вполне разумным является деление искусства ведения военных действий на несколько отдельных частей, при условии, что мы не будем упускать существующую между ними тесную связь и не будем забывать некоторой его условности.

Однако, наше деление военного искусства на отдельные части должно быть проведено так, чтобы по возможности не раздроблять между различными отделами вопросы, подлежащие решению по одинаковым соображениям. Мы замечаем, что искусство ведения военных действий естественнее всего распадается на искусство ведения войны, ведения операции и ведения боевых действий.

Требования, предъявляемые современным полем сражения, современной операцией и войной, в целом представляют три сравнительно определенных ступени, в соответствии с которыми естественнее всего и обосновать классификацию военных дисциплин.

Тактика. Тактическое искусство теснее всего связано с боевыми требованиями. Боевые требования, при данном состоянии техники, данных культурных условиях государств, ведущих войну, и театра, на котором война ведется, и данном напряжении войны представляют известное целое; исходя из современной действительности поля сражения, тактика оркеструет отдельные технические действия в одно цельное ведение боя; в связи с боевыми требованиями тактика стремится рационализировать всю военную технику, устанавливает критерий для организации, вооружения и воспитания войск, для совершения войсками походных движений, для расположения их на отдых, разведки и охранения. Теория тактики есть не что иное, как технические вопросы (понимая под таковыми и технику походных движений и проч.), рассматриваемые не порознь, а в совокупности, с точки зрения создаваемых ими ныне в целом условий современного боя[1]).

Определяя существо тактики, как приспособление техники к боевым требованиям, мы значительно стесняем пределы тактики, по сравнению с существовавшими ранее определениями тактики. В основе старых определений лежало представление о большом сражении, искусство ведения которого относилось к области тактики. Больших сражений фактически теперь не существует; боевые действия раздробляются во времени и пространстве на ряд отдельных боев, слагающихся в операцию, исследование коей не может быть предметом тактики. Последняя должна остановить свое внимание лишь на отдельном бое, который вытекает из развертывания войск, движущихся по одной дороге; таким образом, тактика не может задаваться исследованием действий организационных соединений, превосходящих дивизию; но изучение работы в пределах дивизии является необходимым, так как дивизия представляет самое малое организационное

[1]) Тогда как стратегия преследует цели, тактика разрешает задачи. Под целью мы подразумеваем сравнительно крупный объект, от которого нас отделяет известный путь; достижение одной цели требует разрешения нескольких задач; задачи перед нами вырастают в непосредственной близости, имеют преимущественно злободневный характер. Этим мы хотим подчеркнуть, что сущность стратегии связана с перспективой во времени, тогда как тактика во времени почти не имеет измерения; если она и разделяет ведение боя на определенные фазы, то они очень близко и скоро следуют одна за другой.

С.С.С.Р. ИНСТИТУТ К. Маркса и Ф. Энгельса

соединение, в котором с достаточной полнотой представлены различные роды войск и различная техника. Изучая действия меньших частей, например, пехотного полка, мы постолько будем оставаться на почве тактики, посколько не будем забывать, что бой не представляет единоборства пехоты, а представляет комбинированную работу всей нашей техники против всей техники противника.

Оперативное искусство. Техника является материалом для тактического творчества, регулируемого оперативным искусством. Боевые действия являются не чем-то самодовлеющим, а лишь основным материалом, из которого слагается операция. Лишь в очень редких случаях можно рассчитывать одним приемом достигнуть окончательной цели военных действий. Нормально этот путь к конечной цели распадается на ряд операций; последние разделяются во времени более или менее значительными паузами, слагаются на различных участках территории театра войны, и особенно резко различаются между собой вследствие различия промежуточных целей, к достижению которых временно устремляются усилия войск. Мы называем операцией такой акт войны, в течение которого, без всяких перерывов, усилия войск в определенном районе театра военных действий направляются к достижению определенной промежуточной цели. Операция представляет конгломерат весьма различных действий: составления плана операции, материальной подготовки, сосредоточения войск в исходное положение, возведения оборонительных сооружений, выполнения маршей, ведения боев, ведущих либо непосредственным охватом, либо путем предварительного прорыва, к окружению и уничтожению части неприятельских войск и к оттеснению других частей, к выигрышу или удержанию за нами определенного рубежа или географического района. Материалом оперативного искусства является тактика и администрация; успех развития операции зависит как от успешности разрешения войсками отдельных тактических вопросов, так и от обеспечения их всем необходимым им материальным снабжением для бесперебойного проведения операции до достижения ее цели. Оперативное искусство, исходя из цели операции, выдвигает целый ряд тактических задач и ставит ряд заданий для деятельности тыловых органов. Оперативное искусство не может

безразлично пользоваться любыми тактическими средствами. В зависимости от имеющихся материальных средств, от времени, которое может быть уделено для разрешения различных тактических заданий, от сил, которые могут быть развернуты для боя на определенном фронте, и, наконец, от характера самой операции, оперативное искусство диктует тактике основную линию ее поведения. Мы не можем признать полного господства над нашей волей объективно существующих условий поля боевых действий. Поле боевых действий—это только часть высшего целого, представляемого операцией, и характер наших боевых действий должен быть подчинен характеру намеченной операции. Нивель в апреле 1917 года и Людендорф в марте 1918 года, решаясь предпринять на западном фронте прорыв с целью сокрушения неприятельского позиционного фронта, стремятся самым резким образом изменить и тактику своих войск в соответствии с характером намеченных операций.

Стратегия, как искусство. Выигрыш отдельной операции не является, однако, последней целью, преследуемой при ведении военных действий. Немцы выиграли в течение мировой войны много операций, но проиграли последнюю, а с ней и всю войну. Людендорф, показавший выдающиеся достижения в оперативном искусстве, не сумел сопоставить так ряд своих оперативных успехов, чтобы добиться хотя бы малейших положительных достижений при заключении Германией мира; все они, в конечном счете, никакой услуги Германии не оказали.

Стратегия—это искусство комбинации подготовки к войне и группировки операций для достижения цели, выдвигаемой войной для вооруженных сил. Стратегия решает вопросы, связанные с использованием как вооруженных сил, так и всех ресурсов страны для достижения конечной военной цели. Если оперативное искусство должно учитывать возможности, представляемые фронтовым тылом, то стратег должен учитывать весь тыл — свой и противника — представляемый государством, со всеми его политическими и экономическими возможностями. Стратег будет действовать успешно, если он правильно оценит характер войны, находящийся в зависимости от разнообразных экономических, социальных, географических, административных и технических данных.

Стратегия не может безразлично относиться к оперативному искусству. Характер войны, с которым сообразуется стратег, не должен оставаться понятием отвлеченным и оторванным от войсковой деятельности. Стратег должен подчинить своему пониманию возможного характера войны реальные формы предпринимаемых нами операций, их размах и напряжение, преследуемые ими цели, их последовательность и относительное значение, придаваемое им. Отсюда для стратега является необходимость диктовать основную линию поведения оперативному искусству и в случае чрезвычайного значения, придаваемого основной операции, даже сосредоточивать в своих руках непосредственное руководство ею.

Но подобно тактику и оператору, и стратег не является совершенно независимым в своей области. Как тактика является продолжением оперативного искусства, а оперативное искусство—стратегии, так и стратегия является продолжением, частью политики. Война является не самодовлеющим явлением, а лишь надстройкой над мирной жизнью народов. Война предпринимается в определенных политических целях и в главных своих чертах определяется, как мы увидим ниже, политикой. Вытекающим отсюда взаимоотношениям между политикой и стратегией посвящается особая часть нашего исследования.

Весьма часто мы встречаем термины: стратегия воздушного флота, морская стратегия, стратегия колониальной войны и т. д. Такая терминология, очевидно, основана на недоразумении. Мы можем лишь говорить о морском оперативном искусстве, поскольку вооруженные силы на море получают самостоятельную оперативную цель; то же мы можем сказать и о воздушном флоте, с еще большими оговорками; в виду тесной связи между действиями воздушных сил, сухопутной армии и флота предметом оперативного искусства воздушного флота могут являться лишь самостоятельно предпринимаемые им бомбардировочные операции; но поскольку таковые действия пока самостоятельного значения не имеют, а являются одной, хотя бы и довольно существенной, слагаемой общей операции, то мы должны и бомбардировочные, равно как разведочные и боевые действия воздушного флота, рассматривать только, как часть общего оперативного искусства. О стратегии же здесь говорить не приходится — это явное злоупотребление термином. Точно также не может быть и стратегии колониальной войны — речь может итти лишь об особенностях стратегического искусства при борьбе империалистического государства с неравносильным, отсталым технически и культурно противником, в обстановке колониального театра войны.

Стратегия, как теория искусства. Стратегия, как практическое искусство, представляющее важнейшую часть полководческой деятельности, существует с тех доисторических времен, когда человеческие общества начали вести войны. Но разработка теории стратегии началась лишь 150 лет тому назад, одновременно с научным приступом к разработке политической экономии. Ровесник Адама Смита, получивший с ним одинаковое образование, англичанин Ллойд, служивший в австрийской, прусской и русской армиях, приступил, по опыту Семилетней войны, к разработке вопросов, резко выходивших из пределов обычного тактического кругозора военных. Труды его открывают новейший период развития военной мысли, уже давший ряд глубоких исследований по стратегии, характеризующихся, однако, или незаконченностью или односторонностью мышления. Много времени и внимания было затрачено на вопрос, представляет ли стратегия науку или теорию искусства. Ответ зависел, в существенных чертах, от размера требований, характеризующих наше представление о науке. Клаузевиц, Вилизен, Блуме, рассматривавшие стратегию, как искусство, исходили из требования аподиктической (неоспоримой) точности, предъявлявшегося Кантом к „собственно науке". Неоспоримой точности выводы военной теории не представляют. Но уже Кант допускал именовать наукой любую систематическую теорию, охватывающую особую область, познание коей упорядочивается по известным основам и принципам. Такая теория являлась как бы наукой второго разряда. Чтобы сопричислить к их числу и стратегию, многие выдающиеся стратегические писатели уделяли особое внимание утверждению наличности вечных, незыблемых принципов стратегии, на которых они строили свои труды. В настоящее время наши взгляды на науку стали значительно шире. Мы склонны понимать под наукой всякую систему знаний,

облегчающую нам понимание жизни и практики. Под такое широкое определение науки, несомненно, подходит теория всего военного искусства, в том числе и стратегия.

Отношение теории и практики. Практика стратегии бесспорно не представляет отрасли научной деятельности, а образует область приложения искусства. Теория же стратегии должна представлять систематизированные знания, облегчающие нам понимание явлений войны.

Но если человеческие общества в течение тысячелетий могли осуществлять на практике стратегическое искусство, не имея представления о теории стратегии, о стратегической науке, то не свидетельствует ли это о том, что теория стратегии представляет излишний, надуманный, бесплодный балласт, плод интеллектуалистических увлечений нашего века? Мы этого не думаем. Если вообще бытие определяет сознание, то в некоторых сложных областях практики сознание отстает на целые века от жизненных достижений. Существуют правила и законы речи, из которых складывается наука грамматики; существуют известные экономические отношения, из которых складывается наука политической экономии — своего рода экономическая грамматика; наконец, существуют известные законы мышления, его грамматика — логика. Но не видим ли мы правильную речь, предшествующую изучению грамматики; не усматриваем ли мы в историческом прошлом экономической политики, отвечающей определенным экономическим интересам, задолго до нарождения политической экономии; не встречаем ли мы здравомыслящих людей, никогда не проходивших курса логики? Точно также и на войне — не только в отдаленном прошлом, но и в очень недавние времена гражданской войны, мы могли наблюдать решения весьма сложных вопросов стратегического искусства, не находившиеся в какой-либо связи с предварительным изучением теории стратегии.

Но мы не делаем из этих фактов заключения о желательности исключения грамматики из программы каждой общеобразовательной школы. Мы находим, что каждый ответственный государственный деятель должен обладать хотя бы элементарными сведениями из политической экономии. Не отрицая права на самостоятельное мышление со стороны лиц, не изучавших логику, мы непременно включим ее

в программу образования лиц, стремящихся выступить с самостоятельной критикой философско-экономических доктрин. Знакомство с грамматикой, политической экономией, логикой, стратегией может предохранить нас при работе в соответственной области от многих ошибок и позволяет быстро схватывать отношения, разгадка коих иначе потребовала бы от нас многих усилий и, может быть, даже вовсе не далась бы нам.

Приведенные соображения было бы ошибочно толковать, как сравнение теории стратегии с чем-то в роде теории красноречия, о которой самые красноречивые ораторы как раз не имеют никакого представления. Действительное знание не может быть нейтральным; если оно ничего не может изменить в нашей системе действий, то, следовательно, оно лишено какого бы то ни было содержания. Если, переходя к практике, следует забывать о теориях, чтобы вырабатывать не книжное решение, а решение, вырастающее из условий данного частного случая, то эта работа мышления становится плодотворной лишь благодаря точкам зрения, усвоенным предыдущими размышлениями и теоретическими занятиями.

Уже в эпоху Наполеона резко сказывалась недостаточная теоретическая подготовка его маршалов, в особенности при том крупном масштабе, который приняла война в 1813 г. Маршалы Наполеона, частью вышедшие из бедных классов, не все имели достаточное общее образование; переходя в течение 20-ти лет с одного поля сражения на другое, они получили превосходную тактическую подготовку. Они мастерски умели найтись в трудной обстановке, не теряли способности мыслить под неприятельским огнем, знали, как целесообразно организовать работу 20—30 тысяч солдат на поле сражения для достижения указанных Наполеоном целей. Но как государственная мудрость не изучается бюрократом, десятки лет работающим в присутственные часы в своем отделе, так и искусство стратегии не постигается ни участием во многих походах, ни наблюдением многих батальных картин. Когда наполеоновским маршалам, за немногими исключениями, приходилось выступать в роли самостоятельного руководителя операциями, они представляли как бы людей, бродящих в потемках, не ясно понимающих

свою задачу и возможные методы ее решения и потому действующих нерешительно. Более образованные генералы коалиции, боровшейся с Наполеоном, значительно уступавшие маршалам в тактике, оказывались сильнее их в стратегии. Один из талантливейших революционных генералов, Клебер, за которым Наполеон признавал наибольшие природные дарования, предсказывал крушение многих революционных карьер: „Не так трудно заслужить военную репутацию, как ее сохранить, и теория, которая всегда хочет итти в ногу с опытом, рано или поздно отомстит за себя, если ее слишком игнорировать“ [1]).

За последнее столетие ведение войны значительно осложнилось, и недостаточная теоретическая подготовка ныне будет сказываться еще чувствительнее. Очень симптоматичен пример наиболее выдающегося стратега после наполеоновской эпохи — Мольтке. Он получил скудное первоначальное образование в датском кадетском корпусе, едва ли превышавшее объем знаний, даваемых ныне школой первой ступени. После отбытия ценза командования ротой, он больше не соприкасался со строем. Его любознательность направлялось, казалось, совершенно в сторону от непосредственно связанных с войной вопросов. Когда Мольтке был выдвинут на пост начальника генерального штаба, это был прусский генерал, наиболее отставший от военной жизни, но зато представлявший настоящего ученого, очень компетентного в географии, в древнейшей истории Рима, в филологии, в политике, стоявший в курсе культурной и экономической эволюции Европы. И этот почти штатский человек, по прихоти случая поставленный во главе прусского генерального штаба, сумел разгадать дух новой стратегии. Не он, конечно, создал переворот в военном искусстве; творчество стратега ограничивается опознанием требований эволюции военного искусства, развивающейся помимо воли отдельных личностей, и пониманием средств, необходимых в данный момент. Но уже подход Мольтке с новой меркой к стоявшим на очереди стратегическим задачам явился крупным шагом на пути подготовки побед 1866 и 1870 г.г. Изучая карьеру Мольтке старшего, получаешь представление, что его позиция наблю-

[1]) Revue d'Histoire, 1/VIII. 1911 г. стр. 197.

дателя армии со стороны, дававшая ему возможность углубиться во многие вопросы и умственно расти, чего часто лишены перегруженные работой практические деятели, и обусловила превосходство его мышления после достижения им шестидесятилетнего возраста. Правда, Мольтке был исключительный человек. Драгомиров характеризовал его в 1866 г. так: „генерал Мольтке принадлежит к числу тех сильных и редких людей, которым глубокое теоретическое изучение военного дела почти заменило практику“ [1]).

Стратегия — искусство военных вождей по преимуществу. Это искусство тех лиц, которые призваны решать основные проблемы, выдвигаемые обстановкой войны и которые передают свои стратегические решения для исполнения оперативному искусству. Стратегия — это искусство всего высшего командного состава армии, так как не только командующий фронтом и командующий армией, но и командир корпуса не сумеет справиться со своими оперативными задачами, если у него не будет ясного стратегического мышления. Во всех случаях, когда оперативному искусству предстоит сделать выбор между двумя оперативными альтернативами, оператор не найдет оправдания того или иного оперативного метода, оставаясь в пределах оперативного искусства, а должен подняться в стратегический этаж мышления.

Тогда как тактика живет решениями, требуемыми моментом, и вся тактическая работа отличается крайней злободневностью, стратегия начинается там, где виднеется ряд последовательных целей — этапов к достижению конечной

[1]) М. Драгомиров, очерки Австро-Прусской войны в 1866 г. С.-Петербург, 1867 г. стр. 67. Мы ссылаемся на мнение М. И. Драгомирова, так как последний отнюдь не является особым поклонником теории в ущерб практики. Еще яснее точка зрения Драгомирова на теорию выявляется в его характеристике Бенедека, выдающегося практика. „Личная его энергия не подлежит сомнению; он незаменимый человек для того, чтобы устремить войска в бой для достижения указанной цели; но он едва ли способен сам себе ее поставить. Одним словом: будучи замечательным тактиком, Бенедек нисколько не стратег. Неохотно отправляется он в Богемию, ибо не знал, как он говорил, ни театра войны, ни неприятеля, с которым предстояло драться. Эти причины наводят на мысль, что едва ли Бенедек имеет теоретическую подготовку к военному делу: сила его заключается в практической рутине, приобретенной на итальянском театре войны. Там он, вероятно, показал бы себя блистательно и в эту кампанию. Недостаток теоретической подготовки едва ли не лучше всего объясняет нерешительность и слабость Бенедека в стратегических комбинациях, ибо в практическом знании дела и в личной решительности у него недостатка не было (Jbidem, стр. 86).

цели войны. Стратегия должна широко заглядывать вперед и учитывать будущее в очень широкой перспективе. Стратег шагает операциями; эти шаги стратегии растягиваются во времени на несколько недель и даже месяцев. Стратег должен глубоко учесть обстановку и возможные ее изменения, чтобы не менять основ своей директивы, когда операция достигнет лишь начала своего развития. Стратег должен быть дальнозорким, чтобы оперативное и тактическое искусство могли работать планомерно. Немцы до мировой войны считали, что благодаря Клаузевицу, остающемуся для других армий непонятным, они обладают монополией стратегической дальнозоркости. Дальнозоркость возможна лишь при условии широкого идейного кругозора; можно легко указать целый ряд тактиков, бывших умственно ограниченными людьми, но выдающихся стратегов в числе последних мы не найдем. Каждый вождь, указующий путь, является хотя бы отчасти пророком.

Неизмеримо значение правильно указанной и реально очерченной цели для деятельности человеческих масс. Стихия разрозненности действий, общий разброд непланомерности, перекрещивание намерений, взаимно уничтожающиеся усилия—все это исчезает, когда устанавливается общий уклон к намеченной вождем цели. Действия упорядочиваются, сливаются в небольшие ручьи, текущие по уклону к цели и создающие в результате одно обширное течение; усилия всех и каждого во всех вопросах как бы самостоятельно и естественно устремляются в указанном направлении. Указание верной цели обусловливает бурный поток мыслей и воли...

Ответственные политические деятели должны быть знакомы со стратегией. Изучение стратегии требуется не только для высшего командного состава армии. Стратег, дающий директивы инстанциям, непосредственно руководящим операциями, должен отдавать себе ясный отчет в тех пределах, которые являются достижимыми для оперативного искусства с наличными средствами, и должен обладать острым оперативным и тактическим глазомером, чтобы ставить действия своих войск в возможно выгодные условия. Точно также и политик, выдвигающий политическую цель для военных действий, должен отдавать

себе отчет в том, что достижимо для стратегии при имеющихся у нее средствах, и как политика может повлиять на изменение обстановки в лучшую или худшую сторону. Стратегия является одним из важнейших орудий политики; политика и в мирное время в значительной степени должна основывать свои расчеты на военных возможностях дружественных и враждебных государств. Бисмарк не мог бы так авторитетно руководить политикой Пруссии, если бы не отдавал себе глубокого отчета в положении на театре войны [1]).

Обязательность знакомства со стратегией для всего комсостава. Для достижения дружной работы огромных масс на тянущихся на сотни верст фронтах необходима серьезная стратегическая подготовка частных начальников. Эта истина была несколько забыта во время позиционного периода мировой войны, благоприятствовавшего развитию крайней централизации управления. Командирам корпусов в обстановке маневренной войны сплошь и рядом приходится принимать ответственные решения, дающие операции тот или иной стратегический уклон. 16 августа 1870 года III прусский корпус генерала Альвенслебена вышел на большую дорогу Мец—Верден; армейское командование, направляя III корпус, полагало, что он выйдет на дорогу уже после отхода к Вердену из Меца армии Базена, и будет следовать за ее хвостом. В действительности же генерал Альвенслебен оказался не за хвостом французской армии, а перед ее головой и загородил ей дорогу. Генерал Альвенслебен, несмотря на возможность получения в течение дня поддержки только со стороны одного (X) корпуса, решил вступить в бой (сражение при Марсла-Туре) со всей французской армией, насчитывавшей 5 сильных корпусов. Это ответственное решение, имевшее результатом пленение впоследствии армии Базена в Меце, могло быть принято лишь на основании стратегической оценки обстановки.

Приведем еще более убедительный пример: в промежутке между пограничным сражением и операцией на Марне из состава сводной кавалерийской дивизии армии

[1]) Например, при мирных переговорах с Австрией в августе 1866 года, под угрозой вступления в войну Франции.

Манури был выдвинут сильный разъезд капитана Лепик, постепенно отходивший перед наступавшими правофланговыми колоннами германской армии Клука. В 11 ч. 30 м. 31 августа 1914 г. капитан Лепик, находясь к северо-западу от Компьена, с удивлением заметил, что огромные колонны немцев, вместо того, чтобы продолжать движение в южном направлении, на Эстре-Сен-Дени, свернули на Компьен. Это удивление, повидимому, не отразилось ни на характере донесения капитана Лепика, ни на участи его: донесение пошло нормальным образом, со включением его в разведывательные сводки. Между тем, если простейшим образом стратегически осмыслить явление, наблюденное капитаном Лепиком, то становилось совершенно ясным, что немцы отказываются включить Париж в район своего охвата, и устремляются всеми силами в промежуток Верден—Париж, подставляя свой правый фланг под удары из Парижа. Высшее французское командования усвоило эту истину только через 80 часов, к вечеру 3 сентября; а между тем она имела колоссальное значение, давая все предпосылки для комбинирования победы на Марне. Если бы капитан Лепик и все инстанции, по которым направилось блуждать его донесение, были бы лучше стратегически подготовлены, возможно, планомерную подготовку к операции на Марне французское командование смогло бы начать на двое суток раньше, вечером 1-го сентября; потеря 40 час. дорогого времени не всегда пройдет даром. Сколько ценнейших донесений летчиков и разъездов не было использовано нами в мировую войну, вследствие известной стратегической тупости начальников и штабов! Вспомним хотя бы богатые разведывательные данные, которые мы имели во время Самсоновской операции—хотя бы о сосредоточении 1-го германского корпуса, и которые не были учтены ни армейским, ни фронтовым командованием.

В гражданскую войну, иногда при недостаточных средствах связи, часто при недостаточной авторитетности управления, решения частных начальников могли играть в области стратегии крупную роль. В неудаче варшавской операции 1920 г., стратегическая немочь имела большое значение. Стратегические ошибки заметны в работе всех инстанций. Достаточно сравнить действия 16-й красной армии

15—18 августа 1920 г. с действиями германской армии Клука 5—7 сентября 1914 г., чтобы установить несомненно меньшую стратегическую восприимчивость красного командования по сравнению с немецким. Действия Клука отнюдь не безгрешны; но мы видим две армии, над которыми навис фланговый удар—и массивная, огромная армия Клука даже с излишней щекотливостью делает огромный скачек назад, поворачивается и всеми своими силами отбивает удар французов; а наша 16-я армия пассивно следит, как одна за другой ее дивизии, взятые во фланг, уничтожаются противником, действия которого еще 13 августа 1920 г. можно было совершенно ясно предвидеть.

Мы будем еще иметь случай подчеркнуть, что Красная армия более всякой другой нуждается в уделении серьезного внимания вопросам стратегии. Между тем, в иностранных армиях признается необходимым широкое распространение в армии стратегических идей. Эрцгерцог Карл уже в 1805 г. счел необходимым издать стратегическое наставление для австрийского генералитета[1]); Мольтке последовал его примеру в 1869 г.; перед мировой войной германская и французская армии располагали наставлениями для высшего комсостава; в Англии в 1920 г. была издана часть II полевого устава, имеющая аналогичное значение; соответственная работа ведется и в Красной армии. Правда, эти уставы по преимуществу имеют оперативный, а не стратегический характер, и стратегия, по самой природе своей, сопротивляется кодификации ее положений в уставном порядке. Но необходимость усилий по поднятию уровня стратегического мышления комсостава всюду является признанной.

Изучение стратегии лишь небольшим кругом комсостава, например, генеральным штабом, ведет к созданию „стратегической касты"; изолированное положение стратегии толкает ее на путь ученого педанства, отрывает от практики, создает в комсоставе крайне нежелательный разрыв по стыку стратегов и тактиков, уничтожает взаимное понимание между штабами и строевыми частями. Стратегия не должна являться латынью, делящей армию на посвященных и не посвященных!

---

[1]) Стратегия в трудах военных классиков, т. II.

Приступ к изучению стратегии должен относиться к началу серьезных занятий по военному искусству. Необходимость изучения стратегии всем командным составом армии вытекает из того, что нельзя откладывать изучение стратегии до момента выдвижения на ответственный полководческий пост. Стратегия относится к числу тех дисциплин, преуспевание в которых находится в очень слабой степени от запоминания наставлений, делаемых с кафедры, от усвоения логических построений, заключающихся в стратегических учебниках. Иллюзорным является единство доктрины, базирующееся на единстве стратегических инструкций. В стратегии центр тяжести заключается в выработке самостоятельной точки зрения, что прежде всего требует серьезной самодеятельности. Нужно освоиться уже в начале военной службы со стратегическими вопросами, и под их углом зрения изучать военно-историческое прошлое, оценивать лично пережитые военные события и рассматривать современную эволюцию военного дела [1]). Изучение стратегии должно являться задачей каждого, расчитывающего принять ответственное участи в войне. Армия, стремящаяся преодолеть свойственнную ей тяжеловесность маневрирования, не должна делать занятия стратегией уделом немногих военных мыслителей. Стратегической мысли должно быть отведено широкое место на полевых поездках, в военной литературе, на докладах военно-научных обществ. Военной истории необходимо сделать значительное усилие, чтобы перейти от так называемых „стратегических очерков", представляющих изложение в самых крупных чертах внешнего хода событий, к действительно углубленной критике важнейших решений, принятых на войне.

[1]) Моды идут из Парижа; поэтому всюду, в особенности после конечного военного успеха Франции, находятся поклонники французской системы высшего военного образования и программ парижской военной академии, в которой стратегия почти отсутствует. Мы рекомендуем интересующимся ознакомиться с трудами Cordonnier La metode dans l'étude de stratégie, в особенности Ragueau. Les études militaires en France (1913 г.) Грено рассматривает французскую академию, как школу первой ступени, вследствие недостаточности стратегической подготовки. Фош тщетно пытался в 1910 г., изменить ее характер, введя, по русскому образцу, третий дополнительный курс специально для изучения стратегии. Грено красноречиво доказывает невозможность развить подготовку по стратегии, опираясь только на курсы усовершенствования высшего комсостава. Бопаль Lonnal. Methodes de Commandement, d'éducation et d'Jnstruction) точно также доказывает необходимость совершенно отличной подготовки к строевому и высшему командованию.

Задача курса стратегии заключается не в том, чтобы исчерпать сколько-нибудь полно почти беспредельную область этой дисциплины, а в том, чтобы начерно подготовить почву для дальнейшей самостоятельной работы мысли, указать направления, в которых она должна развиваться, создать условия для упорядочения отдельных усилий. Особенно важным преподавание стратегии в высших военно-учебных заведениях является в нашу переходную эпоху, когда не только Европа, но и весь земной шар начинает обрисовываться, как совершенно новый стратегический ландшафт, когда военное искусство во многих отношениях переходит к новым методам и приемам ведения войны, и в обстановке назревающих социальных потрясений приобретает новые формы.

Настоящий труд ставит себе скромную задачу — явиться только напутствием к самостоятельной стратегической работе, помочь читателю занять исходное положение и проложить несколько широких перспектив, чтобы содействовать скорейшему выходу стратегического мышления из закоулков и тупиков на прямую дорогу. В этой работе мы стремимся наметить основные вехи стратегической современности; мы предполагаем знакомство читателя с предшествующей эволюцией военного дела.

Военная история. История военного искусства является совершенно необходимым введением к настоящему труду; без него мы рискуем остаться совершенно непонятыми. Не остановив предварительно своего внимания на важнейших военных явлениях истории, не омеблировав своего мышления рядом военно-исторических фактов, мы подвергаемся опасности заблудиться в абстрактных положениях теории стратегического искусства; польза, которую мы из нее извлечем, будет пропорциональна тому опыту и военно-историческому багажу, которым мы располагает, приступая к занятиям по стратегии.

Критика и опыт должны итти рука об руку. Изучение стратегии мало производительно без военно-исторических знаний, но сознательная работа мысли над военной историей становится также возможной лишь на основе определенного стратегического кругозора. Ведь в военной истории одно запоминание фактов может, в лучшем случае, дать нам представление лишь об известных шаблонах, когда-то

существовавших при ведении военных действий. И в военной истории ценность представляет, главным образом, самостоятельная работа. Как ни трудно сделать серьезную самостоятельную стратегическую оценку какого-либо важного момента в военной истории, охватывающую реальную действительность в целом, эта работа в историческом прошлом все же легче, чем на войне, в обстановке сегодняшнего дня. Все содержание стратегии представляет, по существу, размышление над военной историей. И стратегия, по завету Клаузевица, должна избегать переходить от формы размышления в жесткое русло точно отчеканенного учения из правил, выводов и заключений. Русский военный историк обычно стремится вслед за фактическим изложением событий развернуть свои выводы и заключения, часто весьма ограниченного размаха и углубления. Историк школы Клаузевица, изложив факт, переходит к размышлению над ним (Betrachtung). Различие между терминами—вывод, с одной стороны, и размышление с другой, отражает и различное понимание отношений теории к реальному бытию.

Вопросы военной истории особенно близки для лица, занимающегося стратегией, так как по своему методу, стратегия представляет лишь систематизированное размышление над военной историей. Отрыв от исторической почвы также опасен для стратега, как и для политика; ввиду многочисленности действующих факторов и сложности связывающих их отношений, теоретический, умозрительный подход, не улавливающий всех данных решения, часто может привести к грубейшим ошибкам. В стратегии, как и в политике, курица часто высиживает утят—последствия оказываются вовсе не похожими на породившие их причины. Например, все стратегические писатели до мировой войны, считали, что железные дороги—фактор, ускоряющий развитие военных действий, придающий им с самого начала решительный характер, обусловливающий применение исключительно стратегии сокрушения. При этом всеми упускалось из виду уравновешивающее влияние железных дорог, которые помогают обороне, задерживают оторвавшегося от них наступающего, позволяют заштопывать прорывы на фронте, облегчают возможность использования на фронте всех сил государства. В результате, ускоренный способ передвижения по железным дорогам в мировую войну высидел утенка—неподвижный позиционный фронт и стратегию измора.

К сожалению, современное состояние военной истории не удовлетворяет самых скромных пожеланий стратегии. Непропорционально сильное развитие первой части настоящего труда—об отношениях политики и стратегии—обусловлено той научной прострацией, в которой находится у нас военная история [1]). Мы вовсе не имеем истории войн; в лучшем случае так называемая военная история представляет только оперативную историю. С тех пор, как произошло разделение истории на историю военного искусства и военную историю, широкие точки зрения стали достоянием первой, а вторая начала мельчать, игнорируя роль политики и стремясь изучить лишь ход операций. Причинная связь военных событий ищется лишь под углом зрения чисто военных соображений, что, безусловно, ошибочно. Поучительность теряется, нарождается много иллюзий; стратегия вопиет об искажении логики событий военными историками; она не только не может опереться на их труды, но вынуждена затрачивать лишние усилия на то, чтобы рассеять посеянные ею предрассудки. Читатели, интересующиеся стратегией, найдут более вызывающих на размышление замечаний не в военных трудах, в особенности не в „стратегических очерках“, а в политической истории войн.

Маневры. Но изучение стратегии, параллельно с размышлением над прошлым, должно заключать и размышления над настоящим. Всякий опыт в области человеческих отношений относится к минувшему, а стратегия должна всемерно тянуться к разгадке будущего. Многие предпосылки, определявшие в минувших войнах стратегический ход событий, ныне исчезли; на место их народились новые пред-

[1]) Военные историки часто недалеко уходят от Наполеона III, который не понял причин потрясающих поражений французских армий второй империи; когда-то неглупый, но больной, с пониженной силой воли и ума, Наполеон III ехал в хвосте французских армий, стремившихся к Седану, и наблюдал как не втянутые солдаты отставали, как многочисленные повозки затрудняли движение, как в тылу складывалась известная атмосфера непорядка и нестройности. Поэтому, когда прусский король спросил 2 сентября 1870 г. взятого в плен Наполеона III о том, в чем он видит причину разгрома, то последний ответил: „недостаток дисциплины; недостаток дружности, недостаток порядка, слишком большое обременение грузом солдата, слишком большой офицерский обоз“. M. Welschinger. La guerre de 1870. Causes et responsabilités, т. 1, стр. 315. Из-за деревьев не так легко рассмотреть лес.

посылки. Только в редких случаях, пока не вспыхнет война, мы можем произвести эксперимент, чтобы установить их действительность. Так, французский генерал Леваль опытным путем доказал возможность стратегического сосредоточения на немецкой границе с плотностью до 15—20 тысяч бойцов на километр фронта, что требует движения всей пехоты, кавалерии и полевой артиллерии без дорог, по колонным путям, чтобы оставить существующие сквозные дороги для работы снабжения и подвоза тяжелой артиллерии. Для оперативного искусства роль эксперимента, в весьма несовершенной форме, могут играть большие маневры. На них возможно изучить переброску крупных частей в условиях современной техники, организацию связи и технику управления на широких фронтах; но уже вопросы снабжения и воздушной разведки, вследствие невозможности в мирное время создать в полном объеме тот тыл, который будет работать на войне, нельзя проконтролировать маневренным испытанием. Даже важнейшие оперативные вопросы, связанные с боевыми действиями,—ширина фронтов, продолжительность боевых столкновений, нормы расхода огнеприпасов, количественное превосходство на участках атаки,—не могут быть сколько-нибудь учтены в результате самых обширных и дорого стоющих экспериментов мирного времени. Еще меньше можно думать о стратегическом маневренном опыте. Большие маневры, которым когда-то отводилось крупное значение в подготовке вооруженных сил, все более приобретают характер гигантского тактического парада, демонстрации слаженности и боеспособности армии.

Военная игра. Если воспроизведение военных действий на маневрах слишком далеко уклоняется от военной действительности, то мы можем попытаться перенести наши упражнения с местности на карту. При изучении тактики метод решения тактических задач на карте является основным. Точно также он может дать многое при изучении оперативного искусства. Однако, главная ценность этого метода не в исследовании новых вопросов, а в натаскивании, в передаче наставником ученику практических сноровок; задачи на плане позволяют преимущественно изучить техническую сторону искусства, оставляя принципиальные вопросы на втором плане. Поэтому в стратегии решение

задач на карте имеет весьма относительную ценность; техника стратегического распоряжения очень не сложна.

Чтобы несколько выдвинуть принципиальные вопросы, прибегают к методу военной игры, т.-е. ведения двухсторонних упражнений на карте. Техника в этом случае отходит на второй план, и на все упражнение приходится смотреть лишь как на подбор известного материала, в интересных географических условиях, при современных данных организации и техники, для заключительной дискуссии. Ценность такой дискуссии обусловливается исключительно компетентностью руководства; военная игра представляет могущественное средство пропаганды определенных стратегических и оперативных воззрений, но вызывает сомнения, как метод исследования вопроса. Руководство военной игры только тогда выполняет свою роль, когда самим заданием и даваемыми ходами оно подтасовывает материал для заключительной дискуссии. Не подтасованные военные игры, с беспристрастными арбитрами, вообще ничего дать не могут.

Занятия в поле и полевые поездки представляют, в сущности, то же, что и задачи на плане и военная игра [1]), только перенесенные в более поучительные условия работы. Если полевая поездка организуется с достаточными средствами связи, она может дать хорошую практику в штабной службе, познакомить участников с важными районами театра военных действий, но в стратегии и здесь является лишь возможность организовать дискуссию, представляющую тем более важное значение, чем ближе сходство задания для поездки с действительными предположениями нашего стратегического развертывания.

Таким образом, прикладной метод в стратегии может иметь значение преимущественно лишь для популяризации в командном составе определенных стратегических идей и для выяснения существующих взглядов на острые стратегические вопросы.

Изучение классиков. При достаточной общей военной подготовке средством для углубления своих взглядов в современную стратегическую действительность является

[1]) Военная игра, „Кригсшпиль", рассматриваемая, как средство положительного исследования, заслуживает, действительно, того иронического оттенка, который вкладывают французские писатели в это немецкое слово, приводимое ими неизменно в кавычках.

размышление над классическими трудами по стратегии. Как ни сильно было мышление их выдающихся авторов и как ни коротка история стратегической теории, насчитывающая только полтораста лет, но эволюция в стратегии идет таким темпом, что все эти труды уже отошли в область истории и отмечают этапы, уже пройденные человеческой мыслью. Даже Клаузевиц, для которого длительность боевого столкновения представляла только стратегическое мгновение, а протяжение его фронта — стратегическую точку, несомненно, во многих отношениях устарел. Он еще не знал оперативного искусства, так как операция для него еще не представляла измерений ни в пространстве, ни во времени. Поэтому изучение классиков представляет для нас особенную ценность, если мы будем обращать наше внимание не только на положения, сохранившие еще свое значение в полном объеме, но и на положения, которые ныне нас не вполне удовлетворяют, которые или вовсе ныне отпали или должны быть существенно изменены. Если мы будем примеривать известный нам опыт гражданской и империалистической войн к положениям значительнейших стратегических авторов, писавших ранее этих войн, то мы сможем ярко ощутить то новое, которое характеризует современную стратегию.

Мы рекомендуем подходить к авторитетам прошлого не только без выраженной почтительности, без стремления насытиться возможно большим количеством цитат и афоризмов, а определенно критически. Мы сумеем почерпнуть многое у великих мыслителей стратегии, лишь отбросив ложную скромность и усвоив кажущееся бесстыдство исследователя истины. Нужно не простое чтение, а серьезное критическое изучение классика, которое, может быть, более удобно вести путем семинариев или дискуссий в кружках, чем индивидуальной работой.

Стратегические решения по природе своей радикальны; стратегические оценки должны охватывать вопросы в корне; нигде так не требуется независимость, цельность, свобода мышления, как в стратегии, и крохоборческая мысль нигде не может дать более жалких результатов, чем в стратегии. И жестокой насмешкой над стратегической мудростью нам представляется пиэтет начетчиков, видящих в наследстве Наполеона стратегические заповеди — идеал стратегических чиновников.

СТРАТЕГИЯ И ПОЛИТИКА.

I. Политика и экономика.

Историческое наступление и оборона. Политическое искусство. Насилие. Война — часть политической борьбы. Борьба за экономическую боеспособность. Внешняя торговля. Развитие промышленности. Экономические позиции за рубежом. Географическое распределение промышленности.

Историческое наступление и оборона. Неподвижность, состояние равновесия системы человеческих группировок представляет иллюзию, разделяемую некоторыми пацифистами и отсталыми государствоведами. Различный темп и направление развития экономической жизни дает перевес одним государствам и нациям над другими. Этот перевес находит себе самое различное выражение—в виде расширения экономической деятельности, накопления материальных запасов, большого прироста населения, лучшего технического оборудования территории, возможности содержать большую и лучше снабженную вооруженную силу, организации более сильной центральной власти и усиления единства государства, расширения зависимости, в которой от него находятся другие государства, в увеличении числа идейных сторонников, своего рода граждан двойного подданства, за рубежом. Этот перевес получает выражение в процессе исторического наступления тех группировок, кои постепенно завоевывают будущее, и в исторической обороне других, которые вынуждены защищать занимаемое ими положение при становящемся все более невыгодным соотношении сил. Так, мы можем отметить историческое наступление в XIII — XVIII веках германских племен на запад от р. Эльбы; наступление русского племени—в XVI—XIX веках на восток от Волги; наступление англо-саксонской расы, незакончившееся и по сейчас, по всем линиям слабого

сопротивления на земном шаре. В XVIII веке мы видели обострение темпа наступления буржуазии, приведшее к великой французской революции. В начале XIX века развивается историческое наступление национальностей, принимающее характер борьбы за объединение в независимые национальные государства—Германию, Италию; аналогичный процесс среди славянских народов заставил турок постепенно отказаться от всех завоеваний на материке Европы и поставил Австрию в положение исторической обороны, из которого она не вышла до своего развала в 1918 г.

На фоне этого политико-экономического процесса у различных группировок возникают свои классовые, национальные и местные, колокольные интересы; является необходимость борьбы в целях защиты их. Господствующий в государстве класс склонен рассматривать свои интересы, как государственные, и прибегает к помощи государственного аппарата для отстаивания их.

Политическое искусство. Всякая борьба для защиты своих интересов только тогда может вестись достаточно сознательно и планомерно, если будут уяснены цели этой борьбы. Эти цели, приведенные в систему, образуют программу — определенный идеал данной группировки. Эти программы иногда восстанавливаются только историком; иногда они существуют в письменном виде, но по своей одиозности не оглашаются. Часто они оглашаются в умышленно искаженном виде, чтобы иметь возможность втянуть в данную группировку возможно большие массы.

Организации отдельных группировок, в целях борьбы за определенную программу, называются политическими партиями, так как политика — это искусство ориентировать борьбу в целях проведения программы определенной группировки. Поскольку в основе каждой программы лежат экономические интересы, и экономика является основой развития исторического наступления, мы можем видеть в политике „концентрированное выражение экономики“. Только те движения, в основе которых лежат реальные интересы, могут получить крупное значение. Даже такой националистический писатель, как генерал фон-дер Гольц, признает, что чистый патриотизм представляет сырой порох, и массы им не взрываются.

Но политика является и „искусством маневрировать миллионными массами“; действительно, в обстановке противодействия других группировок только в исключительно благоприятных случаях политика получает возможность избрать прямой путь к цели; очень часто политике приходится выжидать, отступать, избирать окольные пути и вести за собой при этом массы. Искусство политика, действующего на основе выработанной уже программы, заключается в том, чтобы указывать ближайшие цели для конкретной работы. Политика, которая бы игнорировала эти ближайшие цели и все внимание уделяла бы конечному идеалу, представляла бы печальное перерождение практического искусства в социологию или философию истории. Воображаемая логическая линия, соединяющая эти последовательные этапы, которых мы стремимся достигнуть, и ориентирующаяся на идеал программы, называется политической линией поведения.

Господствующему в государстве классу приходится не только бороться внутри государства за проведение определенной программы, т.-е. вести определяемую его интересами внутреннюю политику, но и отстаивать свои интересы в сношениях с другими государствами, т.-е. вести внешнюю политику. Последняя, очевидно, определяется прежде всего внутренними интересами данного класса и является логическим продолжением внутренней политики. Но она зависит и от направления политики других государств. Господство правящего класса только тогда является прочным, когда он не слишком узко толкует свои интересы; гегемон, ведущий внешнюю политику, не может, не вызвав гибельного кризиса, жертвовать интересами общего исторического целого.

Политика—внешняя и внутренняя—является руководящим мотивом решений истории.

Насилие. Политическая борьба, проникающая все существование человечества, ведется обычно в рамках условий, созданных господствующими классами, т.-е. законности. Бывают, однако, моменты, когда создается обстановка, при которых эта борьба обращается в насилие.

Если дело идет о внешней политике, то нарушаются нормы международного права; обиженная сторона, располагающая достаточной силой, не всегда ограничивается простым протестом, и политическая борьба принимает форму

войны. Если дело идет о внутренней политике, то обращение к насилию со стороны одного из негосподствующих классов или негосподствующих национальностей выливается в гражданскую войну. О насилии господствующего класса мы не говорим, так как оно имеет место каждый миг существования государства и составляет сущность его бытия.

Пацифистский уклон философского мышления XVIII века, в связи с непониманием исторического процесса, приводил к тому, что войны рассматривались в плоскости права, как несправедливое нападение сильного на слабого; идеал XVIII века заключался в сохранении существующего политического равновесия [1]).

Однако, в современной действительности сам мир, прежде всего, является результом насилия и поддерживается насилием. Каждая граница государства является результатом войны; и очертание на карте всех государств знакомит нас со стратегическо-политическим мышлением победителей, а политическая география и мирные договоры являются и стратегическим уроком. В каждом углу центральной Европы мы встречаем „ирредету", т.-е. захваты территории, не возвращенные по привадлежности, противоречащие стремлению народов к самоопределению.

В XX веке даже лицемерная лига наций не могла уже стоять на точке зрения поддержания существующего равновесия и должна была признать необходимость эволюции: параграф 19 ее устава предоставляет пленуму приглашать членов совета лиги к пересмотру договоров, ставших невыполнимыми, и к пересмотру условий международных отношений, сохранение коих является угрозой миру. Было бы ошибочным приписывать происхождение войн недостаткам различных правительств, монархических или республиканских. Причины их лежат в экономическом неравенстве, в противоречии интересов отдельных группировок, во всех условиях, обусловливающих исторический процесс, и прежде всего, в частной собственности на орудия производства.

[1]) Впрочем, уже Монтескье в своем „Духе законов" усматривал и прогрессивное значение насилия; этой теме посвящена глава IV книги X: „О некоторых выгодах побежденных народов".

И гражданские и внешние войны являются пока неизбежными издержками истории [1]).

Война — часть политической борьбы. Таким образом, внешние и гражданские войны не представляют что-либо самодовлеющее, а образуют только часть непрерывного политического взаимодействия человеческих группировок. В течение самой войны политическая жизнь ведущих ее государств не прекращается, а продолжается.

Война является только частью политической борьбы. Политическое искусство заключается в том, чтобы отстаивать интересы определенной группировки среди всех других. Оно работает в атмосфере скрещения многих сил; хотя экономика и определяет в основном их вражду, содействие или нейтральность, однако, в различные моменты меняется не только напряжение встречаемого противодействия или помощи, но даже союзник может стать врагом, и наоборот. Военное искусство принципиально признает лишь две стороны на барикаде, возводимой войной: наша и неприятельская. Но в течение военных действий приходится весьма серьезно учитывать интересы третьих политических группировок, не занявших еще определенных позиций на нашей или неприятельской стороне, и приходится заботиться о сохранении единства в нашем лагере и о разложении неприятельского; это чисто политические задачи, и решаться они должны политикой; так как руководство военными действиями представляет лишь одну, хотя и существенную часть этого политического решения, то оно должно подчиняться требованиям политики.

Война ведется не только на вооруженном фронте, но и на классовом и экономическом фронтах. Действия на всех этих фронтах должны быть политикой согласованы. При этом, конечно, надо считаться со свойствами тех средств, которые приходится применять на каждом из этих фронтов, и не переносить, не считаясь с ними, методов дей-

[1]) Мнение Мольтке о собственности, а не о форме политического режима, как источнике войн, изложено в его парламентской речи 1890 года.— Стратегия в трудах военных классиков, т. II. — А Монтескье из опыта тысячелетий даже заключал, что победы демократии всегда дороже обходятся побежденным, чем победы монархии, и участь побежденных демократией — тяжелее (Дух законов, кн. X, гл. VII). Творцы Версальского мира взяли на себя подтвердить лишний раз эту истину.

ствия с одного фронта на другой. Так, например, на вооруженном фронте важное значение имеет сосредоточение усилий. Отсюда иногда выливаются такие решения на фронте политической работы: из 10.000 имеющихся агитационных листовок—распространить 9.000 в пункте, намеченном нами для удара; и 1000 листовок—на остальном фронте. Но ведь свойства листовок, которые мы сосредоточиваем, совершенно другие, чем свойства потока снарядов и пуль. Листовки не произведут никакого впечатления на классового врага, и очень слабое—на неприятельских солдат, неподготовленных к восприятию их обострением классовой борьбы. Всходы совершенно не пропорциональны количеству посеянных семян. В хороших хозяйствах сеют меньше, чем в плохих крестьянских.

Очевидно, что политическая агитация не может произвольно маневрировать, а связывается с участками, где для нее имеется подготовленная почва. Политик, который двинулся бы по стопам тактика, а не стремился бы уяснить свою линию наименьшего сопротивления, совершил бы ошибку. Точно также было бы недоразумением требовать от стратегии действий, идущих в разрез со свойствами тех средств, коими она располагает.

Стратегии не приходится жаловаться на вмешательство в руководство военными действиями политики [1]), известной проекцией которой является она сама; разумеется, ошибочная политика приносит и в военном деле столь же печальные плоды, как и в любой другой области; однако, нельзя смешивать протест против ошибок политики с отказом в признании за политикой права и обязанности определить руководство войной в его основных чертах [1]).

Утверждение о господстве политики над стратегией, по нашему мнению, имеет всемирно-исторический характер. Оно не подлежит никакому сомнению, когда творцом политики является юный класс, идущий к широкому будущему, историческое здоровье которого отражается и в форме преследуемой им здоровой политики. Но оно всегда вызывает сомнения в тех государствах, которые представляют организованное господство уже отживающего класса, находящегося в положении исторической обороны, режим которого подгнил и который вынужден вести нездоровую политику, жертвовать интересами целого для сохранения своего господства. И в этом случае нездоровая политика необходимым образом

[1]) Бисмарк (Erinnerungen, т. II. стр. 94—95) отстаивает право политики на вмешательство в стратегию в следующих, весьма умеренных выражениях: „Задача главного командования—уничтожение неприятельских боевых сил; цель войны—завоевать мир, отвечающий условиям политики, которой держится государство. Установление и ограничение целей, которых надо достигнуть войной, представление в этом отношении советов монарху в течение войны, как и до нее, задача политики; методы разрешения этой политической задачи не могут не влиять на ведение войны. Пути и средства ведения войны всегда будут зависеть от больших или меньших результатов, которых стремятся достичь, от того, будут ли требовать аннексии территории или нет, хотят ли захватить какой-нибудь объект для залога, и насколько времени". Политическое безголовье Германии в XX веке отчасти характеризуется и эмансипацией германской стратегии от политических директив. Победа стратегии над политикой объясняется также и слабостью германской буржуазии, торжеством над ней юнкерства.

[1]) Мольтке старший, Людендорф, Леваль являются крупнейшими авторитетами, отказывающимися признать полностью положения, установленные Бюловым и Клаузевицем, о подчиненном положении стратегии по отношению к политике. Протест против засилия политики окрашивает всю статью Мольтке „О стратегии" (Стратегия в трудах военных классиков, т. II); Мольтке находит, что для хода войны руководящими являются преимущественно (смягченная против 1871 г. редакция 1882 г.) военные соображения; что стратегия при разрешении своих задач независима от политики. Стремясь достигнуть высших результатов с имеющимися в ее распоряжении средствами, она лучше всего ответит возлагаемым на нее чаяниям. Гинденбург стоял на той же точке зрения. Такой же протест составляет тему не слишком удачной книги Людендорфа "Kriegführung und Politik". Людендорф приходит к выводу, что война представляет продолжение (только) внешней политики другими средствами; в остальном вся политика должна служить войне. Ярче всего изложены возражения против вмешательства политики в стратегию Левалем, находившимся под влиянием вмешательства „гнилого" режима второй империи в руководство французскими армиями в 1870 г. Леваль, в своем введении к позитивной стратегии, утверждает: Клаузевиц, анализируя только полководцев—монархов Фридриха и Наполеона, смешал в одно политическую и стратегическую стороны их деятельности. Войну следует рассматривать изолированно, как гигантскую дуэль двух наций. Правители должны специализироваться в политике, генералы—в стратегии. Политика имеет отношение к войне лишь постолько, поскольку она определяет в мирное время размер жертв, приносимых народом для организации вооруженных сил. Во время войны политика продолжает свою работу, не затрагивая военных замыслов. Когда война объявлена, слово за пушками. Стратегии нужен секрет и единогласие. Обсуждение с политиками ведет к анемии, утрате воли и энергии. Политика — это опиум для стратегии; она ведет к бессилию. Полная мощь избранному полководцу! Политика нанизывает заблуждения, ошибки, уклонения, подрывает решимость, сбивает с пути, заставляет нервничать. Политик, понимающий что-нибудь в военном деле,—это химера. Нельзя отвлекать полководца от его прямого дела вопросами политики. Генерал должен отвечать политику, желающему вмешаться в его компетенцию, как ответил Пелисье, осаждавший Севастополь, французскому военному министру: „Если хотите командовать армией, займите мое место". Мы привели изложение утверждений Леваля потому, что они еще представляют руководящую точку зрения многих французских генералов, и знакомство с ними полезно, чтобы уяснить себе ход мыслей многих вождей буржуазных армий.

продолжается нездоровой стратегией. Довольно понятным, поэтому, являются протесты буржуазных военных писателей, особенно французских, находившихся под впечатлением гибельного влияния гнилой политики второй империи на стратегию. Стратегия естественно стремится эмансипироваться от плохой политики; но без политики, в безвоздушном пространстве, стратегия существовать не может; она обречена расплачиваться за все грехи политики. Спасти французскую стратегию в 1870 году от гибельного продолжения политической линии поведения правительства второй империи могла только сентябрьская революция, опрокинувшая режим второй империи.

Борьба за экономическую боеспособность. Из изложенного следует, что вся международная жизнь в мирное время представляет сплошное столкновение интересов отдельных государств, ведущих непрерывную экономическую борьбу. Нас интересует та сторона этой борьбы, которая имеет в виду военные интересы. Для стратегии далеко не безразлично то или иное решение экономических задач. Современная политическая мораль гласит: хочешь мира, готовься к войне. Каждое государство, чтобы не быть застигнутым врасплох, уже в мирное время стремится у себя установить известное согласование между своим хозяйственным развитием и экономическими предпосылками успешного ведения войны. Это стремление ведет к тому, что экономика, развиваясь, планомерно приспособляется к задачам, которые выпадут на нее с началом войны. Уже одно ожидание войны, подготовка к ней, деформирует экономику, изменяет соотношение между отдельными частями народного хозяйства, заставляет применять иные методы. Это стремление экономики уже в мирное время приблизиться к боевым формам является общим и неизбежным законом; однако, слишком энергичное насилование естественных форм экономического развития сказывается весьма отрицательно, тормозя общие экономические успехи страны.

Стратегический подход к явлениям экономики должен установить точку зрения на оценку экономических основ военной мощи государства, которая позволила бы судить о реальных силах и о характере будущей войны. Эту задачу мы преследуем на всем протяжении нашего труда.

Внешняя торговля. Малые государства, вследствие сравнительного однообразия производимых ими товаров, находятся в очень большой зависимости от внешних рынков. Румыния в мировую войну страдала от избытков нефти и пшеницы и вынуждена была выписывать себе военное снаряжение из Франции далеким кружным путем через Архангельск. Размер территории малых государств не позволяет найти уголков, где военная промышленность их могла бы беспрепятственно работать во время войны. Это заставляет их в большинстве случаев отказаться от попытки подготовиться к самостоятельному ведению войны путем создания на своей территории особого экономического целого и держаться более естественных путей хозяйственного развития. Поэтому малые государства часто обгоняют на его путях большие континентальные государства, облачающиеся уже заблаговременно в тяжелые доспехи боевой экономики.

Большое континентальное государство находится в несравненно меньшей зависимости от внешнего рынка; его промышленность работает преимущественно на своем сырье и преимущественно для внутреннего рынка. Тенденция к обособлению в отдельный хозяйственный организм ведет, однако, весьма часто к повышению себестоимости продукции, так как многие отрасли производства приходится организовать при менее выгодных, по сравнению с другими пунктами земного шара, экономических предпосылках. Такое производство приходится защищать покровительственными таможенными пошлинами и льготными железнодорожными тарифами.

Для всякого государства, не имеющего возможности, в случае войны, обеспечить за собой свободу морских сообщений, политика покровительственных пошлин является желательной с точки зрения военной экономики, так как она подготовляет государство к предстоящей ему более или менее тесной блокаде. Принцип свободы торговли могла сохранить до последнего времени лишь одна Англия; но она находилась в полной зависимости от своего господства на морях и возможности обеспечить в течение войны беспрепятственный подвоз в свои порты. Подводная блокада уже вынудила Англию временно, на вторую половину мировой войны, перейти на самое энергичное покровительство сельскому хо-

зяйству (обеспечение для сельских хозяев высоких хлебных цен, выписка 5 тысяч тракторов Фордзон и т. д.). Если бы чрезвычайно выгодное положение Англии в отношении свободы морских сообщений было поколеблено успехами строительства подводных лодок и воздушного флота. то и Англии, конечно, в корне пришлось бы перестроить свою экономическую систему.

Германия в 1902 г. стала на путь высоких хлебных пошлин. Германские аграрии утверждали, что высокие хлебные цены, удовлетворяя их классовым интересам, в то же время значительно повысили экономическую боеспособность страны. Приводимые ими [1]) статистические данные, быть может, не вполне беспристрастные, все же неопровержимо свидетельствуют о связи между хлебными ценами и урожайностью. За 12 лет (1895—1907), в связи с поднявшимися ценами, количество крупного рогатого скота в Германии увеличилось на три миллиона голов, свиней на 5,3 миллиона, урожай ржи—с 6,6 миллиона тонн на 12,2, пшеницы—с 2,8 милл. тонн на 4,65, ячменя с 2,4 милл. тонн на 3,67, овса—с 5,2 милл. тонн на 9,7, картофеля—с 31,7 милл. тонн на 54,1. Несмотря на быстрый рост населения городов, Германия в 1900 г. покрывала иностранным продовольствием 16% общей потребности, а в 1906 г.—только 10%. Голодная блокада в течение мировой войны в конце концов сломила Германию; но если бы таможенная политика не развила почти вдвое ее сельского хозяйства, то

[1]) Мы заимствуем данные из труда Fürst Bülow. Deutsche Politik. Berlin 1916, стр. 269. Надо иметь в виду, что развитие германского сельского хозяйства происходило на не вполне здоровой почве; средний заработок чернорабочего в германской промышленности достиг в 1924 г. 4 марки за 10-часовой рабочий день; сельское хозяйство базировалось преимущественно не на дорогом немецком труде, а на миллионах сезонных рабочих, приезжавших из Русской Польши и Австрии; так как мировая война была объявлена летом, то русских поляков удалось задержать и закрепостить помещикам на все время войны; часть остальной потребности удалось покрыть военнопленными.

Отметим здесь же основное противоречие германской политики: постройка большого линейного флота выражала стремление Германии вступить в соперничество с Англией за господство на морях, за свободу торговли; а покровительственные хлебные пошлины знаменовали континентальное направление политики, изготовку к борьбе с Россией. Эта недостаточная целеустремленность германской политики облегчила Англии задачу политического окружения Германии, и в конечном счете привела к разгрому последней. В борьбу с Англией Германия могла вступить только на русском хлебе; в борьбе на континенте наличность большого флота, пугающего Англию, могла явиться только помехой.

она была бы вынуждена капитулировать, не дождавшись урожая 1915 г.

Развитие промышленности. Мобилизация промышленности значительно облегчается предшествующей экономической подготовкой [1]). Каждое государство, вступающее в борьбу с Англией, будет отрезано от мирового источника азотистых солей—чилийской или индийской селитры, без коих невозможна фабрикация пороха и каких-либо взрывчатых веществ. Этим обусловливается огромное значение производства азота из воздуха для всякого государства, ведущего самостоятельную политику.

Значение красочной промышленности точно так же вырастает, так как ее оборудование и полуфабрикаты весьма пригодны для изготовления химических отравляющих веществ. Естественно, что все государства мира стремятся теперь производить анилиновые краски у себя дома, и более или менее следуют примеру Англии, установившей в 1920 году (Deys Stuff act) ввоз в Англию красок лишь с особого каждый раз разрешения. Война поглощает огромное количество меди; следовательно, на производство меди на медноплавильных заводах нельзя смотреть лишь под углом зрения экономической выгодности или убыточности.

Мы не останавливаемся на совершенно ясном вопросе о значении вывоза в мирное время заграницу изделий военной промышленности, что позволяет держать на чеку крупный промышленный аппарат.

При невозможности располагать своим сырьем, заблаговременная заготовка заграничного сырья представляет огромные затруднения, связанные с выделением крупных мертвых капиталов, которое затруднит самое богатое государство. Иногда можно выйти из затруднения путем предоставления льгот частной инициативе по завозу и хранению на скла-

[1]) Мы не останавливаемся на не вызывающем никакого сомнения общем вопросе об усилении экономической боеспособности государства в связи с общим здоровым развитием его промышленности. Насквозь пропитан фальшью труд А. Гулевича „Война и народное хозяйство“ (1898 г.), представляющий сравнение, с военной точки зрения, экономического строя России и главнейших европейских государств; автор, одержимый шовинистическим угодничеством, стремился доказать превосходство России, как экономического базиса войны, над Германией, вследствие якобы большей приспособляемости к войне крестьянского хозяйства, по сравнению с промышленным. Эту фальшивую мысль Гулевич заимствовал из известного пятитомнаго труда И. С. Блиоха „Будущая война“.

дах данных продуктов. Так, в Германии, перед мировой войной, существовал проект создания в Кенигсберге и Данциге обширных элеваторов для беспошлинного и льготного завоза и хранения русского хлеба, в ожидании выгодных цен. Этот проект мог несколько облегчить продовольствие Германии в случае войны, но он не был осуществлен из-за сопротивления германских аграриев, опасавшихся постоянного давления больших видимых запасов на хлебные цены. Идея свободных портов может в будущем дать многое в отношении повышения наличного товарного фонда.

Экономические позиции за рубежом. В эпоху империализма капиталистические отношения перерастают рамки отдельных государств, и капитал захватывает позиции далеко за рубежом своего государства. Экономическая активность является признаком экономического расцвета. Эксплоатация колоний, пароходные линии между иностранными портами, участие в прибыльных заграничных предприятиях — железных дорогах, банках, промышленности, плантациях, организация на чужбине мощных складов товаров, помещение денег в иностранные займы — все эти типичные проявления империализма.

Экономическая активность позволяет в мирное время значительно расширить свое политическое влияние, и даже поставить слабые в экономическом отношении государства в вассальные к себе отношения (Англия и Португалия). Но обширные экономические позиции за рубежом имеют и обратную сторону, поскольку они не могут быть защищены вооруженной силой и подрывают экономическую боеспособность государства.

Географическое распределение промышленности. Мы окажемся перед тем же, по существу, вопросом, если перенесемся от правового понятия границы между двумя государствами к военному представлению о рубеже, более или менее надежно прикрывающем лежащую позади территорию при имеющихся в стране вооруженных силах и своим удалением от врага обеспечивающем от бомбардировок и других покушений неприятеля.

Важно добиться группировки всей военной промышленности и развития промышленных центров в хорошо защищенных своим географическим положением районах, при

том по возможности ближе к источникам топлива и сырья. Угрожаемые пограничные районы, перегруженные промышленностью, крайне стесняют маневрирование, требуют выделения крупных сил и дорогой долговременной фортификационной подготовки для защиты их, и, несмотря на это, часто будут отданы во власть противнику. Сосредоточение французской промышленности, особенно металлургической, на севере Франции, крайне невыгодно сказалось на ведении французами войны. К счастью Франции, ее важнейшие военные заводы Шнейдера оказались расположенными в центре (Крезо), вне занятого немцами района, а огромную потребность в стали обеспечил подвоз из Америки. Наличность лотарингской промышленности (Саарский угольный бассейн), быть может, склонила немцев отказаться от разумного плана Мольтке старшего — ограничиться, при борьбе на два фронта, обороной против Франции.

Точно также опасным представляется сосредоточение целой отрасли промышленности в одном пункте. В Париже сосредоточена вся французская авиационная промышленность, вся оптическая промышленность, все мастерские точной механики и почти три четверти производства автомобилей. Известное рассредоточие увеличило бы боеспособность Франции.

Угроза Силезскому промышленному району в начале ноября 1914 г. со стороны русских армий вынудила Людендорфа, не дождавшись двух недель до прибытия больших подкреплений с Западного фронта, начать Лодзинскую операцию, что спасло, быть может, две-три русские армии от полной катастрофы.

Для царской России такую же невыгоду представляла группировка промышленности в западных губерниях (Лодзь, Варшава, Белосток, Шавли, Рига); часть ее пришлось отдать неприятелю, часть удалось эвакуировать, загромоздив железнодорожный транспорт в момент особенной его важности для военных целей. Точно также весьма невыгодным являлось то обстоятельство, что в довоенное время Петроград снабжался преимущественно английским углем, а западные губернии — углем из Домбровских копей, лежавших на границе Силезии, и утраченных нами в первый же день войны. Отсюда явилась дополнительная нагрузка, с началом войны,

Донецкого угольного бассейна, который не был подготовлен к ней мирным развитием, и весьма солидное дополнительное обременение транспорта.

В настоящее время некоторые сомнения вызывает ленинградская промышленность. Царское правительство умудрилось сосредоточить в Петрограде много учреждений, не стесняясь тем, что оно вступало при этом в борьбу с природой.

Ленинград теперь является у нас таким же пограничным городом, как во Франции перед мировой войной — Нанси. Эта древняя столица Лотарингии сильно стеснила свободу действий французских армий в августе и сентябре 1914 г. Невыгоды стратегического положения Ленинграда еще усугубляются удалением его от источников топлива, хлеба и сырья. В мирное время это удаление отражается лишь на повышении себестоимости ленинградской продукции, что отчасти компенсируется хорошим фабричным оборудованием, наличием традиций производства, квалифицированных рабочих и жилищной площади. Но в военное время придется считаться уже не только с накладными расходами, но с разрушающим транспорт длинным пробегом вагонов с сырьем, топливом и продовольствием, представляющим весьма нежелательное осложнение военной экономики.

Коренная ломка вызывает в хозяйственных вопросах тяжелые, болезненные явления. Но мудрая экономическая политика, последовательно проводимая в течение десятилетий, может постепенно перенести центр тяжести промышленности в районы, более выгодно расположенные с точки зрения экономических условий ведения войны. Крайняя осторожность при воздействии на естественный ход экономического развития все же неравносильна предоставлению ему расти стихийно. Политика установления цен и железнодорожных тарифов, распределения заказов и кредита, строительства новых путей сообщения, жилищной площади, фабрик должна постепенно, но твердо вести к намеченной цели.

2. Политическая цель войны.

Экономические цели войны. Политическая цель войны и ее формулировка. Политическая база. Политическое наступление и оборона. Развитие идеи политического наступления. Сокрушение и измор. Политическая цель и программа мира. Превентивная война. Политика определяет важнейший театр войны. Интегральный полководец. Совместная работа политиков и военных.

Экономические цели войны. Мировая война представляла громадное сцепление экономических интересов. Если непосредственный повод к ней дало столкновение Австро-Венгрии с Сербией, в котором экономические мотивы выступали не столь ярко, то весь ее характер и размах оказываются тесно связанными с тем обстоятельством, что за последние 25 лет Германия увеличила свой вывоз на 228% и таким образом обогнала Англию, которой удалось за тот же срок увеличить свой вывоз лишь на 87%. Война имеет экономические причины, ведется на определенной экономической базе, представляет бурно протекающий экономический процесс, иногда переходящий в экономическую революцию, и ведет к некоторым экономическим результатам. „Военная победа Антанты должна быть необходимо пополнена победой экономической, так как в противном случае она вскоре станет славным, но тщетным воспоминанием“, гласил один из бюллетеней французской ставки.

Мы должны признать законность экономических целей даже при войне державы, представляющей интересы интернационального рабочего движения, с буржуазным миром. Необходимость преследования в борьбе негативных экономических целей будут отрицать только толстовцы. Но этого мало. Действительно, поскольку каждый этап борьбы за мировую революцию не будет связан с достижением определенных экономических целей, с расширением экономического базиса противостоящей буржуазии стороны, с ослаблением экономической позиции капитализма, постолько он не может явиться ее успехом.

Война представляет арену действия не только вооруженных сил. Экономическая цель войны достигается, параллельно с борьбой вооруженных сил за свои военные цели, ожесточенной схваткой на политическом фронте, а также

борьбой на экономическом фронте. В случае ожесточенного сопротивления неприятеля, победа потребует, усилиями на этих трех фронтах борьбы, уничтожения самих материальных предпосылок возможности сопротивления неприятеля.

В зависимости от затронутых войной интересов, от ожидаемого сопротивления противника, участия в борьбе невооруженных сил, представлений о характере будущей войны и военных возможностей, определяется политическая цель войны [1]), ориентирующая борьбу на вооруженном, классовом (а в экономически отсталых странах — национальном) и экономических фронтах.

Политическая цель войны. Первой обязанностью политического искусства по отношению к стратегии является выдвижение политической цели войны. Всякая цель должна быть строго согласована с имеющимися для достижения ее средствами. Политическая цель должна отвечать возможностям ведения военных действий.

Чтобы соблюсти это требование, политик должен иметь правильное представление об отношении своих сил к неприятельским, что требует чрезвычайно зрелого и глубокого суждения, знания истории, политики и статистики обоих враждующих государств, и известной компетенции в основных военных вопросах [2]). Окончательная формулировка цели будет сделана политиком лишь после соответствующего обмена мнений со стратегами. Она должна помочь стратегии, а не затруднять стратегические решения.

В июле — августе 1920 г. советская политика выдвинула, как политическую цель для продолжения войны с Польшей, взятие Варшавы. Эта цель не соответствовала отношению сил красной и польской армий и потому выдви-

[1]) Необходимо строго разграничивать причины войны и политическую цель. Причины вытекают из происходящаго политико-экономического процесса, политическая цель является основной директивой верховной власти по ведению войны, и в зависимости от хода событий войны, может быть изменена. Обусловливая подготовку к войне, политическая цель в каждый данный момент должна отвечать достигнутому ею уровню на вооруженном, классовом и экономическом фронтах.

[2]) Бюлов придавал последнему такое значение, что выдвигал требование, чтобы дипломаты были прежде всего солдатами. Это неверно, так как военные знания должны представлять лишь часть умственного багажа, требующегося от политика. Знакомство с классовыми группировками как своей, так и неприятельской страны, доведенное до исчерпывающей глубины, до знакомства с тенденциями классов, которые проявятся во весь рост только в момент кризиса, представляет обязательную для политика специальность.

жение ее являлось ошибочным. Но, даже не касаясь существа, мы находим крайне сомнительной самую ее формулировку. Политическая цель подлежит полководческой переработке в конечную военную цель. Варшава лежит на левом берегу реки Вислы — важнейшего водного рубежа на театре войны. Взятие Варшавы, в военном отношении, предполагает захват левого берега Вислы по крайней мере на 3 — 4 перехода, на фронте в несколько сот верст. Взятие Варшавы требует от армии, занявшей весь правый берег Вислы, новой, чрезвычайно трудной операции, сложность которой можно сопоставить только с задачей форсирования Рейна французами до Версальского мира. Если бы политики отдали себе ясный отчет, что подойти на несколько верст к Варшаве и занять правый берег Вислы — это одно, а занятие самой Варшавы — нечто, гораздо большее в военном отношении, то вероятно политическая цель могла бы быть иначе сформулирована, и наши войска в середине августа 1920 г. не оказались бы в таком безвыходном положении. Конечно, политики, может быть, не предполагали буквального толкования выдвинутой ими политической цели, но к этому буквальному толкованию надо быть готовым.

Политическая база. В гражданской войне политическая цель поднимающей восстание стороны часто вначале будет заключаться в создании недостающей политической базы, т.-е. в захвате власти в столице или особо важном провинциальном центре. Юлий Цезарь направил первые свои удары в гражданской войне не на легионы Помпея, находившиеся в Испании; оставив живую силу сената и Помпея в стороне, он с ничтожными силами перешел Рубикон и захватил Рим. Галлия, где находились его легионы, и откуда он черпал необходимые для гражданской войны средства, являлась его экономической базой; но она нуждалась в политическом дополнении, которое давал Рим. Захватив Рим, Юлий Цезарь выступал уже не как защитник партийных интересов, а как защитник общегосударственных. Сенат же утратил свою политическую базу, так как после своего бегства из Рима он уже потерял свой общегосударственный авторитет и являлся частным собранием эмигрантов.

Политическое наступление и оборона. Постановка политической цели должна заключать указание

о том, преследует ли война интересы политического наступления или политической обороны. Еще в XIV столетии феодал де-Куси докладывал французскому королю Карлу V о том, что „англичане слабее всего у себя дома и нигде их нельзя так легко победить, как у них на родине". Монтескье [1]) соглашался с этим и признавал, что народы-империалисты—карфагеняне, римляне, англичане развертывают все свое могущество в наступательных предприятиях, где их силы складываются во-едино военной властью и дисциплиной, тогда как на родине эти силы разделяются политическими и социальными интересами. Наполеон разделял эти иллюзии и утверждал, что мир когда-нибудь будет очень удивлен, когда узнает, с какой легкостью победит Англию высадившаяся на ее берега армия. Отсюда у многих рождается представление о спасительности политического наступления, которое заставляет замолчать внутренние распри и которое позволит нам иметь дело не с государством в целом, а с отдельными политическими партиями. Нам такой взгляд на войну, как форму, в которую выливается политическое наступление, представляется в корне неправильным. Нельзя переоценивать чисто внешнего эффекта прекращения забастовок и нападок оппозиции, кажущееся единомыслие, устанавливающееся с началом войны. Война представляет не лекарство от внутренних болезней государства, а серьезнейший экзамен здоровья внутренней политики. Только на базе прочного господства определенных классов внутри страны возможна длительная наступательная политика и стратегия. И Куси, и Монтескье, и Наполеон ошибались относительно сопротивления, которое бы встретил десант на берегах Англии. Политическое наступление выливается из исторического наступления, является следствием сложного политико-экономического процесса и не может рассматриваться, как более выгодный технический метод политической борьбы. Внутренняя слабость государства скажется при наступлении еще скорее, чем при обороне. Трагедия германского ведения войны в 1914—1918 г.г. заключалась в том, что при сложившихся условиях Германия могла выиграть эту войну, только, как политически оборонительную. Между тем, эта

[1]) Глава VIII книги XI труда „L'ésprit des lois."

точка зрения была усвоена Германией лишь в августе 1918 года, когда все силы были уже исчерпаны и предстояла сдача на капитуляцию. Германская стратегия вышла за пределы политической обороны, нарушив нейтралитет Бельгии в августе 1914 года, излишне углубившись в Россию в 1915 году (мечты Людендорфа о захвате Прибалтики), объявив в начале 1917 года подводную блокаду Англии (выступление Америки), заняв недостаточно примирительную позицию по отношению к русской революции (наступления летом 1917 года, Брест-Литовск), затруднив своей требовательностью положение дипломатии, обратившись в марте — июле 1918 года к стратегии сокрушения [1]). Не отвечая идее политической обороны, отдельные частные успехи Людендорфа являлись лишь этапом к конечному проигрышу войны. Что же касается до выгод, которые вытекали для ведения войны из занятия новых территорий и удаления военных действий от германского отечества, то к ним надо относиться весьма скептически. Еще Руссо заметил [2]): я разбил римлян, писал Ганнибал; пришлите мне войск; я наложил контрибуции по всей Италии; пришлите мне денег. Вот что означают „Te Deum'ы, иллюминации и восторг народа при триумфе их хозяев".

Развитие идеи политического наступления. Задача политического наступления должна быть обрисована политической целью возможно рельефно. Стратег должен знать, сводится ли дело к тому, чтобы сразить под корень неприятельский режим, выпустить его последнюю каплю крови (saigner au blanc, по выражению Бисмарка) или же допускается возможность и компромисса с врагом.

Постановка наступательной политической цели должна притти на помощь стратегии, когда последней предстоит действовать против крупного государства или значительной коалиции малых. Такой противник, оставаясь в единении, почти не может быть сокрушен. Но при ближайшем рассмотрении всегда у противника могут быть обнаружены политически слабые места, облегчающие торжество над ним.

[1]) „Много других оснований надеяться на победу, если в этой войне вы не будете стремиться к новым приобретениям, и не станете добровольно создавать себе еще другие опасности... больше страшат наши собственные ошибки, нежели замыслы врагов." Фукидид, I, 144.

[2]) Jean Jacques Roussot. Politique,I partie, стр. 404 (изд. 1790 г.).

Иногда это будут политические стыки; удар по политическому стыку савойской и австрийской армий открыл в 1796 году победную карьеру Бонапарта. Против Германии и Наполеон I, и Наполеон III, и Фош намечали всегда удар по стыку между южной и северной Германией, исторически, политически и экономически складывавшихся в различных условиях.

Такая политическая цель раскола неприятельского государства на отдельные политические глыбы сводится к занятию внутреннего политического положения[1]). Иногда, наоборот, политическая цель будет заключатся в политическом окружении неприятеля, к чему, очевидно, вели усилия английского правительства после русско-японской войны в отношении Германии.

Если противник представляет единый государственный организм, как Франция, то столица его имеет огромное значение, являясь политической базой, сосредоточением всей политической жизни государства и борющихся в нем политических сил. Таковой является для Франции Париж. Вся политическая воля французского государства сосредоточивается в Париже. И всегда Париж являлся целью вторжения во Францию, так как захват Парижа обессиливал господствующий класс и открывал простор действующим против него силам. Власть над Парижем позволяла заключить с Францией, бессильной к дальнейшему сопротивлению, мир. Период обострения политической борьбы во много раз увеличивает политическое, а следовательно, и военное значение столицы.

Сокрушение и измор. Когда выдвижение политической цели будет основываться на расчете на большую экономическую силу своего государства над неприятельским, на большую прочность позиции господствующих классов, на меньшее напряжение классовых и национальных противоречий, то политическая цель выльется в виде задания

[1]) Старая формула политического империализма „разделяй и властвуй“ лежит в существе политического маневрирования и сближается нами с понятием внутреннего стратегического положения. Действия по внутренним линиям ныне будут применяться преимущественно при борьбе на два фронта. Вооруженный фронт выставит заслон против одной группировки и обрушится на другую. Для успеха необходимы согласованные действия и политики. Германия находилась в мировую войну во внутреннем политическом положении по отношению к России и Франции, однако, никакого согласования военных и политических усилий Германии не было.

войне, как борьбы на измор—занятия важной промышленной или производящей области неприятеля, или даже только обороны своих наиболее географически ценных районов с переносом центра тяжести на экономический фронт (любимый способ действия англо-саксов) и политическую агитацию. Во всяком случае, задачей политики является определение будущей войны не только как обороны или наступления, но и как измора или сокрушения. Бисмарк в 1870 г. весьма опасался вмешательства во франко-прусскую войну других держав, считая выгодные политические условия, в которых находилась Пруссия, только преходящим моментом, и потому выдвигал требование—скорейшего сокрушения Франции, не блокады, а атаки Парижа.

Стратеги старой школы обычно указывали, что всякое промедление на войне идет во вред наступающему. Это справедливо, если мы будем иметь в виду лишь стратегию сокрушения, и понятие наступления будем ограничивать исключительно фронтом вооруженной борьбы. Однако, если мы под наступлением будем понимать преследование позитивных целей, в отличие от обороны, преследующей негативные цели, то мы уясним себе возможность политического и экономического наступления, которое для оказания воздействия на противника часто потребует длительного времени и которому затяжка войны может пойти на пользу. Все попытки русских нанести сокрушительный удар Дагестану оказывались неудачными; но когда русские организовали последовательную борьбу на измор, Шамиль был побежден, и Дагестан был завоеван. Антанта преследовала в мировой войне против Германии самые активные цели, стремясь совершенно обезоружить ее в военном и экономическом отношениях, но применяла стратегию измора, и время работало не в пользу Германии, а в пользу политически наступавшей Антанты.

То обстоятельство, что борьба на измор может стремиться к достижению самых энергичных конечных целей, до полного физического истребления противника, ни в коем случае не позволяет нам согласиться с термином—война с ограниченной целью. Стратегия измора, действительно, в противоположность стратегии сокрушения, задается, до момента конечного кризиса, операциями с ограниченной

целью, но цель самой войны может быть далеко не скромной [1]).

Уточнение указания на сокрушение и измор при постановке политической цели имеет громадное значение для ориентировки всей военной деятельности; но еще важнее оно для правильного выбора политической линии поведения и организации экономической подготовки; последняя может направляться по совершенно противоположным путям, в зависимости от того, готовимся ли мы к бурному развитию максимальной энергии, короткой вспышке, или к развитию длительных, последовательных усилий. Война на сокрушение будет вестись преимущественно за счет запасов, накопленных в мирное время; заграничные заказы, для экстренного их пополнения перед войной, могут быть чрезвычайно уместны. Борьбу же на измор большое государство может базировать исключительно на работе своей промышленности в течение самой войны; военная промышленность может развиваться исключительно за счет военных заказов, и отнимать у нее работу в мирное время, передавая заказ за границу, это больше, чем преступление, это—ошибка. Подготовка войны на сокрушение может быть проведена путем такого чрезвычайного усиления военного бюджета, которое остановит или даже подорвет развитие производительных сил государства. Подготовка же войны на измор должна, главным образом, заботиться об общем, пропорциональном развитии и оздоровлении экономики государства, так как больная экономика тяжелых испытаний измора, конечно, выдержать не может.

[1]) Мы совершенно не согласны с общераспространенной терминологией Блуме (W. Blume. Strategie. 1912, стр. 24—27). Последний, отрицая деление на сокрушение и измор, делит войны по напряжению на войны до последней крайности (Vollkrieg), как, напр., борьба Пруссии против Наполеона в 1806—1807 г. г., или борьба буров против англичан в 1900—1903 г.г.; на укороченные войны (abgekürztet Vollkrieg), которые начинаются с такой же энергией, но прерываются до исчерпания всех средств, вследствие безнадежности сопротивления и переполнения чаши страданий народа; и на войны с ограниченной целью, в которых развитие вооруженной борьбы не происходит полным темпом. Война с ограниченной целью, к которой Блуме хотел бы отнести борьбу на измор, представляет только войну слабого напряжения, из-за мелких целей. Такие войны были типичны для XVIII века; в настоящее время ожидать повторения их очень трудно, между тем как войны на измор легко могут иметь место; первой такой войной, попавшей в историю, была Пелепонесская в конце V века до нашей эры, описанная прекрасно Фукидидом; а последними были Восточная война (Севастопольская) 1853—1856 г.г., гражданская война за нераздельность Соединенных Штатов, русско-японская и мировая войны.

Постановка политической цели войны, столь не хитрая по видимости, представляет в действительности труднейшее испытание для мышления политика. Здесь возможны самые крупные заблуждения. Вспомним хотя бы постановку наступательной цели Наполеоном III для войны с пруссаками в 1870 г., или постановку целей сокрушения всеми генеральными штабами в начале мировой войны. Особенную трудность представляет именно выбор между сокрушением и измором. Подавляющее большинство военных и экономистов перед мировой войной жестоко ошиблось, полагая, что она протянется около 3 и не более 12 месяцев; только Мольтке старший и Китченер не впали в это заблуждение. Ошибка лежит в плоскости формальной логики: исключительно дорогая и разорительная война должна скоро кончиться. Диалектика же истории гласит, что если война так разорительна и поглощает столько средств, то, при известной длительности, разорение одной стороны и выдержка другой, последний пуд хлеба явятся средством победы; именно дороговизна войны и ее разлагающее действие на государственность и осмысливает войну на измор, которая в противном случае представляла бы безполезное топтание на одном месте. Так было в начале XVI века, когда из-за наемников и артиллерийской техники стоимость войны очень возросла, и такие же основания явились и во второй половине XIX века, когда техника вновь очень осложнилась, а массы сильно выросли. Трудность уяснения характера будущей войны приведет на практике, вероятно, к тому, что в политическом задании, устанавливающем политическую цель, будет предлагаться компромисс—и краткое сокрушение, и длительный измор; подготовка к войне получит такое же компромиссное решение, заключая в себе и стремление к подготовке быстрых операций части сил, и тенденцию обеспечить возможность длительной борьбы.

Характер и длительность войны являются результатом условий, складывающихся на всех трех фронтах войны. Слабый в классовом отношении противник может быть побежден уничтожением его вооруженной силы; но линия наименьшего сопротивления к победе, может быть, идет через некоторую затяжку войны, которая вызовет у врага политический развал. Сильное в классовом отношении и значи-

тельное государство едва ли может быть опрокинуто приемами сокрушения без длительной подготовки измора. При слабой подготовке к сухопутной войне (Англия, Соединенные Штаты) момент высшего стратегического напряжения, очевидно не может совпадать с первыми неделями войны, а будет отнесен на 1, 2 или 3 года позднее. Государства, имеющие слабые армии в мирное время, ведут долгие войны. Перенос центра тяжести на мобилизацию военной промышленности ведет к тому же. В военном отношении несходство двух противников — морская и сухопутная державы — ведет к измору (Англия и Россия); удаление двух государств, имеющих возможность вступить в борьбу лишь на отдаленном театре войны, отрезанном морями или расстоянием от важнейших центров воюющих государств (Япония и Россия), конечно, препятствует борьбе принять сокрушающий характер. Военное равновесие также приводит к отказу от сокрушительных целей.

Военная подготовка, доведенная до возможности немедленного максимального напряжения боеспособности, обширная сухопутная граница с перерезающими ее хорошими сообщениями, значительное превосходство сил, политическая постройка неприятельского государства по образу колосса на глиняных ногах—это условия, благоприятствующие сокрушению, и позволяющие закончить войну в короткий срок и с минимальным расходом материальных средств и человеческих жизней. Поскольку военные бюджеты, несмотря на свой рост, отстают от роста производительных сил, и максимум стратегического напряжения становится ныне достижимым лишь через полгода после окончания экономической мобилизации, т. е. на второй год войны, постолько мы в будущем, вероятно, будем иметь преимущественно длительные войны.

Если бы указание о сокрушении в политической ориентировке было вовсе опущено, то экономическая подготовка, предоставленная соображениям преимущественно экономического фронта борьбы, естественно направилась бы в русло борьбы на измор. И это было бы неправильно, несмотря на большую вероятность длительной борьбы в будущем. Подготовка экономики на измор, может быть, не вполне отвечала бы чисто военной подготовке: из-за нее, быть может, пришлось бы отказаться от решения одним

ударом борьбы, от следования кратчайшим путем к конечной цели, по примеру великих полководцев. Априорное решение, не считающееся с условиями данной войны, недопустимо. На что послужит подготовка к десятилетней войне, если она настолько пойдет в ущерб первому же нашему военному усилию, что противник, действуя методами сокрушения, сумеет в два-три месяца достигнуть своей политической цели? Если политика потребует молниеносного удара на одного из соседей, то соответственно должны быть приняты и экономические решения.

Политическая цель и программа мира. Война не является самоцелью, но ведется в целях возможности заключить затем мир на определенных условиях. Политик, определяя политическую цель войны, должен иметь в виду те позиции на военном, общественном и экономическом фронтах борьбы, захват коих поставит его в выгодные условия для ведения мирных переговоров. Чрезвычайно важно не добиваться на мирных переговорах каких-либо новых преимуществ, а выступать, как сторона, располагающая уже тем, что ей надо, или обладающая дорогим залогом, который может быть обменен на то, что нам нужно. Если бы мировая война закончилась без катастрофы для Германии, последняя могла бы рассчитывать получить все или часть своих колоний в обмен на оккупированную немцами Бельгию.

Особенно важно практическое значение программы требуемых от войны достижений в случае борьбы на измор. Англия в мировую войну затратила сотни тысяч бойцов и громадные материальные средства на непосредственное овладение всеми германскими колониями; и такое решение больше удовлетворяло чисто английские интересы, чем избежание траты миллиардов на колониальную войну и направление тех же средств на европейские театры, имея в виду, что участь колоний будет решена победой над германской метрополией и они достанутся без всяких усилий, как спелый плод с дерева. Русский империализм, мечтавший о Босфоре, едва ли политически стоял на правильном пути, полагая, что ключи к Босфору находятся в Берлине, удовлетворяясь обещаниями союзников и не предпринимая непосредственных действий против Босфора. Каждый раз намеченные для этой

операции силы отвлекались в общий котел Антанты, на германо-австрийский фронт. С логикой русских действий можно было бы согласиться лишь в том случае, если бы борьба шла на сокрушение. При действительных же условиях мировой войны она лишь иллюстрировала недостаточно яркое представление о преследуемых целях и недостаточно волевое устремление к ним, которые характеризуют несамостоятельную политическую позицию России в мировой войне.

Превентивная война. Крупную роль в истории играют превентивные войны; таковыми являются войны, провоцируемые одним государством в виду того, что усиление соседа угрожает ему в будущем войной, которую придется вести в условиях худших, чем те, которые складываются в настоящий момент. Превентивная война характеризуется, таким образом, положением политической обороны и стратегического наступления. Слабеющий государственный организм Австрии вел такую предупредительную войну против Пьемонта в 1859 г., чтобы помешать объединению Италии, и в 1914 г. против Сербии, чтобы преодолеть разлагавшую Австрию силу великосербского движения. После разгрома Франции в 1870 г., прусский генеральный штаб неоднократно предлагал (в середине семидесятых и восьмидесятых годов) обрушиться на Францию, чтобы не позволить ей оправиться. В 1905 г. граф Шлиффен настаивал на такой превентивной войне, чтобы разгромить Францию, воспользовавшись бессилием России, связанной войной на Дальнем Востоке и революционным движением. Источником войн является, таким образом, не только усиление одних политических группировок, но и остановка роста или ослабление других. Усиление рабочего движения и в частности СССР легко может также поставить буржуазию перед вопросом о превентивной войне.

Превентивные войны имеют особое значение при применении стратегии сокрушения, молниеносные удары которой позволяют быстро изменить положение, до вмешательства других государств. В 1756 г. Фридрих Великий начал Семилетнюю войну, как превентивную, в виду полученных им сведений о формировании большой коалиции. Но применяя стратегию измора, он смог лишь окупировать Саксонию и уничтожить саксонскую армию. Если бы ему была доступна стратегия сокрушения, он сумел бы нанести главному своему врагу—Австрии—смертельный удар, прежде чем вмешалась бы Россия и Франция.

Политика определяет важнейший театр войны. Выдвижение тех или иных политических целей не является платоническим напутствием для работы стратегии, но определяет главные линии войны. Всем ясно, что, например, при войне СССР с Польшей, в зависимости от тех или иных политических целей, центр тяжести действий на западе может переложиться с Белоруссии на Украину, и наоборот. Политические соображения имеют в этом отношении несравненно важнейшее значение, чем военно-технические.

Выдвижение определенной политической цели является не только заданием для деятельности вооруженных сил, но и директивой для политической подготовки войны, широко охватывающей вопросы внутренней и внешней политики.

Интегральный полководец. Войну ведет верховная власть государства; слишком важны и ответственны решения, которые должно принимать руководство войной, чтобы можно было доверить его какому-либо агенту исполнительной власти.

Наши представления о руководстве извращаются применением термина „верховный главнокомандующий"; мы связываем его с лицом, которому подчиняются действующие армии и флот, и которое объединяет всю власть на театре военных действий. В действительности такой главнокомандующий не является верховным, так как ему не подчинено руководство внешней и внутренней политикой и всем тылом действующих армий, поскольку ему не принадлежит вся власть во всем государстве. Стратег—главнокомандующий представляет лишь часть руководства войной; очень важные решения принимаются иногда помимо него, иногда вопреки ему. Полная мощь избранному полководцу—это устаревшая, впрочем никогда не отображавшая какой-либо действительности формула. Никогда нельзя было подчинить военного министра и высших представителей гражданской власти генералу, командующему на театре военных действий, если последний не являлся в то же время монархом.

Необходимо объединить руководство на фронтах политической, экономической и вооруженной борьбы. Необходимо согласовать подготовку к войне на всех этих фронтах. Такая задача по плечу лишь руководящей головке господствующего класса, олицетворяющей в себе наивысшую в государстве политическую компетенцию, осуществляющую верховную власть и привлекающую к своей работе облеченного наибольшим техническим и политическим доверием стратега. Коллектив этой головки является интегральным полководцем. При современных условиях усложнившегося руководства войной, трудно мыслить совмещение в одном лице требуемой политической, экономической и стратегической компетенции. Поэтому даже в монархиях интегральный полководец представляет уже коллектив, а не совмещается в одном лице монарха.

В 1870 году таким интегральным полководцем являлся триумвират—король прусский Вильгельм, политик Бисмарк и стратег Мольтке [1]). В мировую войну, с конца 1916 года, кабинет министров во Франции взял в свои руки решение основных вопросов войны, и главнокомандующие испрашивали утверждение им основной линии стратегического поведения. Вопросы междусоюзнической поддержки являлись делом политиков даже больше, чем стратегов. В 1919 году, как видно из статьи Сталина о ленинизме и троцкизме, ЦК коммунистической партии рассматривал и решал такие вопросы, как размер и момент переброс войск с восточного фронта (Урала) на южный, так как по существу вопрос о необходимых размерах использования успеха над Колчаком и о возможностях повременить с отражением наступления Деникина на Харьков—Орел—Москву, задевал важнейшие политические интересы и не мог быть решен в пределах одной стратегии. Перенос решения важнейших вопросов ведения войны в руководящий центр диктатуры являлся вполне нормальным.

В настоящее время такая постановка вопроса является общепризнанной. В СССР существует, над военным ведомством, Совет Труда и Обороны; в других государствах,

[1]) Стратегия в трудах военных классиков, т. I, статья Шлиффена. Полководец.

в том или другом виде, существуют советы национальной обороны или ячейки, подготавливающие их образование.

Совместная работа политиков и военных. Дюпюи, майор французского генерального штаба, приходит из анализа организации демократией руководства войной к смелому выводу [1]), что выгодно распределять по штабам лиц, делегированных политической властью, с тем, чтобы они жили в непосредственном контакте с начальниками и солдатами. Так поступало якобинское революционное правительство, и ему не пришлось в этом раскаиваться. В 1870—71 г.г. безусловно можно было бы избежать многих печальных разногласий, если бы гражданские члены турской делегации толклись бы чаще среди старших генералов, и наблюдали бы, бок-о-бок с последними, перипетии борьбы. Дюпюи находит, что так как таланты Наполеона I встречаются лишь как редкое исключение, то в высшем командовании принцип сотрудничества выгоднее единоначалия. Уроки прошлого говорят, что если среди генералов окажется действительно выдающийся военный вождь, он быстро приобретет решающий голос и станет душой всех предприятий.

Этот вывод, сделанный в 1912 г. выдающимся передовым военным теоретиком, в общем, был полностью подтвержден ходом событий гражданской войны в СССР в 1918—1920 г.г. Власть должна не только не отрываться от масс, но не отрываться и от командования. Единоначалие, так уместное в низших и средних командных инстанциях, неосуществимо ныне на верхах руководства войной. Приемы управления в гражданской войне представляют не только удачное разрешение частной проблемы, но заключают в себе и кое-что принципиально положительное.

Конечно, мы не должны задаваться идеалом, проектируя формы организации политического руководства войной; в каждом частном случае нужно искать свой частный, наилучший компромис. Опыт прошлого учит, что построение удовлетворительного в политическом и в военном отношениях аппарата управления в революционной обстановке дается очень не легко, и что надо приветствовать достижение хотя бы сносных условий сотрудничества.

[1]) Commandant bréveté V. Dupuis. La direction de la guerre. La liberté d'action des généraux en chef. (Изд. 1912 г.) стр. 363.

3. План внутренней безопасности.

Непосредственное охранение внутренней безопасности. Внутренняя политика. Крестьянский вопрос в Пруссии и России в начале XIX столетия. Значение тыла. Вера Засулич и Тройственный союз. Авантюра Русско-Японской войны. Дурново. Подготовка к войне в отношении к внутренней политике. Наступательный фронт внутренней политики.

Непосредственное охранение внутренней безопасности. „Войну можно вести только волей объединенного народа. Поэтому, целью государства, взявшегося за оружие, является такое давление на сознание враждебного народа, которое побудило бы его заставить свое правительство просить мира“ [1]). Современная война, захватывающая интересы широких масс враждующих государств, энергично воздействует на сознание отдельных классов и стремится вызвать борьбу за мир в тылу каждой воюющей стороны.

Уже с момента французской революции вопросы внутренней политики играют существенную роль в подготовке к войне. Государство лишь в ограниченной степени может рассчитывать на вооруженную силу для поддержки порядка, обеспечения уплаты налогов и исполнения повинностей народными массами в глубоком тылу. Элемент принуждения, наличие в руках государственной власти известной силы, твердая организация надзора и осуществление карательных мероприятий против саботажнических, пораженческих, изменнических и бунтарских настроений, конечно, сохраняет всю свою силу. Ведомство внутренних дел должно иметь свой мобилизационный план, который должен предусматривать все мероприятия, потребные для поддержания твердого порядка в стране, в период, когда огромные массы отрываются от труда в деревне, следуют на сборные пункты для пополнения армии, и удваивают численность населения городов, вследствие потребностей военной промышленности. Кризис, вызываемый этими сдвигами населения, усугубляется еще пропагандой неприятеля, обостряется деятельностью врагов существующего строя, надеждами, питаемыми отдельными национальными и классовыми группировками, добиться

[1]) § 4 четвертого раздела II главы II части Английского полевого устава.

признания своих интересов в момент, когда господствующий класс изнемогает под тяжестью войны. Необходимо основательно продумать все мероприятия по поддержанию порядка на путях сообщения, по учету всех сомнительных элементов, по борьбе с дезертирством, по борьбе с неприятельской контр-разведкой и пропагандой, по цензуре и т. д., а также, если требуется, по замещению выбывающих на войну воинских частей особыми формированиями из надежных элементов [1]) или усилением органов милиции.

Внутренняя политика. Параллельно с изготовкой к борьбе на внутреннем фронте, план внутренней безопасности должен включать и программу политико-просветительной работы, которая должна развернуться весьма широко. Однако, никакая политическая агитация не будет действительна, если она не будет опираться на здоровую внутреннюю политику, не изолирующую господствующий при советском строе рабочий класс от крестьянства, а открывающую возможность тесной с ним смычки.

Значение здоровой внутренней политики для ведения войны сознавалось уже в древности. Мы видим в историке Полибии великого мыслителя, так как в своей истории Рима он относит описание римской конституции к величайшему военному кризису, пережитому римской республикой—конституция вставлена в рамки второй пунической войны и излагается непосредственно за главой о Каннах—этом тягчайшем военном ударе, постигшем Рим.VИ действительно, не в свете ли испытания каннского потрясения и энергичных действий Ганнибала, рассчитанных на разложение римского государства, ярче всего обрисовывается внутренняя добротность политической постройки Рима? Если задачи отдельных экономических мероприятий заключаются в том, чтобы создать в государстве боеспособный экономический организм, то задача внутренней политики в целом—создать такое политическое целое, которое выдержало бы тяжелые испытания на классовом и национальном фронте войны.

[1]) Такова была причина формирования милиции из католических элементов 1688 г.; военный министр Людовика XIV Лувуа ожидал, после отмены Нантского эдикта, восстания гугенотов в момент разгара войны Франции с протестантским союзом, и принял свои меры по обеспечению внутренней безопасности Франции. См. Ист. Военн. Искусст. А. Свечина. Ч. II, стр. 41.

Значение внутренней политики выступает особенно ясно в моменты военных неудач, когда военные действия переносятся в глубь нашей территории. При тяжелых неудачах стратегия становится явной производной от политики. Поэтому мы и обратим наше внимание на глубокие вторжения Наполеона в Пруссию и Россию.

Крестьянский вопрос в Пруссии и России в начале XIX века. После иенского погрома выдающийся политик Штейн провел, как первую меру по подготовке новой борьбы Пруссии с Наполеоном, освобождение помещичьих крестьян в Пруссии от крепостной зависимости. Действительно, сохраняя крепостной строй, Пруссия была бы бессильна против Наполеона, так как последний, при новой войне, мог выбросить лозунг распространения на Пруссию завоеваний французской революции, и мудрено было бы заставить прусских крестьян жертвовать своей жизнью за сохранение крепостного права.

Аналогичные условия существовали в России в 1812 г. Из всех войн, веденных старой Россией, эта „отечественная" война резко выделяется страхом господствующего класса перед новой пугачевщиной, которая могла бы явиться следствием включения Наполеоном в программу войны революционных лозунгов. Наполеона русское дворянство возненавидело за свой страх перед возможным его обращением к русским крепостным. Однако, стареющий Наполеон в 1812 г. уже утратил свое политическое дарование, и упустил этот огромный козырь под влиянием личного переживания реакционных настроений и не оправдавшихся надежд справиться с задачами войны исключительно силами вооруженного фронта [1]).

Значение тыла, а вместе с ним и внутренней политики, в настоящее время, по сравнению с прошлым, сильно возросло; его влияние увеличилось, и умножились испытываемые им во время войны напасти. Тыл теперь часто

[1]) Его, вероятно, удерживали также соображения о том, как отзовется такое провоцируемое им в России восстание крестьян на его союзниках— Польше и Австрии, образовывавш их его ближайший тыл. Жомини и другие писатели после 1812 г. оживленно обсуждали значение отказа Наполеона в 1812 г. от революционных лозунгов на исход войны. См. труд Жомини во II томе „Стратегия в трудах военных классиков", а также Амфитеатров. Из истории русского патриотизма. 1812 год.

поддается первым разложению. Плохие сообщения, исключительно по грунтовым дорогам, ограничивали ранее опустошения войны непосредственными окрестностями района пребывания войск. Теперь же железные дороги выкачивают на фронт из страны все средства, и расширяют район дороговизны и голодовки с театра войны на государство в целом. Авиация, радио-телеграф, необходимость беспрерывного пополнения огромных масс на фронте, условия питания их военным снаряжением, отпуска из действующих армий на родину, которые ранее были неизвестны — все это ныне сближает фронт с тылом. Успех на войне ныне возможен лишь при высокой дисциплине тыла. Поддержание дисциплины в армии ложится в первую очередь, помимо сознательности солдат, на кадры армии — ее командный состав. Поддержание дисциплины тыла — дело кадров народа, органов его гражданской власти.

Вера Засулич и Тройственный союз. В новейшей русской истории внутренняя политика имела роковое влияние на внешние проявления русской силы. 11 апреля 1878 года буржуазные присяжные, судившие Веру Засулич за покушение на петербургского градоначальника, вынесли оправдательный вердикт. Из него следовало, что государственность царской России, в борьбе с революционным движением, не может рассчитывать даже на поддержку буржуазии. При таких условиях, военную мощь старой России не приходилось уже мерить числом штыков, содержимых в армии. Бисмарк на Берлинском конгрессе первый учел этот признак слабости России, который выделялся тем ярче, что лорд Биконсфильд, представлявший противную сторону, поддерживался в этот момент обостренным шовинизмом широких английских масс; к этому моменту в Англии как раз народились джингоисты, т.-е. истинно английские люди. Вытекавшая из оправдания Веры Засулич внутренняя слабость России принудила Бисмарка отказаться от безусловной поддержки России, заставила русских уступить по важнейшим вопросам Англии; Бисмарк же, не высоко котировавший прочность австро-венгерского государства, все же оценил его выше подгнившего русского строя и предпочел от традиционной политики русской дружбы перейти к политике, основанной на союзе с Австро-Венгрией.

Основание Тройственного союза находится в непосредственной связи с позицией русской буржуазии по отношению к революционному движению [1]).

Авантюра русско-японской войны. Авантюрой многие писатели называют такую войну, в которой стратег не заботится в достаточной степени о безопасности своих сообщений с базой и подвергает армию, таким образом, крупному риску. Мы же считаем авантюрой такую войну, которая недостаточно подготовлена в политическом отношении, не базируется на сознании масс, и представляет своего рода бланкизм во внешней политике. Если мирные наклонности Александра III объясняются такой же, как у Бисмарка, оценкой внутреннего положения России, то этого сознания в достаточной степени не было у Николая II. Русско-японская война 1904—5 г.г. была с русской стороны совершенно не подготовлена в политическом отношении, и могла привести лишь к весне Святополк-Мирского, затем к первой русской революции. Ошибки политики продолжались и в стратегии. Цусима являлась такой же авантюрой, как Седан,— попыткой сделать последнюю ставку, чтобы побороть внутренние затруднения. Мы, вероятно, слишком строго осуждаем Куропаткина, как стратега, забывая о гнилом политическом базисе, на котором ему приходилось руководить войной [2]).

Записка Дурново. Перед мировой войной, известный лидер правых в Государственном Совете, Дурново, анализируя классовые группировки царской России, пришел к совершенно правильному выводу, что соображения внутренней политики должны удерживать Россию от решения вступить в войну, так как результатом последней может быть только торжество самых крайних течений и революция, доведенная

[1]) Pr. Jahrbücher, 194, I. Emil Daniels, Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield. Приведенные соображения не противоречат нашему убеждению, что в основе важнейших политических решений лежит экономика. Мы лишь не считаем необходимым доходить в данном случае до экономического фундамента и искать в нем обоснования позиции русской буржуазии.

[2]) Еще в 1866 г. Пруссия начала войну с Австрией, вопреки мнению большинства прусских политических партий, и выиграла эту войну, вовсе неподготовленную во внутренней политике. Надо, однако, иметь в виду твердую линию правительства, сильную постоянную армию Пруссии, превосходство вооружения и непрерывный ряд побед, которые быстро изменили настроение внутри Пруссии. Неудачи взорвали бы Пруссию и в 1866 г. При современном возросшем значении тыла повторение прусских успехов 1866 года, политически не подготовленных, нам представляется невозможным.

до логического ее конца. Наша готовность дипломатическая к войне была превосходна, финансовая и военная — весьма сносная, но во внутренно-политическом отношении мы были совершенно не готовы; удивительным является не революция 1917 года, а запоздание ее на два года.

Подготовка государства к войне в отношении внутренней политики должна быть такова, чтобы государство могло бы проследовать через всю войну без существенных сдвигов. Если можно предвидеть необходимость известных уступок отдельным классам или группировкам в случае затяжной войны, то эти уступки несравненно выгоднее сделать заранее.

Наступательный фронт внутренней политики. Нельзя руководствоваться исключительно оборонительными соображениями; внутренняя политика имеет свой активный, наступательный фронт, в особенности в революционную эпоху. Революционная организация ирредента, утверждение внутри государства лозунгов, которые могут найти широкий отклик за границей, соответственная классовая политика, достигнутые ступени экономического благосостояния — все это является одним из важнейших условий ведения войны и создает могущественные рычаги для давления на сознание населения враждебных государств. Внутренняя политика каждого государства должна рассматриваться и с точки зрения создания в бытии государства здоровой основы для агитации и пропаганды за рубежом. Только такая основа может дать силу и реальное значение „бумажной войне", которая всегда в истории сопровождала действия с оружием в руках.

Война выдвигает перед внутренней политикой ряд задач, неразрешение коих может подорвать возможность военного успеха. Продовольственный, квартирный, топливный, транспортный вопросы необычайно обостряются. Придется временно отказаться от восьмичасового рабочего дня и приостановить действие кодекса о труде. Придется повысить интенсивность и продолжительность работы, уменьшив реальную заработную плату. Предъявление требований к массам, обречение их на каторжный труд, лишение их сносных условий существования должны будут итти параллельно с борьбой за эти самые массы, за их сознание, за их верность лозунгам борьбы.

И несомненно, эта борьба за массы в тылу каждого государства будет иметь не односторонний, а двусторонний характер. Голод из-за уменьшенного пайка будет обостряться нашептыванием неприятельской агитации [1]).

Будущие войны будут происходить, несомненно, в атмосфере очень острой классовой борьбы, которая создаст во всех принимающих в борьбе государствах более или менее сильные пораженческие группировки. Значение внутренней политики отсюда возрастает еще в большей степени [2]).

4. Экономический план войны.

Размах экономической борьбы. Экономический план войны. Транспорт. Стоимость войны и военный бюджет. Средства для ведения войны. Военный коммунизм. Экономическая мобилизация: перманентность экономической мобилизации, организационный вопрос, распределение рабочей силы, город и деревня, промышленная мобилизация. Техническая внезапность. Экономический генеральный штаб.

Размах экономической борьбы. Экономические цели войны подчиняют себе усилия на всех фронтах борьбы, представляемых войной. Здесь будет итти речь лишь об экономическом фронте и его задачах. Они непременно включают оборонительные элементы — возможно широкое удовлетворение потребностей ведения военных действий и сохранение работоспособности тыла, представляемого всем государством, за исключением его вооруженных сил; но задачи экономического фронта могут включать и наступательные элементы, более или менее развитые, стремящиеся к нанесению ударов неприятельской экономике.

Экономическое оружие обоюдоостро, и часто наносит одновременно себе такие же раны, как и противнику. Мы это говорим не в смысле широкой экономической философии (конкуренты Германии, разгромив последнюю, потеряли свою лучшую покупательницу).

[1]) Весьма любопытна по своей широте агитация, организованная Штейном в 1812 году по поручению русского правительства в немецком тылу Наполеона; в некоторых своих частях агитационный размах Штейна не превзойден и по настоящее время. Подробное ее описание в труде Max Lehmann. Freiherr von Stein. Leipzig 1921.

[2]) Мы не затрагиваем здесь весьма важного вопроса о связи между внутренней политикой и строительством вооруженных сил, так как он будет освещен в соответствующей главе.

Надо каждый раз основательно взвесить, чьи потери от развития враждебных действий будут серьезнее и будут иметь более решающее влияние на исход войны. Германия в мировую войну запретила вывоз во враждебные страны, через посредство нейтральных стран, своих анилиновых красок и медикаментов. Конечно, текстильная промышленность Антанты почувствовала известные затруднения, английские ситцы временно стали удивительно линючими; врачи, прописывая рецепты, стали испытывать некоторые затруднения; но, в общем мероприятии Германии не нанесли ли больше ущерба самой Германии, подорвав ее монопольное положение в этих отраслях промышленности и лишив ее на время войны выгодных статей вывоза?

Каждое экономическое наступление вызывает к жизни противодействующие силы. Нельзя отрицать известного воодушевления, с которым различные классы русского народа отнеслись в 1914 году к началу войны с Германией. Между тем, войне предшествовали полуторастолетние мирные соседские отношения. Мы видим объяснение в том, что Россия с XVIII века представляла поле наступления немецкого капитала, труда и культуры. Русская буржуазия таила зависть к более дельной германской буржуазии, к преуспевающему в России немецкому фабриканту или булочнику. Помещики жаловались на высокие хлебные пошлины, проведенные немецкими аграриями, крестьяне думали о дележе земель немцев-помещиков и колонистов. Германофобские чувства охватили даже значительную часть интеллигенции. Один из учеников Дельбрюка [1]), петроградский профессор истории Митрофанов излил своему наставнику перед самой войной очень широко распространенные в русской провинции враждебные немцам мелкобуржуазные настроения. Родина славянофильского шовинизма, Чехия, не пропиталась ли она враждой еще в XV веке из-за попыток колонизации ее немцами?

Чтобы помешать поставкам Соединенными Штатами военного снаряжения Антанте, Германия попыталась организовать в Америке в широких размерах саботаж: устраивались несчастные случаи на заводах, перекупалось необхо-

[1]) Hans Delbrück. Krieg und Politik, т. I, стр. 5—19.

димое для них сырье, производился умышленно брак, среди рабочих сеялось возбуждение. Германия связалась с ближайшим недругом Соединенных Штатов—слабой Мексикой. Эта неумная политика привела к тому, что Германия скомпрометировала 20 миллионов граждан Соединенных Штатов, по национальности немцев; последним пришлось доказывать, что они американцы, а не немцы, и презирают немецкие способы борьбы. Результатом было то, что 20 миллионов немцев потеряли возможность проявлять какую-либо политическую активность и не могли возвысить свой голос против вступления Соединенных Штатов в войну с Германией. Немецкая экономическая активность дала только лишнее оружие врагам. Вильсон, объявляя войну своим посланием 2-го апреля 1917 г., мог сослаться: „прусское самодержавие повсюду затеяло преступные интриги против нашей промышленности и нашей торговли. Его интриги едва не посеяли смуту в нашей стране".

Вполне возможно, что экономическое наступление не представит выгод ни для одной из воюющих сторон, и военные действия будут развиваться без параллельных схваток на экономическом фронте. Такова была война в 1870 году: слабейшая в экономическом отношении Пруссия ограничивалась действиями на вооруженном фронте, а богатая Франция не могла обострять экономической борьбы, так как ее военные дела шли плохо, и в руках немцев находились ценные залоги.

Точно также, со стороны слабых экономически России и Италии было разумно не обострять в течение мировой войны экономической борьбы с Германией. Момент возникновения экономического фронта относится здесь не к началу войны, а к более поздним периодам. Еще осенью 1915 г. в Петрограде спокойно проживало 250.000 немцев, наполовину германских подданных, продолжая свои торговые и промышленные дела; через Скандинавию русская торговля с Германией неофициально продолжалась. Для царского правительства начинать внутри России травлю немцев было политически невыгодно. Но этого добивалась Антанта, добивалась московская буржуазия, видевшая себе конкуренцию в немецкой контрабанде, и в немецких дельцах внутри России. Начало было положено погромом немецких магазинов в Москве весной 1915 г., затем началось пре-

следование немецких товаров, высылка лиц немецкой национальности, секвестр их собственности и т. д. Все эти меры весьма ускорили гибель старого режима.

Италия 23 мая 1915 года объявила войну Австро-Венгрии, но не Германии, с которой она осталась в торговых отношениях, так как нуждалась в подвижном составе для железных дорог, и в угле, которые поставляла ей Германия. Только через 15 месяцев, под жестоким давлением Антанты, в надежде на скорый конец войны (момент выступления Румынии), и дабы получить право на участие в контрибуции, которую будет платить Германия, Италия вступила в борьбу с Германией и на экономическом фронте, объявив последней войну. Таким образом, и во времени и в пространстве экономическая борьба может не совпадать с вооруженной борьбой.

Надо помнить, однако, что не всегда в нашей власти будет уклониться от действий на экономическом фронте; на удары противника придется отвечать соответственными мероприятиями. Экономическое оружие приобретает особенное значение, если война складывается на измор. К нему всегда особенно охотно обращаются капиталистически сильные англо-саксонские государства. В будущем войны, повидимому, будут сопровождаться такими же ужасными экономическими схватками, как борьба Наполеона I с Англией (континентальная система), или война Севера и Юга Соединенных Штатов (голодное удушье Юга), или же последняя мировая война. Чем слабее государство в экономическом отношении, тем больше внимания должно оно уделять экономическому фронту, чтобы не быть на нем прорванным.

Экономический план войны. Старая стратегическая мудрость ограничивала объем планов кампании моментом решительного столкновения. Считалось чистой предвзятостью сколько-нибудь подробно разрабатывать дальнейшие действия, так как на другой день после исхода решительного столкновения нам придется действовать в совершенно новой обстановке. Таким образом, план кампании подробно разрабатывал лишь подготовительные операции, занятие исходного положения к решительным действиям.

Еще большую ограниченность, еще больший перенос центра тяжести на разработку подготовительных мероприя-

тий следует рекомендовать для разработки экономического плана, так как экономический фронт войны не является самодовлеющим, и тот или иной оборот хода военных действий может совершенно изменить и требования, предъявляемые к экономике, и обстановку, в которой она будет их выполнять.

Однако, экономический план не должен представлять только простую программу экономической подготовки; если нельзя выступать с пророчеством относительно действительного хода событий, или нагромождать предпосылки на предпосылки (если на если), то экономический план все же должен намечать такую линию экономического поведения, которая не привела бы нас в тупик ни при каких возможных вариантах.

План должен основываться на совершенно реальной действительности. Составлению его должно предшествовать всестороннее изучение своих и неприятельских экономических сил. Нужна дельная постановка экономической статистики, дополнительные исследования об экономических возможностях, экономическая разведка. Последняя должна охватывать не только возможных противников, но и все передовые в экономическом отношении страны, так как условия мировой экономики должны быть ясны для составителя экономического плана войны. Экономическая разведка является нормальным долгом агентов консульской службы, или торговых представительств государства. Консулы Соединенных Штатов известны своей склонностью к применению при этом приемов тайной агентуры и шпионажа. Знаменательно, что председателем „Ара" являлось лицо, занимавшее видный пост в американской контр-разведке.

Оценка наших и неприятельских экономических сил должна привести, в связи с имеющимися указаниями о политической цели войны, к выдвижению определенных задач экономического фронта, и указанию средств для их разрешения, к подсчету минимальной экономической базы, требуемой для ведения войны. Отсюда будут уже вытекать все указания: 1) по регулировке развития народного хозяйства для достижения необходимых результатов; проведение их в жизнь составляет основную задачу экономической политики; 2) по составлению плана подготовки транспорта

и 3) по подготовке финансовой и экономической мобилизации.

Для разработки военной стороны плана войны крайне желательно, чтобы экономический план содержал соображения по вопросу, какой период времени потребует экономическая мобилизация страны, какие пределы намечаются для производительности военной промышленности и в течение какого периода возможно поддерживать этот механизм, до неизбежного понижения производительности, связанного с общим экономическим истощением страны. Самые грубые, приближенные суждения по этим вопросам как в отношении нас, так и возможных противников, представляют большую ценность для уяснения характера предстоящей войны.

Вопрос о задачах по созданию боеспособной экономики мы уже затрагивали выше в главе о политике; теперь остановимся на транспорте и подготовке мобилизации.

Транспорт. Эстония может, не прибегая к железным дорогам, предупредить нас в оперативном развертывании, так как в течение одной недели можно пешком без труда пройти всю Эстонию из конца в конец. Если малое государство может вести войну, находясь не в слишком большой зависимости от состояния своего транспорта, то для обороноспособности большого государства состояние его транспортных возможностей чрезвычайно характерно. И поскольку средства для ведения войны приходится собирать со всей территории, важно не ограничивать подготовку сети железных и шоссейных путей исключительно путями для переброски войск в район развертывания. Перед мировой войной французы настаивали на проведении Россией четырехколейной магистрали Орел—Седлец, так как они были заинтересованы в максимальном ускорении русского сосредоточения; между тем, условия ведения Россией большой войны требовали установления прочной железнодорожной связи с портами Ледовитого океана—проведения Мурманской железной дороги, и перешивки на широкую колею Архангельской. Тогда как развитие путей сообщений на театре войны отвечает, прежде всего, стратегии сокрушения, общее улучшение условий транспорта особенно важно для длительной борьбы—на измор.

Какое экономическое бессилие страны вытекает из бездорожья, можно видеть из следующих примеров, заимствованных из жизни французских колоний в мировую войну. На берегу Слоновой Кости французы заготовили 250 тысяч пудов злаков (4200 тонн). Переброска их на морской берег потребовала мобилизации 125 тысяч негров-носильщиков, затративших в общей сложности два миллиона пятьсот тысяч рабочих дней. Вследствие сырого климата, отсутствия складочных помещений и запоздания подачи парохода под нагрузку, заготовленные злаки большей частью сгнили. Французский Судан мог бы легко поставить 3.600.000 пудов (60 тысяч тонн) зерна. План транспорта его заключался в следующем: постройка 30 сушильных печей, 20 промежуточных складов, приобретение 1 миллиона мешков, значительного числа веялок, наем 50 присяжных весовщиков, заготовление 60 тысяч мешков из козьих шкур для перевозки хлеба в челноках, постройка 300 челноков (пирог) подъемной силой от 4 до 8 тонн для сбора зерна с берегов Нигера; третью часть пришлось бы доставлять от пунктов закупки к реке на носильщиках, в среднем на расстояние 200 километров, что потребовало бы 4 миллиона рабочих дней негров-носильщиков. В этот подсчет не входит работа негров по переноске зерна в центры закупки и доставка хлеба на челноках к железной дороге [1]). Ясно, что от такой хлопотливой и дорогой заготовки хлеба откажется всякое неумирающее с голоду государство.

Если французские колонии в мировую войну дали Франции только 600 тысяч солдат и 200 тысяч рабочих, и население их приняло участие в боевых действиях в 10—20 раз меньшее чем население Франции, то это объясняется отнюдь не отсутствием желания французского правительства более широко эксплоатировать цветное население колоний и не отсутствием возможности произвести на него более сильный нажим, а отсутствием средств связи и транспорта, многими сотнями километров от жилищ туземцев до приемных пунктов, и от последних до портов или железнодорожных станций; организовать движение по ним туземцев во многих случаях оказалось чрезвычайно трудно.

[1]) Albert Sarraut, ministre des colonies. La mise en valeur des colonies françaises, 1923.

Даже сеть путей самой Франции, так тщательно развивавшаяся в течение столетий, оказалась не в силах справиться своими силами с обслуживанием фронта. Чтобы справиться с доставкой снабжения английской армии, достигавшего в иные месяцы 20 миллионов пудов груза, пришлось заимствовать в Англии 49 тысяч вагонов, соответственное количество паровозов с обслуживающим персоналом, одну железнодорожную дивизию; перевозка американской армии от берегов Атлантического океана в Лотарингию потребовала гигантских мероприятий по расширению французских портов, постройке гигантских барачных помещений и складов для прибывающих войск и грузов, расширения станций, проложения новых линий и развития существующих; осенью 1918 г. прибывало около 250.000 человек и 25 миллионов пудов грузов ежемесячно, а весной 1919 г. снабжение американской армии должно было вырасти вдвое и потребовать для своего обслуживания 100 тысяч технических железнодорожных агентов, коих во Франции не было и которых обещали дать американцы (успело прибыть только 30 тысяч). Подвижной состав должны были доставить американцы ежемесячными порциями по 268 паровозов и 7550 тридцатитонных вагонов. Союзники должны были усилить французские станции, уложив на них 6 тысяч километров путей. Самим французам пришлось в течение 4-х лет войны уложить 8420 километров новых путей, т.-е. выполнить, приблизительно, объем нормального десятилетнего строительства. Не только в России, но и в богатой Франции, располагавшей возможностями внешней торговли, для строительства новых железных дорог пришлось обратиться, за неимением транспорта и отвлечением тяжелой промышленности на производство вооружения, к методу тришкина кафтана, и разобрать 1500 километров путей и 670 стрелок на ранее построенных железных дорогах. Процент больных паровозов увеличился в полтора раза.

Большое государство нуждается теперь в 100—200 поездах ежедневно для обслуживания снабжения своего фронта, тогда как еще в 1870 году три немецкие армии удовлетворялись 1—2 поездами ежедневно каждая, и только перевозка осадного парка требовала от железных дорог большей работы.

В современных же условиях, вес четырехдневной порции огнестрельных припасов для армии, атакующий укрепленный фронт и богато снабженной тяжелой артиллерией; равен цодъемной силе 60—80 железнодорожных цоездов. Даже при бедных нормах артиллерии и ее снабжения число поездов достигает 30. Если бои получат материальный характер, то развитие их на фронте одной армии потребует 7—10 поездов с огнестрельными припасами ежедневно. При позиционном затишье фронт требует до $1^1/_2$ поездов на дивизию ежедневно, а в период боя—до 4 поездов на дивизию.

Но теперь, сверх того, и маневрирование перешло на железнодорожные линии: в течение войны многократно требуется производство нового оперативного развертывания, с ежедневной подачей до 300 и более поездов, чтобы в три-четыре дня перебросить на важное направление 3—4 десятка дивизий. Неспособность русских войск и русских железных дорог к таким быстрым новым развертываниям объясняет во многом неудачу наших оборонительных действий весной и летом 1915 г.

Подогнать движения, исполняемые походным порядком, можно, форсируя силы людского и конского состава. Но форсирование железнодорожного маневра имеет в условиях железнодорожной сети весьма тесные пределы. На помощь Самсонову подкрепления перебрасывались по одноколейной железной дороге на Млаву, с движением в одну сторону и со сбрасыванием с рельс части подвижного состава, загромождавшего головной участок. Беспорядок и убытки получились большие, а выйгрыш—ничтожный.

Но эта гигантская работа железных дорог по обслуживанию фронта составляет далеко не все. Многие раньше представляли себе войну, как картину общей безработицы тыла, ожидающего конца войны, остановку всей торговой и промышленной жизни страны. На самом деле, картина получается совершенно обратная; чтобы иметь возможность поддержать фронт, тыл должен развить лихорадочную промышленную деятельность.

Население городов не только не остается без работы, но почти удваивает ее. Многое приходится строить и создавать заново. Многое приходится вести с гораздо большего

удаления, так как ближайшие источники зерна, сырья или товара оказываются исчерпанными. Морские каботажные перевозки приходится заменять железнодорожными. Приходится организовывать эксплоатацию дальних источников, от которой в мирное время удерживали хозяйственные соображения. В результате и количество пассажиров, и количество грузов, и длина их пробега на железных дорогах значительно увеличиваются. Если для Франции, с сильно развитым довоенным железнодорожным движением, мировая война увеличила нагрузку железных дорог, не считая фронтового движения, на 40%, то в СССР можно ожидать развития внутреннего движения по железным дорогам, с началом войны не менее, как на 100%, так как дублировать приходится очень скромные цыфры.

Как ни выгодно движение грузовых автомобилей по шоссе по сравнению с гужевой тягой по проселкам, оно неизмеримо расточительнее по сравнению с широколинейной железной дорогой. Само содержание шоссе в порядке, при максимальном развитии движения по нем тяжелых автомобилей, требует почти такой же рабочей силы, как постройка большой двуколейной железной дороги, и доставки для ремонта такого же груза материалов, какое требует строительство железной дороги. Под Верденом ремонт обслуживавшего питание фронта „священного“ шоссе требовал 8.200 рабочих и 2.300 куб. метр. щебня в день. А 6.400 рабочих плюс 8 железнодорожных рот в течение трех месяцев построили железную дорогу на две широкие колеи, расчитанную на 24 пары поездов, протяжением в 60 километров. Заранее построенная железная дорога сделала бы излишней толкучку на „священном“ шоссе.

В отношении личного состава транспорт по железной дороге в 10 раз более экономен, чем перевозка автомобилями. И такое соотношение верно для коротких расстояний перевозок, не превышающих 60—80 километров; далее оно складывается все более невыгодно для автомобиля; свыше 150 километров автомобиль является уже весьма не экономным средством. Все 120 тысяч автомобилей со своей армией в 250 тысяч шоферов, обслуживавшие западный фронт Антанты, на удаление в триста километров могли бы заменить работу лишь одной железнодорожной магистрали.

Так как широкая колея в 4 раза экономичнее в отношении людского труда, по сравнению с узкой колеей, то она особенно важна для организации транспорта на обширной территории экономически бедного государства.

Экономика войны требует максимального развития железных дорог. Европейский масштаб, а не только наш советский, более уже не отвечает требованиям войны; необходимо брать пример с Соединенных Штатов, с их тридцатитонными товарными вагонами, более длинными поездами, вдвое большей скоростью товарного движения и самыми низкими тарифами в мире [1]).

Внутренние водные пути являются могучим резервом; нужна такая их организация, которая позволила бы в течение войны широчайшим образом притти на помощь железным дорогам в разрешении непосильных им задач. Дунай и сеть германских и французских каналов играли в экономике мировой войны крупнейшую роль. Они позволяли в тылу разгружать железные дороги от многих задач (часть движения сельскохозяйственных продуктов в Германии с востока на запад, значительная часть переброс каменного угля, вывоз из Румынии по Дунаю нефти и хлеба); но они также доставляли, часто до самой линии фронта, грузы цемента, щебня, леса и топлива; если были подстреленные при работе снабжения паровозы, то были и подбитые при исполнении служебных обязанностей мелкие буксирные пароходы.

Крупнейшее значение имеет и организация в стране гужевого и автомобильного транспорта.

Мобилизация вырвет из пользования населения многие тысячи автомобилей и полтора-два миллиона лучших лошадей [2]), оставив на нем полностью сельскохозяйственные

[1]) Как известно, американским железным дорогам делается упрек в том, что они зарабатывают сотни миллионов на эксплоатации фермеров при перевозке сельскохозяйственных грузов; однако, факт эксплоатации становится возможным лишь в силу высокой организованности американских железных дорог, которые взимают тариф в полтора-два раза низший русских железных дорог и в 2—3 раза меньший самых дорогих—английских. Европейские железные дороги прогорели бы, если бы попытались так „эксплоатировать" свое население.

[2]) В германской армии в мае 1918 года состояло 956.856 лошадей (Wrisberg. Heer und Heimat 1914—1918, стр. 76); к этому надо прибавить сотни тысяч павших за время войны лошадей. Правда, размер германской армии был очень велик; но, во-первых, это был четвертый год позиционного сидения, а во-вторых,

задания и увеличив втрое потребности обслуживания городов и промышленности. Угроза экономике страны особенно обострится, если на фронте не будет достаточного ухода за животными, и они будут падать после короткой службы. Рекорд падежа принадлежит английской армии, действовавшей в Восточной Африке против Летов—Форбека. В английской армии состояло при наступлении в разное время от 12 до 20 тысяч упряжных животных. Из их числа ежемесячно падало три тысячи лошадей и три тысячи мулов, в среднем; быки падали чаще: за три недели однажды пало 4.500 быков; бык служил не более шести недель, мул—2 месяцев; ослы, которых запрягали в повозку по 16, были несколько более стойкими. В общем, за 14 месяцев, к маю 1917 года, потери в животных превышали 100.000 голов, т.-е. превосходили в 6 раз штатный состав. Автомобили служили в среднем шесть месяцев, поглощали за это время 100% запасных частей, вместо 10% европейской нормы, и 600% рессор, после чего выкидывались [1]). Причинами были: муха це-це, хищники, грубое африканское сено, плохие дороги, но прежде всего—плохой уход за животными и дурные качества шоферов китайцев и негров. В 1917 г., хотя муха це-це в России не отродилась, но падеж лошадей на фронте вырос во много раз против нормы. Статистика гражданской войны также показала бы, если бы велась, чрезвычайное мотовство по отношению к коневым богатствам страны.

Побороть вытекающие затруднения можно лишь путем жесточайшей дисциплины, крайней экономии в снабжении армии транспортами и в штатной организации обоза; надо отказаться от привычки иметь транспортные средства на всякий случай и беспощадно бороться против обрастания

немцы широчайшим образом использовали узкоколейные дороги для подвоза снабжения, часть орудий имели незапряженными, зарядные ящики запрягали только четырьмя, вместо шести лошадей, почти вовсе расформировали свою конницу, часть дивизий почти вовсе лишили обоза, всюду навели максимальную экономию. Процент лошадей в армии СССР будет несравненно больше. Абсолютное количество лошадей уже в рамках организации армейского корпуса превосходит у нас ныне число бойцов. В рамках же фронтовой организации надо считать на 1000 бойцов до 1400 лошадей; нам приходится платится за слабое развитие нашей железнодорожной сети.

[1]) Commandant breveté J. Buhrer. L' Afrique orientale Allemande et la guerre de 1914—1918. Paris, стр. 376, 377, 406, 407. Этот труд представляет выдающийся интерес для изучения колониальных войн.

войск нештатным обозом. Вместе с этим необходимо воспитать в населении и армии культурный расчет, понимание выгоды чинить мосты и дороги, что дает величайшую экономию в гужевых транспортных средствах.[1])

В русских условиях, конечно, придется вовсе отказаться от маневрирования на автомобилях. Для переброски дивизии без обоза и лошадей, в вовсе не боеспособном состоянии, требуется до 600 грузовиков и очень хорошее шоссе. Чтобы захватить важнейшую часть обоза, хотя бы немного зарядных ящиков и самое ограниченное количество лошадей—по 4 на орудие и 2—на зарядной ящик—надо 1.100 грузовиков. Считая по 30 метров на автомобиль, получается кишка в 33 километра длиной; малейшее недоразумение на шоссе остановит и расстроит ее движение. Роскошь перевозки лошадей на автомобилях нам, безусловно, не доступна; маневрирование на автомобилях и на западе получит значение не как условие комфорта, а как боевое средство, лишь при замене в артиллерии и в станковых пулеметах лошадиной тяги механической. Сказанное, конечно, не исключает возможности использования автомобилей и подвод для мелких отрядов, поддерживающих порядок в окупированных областях и ведущих борьбу с отдельными бандами [2]).

Состояние транспорта, как элемента экономической подготовки к войне, нам представляется имеющим, для такого большого государства, как СССР., несравненно большее значение, чем какие-либо финансовые успехи, до твердой

[1]) В течение мировой войны французы на починку дорог на театре войны израсходовали свыше одного миллиарда шестисот миллионов пудов материала—преимущественно щебня; последнего в бедные камнем районы железные дороги перевезли свыше 400 миллионов пудов. На починку дорог французы выдвинули до 80.000 рабочих. При этих условиях французы получили возможность съекономить несколько миллионов нестроевых, по сравнению с русской армией.

[2]) Широкому, но сообразованному с наличием хороших дорог использованию автомобиля для подвоза снабжения в армию мы придаем значение, как могучего средства к уменьшению в армии числа нестроевых. Действительно, трехтонный автомобиль дает полезную работу в 200—250 тонно-километров в день, тогда как парная повозка даст лишь в 15—20 раз меньше, всего 12—13 тонно-километров. Даже считая на 1 автомобиль 3 нестроевых, мы получаем экономию в нестроевых в 5—7 раз; каждый автомобиль оставляет государству для мирного труда 12—17 работников и целый табун в 40 лошадей. Двуколка же, увеличивающая число нестроевых по сравнению с парной повозкой вдвое, двуколка, которую так любят за ее подвижность многие командиры, это настоящий призрак нищеты и падения производительности человеческого труда.

денежной системы включительно. Фридрих Великий уделял величайшее внимание постройке каналов, Наполеон I—проведению шоссе, Мольтке—организации железнодорожной сети. В нашу эпоху вопросы транспорта остались не менее острыми, в виду необычайной массивности требуемых войной средств. Быть может, соображения тех усилий, которые может дать наш транспорт, следовало бы положить в основу экономического плана; необходимы, с одной стороны, большие усилия на дальнейшее развитие транспорта, а, с другой стороны, уяснение предела экономической мобилизации, который не может быть превзойден при данном состоянии транспорта.

Стоимость войны и военный бюджет. Стоимость войны, при явной тенденции к повышению по мере усложнения военной техники, представляет резкие колебания. 20 золотых франков в день на мобилизованного—это современный минимум военных издержек буржуазного государства. Если приходится вести войну на значительном удалении (осада Севастополя), то стоимость войны имеет наклонность к возрастанию на 50%, вследствие больших транспортных расходов и необходимости оборудования новой базы. Для такого большого государства, как Россия, издержки всегда были выше нормального уровня, из-за необходимости собирать силы и средства с громадной территории и связанных с этим значительных прогулов. Если война получает позиционный характер, то издержки увеличиваются вдвое, вследствие меньшего использования местных средств и материального характера, приобретаемого вооруженной борьбой.

Но особенно увеличиваются военные издержки при недостаточной мирной подготовке. Наименее экономично всегда вели войну Соединенные Штаты, содержавшие до мировой войны лишь ничтожную армию. Им приходилось и в 1861—1865 г.г. и в 1917—1918 г.г. сразу заказывать и создавать все военное оборудование: ружья, патроны, шинели, лагери, уставы и тактические учебники, командные школы, обоз и лошадей, манежи для обучения верховой езды, стрельбища. Заказы, закупки, строительство приходилось организовывать в атмосфере чрезвычайных расценок. Приходилось приглашать поставщиков, которые, получив заказ, еще должны были строить заводы и собирать рабочих, чтобы их вы-

полнить. Торговаться с этими поставщиками приходилось импровизированному, не сработавшемуся, малоопытному административному составу, имевшему такое же отдаленное представление, как и поставщики, о технических условиях, которым должно удовлетворять заказываемое снаряжение. И так как никаких запасов у военного ведомства не было, а нужда в них была острая, то не приходилось ни уклоняться от несолидных предложений, ни защищать интересы казны. Да и не имелось масштаба правильных расценок, которым можно было бы руководствоваться при обуздании хищнических аппетитов. Отсюда, в мировую войну день пребывания американского солдата на фронте во Франции стоил в 50 раз дороже пребывания европейского бойца. Конечно, американцы сделали капитальные затраты, а дрались очень недолго, и только половина их солдат была перевезена во Францию; тем не менее, необходимость для каждого государства в десяток раз оплатить, в случае войны, всю произведенную им в мирное время на военном бюджете экономию, ясна.

Когда работа на оборону ведется в мирное время промышленностью, имеются детальные чертежи, готовые образцы, лекала, производственные традиции, определенные мирные расценки, тогда снаряжение в течение самой войны может изготовляться и гораздо скорее, и в большем масштабе, и лучшего качества, и более дешево. Поставка военному ведомству теряет характер авантюры.

Военный бюджет должен являться не только средством подготовить могущественную армию, но и понизить издержки будущей войны. Он должен обеспечить государству и капитальное оборудование на случай войны, и мобилизационные запасы, и значительные массы обученных в населении, дабы уменьшить в случае войны прогул в запасных частях, отрывающий в самое горячее время миллионы рабочих рук и от фронта и от работы в тылу.

Наличие мобилизационных запасов снаряжения, при современных требованиях войны, конечно, не может покрыть их полностью, как это было еще 50 лет тому назад; то, что было изготовлено промышленностью в течение самой мировой войны, порой в десятки раз превзошло мирные запасы. Однако, необходимо, чтобы склады военного ведомства к началу войны не пустовали; наполнение их воспитает военную промышленность; они необходимы, чтобы выиграть время на мобилизацию промышленности и приступ ее к работе полным ходом. Наличие их должно обеспечить, в случае необходимости, осуществление сокрушительного удара. Не имея запасов, придется стать на путь очень скользких мероприятий, до покупок дорогой и сомнительной заграничной контрабанды включительно.

Характеризовать военный бюджет следует процентом его, обращенным на заготовку мобилизационных запасов и на капитальное оборудование (вооружение, фортификационные работы, связь и проч.). Эта часть бюджета может колебаться от —10% (израсходование в мирное время мобилизационных запасов обмундирования, патронов и т. д.) до +70%. Производительность расхода остальной части бюджета следует мерить количеством уволенных за год в запас хорошо обученных красноармейцев (и прошедших обучение на территориальных сборах) и качеством их подготовки. Современная армия есть школа, судить о ней следует по выпускам ее учеников.

Выгодные соотношения в военном бюджете могут сложиться лишь при достаточном его размере, так как нищенский бюджет, естественно, будет поглощаться кадровым составом без производительного остатка. При надлежащем распределении военного бюджета экономические перспективы войны складываются несравненно благоприятнее [1]).

Средства для ведения войны. Фридрих Великий содержал в крепостях в мирное время два десятка миллионов пудов зерна, что обеспечивало хлебом и овсом его двухсоттысячную армию на три года, и хранил запас серебра в размере трехлетней потребности войск в жаловании; он мог себя считать экономически подготовленным к войне.

Война ведется частью за счет отложенных для нее запасов, а частью за счет средств, взятых из народного хозяйства в течение самой войны. Запасы могут быть отложены как военным, так и другими ведомствами—например, двух-

[1]) „Достоинства военного хозяйства заключаются не в том, чтобы содержать войска, но в том, чтобы сообщить государству способность иметь в тяжелый момент все средства (материальные и финансовые) для войны". Л. Штейн. Учение о военном быте, как часть науки о государстве. Петербург. 1875 г. М. Синдеев. Основы научной военно-экономической подготовки В. Мысль и Революция. 1923, кн. 4-я.

месячный мобилизационный запас топлива на железных дорогах, запасы заграничного сырья и оборудования в промышленности. По мере развития производительных сил и увеличения сложности техники наблюдается тенденция к умалению значения заранее заготовленных запасов и к увеличению значения экономических усилий, сделанных в течение самой войны.

Для Германии, Франции, России один месяц мировой войны обходился в 800—1500 миллионов золотых рублей. Нужные для войны средства могут быть добыты из народного хозяйства различными путями: 1) отказ от помещения излишков народного дохода над расходами в новые капитальные затраты — постройку жилищной площади, новых фабрик, новых дорог, устройство электрификации, организацию новых предприятий, размещение капитала за границей; 2) от реализации за границей запасов золота, валюты, или от заключения заграничного займа; 3) от постепенного изъятия вложенного в народное хозяйство капитала — посредством экономии на ремонте помещений и оборудования, сокращения оборотных средств; 4) от уменьшения реальной заработной платы при увеличении продолжительности труда и широкой эксплоатации женского и детского труда. Война берет средства и у будущего, и у прошлого, ухудшает условия производительности труда и не оплачивает его полностью, расходует здоровье следующих поколений.

Крупный ежегодный избыток национального дохода выражается в энергичном капиталистическом или социалистическом накоплении. Оно обычно связано с крупными затратами на новые сооружения, с вложением новых капиталов в промышленное оборудование государства. Последнее, в свою очередь, в большом государстве обычно связывается с цветущим состоянием тяжелой промышленности. При таком положении государство оказывается наилучше подготовленным к войне в экономическом отношении: действительно, Соединенные Штаты, откладывающие из ежегодной производительности труда, достигающей 135 миллиардов рублей, 12—15 миллиардов рублей [1]), должны на время войны, в существенных чертах, лишь отказаться от экономического прогресса и

[1]) Англия, еще не вполне оправившаяся от мировой войны, отложила за 1924 г. 2.500 миллионов зол. рублей.

направить тяжелую промышленность, вместо изготовления рельс, балок и машин, на работу по военному снаряжению. Слабость социалистического накопления СССР и медленные успехи восстановления нашей тяжелой промышленности представляют важнейшие препятствия, которые необходимо нам преодолеть для создания вполне боеспособного экономического организма. Доведение размеров социалистического накопления до тех же 10% производительности всего народного труда, как в Соединенных Штатах, явилось бы крупным бюджетным успехом, имеющим колоссальное значение для военной боеспособности.

Второй источник — реализация за границей сбережений или производство займов — представляет крупное значение лишь для буржуазных государств, и то при наличии хороших морских сообщений с заграничными рынками.

Третий источник—изъятие части оборотного капитала—очень важен для смягчения обусловливаемых военными условиями кризисов и толчков. Это — жирок экономического организма, который является резервом, когда нет обеда. Но в условиях нашей современной экономической действительности этот источник крайне ограничен.

Самым широким образом придется обратиться к четвертому источнику — сокращению личных затрат населения, понижению достигнутого им экономического уровня жизни, путем форсирования труда при неполноценной его оплате. Вместо каких-либо прибавок на дороговизну, нужно думать об удлинении рабочего дня, о понижении заработной платы, о постановке в рабочие смены детей школьного возраста, о соответственном повышении налогового пресса на крестьянство, буржуазию, государственные тресты. Войну ведет теперь народ, и ведет на свои средства. И воевать — это значит не только манифестировать, выражать свои чувства к враждебному режиму, нарушать мирные права населения в оккупированной территории. Воевать—это значит бороться, голодать, страдать, переносить лишения, умирать, повиноваться — и не только на фронте, но и в далеком тылу [1]).

[1]) Наше положение идет в разрез с древней мудростью: „люди действуют на войне не с таким одушевлением, с каким дают себя убедить начинать ее, и, меняют свое настроение сообразно с случайностями войны... Войны ведутся не столько на взносы, выколачиваемые силой, сколько на готовые средства.

Сокращение заработной платы в тылу находит свое оправдание и в том, что экономически сравнивает работников тыла с бойцами на фронте.

Конечно, чем выше в мирное время благосостояние населения и уровень его заработной платы, тем большие сбережения может дать этот источник. Но удивительна способность человеческих потребностей растягиваться и сокращаться; опыт 1919—1921 годов позволяет прозреть возможность, при высоком подъеме сознания ведущего борьбу класса, государству, имеющему общий национальный доход в 10 миллиардов рублей в год, вести войну, одни издержки на которую в иных случаях были бы исчислены в 15 миллиардов в год.

Финансовое могущество далеко еще не является военным могуществом. Только в тех случаях, когда высоко культурные народы вступают в борьбу с народами, стоящими на очень низкой ступени экономического развития, и при том не имеющими лозунгов, около которых они могли бы объединиться, война может рассматриваться, как предприятие, обеспеченное превосходством техники, при достаточных денежных ассигнованиях. Юлий Цезарь, опиравшийся на высокую римскую технику и экономику, пережил в Галлии не мало трудных минут. Италия в Абиссинии и Испания в Марокко, затратив тысячи жизней и значительные средства, не подвинулись ни на шаг вперед. Уже Бюлов подчеркнул в своей стратегии отсутствие прямого соответствия между количеством денежных средств, находящихся в распоряжении государства, и количеством материальных средств (в том числе и людей по Бюлову), развертываемых при мобилизации на границе. В августе 1870 года Пруссия, стройно развертывавшая превосходные силы на Рейне, стояла в финансовом тупике: прусская буржуазия не подписывалась на военный заем. Только ряд побед на фронте, не оставивших сомнения в исходе войны, развязал перед прусским министром финансов кошельки. А Франция, армии которой сразу попали в катастрофическое положение и терпели сплошь поражения, переживавшая внутри революцию, находилась в условиях полного

Люди, живущие трудами рук своих, охотнее жертвуют для войны жизнью, нежели деньгами... важнейшей помехой для них будет недостаток денег, так как с доставкой их они будут медлить и всегда запаздывать, а военные события не ждут (Фукидид, I, 140—142).

финансового благополучия. Если бы исход войны диктовался банкирами, Пруссия в 1870 г. несомненно была бы побеждена Францией. Национальное богатство Соединенных Штатов, оцениваемое в 635 миллиардов рублей, представляет чрезвычайно важную данную, определяющую экономический фронт. Но остается еще фронт классовой борьбы и фронт вооруженных схваток.

Несомненно, банкиры в силах воспламенить войну; но решение ей дадут другие силы [1]).

Военный коммунизм. Если стоимость войны равна всему национальному доходу государства, то ведение ее будет возможным лишь при добавочном труде населения, сопровождаемому планомерным переходом на черный хлеб и картофель, в ограниченных количествах. Этот переход, при достаточной сознательности населения, может быть выполнен энергичным подходом к проблеме покрытия издержек войны. Если же мы откажемся посмотреть прямо в лицо на выпадающие на нас экономические задачи, и не проявим достаточной решительности, обесценение денежных знаков и дороговизна вскоре заставят обратиться к менее выгодному решению, заключающемуся в „военном коммунизме", связанному с переходом всего населения на пайки и карточки.

Экономическая мобилизация. Задачи экономической мобилизации охватывают все отрасли экономической деятельности. Важнейшее лежит в правильной оценке возможностей народного хозяйства; боеспособность государства может быть подорвана предъявлением к его экономике требования непосильных напряжений и жертв. Излишнее усердие, проявленное в царской России в 1916 г., в особенности деятельностью Ванкова, принесло еще больший вред, чем недостаточная энергия 1914 и начала 1915 года. Между созданием надлежащей хозяйственной базы для длительной борьбы на

[1]) Мы пользуемся случаем обратить внимание на частые злоупотребления цитатой из труда Монтекуколи: для войны нужны деньги, деньги и деньги. Монтекуколи именно и обращал внимание на то, что одних денег не достаточно, что необходима подготовка на широком фронте, что после войны нужно не распускать войска, а сохранять их постоянно, и сейчас же после заключения мира следует начинать подготовку к следующей войне. Мнение, что для войны нужны деньги, деньги и деньги он высказывает лишь, как характеристику представлений ограниченных, узколобых людей о требованиях войны. И по вопиющей безграмотности какого-то писателя, эта ходячая глупость, над которой насмехался Монтекуколи, приписывается теперь ему!

измор и ударными экономическими мероприятиями [1]), в роде приспособления железнодорожных мастерских для военных надобностей, лежит то же противоречие, которое характеризует постановку всех стратегических проблем. Разрешение его будет правильным лишь в том случае, если оно будет находиться в соответствии с характером данной войны.

Проблемы экономической мобилизации не могут быть проработаны заранее с такой же четкостью и исчерпывающей полнотой, как вопросы чисто военной мобилизации. Разрешение их сводится к организации войны, к приспособлению жизни всего государства к военным условиям. Исчерпать такую задачу чисто бюрократическим путем невозможно. Нужно, чтобы каждый на своем месте произвел усилия приспособить труд к условиям военной экономики. Успех увенчает сознательную работу массы, при твердом и дальновидном руководстве сверху.

Перманентность экономической мобилизации. Было бы совершенно ошибочно рисовать себе экономическую мобилизацию, как переход промышленности от мирной нормы изготовления военного снаряжения к выполнению твердо установленного, повышенного в десятки раз задания, переход, который осуществляется одним толчком, растягивающимся на 5—8—12 месяцев. Опыт мировой войны, напротив, свидетельствует о том, что рост заданий для промышленности разбивался на ряд ступеней. От изготовления снарядов десятками тысяч в месяц переходили к сотням тысяч, от сотен тысяч — к миллионам. Италия, успевшая частично провести экономическую мобилизацию до своего запоздалого вступления в войну, все же в течение самой войны увеличила производство снарядов в 9 раз (с 5 до 45 тысяч снарядов в день), производство ружей—в $5^1/_2$ раз (с 600 на 3.300), пулеметов—в 40 раз (с 1 на 40 в день).

[1]) Надо рассматривать, как ударное мероприятие, закон 17 февраля 1915 г., предоставивший командующим войсками права реквизиции, запрещения вывоза из своих округов и назначения твердых цен. При экономической безграмотности исполнителей, Россия оказалась сразу рассыпавшейся на несколько сатрапий; каждый сатрап запрещал вывозить от него, то что его сатрапия производила, чтобы иметь возможность дешевле вести заготовки. Выросли тысячи внутренних таможенных рогаток. Создавшийся экономический хаос оказался настолько угрожающим, что пришлось отменить эту ударную меру.

Еще в 1917 году Италия производила 358 орудий в месяц; но катастрофа под Капоретто, осенью 1917 года, когда Италия потеряла половину своей артиллерии (3.152 орудия из общего числа 7.138) заставила усилить задание, и в мае 1918 года итальянская промышленность добилась рекордной цифры в 1.338 изготовленных орудий, при средней ежемесячной норме 1918 года в 852 орудия.

Эшелонирование заданий естественно вытекает из насущных требований войны: необходимо получить не максимальные достижения военной промышленности, а скорейшее получение достаточного прироста. Когда стал обозначаться кризис в боевых припасах на русском фронте в феврале 1915 года, естественно было дать задание — увеличить их производство в 10 раз, а не в 25 раз, если первое пожелание могло быть выполнено в 7 месяцев, а второе в 27 месяцев.

Отсюда нам кажется, что погоня за достижением сразу же максимальных результатов от экономической мобилизации представляет неразрешимую задачу. Конечная цель, если потребуется, будет достигнута в несколько этапов. Серьезные войны вспыхивают обычно в момент, когда на юге начинается уборка урожая. Через 8 месяцев, весной, начнется новый акт войны, кампания, которая будет вестись уже почти исключительно материальными средствами, изготовленными во время самой войны. Все внимание подготовки экономической мобилизации должно быть направлено на организацию использования этих 8 месяцев. Мирные соображения будут иметь в виду дальнейшие достижения лишь постолько, чтобы намеченные на первые 8 месяцев мероприятия не закрывали бы дорогу дальнейшему росту военной промышленности.

В течение этих первых 8 месяцев мобилизованная в первую очередь часть вооруженных сил может быть усилена на 50, на 100, на 300% новыми формированиями. Вопрос о сроке и количестве вновь образуемых корпусов разрешается только в связи с вопросом о сроках изготовления для них военного снаряжения. Экономическая мобилизация тесно связывается с военной мобилизацией, которая ныне также, как мы увидим, является перманентной. Очень важно разбить и эти 8 месяцев на 2 — 3 этапа роста готовности

экономических заданий. Только в таком случае вопросы экономической мобилизации станут на вполне конкретную почву. Необходимо подробно разработать 2 — 3 эшелона экономической мобилизации, растягивающиеся каждый не свыше 2 — 3 месяцев. Первый эшелон совпадает с истощением части мирных запасов; второй эшелон даст вооружение новым формируемым войскам; третий эшелон обозначит готовность к открытию новой кампании.

Организационный вопрос. Экономическая мобилизация представляет вопросы организационный, транспортный, финансовый, распределения рабочей силы, отношений города и деревни и мобилизации промышленности. Мы подробнее остановимся лишь на трех последних. Организационный вопрос в СССР существенно облегчается в том отношении, что уже в мирное время вся наша экономика имеет боевые органы руководства — Совет Труда и Обороны, Высший Совет Народнаго Хозяйства, Внешторг, Внуторг, и мобилизация у нас не вызывает необходимости в какой либо организационной ломке, тогда как в буржуазных государствах придется импровизировать — создавать и расширять—верхушку экономического аппарата. Наше преимущество при мобилизации экономики такое же, какое имела армия Фридриха Великаго, выступавшая на войну в постоянном мирном составе, над современными полумилиционными армиями. В значительной степени уже в мирное время наша промышленность работает по общему плану. Руководящие органы с объявлением войны останутся на своих местах, изменится лишь осуществляемая ими экономическая программа. К этому изменению своей деятельности они должны быть хорошо подготовлены разработкой мобилизационных соображений.

Мобилизация транспорта и финансов имеет уже обширные традиции в прошлом, опыт 60 лет, и проведение их должно быть осуществлено вполне планомерно. Мы уже говорили о задачах транспорта, к коим он должен изготовиться, и о нашем представлении о путях покрытия издержек войны. Последнее представляет сущность финансовой мобилизации, которая в остальном сводится лишь к обеспечению наличности в кассах государственного казначейства достаточного числа денежных знаков для удовлетворения

потребностей военной мобилизации. Финансовая техника уже в мировую войну во всех государствах стояла высоко. [1])

Распределение рабочей силы. Перераспределение рабочей силы при мобилизации—обширная и сложная экономическая операция, в отношении которой мы находимся в выгодном положении. Какую бы сильную армию мы ни выставляли, если мы не слишком расточительно будем относиться к переполнению военных тылов людьми, то при нашем народонаселении мы оторвем от производительного труда меньший процент рабочих рук. Наша деревня, на которую падает свыше 90% мобилизованных, далеко не использует в мирное время полностью свою рабочую силу. У нас, повидимому, возможно будет ограничиться поддержанием у крестьян экономического импульса к тщательной обработке земель и организацией общественной помощи хозяйствам мобилизованных.

Совершенно понятным является стремление иметь в рядах Красной армии во время войны возможно больший процент рабочих. В этом отношении, однако, надо быть чрезвычайно осторожным, чтобы избежать отрицательных последствий, наблюдавшихся в мировую войну, в которую все государства вступили, не имея продуманной системы отсрочек от призыва. Мировая война представляет картину удивительной толчеи: рабочих призывали в действующие армии, а затем, как квалифицированных специалистов, без которых промышленность не могла справиться с выпавшими на нее задачами, возвращали к станку. Страдало и военное ведомство, затрачивавшее бесплодно много усилий, и транспорт, и промышленность, на которую тяжело ложились эти прогулы рабочих по запасным частям и на фронт. Во Франции, к осени 1917 г., число отозванных с фронта достигало 700.000 человек, а к концу войны перевалило за миллион [2]).

[1]) Литература по фин. вопр. войны — у А. Свечина, Ист. В. Иск., т. III, стр. 30. Весьма ценные дополнения в ист. миров. войны Гельфериха, б. герм. мин. фин. Helferich. Der Weltkrieg. 1919, т. II, стр. 111-282. Фин. сторона ведения миров. войны Антанты—в труде б. франц. мин. фин. L. L. Klotz De la guerre à la paix 1923.

[2]) Из них в военной промышленности непосредственно работало к концу войны только 500.000; остальные, вероятно, оказались „необходимыми“ административными работниками. Если мы наблюдаем во Франции несравненно меньшее поглощение промышленностью квалифицированной мужской рабочей силы, по сравнению с Германией, то это объясняется прежде всего тем, что

На уставших бойцов в окопах такой способ увольнения на родину, конечно, мог производить только отрицательное впечатление. Людендорф осенью 1916 г., чтобы преодолеть угольный кризис, уволил одним приемом с фронта в шахты 50.000 забойщиков. Шатание в Германии происходило до конца войны: военная власть усматривала в промышленности таких военно-обязанных, которых можно было бы заменить женщинами или инвалидами, а промышленность персонально добивалась возвращения из армии особенно ценных (а часто просто имевших протекцию) рабочих: еще в сентябре 1918 г., когда германская армия испытывала жесточайший кризис укомплектований, промышленность отобрала от армии 34.769 человек, и отдала армии 24.175 человек [1]). До 20% всей убыли причиняли армии требования промышленности. Всего в конце мировой войны, когда германская армия, не получавшая укомплектования, таяла на глазах, в промышленности работало 2.434.000 военнообязанных, в том числе 1.188.000 физически годных к службе в действующей армии.

Надо во что бы то ни стало освободить армию от этих 20% лишних для нее потерь. Надо основательно продумать, какие категории рабочих могут быть призваны на фронт, так как их труд не является связанным с интересами войны, или может без ущерба быть заменен трудом неквалифицированных чернорабочих, или трудом женщин и детей [2]), или трудом мужчин, физически негодных к походу. Нужно быть в этом деле очень строгим и придирчивым, чтобы не допустить обращения Красной армии на все 100% в крестьянскую армию. Но там, где требуется квалифицированный труд, рабочие сразу же должны быть освобождены от призыва по мобилизации. Если нельзя рекомендовать в целях экономии увольнять всех таких рабочих и от отбывания

Франция, потеряв вместе со своим севером шахты, рудники, домны и мартеновские печи, жила всю войну преимущественно американской сталью; а в Германии горная промышленность поглощала массу мужчин в призывном возрасте.

[1]) Данные о германской армии у Wrisberg. Heer und Heimat 1914-1918 г.г. стр. 292, 100. Цифры о французской армии заимствованы из труда Painlevé. Comment j'ai nommé Foch et Pétain.

[2]) Во французской военной промышленности к концу мировой войны насчитывалось на 15.000 фабриках и мастерских 1.700.000 рабочих, в том числе 1/3 женщин и детей (430 тыс. женщин, 130 тыс. несовершеннолетних).

воинской повинности в мирное время, то можно высказать сомнение в целесообразности предлагавшегося некоторыми приурочения первых территориальных дивизий к промышленным районам. Дивизия донецких шахтеров или дивизия железнодорожников московского узла имела бы в военном отношении нулевое значение, так как не могла бы быть мобилизованной. По опыту Германии, 50% всех отсрочек следует относить на горную промышленность, 25% — на транспорт и только 25% — на всю остальную промышленность и „незаменимых“ служащих. Такое отношение нам кажется здоровым.

Конечно, вопрос о мобилизации рабочей силы имеет и много других сторон, но они меньше интересуют стратегию.

Город и деревня. При экономической мобилизации необходимо удержать существующее экономическое равновесие между городом и деревней, рабочими и крестьянами. Служащие и рабочие, живущие в городах, непосредственным своим производством не обслуживают личных потребностей и находятся в гораздо большей зависимости от рынка, чем крестьяне, обеспечивающие своим личным хозяйством себя в отношении продовольствия, топлива, ремонта жилищ отчасти даже одежды. Война, опустошая рынки, колебля денежную систему, имеет тенденцию нарушить равновесие, поставив городское население в неизмеримо более трудное положение, чем население деревень, живущее в значительной мере натуральным хозяйством. С началом войны быстро уменьшается предложение крестьянских продуктов, конкуренция производителей исчезает, цены на продовольствие растут. Промышленность, обратившая свое производство на войну, не имеет возможности снабжать деревенские рынки ходким крестьянским товаром.

Здоровая экономическая политика должна обеспечить равновесие во что бы то ни стало; недостаток товаров для деревни должен быть заменен соответственным налоговым нажимом. Экономическая мобилизация должна предвидеть формы военного налога на крестьян, пропорционально уменьшению реальной заработной платы в городах. Отнюдь нельзя допускать даже признака наживы на общественном бедствии, представляемом войной. Война уже проиграна, как только значительные массы пожелают что-либо выиграть на ней.

Экономическая мобилизация должна предвидеть ряд энергичных мер борьбы за низкие хлебные цены, относительно целесообразности коих до начала войны можно быть различного мнения. Мобилизация армии вызывает значительное увеличение потребления овса, так как лошади, мобилизованные в армию, переходят с нормальной в крестьянском хозяйстве дачи в 2 килограмма на дачу в 5 — 6 килограммов. Общая потребность в продовольствии почти не увеличивается, так как население суживает свои потребности значительно, что покрывает увеличенное потребление красноармейца. Но тогда как раньше этот фураж и продовольствие собирались по крохам в различных хозяйствах, теперь потребность в нем обнаруживается сразу, суммированной в одну массу. Нужна большая организованность, чтобы разрешить возникающие затруднения. Задача сильно облегчалась бы при наличии обычного вывоза зерна за границу. Поскольку СССР постепенно перестает быть государством, ведущим крупную экспортную торговлю зерном, и стремится заменить ее вывозом более ценного сельскохозяйственного сырья, придется, может быть, поставить и вопрос об организации крупных хлебных резервов, которые позволили бы преодолеть стихию крестьянского рынка[1]). В Германии, чтобы обеспечить города хотя бы картофелем, пришлось провести в начале войны и такую меру, как массовый обязательный убой свиней.

Промышленная мобилизация планомерно еще никогда не производилась, если не считать очень сомнительной подготовки Италии в первые 10 месяцев мировой

[1]) Сказанное нами о необходимости обеспечить сохранение равновесия между городом и деревней в равной степени относится до равновесия между различными государствами и областями федерации. Экономическая политика должна стремиться к равномерному распределению тяжестей и лишений войны. Поведение Венгрии в мировую войну представляет крайне поучительный отрицательный пример. Венгрия не захотела расстаться со своим привилегированным продовольственным положением производящей области и создала внутреннюю таможенную границу, отделившую ее от Австрии. В сельско-хозяйственной Венгрии сохранилось сравнительное благополучие, тогда как Австрия, промышленность коей работала на войну, оставалась буквально порой без куска хлеба. Мне представляется, что эти внутренние таможни отозвались и на различном упорстве, с которым австрийцы и венгерцы сражались на фронте. Эгоизм Венгрии сказался особенно в железнодорожном вопросе; Венгрия стремилась не подрывать интересов железнодорожных выходов к Адриатике, находившихся в руках Венгрии, и даже в течение войны препятствовала железнодорожному строительству на австро-итальянской границе. Kraus. Die Ursachenunserer Niederlage. 1920 г., стр. 28, 62—66, 174.

войны, когда она не принимала еще непосредственнаго участия в военных действиях; исторический опыт гласит лишь о ее необходимости, и дает данные о стихийном процессе перехода промышленности на новые пути в мировую войну. Учет всего необходимого сырья и распределение его, учет и наиболее рациональное использование фабричного оборудования, перегруппировка технических руководителей и рабочих, полное использование труда безработных, привлечение новой рабочей силы из деревни, задания, соображенные с возможностями имеющихся средств и нуждами войны, составляют сущность этой мобилизации. Практика руководства мирной экономической жизнью СССР представляет, может быть, лучшую школу для составителей плана такой моболизации.

Особенно важна гармония плана промышленной мобилизации. Необходим равномерный рост производства военного снаряжения: если будет усилено производство снарядов, но не будет хватать стали, или транспорт не будет справляться с перевозками угля, то снарядное производство остановится. Но и снаряды будут ни к чему, если не будет хватать пороху, гильз или трубок. Количество производимых выстрелов должно быть в полном соответствии с производством орудийных стволов на замену изношенных или погибших. Однобокое развитие производства ручных гранат, или ружей, или солдатских сапог, бязи и сукна тяжело отзовется на материальных средствах государства и не даст армии никакого реального выигрыша.

Как ни обширен рынок потребления военного снаряжения, представляемый войной, но и здесь нужны люди, потребляющие это военное снаряжение; поэтому и на войне возможны кризисы перепроизводства военного материала. Если мы будем рассматривать „большую программу Гинденбурга“, принятую германской промышленностью в конце 1916 г., как задание для новой экономической мобилизации среди войны, то мы почерпнем ряд указаний об опасности преувеличения военной части задания для мобилизации экономики. Остановим наше внимание на одном примере. Людендорф определил в сентябре 1916 года месячное задание промышленности по производству полевых орудий в 3.000, что значительно превосходило действительную потребность, для достижения такого гигантского успеха прищ-

лось построить новые фабричные корпуса, изготовить новые станки, увеличить производство стали, отвлечь часть выработки угля, ослабить имевшийся для армии запас пополнений на значительное количество рабочей силы, необходимой для добычи сырья, увеличившейся работы транспорта строительства, производства. В мае 1917 г. Людендорф сознал допущенную в програме ошибку и дал соответственные указания о переходе на фабрикацию не свыше 1500 полевых пушек в месяц; в сентябре 1917 г, он сократил норму до 1100; в марте 1918 г.—до 725 орудий в мес. Однако, промышленное производство имеет громадную инерцию, поддерживаемую заинтересованными в нем лицами; оно достигло таки трехтысячной порции в месяц и с великим трудом было понижено тыловыми органами снабжения. Еще в июне 1918 г. производство равнялось 2498 полевых орудий. В результате, в германском тылу образовались залежи совершенно новых полевых пушек; один Кёльн был забит складом из 3500 новых полевых пушек и 2500 новых полевых гаубиц. Некоторое облегчение принес только Фош, желавший своими условиями перемирия обезоружить Германию: после подсчета германской артиллерии, долженствовавшей быть на лицо в действующей германской армии, Фош предъявил требование выдать 2500 полевых орудий и 2500 тяжелых орудий. Требование его было исполнено в отношении полевых орудий, совершенно новыми пушками из тыловых складов, нисколько не затрагивая состоявшего в армии вооружения. Контрольные комиссии Антанты, уничтожавшие потом германское вооружение, были поражены впоследствии десятками тысяч предъявленных им, для обращения в лом, германских орудий. [1])

Надо себе ясно представлять, что усилие, которое государство способно произвести на фронте и в тылу, составляет одно целое, и перегрузка тыла ведет к ослаблению фронта. Когда летом 1918 г. германская армия стала таять, естественно было бы уменьшить объем военной работы тыла, чтобы сохранить боеспособность фронта. К чему было в те-

[1] Ludwig Wurtzhacher. Die Versorgung des Heeres mit Waffen und Munition. В труде M. Schwarte. Der grosse Krieg 1914—1918.г. IX, ч. I, стр. 131—134. Wrisberg Wehr unh Waffen 1914—1918 стр. 18, 19, 57.

чение одного года фабриковать такое количество огнестрельных припасов, которое, погруженное в вагоны, заполнило бы на рельсах все расстояние от Гамбурга до Константинополя, когда на фронте не было рук, чтобы расстреливать их? Мы усматриваем логическую нелепость у Людендорфа, допустившего вступление Германии в ноябрьский кризис 1918 г. с обезлюдившим фронтом и с тылом военной промышленности, работавшим максимальным ходом. Перед этим фактом бледнеет лишний десяток миллионов снарядов, изготовленный русской промышленностью к 1917 г. И в производстве военного снаряжения нельзя стремиться непременно к высшим достижениям, а необходимо знать разумную меру.

Военная промышленность должна быть технически подготовлена к мобилизации. В мирное время естественно стремление к наивысшему качеству изделий и к способности их выдержать долголетнее хранение. В течение войны нет смысла фабриковать дорогой порох, могущий выдержать 15 лет хранения, если он будет израсходован через несколько месяцев; да и к качеству можно быть не столь придирчивым, если нечем стрелять. Однако, разработка пониженных технических условий представляет процедуру, требующую не мало внимания и времени, и она должна быть проделана еще в мирное время.

Наравне с этим, необходимо иметь наготове и упрощенные образцы снаряжения, на случай, если выработка совершенных не может быть доведена до требуемого количества. Механические сильно взрывчатые смеси могут заменить в снарядах тринитротолуол; чугунные гранаты в крайности могут служить вместо стальных; отсутствие вполне безопасных взрывателей не должно заставлять молчать артиллерию, так как и простенькие, чуточку не безопасные взрыватели могут позволить ей стрелять, даже и традиционная латунь может быть заменена для гильз более дешевым материалом. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы техника бюрократически относилась к потребностям войны, как это было в старой русской армии: есть—хорошо, нет—обойдетесь. Техника должна применяться к условиям войны и подчиняться им; гибкость ее должна быть обеспечена мобилизационной подготовкой.

Для того, чтобы фабрика, не производившая в мирное время военного снаряжения, могла приступить к массовой его выработке, необходимо снабдить ее достаточным числом экземпляров рабочих чертежей и технических условий, нужными лекалами и шаблонами, сосредоточить запас сырья и обеспечить непрерывный его подвоз, приспособить, развить или создать заново необходимое оборудование, собрать и подготовить к новому производству рабочую силу. Массовое изготовление чертежей и лекал требует много времени; с незначительными затратами эти работы, однако, могут быть исполнены или подготовлены в мирное время. Вопросы с сырьем и оборудованием разрешатся несравненно скорее, если будут обдуманы еще в мирное время. Подготовка рабочей силы к производству потребует до двух месяцев. В мировую войну мобилизация металлургического предприятия часто растягивалась на срок свыше одного года. Мы полагаем, что уделение этому вопросу в мирное время самого скромного внимания должно повысить успех мобилизации вдвое.

Техническая внезапность. Уже в войну 1861-1865 г. в Соединенных Штатах были сделаны в течение войны широкие шаги в самых различных областях военной техники: появились мины, броненосцы, 12-дюймовые пушки, магазинные ружья, пулеметы и т. д. В войну 1870 года, Наполеон III втайне подготовил введение на вооружение французской армии двух сотен пулеметов и весьма рассчитывал на эффект технической внезапности. Однако, использование пулеметов вовсе не было продумано тактически, не согласовано с тактикой французских войск; полигонные артиллеристы—математики, которым поручено было проведение этого мероприятия, додумались лишь до перевооружения части батарей пулеметами, и предназначали пулеметные батареи преимущественно для боя на дальних дистанциях. Это тактическое непонимание не только свело на нет техническую внезапность, но задержало на тридцать лет распространение пулеметов в европейских странах.

В мировую войну германцам отчасти удался эффект внезапного появления 42 *см* гаубиц; несмотря на то, что русские для своих опытов заказали уже перед войной образец такой гаубицы во Франции, что теоретически все было ясно, и новые русские долговременные оборонительные постройки рассчитывались уже не на 6—8 дюймовый осадный калибр, а на 11—16 дюймовую осадную артиллерию, что мы произвели обширные опыты с 11″ калибром, все же во всех крепостях мира наблюдалась страшная растерянность, когда обнаружилось действие германских „Берт“, увеличенное до фантастических размеров искусной рекламой. Другие крупные шаги германской технической мысли не были реализованы сколько-нибудь разумно: Фалькенгайн согласился на применение ядовитых газов на фронте лишь в виде пробы, а артиллерия экстрадальней стрельбы выступала с какими-то выставочными одиночками; обстрел Парижа с удаления свыше 100 километров носил характер спортивного выступления артиллерийской техники Круппа, но не серьезного предприятия (303 выстрела за 44 дня, в том числе 183 попадания в черте города). Антанта проявила техническую инициативу лишь в разработке танков; с 1916 г. начались опыты на фронте, достаточно неудачные, и если в 1918 г. танки имели успех [1]), то отнюдь не потому, что у немцев не было времени подготовиться к их встрече, отражению и введению танков на вооружение германской армии: известная переоценка своих успехов над первыми танками, невнимание и презрение к техническим усилиям Антанты, технический консерватизм военного германского командования, затруднявший и шаги собственной техники, вот условия, создавшие, в связи с общим началом разложения германских войск, выгодные рамки для танковых атак Антанты летом 1918 года.

В будущую войну техническая инициатива будет иметь огромное значение. Но нужно, чтобы она встречала у генерального штаба доброжелательный прием, чтобы все первые опыты выполнялись в далеком тылу в полной тайне. При высокой квалификации технических и тактических работ-

[1]) В январе 1915 г. в России производилось 6 тыс. пудов взрывчатых веществ. Февральское задание потребовало увеличения на 1000%—до 60 тысяч пудов в месяц. Оно было резервировано через 7 месяцев—в августе 1915 года на 13-й месяц войны. Очевидно, уже в первые месяцы войны подготовительные работы к расширению производства велись. В июне 1915 г. задание вновь было повышено на 266%—до 160 тыс. пудов в месяц. Выполнение этого требования растянулось уже больше чем на 19 мес. (январь 1917 г. производство 156 тыс.), а так как очевидно приходилось не приспосабливать, а заново создавать необходимые заводы.

ников и постановке работы в надлежащие, а не бюрократические условия, при отстранении от нее ведомственных ученых комитетов, являющихся, по самой своей сущности и организации, оплотом технической реакции и кладбищем для новых мыслей, возможно втайне создать пригодное к бою новое оружие. И нужно такое доверие верхов, чтобы без боевого крещения было приступлено к массовому изготовлению. Конечно, велика опасность, что если тактико-техническая головка окажется не на высоте, то даром будут брошены огромные средства. Но на этот риск надо итти сознательно. Ценность действительно разумного работника в этой области бесконечна (ген. шт. полковник Бауэр в Германии). Новое оружие должно выступить сразу массивно, в большом количестве; это тоже резерв, который нельзя тратить капля за каплей; не нужно постепеновцев и опытов на поле сражения!

Экономический генеральный штаб является отражением современного расширенного представления о руководстве войной. Если боевые задачи предстоят в течение войны не только на фронте вооруженной борьбы, но и на фронтах классовом и экономическом, то необходимо заблаговременное создание боевых органов, ведающих подготовкой и подготовляющих себя к руководству соответственным фронтом. Создание же боевого экономического штаба стоит в порядке ближайших мероприятий.

Опыт прошлого показывает, что без особого боевого органа деятельность различных высоких вневедомственных органов по общей подготовке к войне может замереть (Совет Национальной Обороны, созданный во Франции еще 20 лет тому назад) или же может исключительно сосредоточиться на решении текущих вопросов мирного времени (Совет Труда и Обороны в минувшие годы в СССР). Чрезвычайно сложное сцепление всех экономических вопросов исключает всякую возможность успеха эпизодического вмешательства представителей военного ведомства, налетов по отдельным экономическим вопросам. Все крупные экономические мероприятия, даже такие, которые, как Волховстрой, проблема электрификации в полном объеме, или простое определение цены на крестьянскую рожь, казалось бы не имеют непосредственного отношения к подготовке к войне, в действительности обусловливают экономические сдвиги, влияющие положительно или отрицательно на подготовку к войне, и потому нуждаются в критической оценке их с точки зрения военной экономики. Довлеющее значение общего развития и оздоровления экономики, конечно, может весьма часто заставить временно пренебречь интересами военной подготовки, но сознание их должно неотступно проникать в его экономическую деятельность.

Экономический генеральный штаб может быть не многочислен, но квалификация его должна стоять очень высоко. Мы полагаем, что частью он должен состоять из лиц, тесно связанных своей подготовкой и службой с Красной армией, и получивших высшее военное образование, дополненное стажировкой в промышленности и отдельными работами по военной экономике, а частью из выдающихся экономистов и техников, с широким взглядом, специально разрабатывающих вопросы экономики, связанные с войной, и уделивших время для ознакомления с историей некоторых последних войн, стратегией и администрацией. В Германии вопрос об экономическом генеральном штабе возникал еще до мировой войны, но не получил решения; Франция находится теперь в первой стадии его организации.

[1]) Мы совершенно не согласны с английским главнокомандующим Хэгом, который ставит себе в заслугу начало применение танков в 1916 году, что дало боевой опыт, который позволил усовершенствовать танк и выработать методы его применения. Вот это надо было проделать в тылу.

5. Дипломатический план.

Задачи дипломатии.—Лозунги войны.—Зависимость внешней политики от внутренней.—Дипломатическая подготовка войны.—Крестовый поход. Лига Наций.—Коалиции; их эволюция и упрочнение.—Трудности сепаратного мира.—Здоровый государственный эгоизм.—Вассалы эпохи империализма.—Союзники поневоле.—Великие державы и малые союзники—Военные конвенции.—Политические стыки.—Согласование стратегии коалиции.

Задачи дипломатии. Связь условий, в которых приходится вести внешнюю войну, с внешней политикой очевидна.

Дипломатия должна при наступлении дать нам выгоды политической внезапности и устранить их невыгоды при

обороне. На дипломатию ложится задача — позволить государству избежать вооруженных столкновений с соседями в нежелательную для него минуту, и наоборот, в том случае, если достижение исторических целей, которое ставит себе государство, невозможно без применения вооруженного насилия, то дипломатия должна вызвать войну в наиболее удобную по чисто военным и экономическим условиям минуту, при наиболее выгодных внешних условиях.

Эти выгодные внешние условия заключаются в том, чтобы по возможности изолировать враждебное государство от возможных его союзников, создать себе активных союзников, вызвать враждебное отношение нейтральных стран к неприятелю и сочувственное к себе, лишить неприятеля возможности размещать свои займы и приобретать необходимые для ведения войны сырье и вооружение за рубежом, и открыть нам за границей источники экономического содействия. Одиозность объявления войны по возможности нужно стремиться отвратить от себя и возложить на неприятеля.

Лозунги войны. Династические войны окончательно ушли в прошлое. Внешняя политика в настоящее время все более и более является отзвуком не национальных, а экономических и классовых мотивов. Искусство дипломатии должно обусловить разрыв с неприятелем под лозунгами, которые найдут широкий отголосок за границей и будут поняты широкими массами населения. В этом отношении необычайную ловкость проявил Линкольн в 1861 г., когда началась война за нераздельность Севера и Юга Соединенных Штатов; истинные причины войны заключались в том, что промышленный Север хотел обратить земледельческий Юг в колонию для сбыта ему своих изделий по высокой цене, защищенной таможенной пошлиной; однако, такое стремление к эксплоатации не могло быть популярным лозунгом войны; поэтому Линкольн и весь Север прониклись вдруг необычайным сочувствием к бедным неграм, которых эксплоатировали рабовладельцы-плантаторы Юга; война сложилась под лозунгом борьбы за права человека, борьбы против самого принципа рабовладельчества. Сами жесточайшие эксплоататоры труда, но пользовавшиеся другой формой эксплоатации — заработной платой пролетариев, янки Севера вызвали большое сочувствие выброшенному ими лозунгу. Точно также

и Англия, выступившая в мировой войне, чтобы раздавить своего экономического конкурента — Германию, сумела принять рыцарскую позу защитника международного права и, в частности, малых государств — Бельгии — от насилия над ними крупных. Явное лицемерие этой позы и доходившая до приторности идеализация „маленького героического народа“, подвергнувшегося нападению „современных гуннов“ — нисколько не помешали открыть английской точке зрения дорогу во все страны мира в течение мировой войны.

Зависимость внешней политики от внутренней. Внешняя политика представляет продолжение внутренней, и потому является далеко не свободной в своих комбинациях. „Порядок требует отделения департамента иностранных дел от департамента внутренних дел“, писал государствовед начала XIX века Адам Мюллер, и сейчас же развивал утверждение, что в сознании правительства и народа иностранные и внутренние дела должны представлять лишь одно целое.

В 1870 г. внутренняя политика бонапартизма основывалась на теснейшем единении с католическими элементами внутри Франции, где нарастало сильное либеральное движение, являвшееся угрозой для правительства Второй Империи. Правящая клика, группировавшаяся около императрицы Евгении, имела в виду отменить конституцию и расправиться одним ударом с оппозицией. Но такой внутренний переворот требовал предварительного военного успеха, который поднял бы популярность династии во Франции. Таким образом, из реакционных элементов Второй Империи естественно сложилась партия войны — весьма желательный партнер для Бисмарка, которому также была нужна война с Францией, чтобы закончить дело объединения Германии.

Внешняя политика нуждалась в союзе с Австрией для совместной борьбы с Пруссией. Но Австрия, помнившая 1866 г., когда ей пришлось воевать одновременно на два фронта — против Пруссии и Италии, требовала, как предварительное условие своего вступления в союз, вовлечение в него и Италии. Итальянское правительство, очень близкое к Наполеону III, охотно пошло бы на союз с Францией и Австрией, но требовало, чтобы за этот союз оно было удовлетворено разрешением занять Рим и лишить папу свет-

ской власти; не получив этого, итальянское правительство не могло бы выдержать натиска итальянских патриотов и революционеров, требовавших довести до конца дело объединения Италии и заручившихся у Бисмарка обещанием помощи деньгами и оружием. Но вторая французская империя, по внутренним политическим соображениям, не могла оставить папу без поддержки—и таким образом дипломатия оказывалась бессильной достигнуть реальных результатов. Вопрос о создании союза не вышел из стадии переговоров до того момента, когда гром пушек под Вертом и Шпихерном не заставил прекратить все разговоры о нем.

Нейтральные государства. Дипломатический план обязан учитывать международные отношения в мировом масштабе, а не концентрировать свое внимание на вероятных противниках. Столкновение между двумя государствами теперь легче, чем когда-либо может развиться в мировой пожар, так как экономические интересы представляют теперь на земном шаре одну общую сетку. Существенные интересы нейтральных государств задеваются войной. Мировое хозяйство представляет лишь одно целое, как ни стремятся отдельные государства выделиться в самостоятельные хозяйственные организмы. Большая война представляет колоссальное экономическое предприятие, вовлекающее в свой водоворот громадное количество рабочей силы, сырья, промышленных изделий, транспортных средств, и совершенно изменяющее всю обстановку мирового хозяйства. Меняются цены и поставщики, условия кредита, производства, обмена, сношений, потребления.

Иногда нейтральные попадают в круг блокады, и могут поддерживать внешнюю торговлю лишь под условием допущения контроля иностранных государств. В Швейцарии было образовано контролируемое Антантой смешанное общество S. S. S. (Société Suisse de Surveillance), таковое же в Голландии носило название треста N. O. T. Nederlansehe Overzu-Trust); они регулировали всю внешнюю торговлю этих государств. В скандинавских странах, особенно в Норвегии, хозяйничали дипломатические представители Антанты [1]). Но

[1]) M. W. W. P. Consett. The Triumpf of unarmed Forces 1914—1918. London, 1923. Автор утверждает, что первые два года были Англией потеряны на Скандинавском полуострове для блокады Германии.

такой нажим на нейтральных был возможен лишь по мере уяснения громадного перевеса сил Антанты.

Вообще же, за нейтральными приходится ухаживать, тщательно блюсти их экономические интересы, памятуя, что с точки зрения нейтральных, все, что происходит на войне, должно делаться в их интересах, и на всем они должны иметь наживу за счет воюющих.

Среди нейтральных разыгрывается оригинальное состязание враждующих сторон: агитация, преимущественно экономического характера, вербовка подкупом и заказами друзей в прессе, лиц, влиятельных в политических кругах, промышленности, угощение телеграммами и кинофильмами, разработка наспех военно-исторических трудов о протекших операциях, из которых было бы ясно видно превосходство стороны заказчика и корректность его образа действий. Прогулки иностранных военных агентов и заметных журналистов, устраиваемые генеральным штабом по оставшимся в его обладании полям сражений, и снабжение их ценной информацией, часто документальными данными, также приходится рассматривать, как один из видов подкупа.

Дипломатическая подготовка войны. Образцовой является дипломатическая подготовка войны с Россией в 1904 году, со стороны Японии. Японские дипломаты после побед Японии над Китаем в 1895 году оказались перед единым фронтом белой расы—России, Франции и Германии. Надо было прежде всего застраховаться от возможности возникновения такого фронта. Поэтому Япония заключила перестраховочный договор с Англией, обязывавший последнюю оказать Японии вооруженную помощь, если последняя окажется в войне больше, чем с одним государством. Англия брала на себя обязанности секунданта, наблюдающего, чтобы никто не мог помочь России в ее дуэли с Японией. Последняя выступала, как защитница Дальнего Востока от русского империализма, как палладин всех других империалистов, заинтересованных в том, чтобы их доля в Китае не умалилась. Японской дипломатии удалось добиться и дружественного отношения со стороны китайцев, что имело крупное значение, так как военные действия происходили на китайской территории, и что было очень не легко после поражения и насилия над Китаем в 1895 году.

Не легко было представительнице желтой расы прорвать фронт белых и обеспечить себе возможность размещения своих займов и покупки военного снаряжения в Америке и Западной Европе. Как известно, во время самой войны Япония сумела даже перекупить пулеметы Гочкиса в столице союзницы России Франции.

Столь выгодные достижения явились результатом внешней политики, поставившей себе определенную цель и планомерно стремившейся к ней. Мировая война для Германии в 1914 году далеко не являлась такой определенной целью, как борьба с Россией в 1904 году для Японии. Поэтому мы видим лишь разрозненные действия германской дипломатии, часто являвшиеся противоречивыми с точки зрения мировой войны. Постройка огромного флота являлась только угрозой Англии, вынуждавшей ее скорее примкнуть к франко-русской коалиции. Германская дипломатия чрезвычайно облегчила Англии задачу дипломатического окружения. Вильгельм II и по отношению к России, и к Франции, и к Англии, и к Японии занял самую невыгодную политическую позицию—овцы, надевшей на себя волчью шкуру [1]).

Внешняя политика Германии в кольце враждебных держав могла заключаться или в крайнем миролюбии и уступчивости, чтобы оздоровить положение по отношению к Франции, Англии и России и выждать распадение Антанты; или же Германия должна была выбрать определенный момент для превентивной войны, при особенно выгодных политических, экономических и военных условиях. Германия держалась гибельного третьего пути—среднего, рассчитывая, что ее воля к миру не допустит войны, и все же можно будет не только ничего не уступить, но и улучшить свое военное и политическое положение [2]).

Крестовый поход. Ошибки германской внешней политики тяжело сказались на германской стратегии. Надо вообще отчетливое сознание дипломатией стратегического хвоста, являющегося продолжением творимой ею внешней политики. Характер и недостатки внешней политики есте-

[1]) Т.-е. позиция кажущегося наступления при фактической политической обороне. Бренчание походом на Индию являлось также волчьей шкурой на плечах царского правительства России.

[2]) B. W. von Bülow. Die Krisis Berlin. III Auflage, 1922, стр. 176—177.

ственно поредаются стратегии. Иррациональный, мистический характер политики, приведшей к крестовым походам в начале нашего тысячелетия, обусловил нерациональную, антипозитивную стратегию крестовых походов. Ранке сожалеет, что Фридрих Барбаросса не захватил предварительно Балканский полуостров под германскую оперативную базу, прежде чем углубился в Азию. Но такое движение вперед от этапа к этапу, с затратой жизни целых поколений с последовательным расширением культурной, экономической и оперативной базы, представляет нечто обратное тому, что мы понимаем под крестовым походом. Судьба крестоносцев—чтобы их след терялся в проходимом ими океане земли, как след корабля в море....

Мышление истинного политика [1]), как и стратега, не только бежит от всякой мистики и становится на почву реализма, но глубоко коренится в действительности; отсюда растет его фантазия; его творчество обслуживает только данный действительностью строительный материал. Известная мистика была не чужда германскому руководству мировой войной. В начале 1915 года в политических кругах Германии оживленно обсуждался вопрос о желательной „ориентации" германских ударов против „демократии" Франции и Англии, или против царской России. За ориентацию против России был Людендорф, которого в этом вопросе энергично поддерживали социал-демократы. За западную ориентацию был Фалькенгайн, допускавший против России лишь наступление с весьма ограниченными целями. Действительно, чем больше терпело бы поражений царское правительство, тем невозможнее для него являлось бы заключение сепаратного мира. В конце концов анти-русская ориен-

[1]) Еще Жомини писал о „войнах догматов" (Des guerres d'opinions. Jomini. Precis de l'art de la guerre, т. I, стр. 54—62, изд. 1837 г.), указывая на их особый характер, и на представляемые ими возможности внести расслоение в неприятельское государство. Стратегия должна избегать всего, что может быть истолковано, как преследование национальной или империалистической цели, которые только маскируются высокими лозунгами. Поэтому необходимо отказаться от захвата крепостей и прочной оккупации провинций для создания оперативной базы, сохранять национальную администрацию в оккупированных областях, отказаться от каких-либо реквизиций, выставлять себя, как бесплатных союзников для единомышленников среди населения. В этом стиле французская армия, по мандату Священного Союза, провела в Испании кампанию 1823 г.. в три месяца, подавив радикально-революционное движение на всем полуострове...

тация взяла верх, вследствие непопулярности царской России среди социал-демократических и левых буржуазных кругов. Кампания германцев в 1915 году на русском фронте представляет дон-Кихотство, тем более политически преступное, что война поставила вопрос о жизни и смерти германского народа. Контрастом к этому удивительному антиполитическому подходу германской социал-демократии, которая группировала своих врагов не по их неумолимости, а по симпатичности, является политика фашиста Муссолини, завязавшего дипломатические и торговые сношения с СССР; последняя политика далека от всякого мистицизма, и руководится реальными выгодами, не смешивая симпатии и дела.

Лига наций. Лицемерную цель поддержания всеобщего мира преследует Лига Наций, представляющая нечто вроде клуба для дипломатов и государственных деятелей, находящегося под сильным влиянием Англии, располагающей вместе со своими доминионами 6 голосами в пленуме, и Франции. В ее совещаниях несомненно может быть многократно найдена почва для соглашений между группами буржуазных государств, тем более, что Лига принципиально ищет практических, политических путей соглашения, и не становится на юридическую, правовую почву. Основатели Лиги умышленно стремились не создавать какое-либо сверхправительство, какой-либо федерации, сверх-государство, которое стесняло бы свободу своих членов-государств. Все обязанности сведены до минимума, все формулы, что-либо четко выражающие, изгнаны из устава, входящие в нее государства свободны собираться во враждебные группировки и связывать себя военным конвенциями, арбитраж Лиги, в случае угрозы военного столкновения, имеет не обязательный, а факультативный характер (этот вопрос сейчас пересматривается). Представляя, по видимости, широкую свободу мелким государствам, Лига является в действительности аппаратом гегемонии Англии и Франции, и облегчает построение антисоветского блока. Бессильная в крупных делах, она стремится нажить определенный авторитет на решении мелких дел—санитарных, почтовых, телеграфных и прочих международных соглашений. Отсутствие искренности Лиги видно хотя бы из вынесенного ею постановления, воспрещающего употребление на войне отравляющих веществ; это

постановление нисколько не мешает ее членам самым деятельным образом готовиться к химической войне под предлогом, что ядовитые газы нужны на тот случай, если неприятель не захочет считаться с постановлениями Лиги и начнет их применять. Обращает на себя внимание оружие экономического бойкота (§ 16), сводящегося к экономической блокаде, к которому скорее всего может свестись вообще трудно допустимое активное выступление Лиги; и затем трехмесячная отсрочка начала военных действий (§ 12) в случае посреднического постановления Лиги; государства-победители мировой войны, принимавшие устав, повидимому, были заинтересованы в расширении предмобилизационного периода для изготовления к войне своей военной промышленности. Если можно говорить о Лиге Наций, как учреждении, в известной степени позволяющем выиграть время на мобилизацию, то иметь ее в виду, как орган, обеспечивающий мир, конечно, ни в коем случае нельзя.

Коалиции. В эпоху XVIII века союзы, по замечанию Клаузевица, представляли своего рода торговые компании с ограниченной ответственностью: каждое государство, входившее в союз, вносило свой пай, в виде 30—40 тыс. солдат, при чем размер пая зависел от опасности, которой подвергалось данное государство, и от выгод, на которые оно надеялось. В этих союзах сказывалась весьма ярко „природная слабость и ограниченность людей". Еще в начале XIX века, когда войны являлись уже не кабинетными, а национальными, союзы представляли весьма хрупкую постройку. „Разгром Европы в эпоху Наполеона в гораздо большей степени зависел от ошибок политических, чем от военных", полагает Клаузевиц.

Трудности сепаратного мира. В настоящее время союзы являются менее хрупкими. Союзник в настоящее время часто воспитывается и вскармливается за долгие годы до начала войны. Союз иногда представляет как бы своеобразную форму вассалитета эпохи империалистического развития. Участие Португалии в мировой войне объясняется только ее вассальными отношениями к Англии. Все малые и средние государства на западной границе СССР стремятся обеспечить себя достаточно щедрым сеньором. Но и крупные государства связываются в союз прочными капи-

талистическими отношениями. Ведение современной войны предполагает предпосылку заинтересованности в войне не только правительства, но и крупных политических партий, отражающих стремления известных классов. Таким образом, союзное обязательство является ныне не простым клочком бумаги, а имеет за собой могущественные группы населения, и правительства не могут с прежней свободой выходить из союза и заключать сепаратный мир. Такое решение может быть в настоящее время часто осуществлено лишь ценою гражданской войны на классовой или национальной почве внутри заключающего сепаратный мир государства. В мировую войну граф Чернин, ответственный политик Австро-Венгрии, наблюдая, как затянувшаяся война истощает все силы австрийской государственности и неизбежно ведет к ее развалу, не раз задавался вопросом о заключении сепаратного мира, но каждый раз приходил к заключению о физической невозможности осуществить его; наиболее ценный для австрийской государственности национальный элемент — немцы — в этом вопросе стали бы на германскую точку зрения; а германцы не остановились бы на том, чтобы опрокинуть австрийское правительство, опираясь на германские войска находившиеся на австрийском фронте [1]). Точно также имеются непроверенные сведения о том, что французское правительство, в период между пограничным сражением и операцией на Марне, останавливалось на вопросе заключения сепаратного мира и что Англия выяснила Франции, что выбор может заключаться лишь между войной с Германией и войной с Англией, связанной с потерей всех французских колоний. Некоторые французские политики, стоявшие на точке зрения безусловного продолжения войны, например, Пенлевэ, в первых числах сентября 1914 года, в момент переезда французского правительства из Парижа в Бордо, стремились уже обособиться от него и занять самостоятельную политическую позицию.

Россия, по своему положению, не могла быть подвергнута, подобно Австро-Венгрии или Франции, непосредственному давлению своих бывших союзников в случае заключения сепаратного мира. Однако, одно предположение, что царское правительство тайно готовится к заключению сепаратного мира, вызвало бурю общественного негодования, муссированного дипломатическими представителями Антанты, принявшими, таким образом, вопреки их отчетам — воспоминаниям, непосредственное участие в создании настроений, ускоривших наступление русской революции. Чтобы Россия действительно могла выйти из войны, потребовался Октябрь и последовавшая гражданская война.

[1]) Zternin Im Weltkriege. Стр. 29.

Болгария, Турция, Австро-Венгрия — все они вышли из мировой войны сепаратно, но в обстановке уже обозначившегося поражения центральных держав и в условиях развала и революционных переворотов [1]).

Государственный эгоизм. Несмотря на возросшую политическую прочность современных коалиций, сила их остается меньше суммы слагаемых. При полной даже искренности правительств, входящих в союз государств, каждое из них, не нанося тягчайшего ущерба своей государственности, не может отречься от своих особых стремлений, нужд и свойств. Коалиция всегда оказывается колесницей, в которой запряжены конь и трепетная лань. Честное соглашение не может заставить забыть о здоровом государственном эгоизме. Царское правительство отчасти потому и не смогло довести войну до конца в рядах Антанты, что слишком покорно, без учета интересов России, вносило свой пай в мировую войну. Маршал Хэг, как общий вывод из мировой войны, устанавливает требование, что коалиция не только должна установить общее командование всеми своими вооруженными силами, но должна выдвинуть и единого политика для общего руководства политическими делами коалиции. Нам это представляется химерой. Для такой коалиции нехватает ныне тех же предпосылок, которые отсутствуют пока и для создания Европейских Соединенных Штатов. Коалиция по самому существу своему еще не является федерацией.

[1]) Италия, правда, изменила Тройственному союзу и не выполнила обязательств военной конвенции с Германией. Однако, эта измена произошла прежде, чем Италия объявлением войны связала себя с Германией и Австро-Венгрией. Помимо того, легкость измены Италии договору объясняется тем, что влияние Англии и экономическая и военная (длинная береговая черта) зависимость Италии от Англии были большими, чем от Германии.

Вассалы эпохи империализма. Но, конечно, коалиция ныне не является чисто военным союзом. Нельзя теперь ограничивать вопросы ведения войны союза объединением военных действий. Является необходимость оказания финансовой и экономической помощи более слабым участникам союза, объединить и распределить по потребностям имеющийся в распоряжении морской транспорт, распределить между союзниками нейтральные рынки для заказов военного снабжения и закупки сырья, установить общие начала для работы агитации и пропаганды и распределить между отдельными государствами определенные районы деятельности. Война, несомненно, должна быть трестирована. Этот характер всеобъемлющего треста и объясняет прочность современных союзов. Более слабые в экономическом отношении государства оказываются в зависимости от капитала других союзников. В 1915 г., задолго до того, как Советская власть установила монополию внешней торговли, Китченер установил для России такую монополию на изнанку, в виде союзнического контроля над всеми заказами и закупками России на иностранных рынках. Мы были вынуждены давать отчеты в наших нуждах и потребностях в валюте, мы должны были обращаться к Китченеру, как посреднику, для размещения наших заказов в Англии и Америке (Моргановское объединение), наши приемщики были без труда скомпрометированы и устранены, нам давали не то, что мы хотели, и не требуемого нами качества, мы не могли, под угрозой быть заподозренными в нежелании вести энергичную войну, отказаться от заказов за границей снарядов к полевым пушкам, когда наша собственная промышленность уже в достаточной мере удовлетворяла нашу потребность [1]). Разлагающее влияние иностранных военных миссий, офицеров—стратегических и технических контролеров, сказывалось в России и до и после февральской революции 1917 г.

Потеря экономической независимости естественно ведет и к потере независимости стратегической. Как известно,

[1]) Известная потеря самостоятельности России во франко-русском союзе отмечается уже с 1907 г., когда Франция, путем займа, помогла царскому правительству быстро выйти из затруднений, созданных войной и первой революцией. До этого момента, в особенности в бытность Обручева начальником русского главного штаба, Россия энергично отстаивала в союзе свои интересы.

с октября 1914 г. на западе наши союзники вели борьбу на измор, не давая об этом знать России, и поощряя ее к энергичному, активному ведению войны против Германии обещаниями скорого перехода в решительное наступление. Поэтому, естественно, когда 1 февраля 1917 г. союзническая конференция собралась в Петрограде, русский представитель, генерал Гурко, поставил вопрос: „должна ли будет кампания 1917 г. носить решительный характер. Или не следует ли отказаться добиться окончательных результатов в течение этого года“? Этот естественный вопрос русского представителя, в котором чувствовалось желание поставить Россию в равные условия в отношении активности войны с Францией и Англией, привел в изумление и негодование представителей Антанты. Русские позволяют себе рассуждать! Надо прочесть об этом возмущении в воспоминаниях Мориса Палеолога [1]), чтобы отдать себе отчет в положении „стратегических негров“.

Экономически слабая страна должна остерегаться стремлений сильных экономически союзников закабалить их. Между тем, современные формы оказания экономической поддержки благоприятствуют этому. Несомненно, успех действий коалиции требует наиболее полного использования всех сил, в том числе и экономических; а последнее требует обобществления в союзе экономической базы, объединения в один котел финансовых средств.

Более богатое капиталами государство должно поддерживать более бедное. Более крупные экономические жертвы богатого государства оправдываются в большинстве случаев и тем, что оно экономически более заинтересовано в результате войны. Еще в эпоху наполеоновских войн Австрия, Россия, Пруссия, Швеция торговались с Англией, обещая выставить против Наполеона известное количество солдат и требуя за каждый месяц войны определенную субсидию. Размер платы, которую давала Англия на каждого солдата, зависел от большей или меньшей возможности данного государства уклониться от войны. В 1813 году выгоднее всех получила Швеция, затем Россия, и меньше всех—Пруссия. Эти формы субсидии, установившиеся еще

[1]) М. Палеолог. Царская Россия накануне революции, стр. 314.

на заре капитализма, стали неудобными после введения всеобщей воинской повинности; современная идеология противится торговле кровью своих граждан в неприкрытой форме. Поэтому теперь, на место субсидий, явились займы союзникам, с весьма условной отдачей. Однако, нахождение долговых обязательств в руках экономически сильного союзника, даже если по ним ничего не удастся получить, является известным средством давления, кабалы, осложнений. Старый способ был лучше и откровеннее. Под такую категорию займов-субсидий подходят не только военные долги России, но и часть займов, сделанных перед войной в связи с обязательствами России по военной конвенции, и употребленную на обусловленную конвенцией военную подготовку.

Наши ближайшие соседи теперь в широких размерах прибегают к иностранным военным миссиям и, повидимому, не замечают их отрицательного воздействия. Между тем, господствующий класс, не нанося тягчайшего удара своему авторитету, не может демонстрировать своего рабства перед иностранным влиянием. Не потому ли погибла Польша, как государство, в конце XVIII столетия? Этого не понимал Людендорф, стремившийся подчинить австрийские армии германскому командованию. Несмотря на все плюсы, которые давало подпирание австрийских войск германскими и постановка их под начало германских штабов, мы признаем, что истина, а не лишь узко эгоистические соображения, заключалась в возражениях Конрада, начальника австрийского генерального штаба, который находил, что потеря остатков самостоятельности австрийских армий, явное признание гегемонии Германии явится новым этапом болезни австрийской государственности на пути к роковому концу, послужит новым стимулом для развития центробежных стремлений внутри государства и ослабления моральных сил на фронте. Из попытки Людендорфа переучить австрийских солдат под командой германских офицеров ничего не вышло [1]). Замечательно, что несмотря на особый

[1]) Сомнительной, в наших глазах, была и попытка Суворова в 1799 г., явно оскорбительная для австрийцев, переучивать русскими офицерами в течение 2—3 дней прибывавшие под команду Суворова австрийские войска. Но Суворов занимался только вопросами тактики, а Людендорф углублялся и в условия внутренней службы.

подбор командного и солдатского состава в русских войсках, отправленных во Францию, на все карательные возможности, сохранившиеся на французском фронте, процесс разложения летом 1917 г. протекал в них более остро и бурно, чем на русском фронте.

Союзники по неволе. Надо проводить отчетливое различие между союзниками по интересу и союзниками по долгу. Наполеон принудил Австрию и Пруссию принять в 1812 г. участие в войне против России. Привлекши этих союзников по неволе, Наполеон, в сущности, обманывал сам себя; тайные уговоры обеспечивали России лишь видимость враждебных действий войск этих немецких государств; эта обманчивая видимость содействия должна была обратить неудачу похода в катастрофу. Совершенно прав Жомини, упрекающий Наполеона за то, что, втягиваясь в тяжелую борьбу с Россией, он не обеспечил себе действительного, а не формального участия в войне одной из этих великих держав, со старыми военными традициями, заинтересовав их крупными уступками и завоеваниями в этой войне, а предпочел опираться на призрачный, созданный им, государственный организм Польши.

Однако, в условиях огромного политического напряжения современных войн насилие часто не будет останавливаться перед обращением нейтрального государства в союзника по неволе. Греция была принуждена силой оружия стать в ряды Антанты. Центральные державы в зиму 1915—16 г.г. обсуждали, не следует ли, пользуясь сосредоточенными на Балканах войсками, освободившимися после разгрома Сербии, принудить силой оружия Румынию стать на свою сторону; румынское правительство вошло в переговоры с русским командованием об оказании ему в этом случае помощи. Конечно, для участия в войне несравненно выгоднее, если принуждение достигается не путем военной угрозы, а другими средствами воздействия—подкупом печати, руководящих политиков, соглашением с политическими группировками, экономическим давлением и т. п. средствами. Нейтральные государства являются объектами сильнейшего давления. В этой дипломатической борьбе Антанта в мировую войну потерпела поражение в Турции и Болгарии и одержала верх в Италии и Румынии. Средства современного трестированного ведения

войны позволяют сделать из этих вовлеченных в невыгодную сделку государств довольно верных, хотя порой и капризных союзников.

Великие державы и малые союзники. Нижеследующие соображения, казалось бы, говорят о желательности крайнего миролюбия для малых государств, судьба которых во время войны—отрекаться от своих интересов и всякой самостоятельности, и итти на буксире великих держав, брать на себя неблагодарную роль их послушного орудия. Впрочем, история никого еще ничему не научила. Малое государство представляет ценность для ведения войны только в том случае, если оно безоговорочно подчиняет свою армию командованию великой державы [1]). Исключением может явиться лишь необходимость в территории малого государства для маневра вооруженных сил великой державы, или необходимость использования принадлежащих ему портов, особенно в колониях, для базирования на них флота. Вообще же маленький союзник, действующий самостоятельно и преследующий своей армией особые цели, грозит принести больше минусов, чем плюсов. Принимая на себя руководство его вооруженными силами, командование великой державы обязано рассматривать интересы его, как свои собственные, и не проводить различия в защите территории—своей и маленького союзника. Если же малое государство стремится на войне осуществлять свои особые цели, и сохраняет руководство своей армией в своих руках, то на такое малое государство следует смотреть не как на союзника, а как на попутчика, по отношению к которому не следует брать никаких военных обязательств. Ганновер, Бавария, Гессен, Баден, Вюртемберг и прочие немецкие союзники Австрии не принесли ей в 1866 г. почти никакой пользы и отвлекли на себя только 3 прусские дивизии, так как вели самостоятельно, с оглядкой, параллельную

[1]) Мы, однако, отнюдь не проповедуем великодержавное высокомерие по отношению к малым державам. Савойя оказалась в 1706 г. апельсинной коркой, на которой поскользнулись завоевательные планы Людовика XIV. Нельзя отрицать военного значения Сербии в 1914 г. для русского фронта. Но если Россия втянулась в мировую войну из-за своего маленького союзника, то не имела ли она права контролировать его политику и стратегию? И если давление русского верховного командования на стратегию сербов бывало иногда неразумным, ошибочным, то эти ошибки, как и всякие другие, не могут быть противопоставлены самому принципу.

войну. Саксонская армия, оставившая свою страну на оккупацию пруссакам и присоединившаяся к австрийским главным силам, наоборот, оказала Австрии чувствительную поддержку, и Австрия, заключая мир, справедливо выдвинула интересы Саксонии наравне с собственными и не пожертвовала ни единой пядью Саксонской территории, предоставив остальным союзникам самим добиваться сносных условий мира. Мольтке перед войной 1870 г. добился полного подчинения Пруссии южно-германских контингентов. Алексеев в 1916 г. держался тех же мольтковских взглядов, скептически относясь к вступлению Румынии в войну, как самостоятельной военной державы, могущей капризничать и предъявлявшей известные требования на русскую помощь. В 1916 г. Румыния действовала как наш попутчик, с которым мы, однако, легкомысленно связались обещанием известной поддержки. Только в процессе потери Валахии Румыния пришла к сознанию о необходимости слить свои военные интересы с русскими, и согласилась на образование русско-румынского фронта, лишь под номинальным командованием румынского короля. Авантюра румынского союза и его неудачи оказались тяжелым ударом по старой русской государственности. Наши действия в этом вопросе оказались вынужденными державами Антанты, плохо уяснившими себе требования стратегии, и озабоченными не тем, чтобы поставить выступление Румынии в возможно выгодные рамки, а главным образом тем, чтобы вообще вовлечь новую страну в борьбу против центральных держав и выдвинуть перед Германией новые заботы.

Военные конвенции. Союзные договоры оставляют вопрос о форме и характере вооруженной поддержки союзных государств невыясненными. Практически ценным союз становится лишь в том случае, если он дополнен военной конвенцией. Последняя должна заранее ясно формулировать решение всех основных вопросов относительно ведения войны, общих для вооруженных сил обоих договаривающихся государств, поскольку их можно предвидеть заранее. Конвенция должна ясно устанавливать, в каких случаях одно государство обязано принять участие в вооруженном столкновении, в которое оказался бы втянутым другой союзник; минимальное количество войск и срок, начиная

с первого мобилизационного дня, в течение которого каждый из союзников обязан приступить к операции на фронте, поскольку обязательным является наступательный характер последних; условия объединения и связи союзного командования; обязательство не заключать сепаратного мира; условия содействия материальными средствами, личным составом, обменом техническими сведениями и разведывательными данными.

Специально военный характер военных конвенций требует для заключения их непосредственного соглашения между представителями высшего военного командования обеих сторон, которое затем уже рассматривается дипломатами и ратифицируется высшей государственной властью. Так как существо военных конвенций ближайшим образом затрагивает подготовку к войне и планы операций обеих сторон, то по мере освежения и изменения последних является необходимость в дополнении постановлений конвенций; последнее вызывает необходимость ежегодного или через несколько лет личного свидания начальников генеральных штабов. Путешествия последних в дружественные страны являются поэтому фактом, подлежащим внимательному наблюдению.

Военные обязательства, не регламентированные какой-либо военной конвенцией, например, обязательства, вытекающие в некоторых случаях для членов Лиги наций из § 16 ее устава, о военном выступлении против государства, нарушившего мир, едва ли имеют какую-либо практическую ценность, так как неясно, когда и с каким количеством войск каждое государство обязано принять участие в экзекуции; естественно, каждое государство приступит к выполнению такого обязательства лишь в том случае, если при этом оно будет иметь в виду достигнуть для себя каких-либо особых выгод.

Франко-русская военная конвенция, заключенная в 1892 г., предшествовала на 7 лет заключению форменного союза между Францией и Россией [1]).

Между Германией и Австро-Венгрией перед мировой войной военной конвенции о совместных действиях на рус-

[1]) „Военные соглашения России с иностранными государствами" Н. Валентинов, Военно-исторический сборник, т. II, Москва, 1919, стр. 104—128.

ском фронте заключено не было. Генерал Конрад, начальник австрийского генерального штаба, добивался с начала 1909 года принятия на себя Германией точных обязательств; Австро-Венгрия, вынужденная вести на русском фронте главную операцию 40—48 дивизиями, была заинтересована в том, чтобы заранее регулировать здесь взаимодействие сил. Германия, предполагавшая оставить против России всего 13 дивизий и даже меньше, уклонялась от точных обязательств; действительно, объединение командования могло, при этом соотношении сил, пойти лишь по линии подчинения 8-ой германской армии австрийскому главнокомандующему, а объединение действий выразилось бы в принесении в жертву местных интересов Восточной Пруссии в пользу мощности наносимого совместно с австрийцами удара. Однако, категорический отказ в соглашении с австрийцами был для Германии невыгоден, так как он привел бы к тому, что австро-венгерская армия сразу изготовилась бы для обороны за Саном и Карпатами, принеся в жертву Восточную Галицию, что лишило бы и Германию возможности отстаивать Восточную Пруссию. Поэтому Мольтке младший добивался перехода австро-венгерцев в наступление между Бугом и Вислой, и с своей стороны обещал иметь в 8-й армии не менее 13 дивизий [1]). В течение Галицийской операции Конрад энергично настаивал, в особенности после самсоновской операции, на обещанном движении 8-й армии через Нарев к Седлецу. Отправка двух корпусов с французского фронта в Восточную Пруссию, после неудачи немцев под Гумбинненом, может рассматриваться, как доведение 8-й армии до условленного числа полевых и резервных дивизий (первоначально было оставлено 9 вместо 13). Однако, после операции против Самсонова германцы приступили к операции против Ренненкампфа. На решительном участке русского фронта, в Галиции, германцы помогли только ландверным корпусом Войерша. В общем, пользуясь отсутствием военной конвенции, германцы спровоцировали Конрада на наступательную операцию, которая отвлекла силы русских от Восточной Пруссии, позволила германцам одержать ряд успехов, но стоила Австро-Венгрии лучшего ядра ее армии. Сами же

[1]) Reichsarchiv Weltkrieg 1914—18, стр. 3—14.

германцы устраивали свои дела в плоскости защиты своих местных интересов — энергичнейшей обороны Восточной Пруссии. В конечном счете, развал Австро-Венгрии отплатил Германии за эту провокацию.

Политические стыки. При борьбе против коалиции, огромную роль играл раньше политический стык двух армий. Военная карьера Наполеона блестяще началась в 1796 г. прорывом у Монтеноте политического стыка между савойской и австрийской армиями. Различные интересы этих союзников вынудили их к отступлению в расходящихся направлениях—к Турину и Милану, в результате чего Наполеон легко добился выхода из войны савойцев и отступления австрийцев в Тироль. Вся Италия была захвачена им с затратой минимума усилий; неприятельское сопротивление распоролось по политическому шву. В настоящее время трестированный характер войны делает политические стыки более солидными, однако, они сохраняют еще значение. В марте 1918 г. удар Людендорфа по стыку англо-французского фронта был близок к тому, чтобы заставить французов сгруппироваться для обороны Парижа, а англичан— для обороны северного побережья Франции, с потерей непосредственного соприкосновения союзников. Вообще, политические стыки особенно сказываются в моменты кризиса, когда дела на фронте складываются плохо.

Искусство стратегии в борьбе против коалиции лишь тогда найдет свое проявление, когда будут уяснены жизненные интересы каждого из государств, которые образуют враждебную коалицию, и которые во время войны сказываются в различном понимании задач и интересов каждого союзника в отдельности, и в преследовании ими реально различных политических и военных целей. Надо предвидеть и быть готовым к использованию разнобоя союзников. Иные предприятия — например, демонстративный образ войны на одном из фронтов, которые были бы ошибкой в борьбе против единого государства, могут оказаться наилучшими в борьбе против коалиции, если будут отвечать различию представленных в ней политических интересов.

Согласование стратегии коалиции. Различная политическая ориентация сказывается не только при неудаче, но и при наступательных действиях коалиций.

Пруссия, Россия, Англия, Австрия в 1813 и 1814 годах преследовали различные политические цели, и чрезвычайно поучительно, как различие в политических целях сказывалось на стратегических столкновениях союзного командования, при чем каждая сторона поддерживала свои взгляды, не открывая своей политической игры, самыми странными стратегическими теориями, которые потом принимались всерьез некоторыми теоретическими исследователями стратегии [1]).

Трудности стратегического согласования действий вооруженных сил равнозначащих участников коалиции заключаются, помимо различия в политических целях, в том, что система вооруженных сил каждого государства представляет своеобразие в отношении сроков готовности к решительным действиям, возможности выдержать продолжительное напряжение, способности к наступательным действиям, и т. д. Размеры и строение территории, уровень экономического и культурного развития государства, группировка классов—все это влияет на характер данной армии и обусловливает особые, пригодные только для нее, стратегические методы. При действиях же в коалиции стратегия каждого союзника должна учитывать особенности не только своей страны, но всей коалиции, и армия лишается возможности показать себя с более сильной стороны. Гармония ее подготовки и стратегических возможностей нарушается. Франко-русский союз заставил Россию перейти в наступление на 15-й день после объявления войны, что являлось прямо противоестественным в русских условиях и могло быть достигнуто путем умышленной ломки развития русской армии и затраты огромных средств на такую подготовку к войне, которая позволяла бы поддержать Францию, хотя бы половиной сил, в течение третьей недели войны. Существуют известные пределы, за которыми такая ломка и жертвы в пользу союзников приносят уже вред общему делу коалиции. Самсоновская операция свидетельствует, что Россия перешла разумные пределы подчинения своих интересов Франции. Точно так же неразумным был переход Сербии осенью 1914 г. в насту-

[1]) Очень интересная работа: Gustav Roloff. Politik und Kriegführung während des Feldzuges von 1814. Berlin. 1891.

пление через Саву в пределы Австрии, по настоянию русского верховного командования, в виду чисто оборонительных достоинств сербской армии, представлявшей в начале мировой войны лишь хорошую милицию. Такой переход в наступление мог привести лишь к разгрому.

6. Линия политического поведения во время войны.

Политическое маневрирование. Оккупационная политика. Эвакуация и беженцы. Изменение политической цели войны. Политика и свобода отступательного маневра. Кутузов и Френч. Бородино. Ватерлоо. Седан. Руководящие линии политики в мировой войне: план Шлиффена, основные линии ведения войны Германией и Англией, Марнская операция, стратегия сокрушения Нивеля. Помощь политики при окончании войны: Наполеон I, Бисмарк. Политика и выбор операционного направления. Географический объект операций. Самостоятельные операции морского и воздушного флота. Воздействие внешней политики в начале и конце войны.

Политическое маневрирование. Только удивительной способностью человеческого разума впадать в заблуждение мы можем объяснить мнение крупных военных авторитетов, которые, признавая всю ценность работы политики в период подготовки и при разработке первоначального плана, исключают возможность ее воздействия настроению с началом войны. План не является декретом, исполнение которого можно поручить канцеляриям. План предполагает творчество в исполнении, зависимом от изменений политической обстановки. Осуществлять его призываются политические и военные штабы, а не канцелярии, которыми они иногда называются по филологическому недоразумению. Политическая подготовка должна быть дополнена и соответственным политическим маневрированием во время войны.

Политика, отказавшаяся от сохранения господства над руководством войной, признавшая главенство военных специалистов, безмолвно подчинившаяся их требованиям, сама призналась бы в своем банкротстве. Даже стратегия в глазах политика должна являться военной техникой, а техническое руководство войной должно быть подчинено политическому, так как война—это часть политики. Стратегия может быть понимаема, как согласование операций с требованиями политики.

Внутренняя политика должна стремиться к возможности наиболее широкого использования сил государства для достижения целей войны. Внутренняя политика должна взвесить отношения между фронтом и тылом и решить, какие усилия можно потребовать от населения на войну, какие пределы надо установить для мобилизаций, обязательных поставок лошадей, подвод, как регулировать налоговый пресс, заработную плату и цены.

Надо устранять все, что могло бы оттолкнуть массы от войны, и поддерживать в них ту волю к борьбе, которая является главным залогом успеха. Нужна большая чуткость и прозорливость руководства, внимательнейшее изучение хода политической жизни у себя и во всем мире, чтобы не плыть по течению, принимая ряд паллиативных мер, а действительно осуществлять политическое руководство в течение войны.

Энергичные экономические мероприятия, регулирующие голод, нужду и лишения населения, мыслимы лишь при сознательном к ним отношении масс. Экономическая политика должна быть вразумительно истолкована и ясна населению.

Оккупационная политика, являясь непосредственным продолжением внутренней политики, должна быть хорошо продумана, чтобы не вызвать осложнений для ведения военных действий. Весьма поучительно была организована оккупация территории русской армией в 1813 — 14 г. г. Всеми вопросами оккупации ведал особый высший административный совет, во главе которого Александр I поставил Штейна, выдающегося политика и реформатора Пруссии, ведавшего в 1812 году нашей агитацией в немецком тылу. Связь между агитацией в неприятельских областях и оккупацией их несомненна — вторая представляет продолжение первой при занятии нашими войсками неприятельской территории. Задачей административного совета являлось собрать в занятых территориях средства для продолжения борьбы с Наполеоном и сформировать в немецких областях новые войсковые части для усиления нашей армии. Штейн мог бы достигнуть и больших результатов, определеннее выставив лозунг борьбы за единство Германии и изгнания немецких князьков-вассалов Наполеона, но здесь известные пределы выдвигались в связи с общим направлением русской внешней политики.

В некоторых немецких княжествах, например, Саксонии — образовывались генерал-губернаторства, с русским аристократом во главе, и с советчиками из числа преданных Штейну передовых немцев. Там, где Метерниху удавалось отстоять сохранение немецкого государя, перешедшего из наполеоновского Рейнского союза к коалиции, там Штейн ставил, на ряду с государем, своего агента с комиссарскими полномочиями. В прихожей административного совета, ожидая приема Штейна, часами ждали, если не толпы, то кучки немецких государей.

В 1814 году, еще до падения Наполеона, русские войска заняли во Франции территорию с населением в 12 миллионов человек. Тучи французской дворянской эмиграции предлагали Александру I свои услуги по управлению оккупированной Францией. Удовлетворение их просьбы значительно усилило бы позицию Наполеона, так как французы уяснили бы себе сразу необходимость сомкнуться для защиты завоеваний революции. Вероятно, обращение к дворянской эмиграции вызвало бы вскоре и значительные восстания в тылу русской армии. Поэтому, несмотря на явное стремление помочь русским против Наполеона, несмотря на знание языка и страны, несмотря на наличность в населении некоторых элементов, например, духовенства—расположенных к эмиграции, ее предложение было отклонено, и Штейн получил директиву—пользоваться во Франции для организации оккупации только русскими и немецкими чиновниками.

В 1914 году, при оккупации Галиции, искусственная руссификация вредно отразилась на отношениях власти к населению и явилась, в общем, ударом для русского дела в Галиции. Привлечение неудовлетворительного состава чиновников облекло руссификацию в рамки карикатуры и взяточничества....

В момент войны не при всяком соотношении сил выгодно обострять классовую борьбу в занятых областях; необходимо получить приток сил, а не отталкивать грубыми приемами значительные группы населения во враждебный лагерь. Надо также указать пределы для использования местных средств во избежание полного разорения населения и создания материала для комплектования бандитских и партизанских шаек в нашем тылу.

Еще в XVIII веке, при оккупации русскими войсками Восточной Пруссии, мы полагали, что факт перехода фактической власти в наши руки равносилен переходу к нам верховной власти; прусское население приводилось к присяге Елизавете Петровне. Современное международное право, так как оно регламентировано гаагскими конвенциями 1899 и 1907 годов, стоит на другой точке зрения и требует (ст. 43) „уважения, за исключением абсолютной невозможности, законов, имеющих силу на данной территории". Таким образом, декрет 17 декабря 1792 г., которым Национальный Конвент повелевал генералам республики провозглашать в оккупированных территориях верховную власть народа, в эпоху, предшествующую мировой войне, признавался бы нарушением международного права. Однако, международное право, повидимому, создается юристами специально для его нарушения. Линкольн еще в 1863 г. занимал противоположную точку зрения. Драма заключается в том, что международное право стоит на принципиальной позиции, отвергающей всякое вмешательство в чужие внутренние дела, и осуждающей всякую интервенцию. А так как войны ближайшего будущего не могут, хотя бы отчасти не носить характер вмешательства в дела соседа, то все постановления международного права оказываются абсолютно неприемлемыми. Германия, провозгласив в ноябре 1916 года независимость Польши, нарушила международное право [1])....

[1]) В Германии всегда отводилось в уставах место для указания армии на существующие нормы международного права при оккупации. Во введении (стр. 84) к германскому уставу о вождении и бое совместных родов войск (из 1924 г.) говорится, что „после нечестивого и беззаконного" поведения французов при оккупации Рурской области, имевшего место в период мира, является „странным" упоминать о Гаагской конвенции в немецком уставе

Литература по вопросам оккупации: Raymond Rohin Des occupations militaires en dehors des occupations de guerre. 1913 г. стр. 821. V Bernier. De l'occupation militaire en temps de guerre 1881. Lorriot De la nature de l'occupation de guerre 1906; а также все крупные труды по международному праву. Работа Штейна, как руководителя русской оккупации в 1813 — 1814 г. г., освещена в посвященной ему монографии Макса Лемана. По отдельным случаям оккупации (например, Рурской) существует обширная литература. Техника организации военной службы во враждебной оккупированной стране изложена в несколько устаревшем, но прекрасном труде. Cardinal von Widdern, Georg. Der Kleine Krieg und der Ettappendienst. 1894 г. Об английских методах администрации оккупированных колониальных областей „political service", и работе политических офицеров — гражданских агентов в офицерской форме — в истории колониальных походов, например, Buhrer. L' Afrique Orientale Allemande et la guerre de 1914—1918. 1922 стр. 414—415.

Эвакуация и беженцы. С введением всеобщей воинской повинности, при том напряжении, которого достигала война в 1914 — 1918 г. г., приходилось рассматривать все взрослое трудоспособное население неприятельской страны, как элемент неприятельской силы, брать его на учет при оккупации и при эвакуации страны приравнивать его к военнопленным и уводить с собой. Так поступали немцы во Франции в мировую войну. В покидаемых ими районах они оставляли только лишние рты, но не рабочие руки. Русские упустили это сделать в Восточной Пруссии. В условиях современной классовой борьбы, разумеется, отношения к населению будут покоиться на других началах; границу между друзьями и врагами будут обозначать не пограничные столбы, а социальные грани. Однако, в известных районах несомненно придется иметь дело с господствующими национальными движениями.

Иногда эвакуация понимается в скифско-гуннском стиле. Является стремление обратить покидаемую территорию в пустыню, с сожженными селениями, уничтоженным урожаем, уведенным населением и скотом. Естественно возникающее беженское движение не только не сдерживается, но искусственно вызывается, и даже вынуждается силой.

Нужно иметь в виду, что массовая экзекуция над территорией, например, над Пфальцем, опустошенным французскими войсками до-тла по приказу Людвика XIV, живет в памяти населения, если не сотнями, то многими десятками лет, и впоследствии крайне затрудняет всякую политическую работу на этой территории. Кроме того, беженское движение не усиливает, а ослабляет ведущую войну страну, совершенно неприспособленную воспринять обширный поток беженцев при квартирном, продовольственном и транспортном кризисах, всегда сопутствующих войне. В августе 1914 года волна 800.000 немцев — беженцев [1]), вызванная нашествием русских в немногие уезды Восточной Пруссии, сильно затруднила маневрирование германских войск. Тогда как 400.000 беженцев с их скарбом, повозками и скотом загромождали восточно-прусские дороги, 400.000 беженцев переправились уже за Вислу; голова их прибыла в Берлин,

[1]) Reichsarchiw. Der Weltkrieg 1914 — 1918, т. II стр. 329.

запрудила вокзалы и производила самое тяжелое впечатление. Если бы наступление русских еще немного развилось бы, поток беженцев угрожал бы смести всю немецкую организованность и сделать Германию беззащитной.

В июне — июле 1915 г., при отходе русских армий из Польши, задача эвакуации была понята многими в виде оставления немцам пустыни. Между тем, существующая сеть путей сообщения, особенно во время войны, вовсе не была приспособлена к массовому кочеванию населения, особенно при теперешней его плотности. К счастью, русским войскам вскоре было разъяснено — оставлять население на месте; иначе наши армии потеряли бы всякую возможность маневра, так как население закупорило бы в ближайшем тылу все узлы и дороги. Еще в 1919 г. в пределах СССР находилось до 3 миллионов беженцев, оставивших свою родину при отступлении русских в 1915 г.

Неправильно поставленная беженская политика может ускорить проигрыш войны. В 1878 году туркам, после перехода русских через Балканы, пришлось спешно отходить к Константинополю. Отчасти опасаясь зверств христианского населения над магометанским в отместку за старые обиды, а отчасти, чтобы опустошить перед русскими территорию, турки широко организовали беженское движение среди мусульман. Турецкие войска, лишенные возможности быстро отходить, понесли излишние потери; поток беженцев запрудил Константинополь. Болезни и голод среди беженцев в столице сделали турок неспособными к какому-либо сопротивлению и вынудили их согласиться на любые условия русских.

Классовая война будущего будет также обусловливать поток беженцев — буржуазии с одной стороны, рабочих и коммунистов — с другой.

В 1919 году беженский вопрос уже остро стоял как у красных, так и у белых. К разрешению беженского вопроса надо подходить с большой осторожностью, и политика здесь отчетливо должна учитывать возможности транспортирования и устройства беженцев.

К экономической эвакуации надо подходить чрезвычайно осторожно, дабы не вызвать панического беженского движения. Она требует внимательной и вдумчивой подготовки, дабы не

забить без нужды и так хромающий во время войны транспорт, и не сгноить по пути ценных грузов (кожи, находившиеся в стадии химической обработки, при эвакуации кожевенных заводов в 1915 году). Казалось бы, легче всего поставить эвакуацию скота. Немцы задавались этой целью при двух вторжениях русских в Восточную Пруссию в 1914 году; однако, им удалось эвакуировать всего 20 тысяч лошадей и 80 тысяч голов рогатого скота (3,5% и 5,5% общего количества лошадей и скота на правом берегу Вислы). Потери германского сельского хозяйства, вследствие вторжения русских в Восточную Пруссию, исчисляются в 135 тыс. лошадей, 250 тыс. рогатого скота, 200 тыс. свиней. Повидимому, в условиях маневренной войны экономическая эвакуация сколько-нибудь заметных результатов дать не может.

Изменение политической цели войны. Внешняя политика отнюдь не может успокоиться на лаврах достигнутых к началу войны успехов. Установленные в период подготовки политические цели войны отнюдь не могут считаться неизменными. Напротив, в зависимости от хода войны эти цели могут быть сокращены, расширены или вовсе изменены: наступательные цели могут обратиться в оборонительные и наоборот. Если война ведется коалицией, то изменение политических целей достигается лишь с трудом, и обусловливает много трений. Борьба не ограничивается театром военных действий, она ведется средствами политики и на арене нейтральных государств и в тылу неприятеля; здесь также требуется приведение в определенный логический строй всех отдельных частных целей, к которым стремятся наши усилия — необходима общая линия поведения в политике, вытекающая из анализа общего политического положения.

Не только неудачи, но даже большие успехи могут иногда служит причиной для пересмотра поставленных политических целей. Например, в 1870 году, после первых успехов пруссаков и обложения армии Базена в Мецe, нельзя было сомневаться в том, что во Франции произойдет революция, которая сметет вторую империю. Основной вопрос, который выдвигался перед руководством войной, заключался в том, не следует ли немцам остановиться в Лотарингии и предоставить французам вариться в их собственном соку? Следует ли наступать на Париж, который будет революционным? Тот или другой ответ на эти вопросы сводился к изменению или сохранению политической цели; зависимость от него стратегических целей ясна; то или иное решение вопроса зависело от широкой оценки внутреннего политического положения Франции и Германии, позиции других держав, большего или меньшего стремления к аннексии французской территории. Последнее и явилось решающим для сохранения Пруссией прежних политических целей и продолжения похода на Париж.

Попытка сколько-нибудь углубить вопросы внешней и внутренней политики, вытекающие из ведения войны, увела бы нас в беспредельность и отвлекла бы нас от нашей темы. Мы отказываемся даже от простого их пересчета и обращаемся к наиболее интересующему нас пункту — как политика в течение войны влияет на руководство военными действиями. Этот пункт имеет две стороны: директивы, даваемые политикой, и ориентировку, которую стратегия стремится получить у политики для принятия своих решений. Здесь мы коснемся преимущественно первой стороны; вторая же пронизывает весь наш труд, рассматривающий все действия вооруженного фронта как производную от той базы, которую представляют обе стороны, ведущие войну.

Политика и свобода отступательного маневра. Каждый момент в ведении войны представляет целый клубок политических интересов, и каждое основное решение принимается под давлением ряда политических домогательств. Война в безвоздушном пространстве не ведется. Предполагать, что война представляет свободное состязание двух армий, это значит ничего не понимать в природе войны [1]). Сравним действия Кутузова в 1805 и 1812 г. Русская армия в обоих случаях значительно уступала армии Наполеона, и можно было предвидеть неблагоприятный для нас результат тактического решения. Между тем, Кутузов в 1812 году дал Бородинское сражение, а в 1805 г.

---

[1]) Это основной пункт учения Клаузевица, лейт-мотив всех его трудов. Работы Клаузевица позволяют нам не слишком задерживаться на объяснении политической природы войны, определяющей основные линии ее развития. Большой интерес представляет брошюра: Клаузевиц. Основы стратегического решения. Москва. 1924 г., стр. 31.

быстро отошел от границ Баварии в Моравию с теми лишь боями, которые требовались для упорядочения отступления. „Всегда легко играть роль Фабия (Кунктатора) в союзной стране, где не приходится заботиться ни о столице, ни об угрожаемых провинциях и где можно руководствоваться только военными соображениями". Не признает ли в этих своих словах Жомини ту атмосферу политического воздействия, которая в существенных чертах определяет стратегические решения? Френч, отводивший английскую армию в период между пограничным сражением и операцией на Марне в 1914 году, на один-два перехода опережая отступление французских армий, едва ли был трусливее французских генералов, и едва ли смотрел более легкомысленно на борьбу с Германией. Различие решений объясняется различием в оценке стратегической обстановки, вытекающим из различного отношения английского и французских генералов к политическому акту принесения в жертву французской территории.

Бородино—это акт внутренней политики. Смена Барклая Кутузовым, значительно уступавшим первому в военном отношении и весьма не высоко расцениваемым Александром I, являлась результатом воздействия господствующего класса, который не доверял Барклаю, не представлял себе риска, под угрозой которого Барклай отступал, и требовал остановить вторжение Наполеона. Создавшиеся политические условия требовали от стратегии большого сражения. Этот политический наказ армии, двора, всего народа являлся законом для стратегии и обусловливал целесообразность Бородинского сражения. С этим политическим наказом прибыл к армии Кутузов, еще менее Барклая расчитывавший на тактическую победу над Наполеоном. Он организует Бородино не как борьбу за победу, а как великое, требуемое политикой кровопускание. Принеся эту жертву, Кутузов стремится наиболее широко использовать Бородино в политическом отношении. В ход было пущено все, вплоть до подложных приказов Наполеона, чтобы выставить Бородино, как победу или, по крайней мере, не давшее результатов сражение. Кутузов сохранил в народе веру в победу, несмотря на оставление Москвы: „с неслыханной бесстыдностью держался он после Бородина, как победитель, при каждом удобном случае вещал

о скорой гибели неприятельской армии, до последнего момента сохранял вид, что даст второе сражение для спасения Москвы, не останавливался ни перед каким хвастовством. Так он тешил чувство гордости армии и народа и стремился воздействовать на ее дух прокламациями и религиозным возбуждением. Отсюда родилось новое доверие, правда, искусственное, но в основе своей имевшее истинные обстоятельства — именно, дурное состояние французской армии. И это легкомыслие, эти базарные выкрики старой лисицы были для дела полезнее, чем честность Барклая" [1]). Кутузов был политик и блестяще направил военные действия в 1812 году в наиболее выгодное, отвечавшее задачам войны и средствам России, русло.

Военные действия — это решение основных вопросов истории с оружием в руках. Исторический процесс обусловливается экономическими предпосылками, соотношением силы народов и классов, но в известных условиях, на известном этапе, эти экономические силы действуют не непосредственно, а измеряются на точных весах боя; как все мироздание отражается в капле воды, так и вся политика отражается в конечном счете на операции. В сражении под Ватерлоо, долгие часы, когда уже обозначился выход пруссаков Блюхера во фланг и отчасти в тыл французской армии, Наполеон упорствовал во фронтальных атаках на англичан Велингтона. Являлись ли грубейшей ошибкой эти действия Наполеона, из-за которых неудача французов развилась до размеров катастрофы? Нет, так как политическое положение Наполеона, после возвращения с острова Эльбы и изгнания Бурбонов, в течение 100 дней его вторичного царствования, было таково, что только ряд побед мог сохранить за ним власть. После небольшой неудачи против Велингтона он также должен был бы отречься от престола и готовиться к большому путешествию на остров святой Елены, как и после разгрома под Ватерлоо. Поэтому он играл на ва-банк. Под Бородиным он не двинул в бой на верный успех старую гвардию, свою политическую опору, кадр преданнейших ему солдат; под Ватерлоо он бросил старую гвардию в последнюю отчаяннную, почти безнадеж-

[1]) Clausewitz. Hinterlassene Werke т. VII, стр. 117 (2-е изд.).

ную атаку, так как нужно было или победить или покончить все счеты [1]).

Седанская операция,—это стратегическое безумие второй империи, представляет своего рода Ватерлоо Наполеона III, которое становится понятным лишь как последние шаги логически дошедшей до абсурда политики бонапартизма, в подгнившем его издании [2]). Еще в самые последние моменты гибели французской армии мы видели на седанском поле сражения олицетворение политики бонапартизма в генерале Вимпфене, предъявившем свой мандат на командование армией, устранившем Дюкро с его попыткой спасти армию отступлением на Мезьер и пытавшемся организовать прорыв не к Парижу, а к Мецу. Ему не удается лишь уговорить больного Наполеона III стать рядом с ним во главе последней попытки прорыва — а бонапартизм заботился хотя бы о том, чтобы какая-нибудь пуля убила Наполеона III при атаке, чтобы обеспечить династические интересы в будущем, после неизбежной в Париже революции.

План Шлиффена — большого обхода через Бельгию, которого в главных чертах держалась Германия во время мировой войны, может быть, в момент своего зачатия (эпоха русско-японской войны и первой русской революции) вытекал из политической обстановки. Но к 1914 г. всякая связь его с политическими условиями войны была прервана; германская стратегия в 1914 г. не являлась продолжением политики Германии; к 1914 году Шлиффеновский план базировался только на военно-технических соображениях — укреплении французской границы, современной ширине фронтов, изготовке русского развертывания к отступательному маневру из пределов этнографической Польши. Политически его не обсуждали и политики едва были знакомы с ним. Вся гибельность мысли Мольтке старшего (1871—1882 г. г.), что для хода войны руководящими являются преимущественно военные соображения (сам Мольтке старший в своих планах всегда исходил из политических соображений), сказалась при осуществлении очень сильного в военно-техническом отношении плана сокрушительной стратегии Шлиффена. Политика, исключенная из плана, не могла не сказаться на ходе военных действий.

Основная линия ведения мировой войны Германией и Англией. Ясной политической линии не было в германской стратегии и в течение всей войны. Важнейшая политическая ошибка Германии заключалась во взгляде на главного врага — Англию, как на вспомогательную силу Франции. Можно отметить целый ряд непоследовательностей при развитии операций по обоим направлениям, на которых можно было бы попытаться сломить волю Англии продолжать войну. На багдадском направлении — это временный перерыв в работах по прорытию туннелей на Багдадской железной дороге; более, чем легкомысленный налет на Суэцкий канал; недоведенный до взятия Салоник сербский поход осенью 1915 г. [1]), постоянно придаваемое второстепенное значение этому направлению, которое попутно отрезывало 85% возможностей России для внешних сношений. На другом направлении — подводной блокады Великобритании — мы видим в начале войны полную возможность для немцев захвата северо-западного побережья Франции, возможность упущенную; затем, с этой целью если и предпринимаются операции — например, сражение на Изере в октябре 1914 г. — то они являются лишь эпизодическими, неплановерными действиями; в самом под-

[1]). Наполеон еще кажется в 1813 г., отказываясь пойти на условия союзников, сказал Меттерниху: „Ваши легитимные монархи находятся в другом положении. Они могут терять сражения и целые кампании. „Парвеню" такой роскоши себе позволить не может". A. von Boguslavski, Betrachtungen über Heerwesen und Kriegführung стр. 9.

[2]). См. А. Свечин, История Военного Искусства г. III, стр. 154 — 164. См. там же, стр. 97 — 101, взгляды Клаузевица, и борьба между Мольтке и Бисмарком.

[1]) Весьма сомнительными являются соображения германских стратегов о том, что центральным державам не следовало добивать на Балканах войска Антанты, так как сохранение Салоникского десанта Антанты сохраняло военный объект для действий болгарской армии. Если бы англо-французы уплыли бы с Балканского полуострова, болгарская армия, не желавшая действовать на других театрах войны, перестала бы воевать, и центральные державы вынуждены были бы сбросить со своего счета два десятка дивизий. Несомненно, политически, экономически и стратегически положение центральных держав сильно бы выиграло в случае завершения в их пользу борьбы на Балканах. Но подобные соображения — недопобедить, чтобы оставить союзнику работу, встречаются в истории; такова была, например, позиция Франции во время борьбы Соединенных Штатов против Англии за свою независимость в 1775 — 1783 гг.: Франция помогала Соединенным Штатам, но была заинтересована в том, чтобы они побеждали англичан не до конца, так как в случае окончательного торжества Штатов, Англия прекращала борьбу с ними и все свои средства могла направить против Франции.

ходе к решению о подводной войне было столько колебаний и нерешительности, что в результате Германия встретила вполне приготовившуюся Англию. Отсутствие политической ясности привело к тому, что и нажим немцев на Индию, и голодная блокада Англии явились жестами, близкими к налетам германских цеппелинов на Лондон: ярость и энергия англичан раздражались до предела, боеспособность Англии не уменьшалась, а увеличивалась.

Напротив, у англичан мы видим порой жалкое техническое решение выпавших на них задач, но зато необычайно отчетливую политическую линию поведения: широкое экономическое наступление, связанное с захватом всех германских колоний и опорных пунктов на земном шаре, чтобы уничтожить конкурента, голодная блокада Германии, формирование Китченеровской армии, рассчитанное на 3 — 4 года, борьбу за побережье северной Франции и Бельгии, представляющее опаснейшую для Англии стратегическую позицию, борьбу против Багдадского направления — в Месопотамии, Сирии, Дарданеллах и Салониках. Нужна очень большая наивность, чтобы полагать, что Черчиль пожертвовал в Дарданеллах 300.000 английских, преимущественно колониальных, солдат, чтобы преподнести России Константинополь....

Марнская операция. Остановимся на Марнском маневре французов в сентябре 1914 г.; мы можем его характеризовать: 1) как отнесение решительного столкновения с немцами, в особенности на важнейшем левом фланге французов, внутрь страны; 2) как попытку охвата правого фланга немцев. Соображения внутренней политики, в основе верные, но ошибочно преувеличиваемые в своем значении, заставляли Жоффра изо всех сил стремиться к перенесению центра тяжести решения на пограничное сражение и противиться отходу на Марну; генерал Ларензак, инициатор отхода, был даже отрешен от командования. Немецкая помощь, в виде ряда сильных фронтальных толчков, помогла Жоффру преодолеть это ошибочное толкование требований политики. Охват же левым флангом, со стороны Парижа, явился прямым продолжением требований внутренней политики. Уже 25 августа, за 10 дней до стратегического оформления Марнской операции, военный министр Мессими отдал приказание Жоффу:

„если победа не увенчает усилия наших войск, и если армии будут вынуждены к отступлению, вам надлежит выделить армию в составе, по меньшей мере, трех полевых армейских корпусов, долженствующую быть направленной в укрепленный лагерь Парижа для обеспечения его охранения". Как следствие этого распоряжения, целиком обусловленного требованиями внутренней политики, армия Монури не ушла назад со всем остальным фронтом, а задержалась у Парижа и оказалась на фланге немцев. Таким образом, в Марнском маневре мы ясно усматриваем основные политические линии.

Стратегия сокрушения Нивеля. Внешняя политика столь-же отчетливо, как внутренняя, определяет развитие стратегии. Наметившееся к началу 1917 года ослабление России и возможность выхода ее из войны обусловили переход Франции к сокрушительной стратегии Нивеля, закончившейся поражением 16 апреля 1917 года., а вступление Америки в войну определило решение Фоша и Петена — перейти на 14 месяцев, до июля 1918 года, к обороне, и решение Людендорфа — попытаться покончить с западным фронтом в первую половину 1918 года [1]).

Помощь политики при окончании войны. Тесная связь внешней политики со стратегией обусловливается и тем, что стратегия одними военными средствами, в большинстве случаев, бессильна довести борьбу до конца. Даже величайший представитель стратегии сокрушения, Наполеон I, не имел возможности свои наиболее успешные войны закончить исключительно приемами вооруженного насилия, и вынужден был широко прибегать к политическим средствам, чтобы обеспечить себе выгодный мир. Популярность Наполеона во французском крестьянстве обусловливалась именно взглядом на него, как на миротворца. Только Наполеону удалось закончить революционные войны заключением мира — в первый раз в 1797 году, во второй раз в 1800 году. Такие приемы, как уступка побежденной Австрии в 1797 году Венецианской области, создание Рейнского союза, выгодные авансы Австрии перед Аустерлицем, раздел господства в Европе с разбитым наголову

[1]) „Красные Зори", 1924 г., № 11. А. Свечин. Интегральное понимание военного искусства.

под Фридландом Александром I в 1807 г., представляют блестящие достижения политики Наполеона I, которые выводили из затруднительного положения его стратегию в момент, когда ведение войны грозило увлечь его за кульминационную точку успехов. Когда Наполеон утратил свои политические дарования, его военные предприятия стали завершаться катастрофами — испанской, русской, германской.

Бисмарк также имел всегда под рукой несколько политических средств для выручки стратегии, чтобы сделать неприятеля более сговорчивым к миру — например, в 1866 г. устройство национальной революции в Венгрии, в случае упорства Австрии, и заключение ею союза с Францией; он не пускал этого средства без надобности в дело, так как опирался на юнкерскую (аграрии) партию, и хотел сохранить династический характер войны. Бисмарк поддерживал связи с итальянскими революционерами, чтобы иметь возможность в 1870 г. осадить недружественные действия итальянского короля. А в 1870 г., когда после Седана Мольтке считал, что война уже почти закончена, Бисмарк очень серьезно беспокоился, так как боялся оказаться политически безоружным против французской революции.

Мировая война показывает также, что надо знать, с кем заключать мир, и в этом отношении стратегия должна слепо следовать за указаниями политики, подготовляя для нее почву. Бетман-Гольвег, германский канцлер, политически заблуждался, ища партнера для мирных переговоров. Он стремился сговориться с Англией за счет России, не понимая, что Англия является самым неумолимым врагом; а отсюда вытекало бездействие германских эскадр. Очень неохотно в 1916 г. Бетман-Гольвег откликался на предложения попытаться предложить России сепаратный мир. Когда же он пошел на эту попытку, то, доверившись эксперту по русскому вопросу болгарскому посланнику Ризову (а также консулу Марксу), Бетман-Гольвег решил опираться в стремлениях к заключению мира не на реакционные русские партии, действительно опасавшиеся продолжения войны и потому готовые к миру, а на левую часть либералов, всецело находившихся в орбите Антанты. Отсюда объясняются политические нелепости конца 1916 года и начала 1917 года: неумелость подхода к сепаратному миру, организованная

посредством германской прессы травля русских политических зубров, которые готовы были протянуть немцам руку, провозглашение самостоятельности Польши и тому подобное неумное применение бисмарковских средств.

Политика и выбор операционного направления. В XVIII веке, в эпоху вербованных армий, имевших сильную склонность к дезертирству, при выборе операционного направления приходилось учитывать такие соображения, как большая или меньшая лесистость местности вдоль пути следования армии. На открытой местности армия сохранялась лучше, на лесистой утечка дезертиров значительно росла.

В современных гражданских войнах значение территории, на которой развиваются военные действия, также сильно возрастает. В гражданской войне, при недостаточно организованном и часто экономически подорванном тыле, значение местных средств для довольствия армии вообще чрезвычайно велико. Но район военных действий в гражданской войне часто не только кормит армии, но дает и средства для их обмундирования, даже для вооружения, и, что особенно важно, представляет важнейший источник их укомплектования. Тот или иной классовый состав населения резко отражается на повышении или уменьшении дезертирства и на притоке в армию новых сил. Сила армии, попавшей в „мертвящий“ район, быстро тает, а в армии, попавшей в местность с благоприятным классовым составом, быстро нарастает; такая армия обходится не только без какой-либо помощи своего экономически слабого центра, но часто шлет ему с фронта ценные подарки. Наступление против Колчака производилось, по существу, лишь кадрами, пришедшими из России, силами и средствами самой Сибири. Луганск и весь Донецкий бассейн являлись для советских армий весьма ценными.

Отсюда является большой соблазн — выбирать, по чисто политическим соображениям, основные пути наступления. Но необходимо отметить, что чем могущественнее является центр, чем упорядоченнее может высылать тыл снабжение, чем крепче порядок и дух войск, тем меньшей становится зависимость наступающих армий от политической окраски проходимой ими территории. Средства укомплектования и

вооружения, которые дает местность, умаляются в своем значении в сравнении с огромной поддержкой, получаемой с тыла. Несколько десятков тысяч добровольцев, которых еще надо снабдить кадрами, обмундировать, вооружить и обучить, могут иметь решительное значение в гражданской войне, где вся сила фронта не превосходит их числа, и будут играть сравнительно скромную роль там, где фронт поглощает ежемесячно 150 тысяч хорошо подготовленных и дисциплинированных бойцов.

Элемент политической географии, поскольку он сам не входит важной слагаемой в конечную политическую цель, должен расцениваться военным командованием, как и всякий другой географический элемент. Это одно из условий обстановки. Переоценка географического элемента всегда влечет к начертанию стратегией вензелей — в данном случае политических.

Географический объект операций. Ведение борьбы на экономическом или классовом фронте часто может быть значительно облегчено захватом известных географических пунктов, или, наоборот, затруднено с потерей их. Закупорка турками и немцами Дарданелл сильно затруднило условия участия России в мировой войне. Вероятно, граф Шлиффен, перенося направление главного удара на французский фронт, и направляя его через Бельгию, был не вполне свободен от экономических мотивов: взять с России нечего, а у французов имеются и капиталы, и колонии, захват Бельгии и севера Франции с их промышленными богатствами представлял и ценное подспорье для ведения войны, и ценный залог при заключении мира. Богатства всегда являются громоприводом. Впрочем вопрос, как выгоднее выиграть войну, ставит нас на ультра-наступательную точку зрения; немцы были бы логичнее, если бы сосредоточили свое внимание на том, как ее не проиграть. Галиция прельщала русское командование по политическим причинам больше, чем несравненно более культурная Восточная Пруссия. В 1916 г. немцы с большой выгодой провели операцию против богатой пшеницей и нефтью Румынии.

В гражданскую войну, когда Советская Россия ощущала душившую ее „костлявую руку голодной смерти“, борьба за Украину с ее хлебом, борьба за Донецкий уголь и бакинскую нефть, за обладание всей Волгой, которое когда-то вывело Московию из исторического полубытия на широкую мировую арену, являлась самым насущным делом. Вопрос о том, быть или не быть, связывался с обладанием тем или другим географическим районом. Насущная экономическая необходимость ориентировала полет Красной армии. Значение географических целей растет в той же пропорции, в которой экономический базис оказывается разрушенным. Захват Варшавы в 1920 г. влил бы сотню тысяч пролетариев в ряды революции.

Политика, обычно, является представительницей географических интересов — экономических и классовых. Отсюда, однако, еще не значит, что географические объекты должны господствовать непременно над тем объектом, к которому в особенности притягивается внимание стратега — над живой силой врага. Если политика устанавливает политической целью войны нанесение сокрушительного удара, она вообще будет лишь в самой общей степени указывать географическую цель — может быть по странам света, если мы окружены врагами, или по государствам, если они образуют один сплошной забор, по стыкам между ними, по столицам. Если политическая цель ориентирует на данном театре войну на измор, она может включать в себе географические объекты для отдельных операций. То, что политика включит в политическую цель войны, явится для стратегии бесспорным законом. В вопросе об остальных пунктах, важных для экономического и классового фронта, стратег является уже не подчиненным, а представителем вполне равноправного фронта вооруженной борьбы, и должен войти в оценку политических и экономических соображений, поскольку осуществление их является возможным и целесообразным с точки зрения нашей линии стратегического поведения, ориентированной на важнейшую политическую цель войны.

Преследуя цели сокрушения, стратег будет неумолим. Если намечается сокрушительный удар, то заботы об общей базе должны быть отброшены на третий или четвертый план. Шлиффен вполне логично уделял лишь ничтожные силы для защиты крупных экономических интересов Германии в Лотарингии, Эльзасе и Восточной Пруссии. Основной ошибкой Мольтке младшего, стремившегося сохранить идею сокруше-

ния, было преувеличенное внимание к защите экономических интересов этих областей.

При борьбе на измор естественным является стремление к защите своей общей базы и экономическому ущемлению неприятеля. Нужно находить путь для компромисса и совместить борьбу с живой силой неприятеля и защиту географических интересов.

Географический пункт, важный для противника, будет особенно выгодно избрать для наступления в том случае, если наша задача сводится к тому, чтобы связать противника, заставить его принять бой, навязать ему борьбу материального характера при невыгодных для него предпосылках (Верден). Такова была невыгодная для России роль Севастополя в Восточной войне: русской армии несравненно было бы выгоднее ввязаться в борьбу с боявшимися углубиться в русскую территорию англо-французами не так близко от побережья, но значение Севастополя, базы Черноморского флота, заставило нас вступить в бой у самого уреза воды, при выгоднейших условиях сообщений противника и максимально невыгодных для нас. Такова же, в будущем, может оказаться роль Ленинграда. На западе обилие важных географических пунктов — больших городов, промышленных центров — вообще, до крайности связывает стратегию. И наоборот, отсутствие их на польско-белорусском фронте делает здесь стратегию максимально гибкой. Свобода отступательного маневра здесь может быть стеснена только нагромождением военного снабжения. Нагромождение военных складов также создает географический пункт. Если бы не десятки тысяч поездов военного снабжения, которые надо было бы вывозить из германского тыла, образование залежи которых частью ускользнуло от контроля германской ставки, Людендорф в сентябре и октябре 1918 года мог бы отступать несравненно свободнее, не ввязываясь в упорные и невыгодные для него отступательные бои.

Мудрая политика будет очень осторожна в представительстве географических интересов, в особенности местного, колокольного характера. Часто она ограничится лишь указанием на них стратегии для учета, без всякого подчеркивания необходимости их отстаивания. Политика, конечно, не может видеть в стратегии инструмента на прокат, для удовлетворения пожеланий всех и каждого. К стратегу в особенности применимы слова, начертанные Петром Великим в своем уставе в отношении позиции генерал-квартирмейстера при размещении войск по квартирам: „А еще не родился человек, который всем угодить сумеет". Отсюда и рождается необходимость освободить стратегию от зависимости от каких-либо местных властей, и поставить ее в непосредственное общение с высшей властью в государстве. И политика, и стратегия останутся на правильном пути, только выдвигая общие цели и интересы, и с чисто государственным размахом отметая частные домогательства, поскольку последние грозят нас отклонить от конечной цели.

Самостоятельные операции морского и воздушного флотов. В своих самостоятельных операциях морской и воздушный флоты представляют оружие преимущественно экономического давления. Господство морского флота запирает чрезвычайно важные морские торговые пути. Военные действия на море получают особое значение в затяжной войне, в особенности когда борьба складывается за мировое господство (Карфаген и Рим, Англия и Испания, Англия и Голландия, Англия и Франция Людовика XIV и Наполеона I). Линейный флот лишь прикрывает экономические операции более слабо вооруженных судов по блокаде и установке минных заграждений на экономических подступах, по контролю торгового мореплавания, и оказывает им содействие при бомбардировках прибрежных пунктов. Воздушный флот имеет возможность производить все более энергичную бомбардировку важных географических пунктов на все растущем удалении от фронта сухопутных войск. Систематические действия его могут вызвать значительное понижение успеха работ важнейших артерий транспорта и частично парализовать производство не слишком удаленных промышленных центров.

Бомбардировки — средство раздражающее, но не всегда действительное. Город Дарессалам, столица германской Восточной Африки, бомбардировался англичанами с моря в начале мировой войны 27 раз; так как население укрывалось в блиндажах, а на флоте не было орудий навесного действия, то всего был убит один белый. Воздушные бомбардировки будут несколько более действительными. Однако, надо взвешивать

их стратегическую целесообразность, так как они могут привести к отрицательным результатам. Бомбардировки Парижа и Лондона разрушили несколько десятков домов и покалечили несколько сот жителей. Экономические затраты на их производство (в частности, постройка цеппелинов), вероятно, стоили немцам больше причиненного убытка; погибли сотни отважных воздухоплавателей и летчиков. А для Антанты, при ее сильной воле к победе, эти бомбардировки явились лишь булавочными уколами, которые обусловливали припадки ярости и облегчали враждебным правительствам получение средств для более энергичного ведения войны. Этот спортивный уклон не оправдывается и приводимыми немцами соображениями, что они своими налетами приковывали к неприятельским столицам крупные силы противовоздушной обороны. Проигрыш был явно крупнее возможного выигрыша.

Сторона, дела которой на фронте складываются плохо, отказывается от бомбардировок из опасения нарастить счет, по которому придется платить. Последние три месяца войны, по приказу Людендорфа, налеты не производились.

В случае значительного обострения борьбы на политическом фронте, надо быть особенно осторожным в применении бомбардировок. Несколько ядовитых бомб с аэроплана могут, заполнив лазарет отравленными, испортить совершенно почву для политической агитации. При каждом применении этого средства воздействия, нужна политическая консультация. Значение бомбардировок в сильной степени обусловливается напряжением войны: карательные результаты английских налетов в Ираке, при слабом напряжении борьбы, представляются довольно значительными, а столь же убойные и ядовитые бомбы испанских и французскиха эропланов, при высоком подъеме марокканцев, оказываются малодействительными.

Военные операции, преследующие экономическую цель, должны быть верно обдуманы; между тем, расчет их представляет иногда экономическую проблему величайшей трудности. Такова была проблема подводной блокады Англии. Германский морской генеральный штаб и приглашенные им экономические эксперты пришли к выводу, что при успехе работы подводных лодок, выражающемся в ежемесячном потоплении 500.000 тонн пароходов, обслуживающих снабжение Англии, через полгода на всем земном шаре не останется достаточного для обслуживания потребности количества пароходов, и Англия, угрожаемая голодом, экономически потрясенная, должна будет заключить мир.

Так как объявление подводной войны должно было вызвать вмешательство в войну Соединенных Штатов, то решение относительно подводной войны представляло величайшую важность. Надо было учесть степень напряжения мирового тоннажа, вызванную мировой войной; возможность заместить утопленные пароходы всеми мировыми кораблестроительными верфями, возможность усилить обслуживающий Англию океанский флот снятием пароходов со второстепенных линий, использованием всех престарелых судов, и зафрахтовкой нейтральных судов; наконец, возможное уменьшение потребности в океанском транспорте вследствие ограничения потребления и перехода к такой системе хозяйства, при которой объем внешней торговли значительно уменьшится, и каждое государство постарается покрыть большую часть своих потребностей своим же производством. Германские авторитеты ошиблись: Соединенные Штаты приступили к гигантской постройке торгового флота, нейтральные государства сильно сжали свои потребности, Англия, с помощью американских тракторов, сильно развила свою посевную площадь, и в то же время, перейдя на карточную систему, значительно сжала свое потребление. Несмотря на то, что англичане приняли целый ряд весьма продуманных мер противодействия, германские подводные лодки оправдали военную часть плана: за 11 месяцев 1917 года было утоплено 9.125.000 тонн, т.-е. на 66% больше теоретически исчисленной нормы, и даже в 1918 году, когда подводная война пошла на убыль, все же за 9 месяцев было утоплено 5.198.000 тонн. Повидимому, немцы ошиблись в своем расчете больше, чем вдвое. О планомерности, с которой немцы преследовали свою цель, можно судить по тому, что они направили для достижения ее все свои подводные лодки, не выделив ни одной, несмотря на настояния австрийцев, на желательность топить американские транспорты с войсками. Американцы напрасно кичились удачной организацией их охраны, так как в действительности на них никто не охотился. Точно

также немцы, для усиления блокады Англии, отказались от подводных набегов в Средиземном море, что сильно облегчило здесь положение Антанты и снабжение Салоникского фронта.

Воздействие внешней политики в начале и конце войны. Особого рода соображения дипломатического характера должны учитываться преимущественно в начале и конце войны. 6-го августа 1870 года, в самом начале франко-прусской войны, передовые части V прусского и II баварского корпуса завязали бой с французами. Так как общая атака была намечена на 7 е августа, то кронпринц прусский, командовавший 3-й армией, отдал приказание прекратить бой. Генерал Кирхбах получил это распоряжение тогда, когда уже бой значительно разгорелся. Имея в виду, что выход V прусского корпуса из боя мог дать основание французам приписать себе первую победу, и считаясь с впечатлением, которое победный бюллетень французов мог бы произвести на колеблющиеся Австрию и Италию, генерал Кирхбах решил ослушаться полученного приказания и продолжал бой, окончившийся поражением французов. Энергичная политика Бисмарка нашла свое тактическое истолкование.

Иногда нейтральное государство может быть удержано от вступления в ряды наших врагов только крупным одержанным нами успехом, который заставит вложить в ножны уже на половину обнаженный меч. В таких случаях иногда можно итти на такой риск, перед которым, вне такого политического соображения, мы бы отступили. Но надо знать меру.

Если генерал Кирхбах ориентировал тактически свои действия под Вертом на впечатления, которые они произведут на колеблющиеся неприязненные государства, то весной 1915 года вся механика действий на русском фронте ориентировалась на подготовлявшееся вступление Италии в войну. Окончательный отказ от развития наступления во Франции в 1915 году и перенос центра тяжести усилий на русский фронт генерал Фалькенгайн принял вследствие желания большим успехом, одержанным в Галиции, удержать Италию от вступления в войну, показав всю иллюзорность надежды на выход русских армий на венгерскую

равнину [1]). Правильная оценка готовящегося выступления Италии должна была бы указать русскому командованию, что на ближайшее время французский театр становится второстепенным, и что нужно беречь силы, так как выступление Италии для русского фронта является не громоотводом, а громоприводом. Однако, у нас господствовало упрощенное, близорукое понимание отношений политики и стратегии. Юго-западный фронт, уяснив, что Италия, в надежде на скорый развал австро-венгерского фронта, собирается подписать союзные обязательства и приступает к мобилизации, предпринял карпатскую авантюру, которая должна была поддерживать в Италии иллюзии активного приступа русских к походу в Венгрию, пока Италия не свяжет себя окончательно.

Ставка, понимавшая всю нежелательность этой операции в военном отношении, и ее несоответствие имевшимся материальным возможностям (ружья, снаряды), слишком переоценила провокационное значение для Италии этого карпатского наступления, не поняла самое значение вступления Италии в войну для русского фронта, и не приняла резких мер для пресечения инициативы ген. Н. И. Иванова. В результате, мы заплатили за вступление Италии в войну прорывом на Дунайце (у Горлицы) — гораздо дороже, чем стоило все участие Италии в войне.

10-го июля 1866 года, командующий Майнской армией пруссаков Фалькенштейн разбил баварцев при Киссингене. Естественно было бы преследовать разбитого врага. Но Бисмарк имел основание предполагать, что в ближайшие дни военные действия будут закончены; в Баварии пруссаки ни на какие приобретения рассчитывать не могли. Поэтому, вместо того, чтобы двигаться вслед за баварцами к Вюрцбургу, по непосредственной просьбе Бисмарка, Фалькенштейн двинулся в обратную сторону, на Франкфурт на Майне, чтобы этот богатый город, колыбель Ротшильдов, захватить до подписания перемирия. Для момента конца войны типична эта борьба за „карту расположения фронта“. Недостаточный учет этого политического мотива отдельными начальниками Красной армии привел к оставлению нами,

[1]) Фалькенгайн. Верховное командование. Стр. 84.

накануне заключения перемирия с поляками в 1920 году, некоторых пунктов, в том числе Лунинца, что, повидимому, отразилось на Рижском договоре.

Иногда дипломатия может удержать в нейтральном положении третье государство лишь при условии, что интересы его будут соблюдаться нами при ведении военных действий, например, военные действия не будут распространены на известные территории. Так, Англия в 1912 году приняла обязательство защищать в Атлантическом океане интересы Франции и, таким образом, даже не вступая в войну, она удерживала бы германский флот от враждебных действий против Франции [1]). Италия за свой нейтралитет в начале войны потребовала (за ее спиной стояла Англия) и добилась от центральных держав и Турции нейтрализации Суэцкого канала. Турки произвели на него нападение лишь после вступления Италии в войну. Соединенные Штаты в период своего нейтралитета сильно стеснили свободу действий немецких подводных лодок и выиграли таким путем для Англии время изготовиться к подводной войне.

---

[1]) При начале войны 1914 года Англия предъявила к Германии требование об уважении нейтралитета Бельгии. Прусский генеральный штаб не посчитался с ним, так как полагал, что Бельгия является лишь предлогом, и что Англия все равно втянется в войну. И все же нарушение бельгийского нейтралитета было одной из крупнейших политических ошибок Германии, которая на всем земном шаре сковала ее друзей и развязала руки врагам.— Само государственное образование Бельгии сбязано своим происхождением последовательной в течение 8 веков политике Англии, отстаивавшей независимость территории на нижней Шельде от всякой великой державы.

ЧАСТЬ II.

ПОДГОТОВКА ВООРУЖЕННОГО ФРОНТА.

1. Исходные положения.

Значение фронта вооруженной борьбы. План войны и план операций. Военизация. Разведка.

Значение фронта вооруженной борьбы. Под влиянием ошибочных взглядов иногда складывается неправильная расценка отдельных фронтов войны—экономического, классового и вооруженного, в сторону совершенного умаления значения тех или иных результатов военных действий. Боевые столкновения априорно признаются ничтожными по своим результатам. Такую идеологию нельзя не признать гибельной и опасной, так как она вызывает индиферентность к военной подготовке и подрывает моральную упругость в бою. На вооруженном фронте как раз история и делает оценку классового сознания и экономических успехов. Малейшее внимание к диалектике убедит нас, что на политическом и экономическом фронте события в течение войны развиваются не изолированно, а в тесном контакте с перипетиями вооруженной борьбы. В числе причин французской революции нельзя не подчеркнуть неудач французских армий в Семилетней войне, которые явились в глазах французской буржуазии явным провалом феодального дворянства на историческом экзамене, провалом, который выдвигал на очередь дня вопрос об устранении гегемонии этого негодного к власти класса. Русско-японская война и неудачи русских армий в мировую войну явились прологами, тесно связанными с обеими русскими революциями. Точно также на экономическом фронте Германии победа 1871 года и катастрофа 1918 года отзываются, конечно, совершенно различным образом.

Надо быть слепым, чтобы отрицать значение военных действий, как голой формы насилия, аппеляции к силе. „Самый непреложный закон природы—это право сильного. Нет ни законов, ни конституций, которые могли бы обусловить исключение из этого закона. Все искусство человека не может помешать насилию сильного над слабым“ [1]). Тот же философ добавлял, что „война представляет только конкретизацию событий, уже предопределенных моральными (мы бы сказали классовыми и экономическими) причинами, которые редко замечаются историками“ [2]). Из этой предопределенности не только не следует умаление значения военных действий, но наоборот, в будущей войне Красная армия будет держать экзамен не только за себя, но и за весь новый строй СССР, за русскую революцию, за самосознание рабочего класса.

Определить относительное значение фронта вооруженной борьбы по сравнению с фронтом классовым и экономическим, и соответственно дозировать часть государственного бюджета, отпускаемую на подготовку к войне—это дело высшей государственной власти. „Политика определяет численность вооруженных сил, которые необходимо держать в мирное время или мобилизовать для войны, и ответственность за нее падает на правительство“ [3]).

План войны и план операций. Существенным признаком гражданских войн является отсутствие систематической подготовки к ним в широком масштабе. Отрицать вполне существование такой подготовки нельзя. Поляки, готовясь в шестидесятых годах к вооруженному восстанию против России, имели в романских странах школы для военной подготовки командных кадров, и издавали на польском языке военные уставы. Рабочий класс Германии в 1923 году формировал красные сотни, которые стремились повысить свою боеспособность путем регулярных военных упражнений.

Однако, такая подготовка к гражданской войне, несмотря на известный уклон в сторону расширения, все же, по необходимости, имеет эпизодический характер. Гражданская война принципиально ведется на развалинах общегосударственной военной подготовки; оружие, средства сообщений и связи, расположение арсеналов, интендантских складов, крепостей, казарм, военных заводов, уставы и военные навыки—все это в гражданской войне заимствуется из предшествующей военной подготовки; только постепенно, в процессе самой гражданской войны, складываются вооруженные силы сторон и начинает осуществляться ряд мероприятий по строительству армии данного класса. Вначале приходится применяться к чуждым формам, и проходят года, прежде чем удается их заменить своими, выработанными для новых условий.

Эта обстановка гражданских войн ведет к тому, что способность вооруженных сил к стратегическому усилию наростает лишь в значительной постепенности; максимум стратегического напряжения, несмотря на все стремление к применению стратегии сокрушения, относится на значительное время спустя начала восстания. Боеспособность Красной армии в 1919 году много превосходила ее боеспособность в 1918 году, и продолжала расти далее. Несмотря на демобилизацию и значительное сокращение, этот процесс энергичного роста внутренней силы Красной армии находится и по сей час в полном ходу.

Если приходится вести борьбу против внешнего врага, готового к производству крупного стратегического усилия через немногие недели после разрыва, было бы крайне нерационально полагаться на то, что организацию отпора удастся скомбинировать в процессе самой войны.

Для одержания успеха с минимальной тратой народных сил и средств, необходимо рационализировать использование всех представляющихся военных возможностей. Надо создать такие рамки, в которых энергия господствующего класса и все средства государства могли бы скорейшим и наиболее соответственным путем вылиться в создаваемый вооруженный фронт борьбы. Нужна обширная сеть мероприятий по подготовке государства к вооруженной борьбе. Наравне с политическим и экономическим планом войны, необходим и план чисто военный, связывающийся многими нитями с политикой и экономикой.

До XIX века соображения на случай войны и конкретная военная подготовка начинались лишь тогда, когда

[1]) Rousseau, т. 8, стр. 396, 408 (изд. 1790).
[2]) Ibidem, т. 36, стр. 382 (изд. 1793).
[3]) Английский полевой устав, часть II, глава II, Раздел 4, § 3.

политика выдвигала перед государством определенную враждебную группировку. Впрочем, уже XVII век, создавший постоянные армии, оставил нам завет Монтескуколи—что заключение мира не должно являться ликвидацией военной организации, а должно представлять лишь подход к подготовке к новой войне. Но эта подготовка выражалась лишь в содержании постоянной армии, известных запасов и постройке крепостей на угрожаемых границах, и имела совершенно общий характер. Германские князьки стремились, по примеру Людовика XIV, заводить 24-фунтовые (6-дюймовые) пушки, не считаясь с тем, что им не придется осаждать крепостей, да и в их распоряжении нет тех мощных дорог и каналов, которые покрывали север Франции и Нидерланды. Подготовка к войне не проникалась определенной оперативной мыслью, велась абстрактно, не считаясь с требованиями обстановки будущей войны.

В 1802 г. полковник прусского генерального штаба Массенбах предложил, вне зависимости от хороших или плохих политических отношений с соседями, постоянно иметь готовые планы кампаний на случай военного столкновения с кем-либо из них. Его предложение, первоначально отвергнутое, начало осуществляться после свержения Наполеона I. Священный Союз на своих конгрессах выработал планы интервенции на случай рецидива революционного движения во Франции, прусский генеральный штаб имел в своем составе французское, австрийское, русское отделение, были назначены военные агенты, началась статистическая, разведочная и рекогносцировочная работа.

Железные дороги, чрезвычайно ускорив развитие начала военных действий, поставили все государства перед необходимостью уже в мирное время разрабатывать вопросы, связанные с началом операций, и соответственно ориентировать мирную подготовку.

Если мы видим вместе с зарей капитализма и зарождение постоянных армий, не демобилизующихся в полной мере при заключении мира, то расцвет империализма распространяет требования подготовки к войне на все отрасли государственной деятельности. Теперь мы должны провести отчетливую грань между планом войны, преследующим военную подготовку всего государства в целом, для создания

вооруженного фронта, и планом операций, или, как его часто называют, планом кампании, представляющим план приступа к первоначальным военным операциям. Тогда как план войны представляет, прежде всего, программу развития вооруженных сил и средств государства, рассчитанную на несколько лет, план операций является лишь небольшой, но очень важной его частью, указывающей, как в каждый данный момент, с реальными силами и средствами, имеющимися в наличности, действовать в случае войны. Из плана операций вытекают задачи, выпадающие на вооруженные силы во время войны. Анализ их указывает на несоответствие, существующее между реализованной уже военной подготовкой и выпадающими на вооруженные силы требованиями; поэтому, план операций в значительной степени осмысливает дальнейшую подготовку, содержание всего плана войны. Из плана операций можно заключить о требуемом количестве вооруженных сил, о характере их организации, вооружении и обучении, обеспечивающем разрешение выпадающих на них задач; относительно необходимых усовершенствований в организации театра войны в отношении путей сообщения и возведения долговременных фортификационных сооружений; относительно необходимых изменений мобилизационного распорядка; относительно тех запасов, накопление коих является особенно важным; относительно тех разведывательных данных, получение коих имеет существенный интерес.

Работа над планом операций и планом войны и проведение в жизнь вытекающих из них директив имеет существенное значение для исхода внешних войн и составляет задачу деятельности в мирное время генерального штаба. Если у нас имеются союзники, то она дополняется работой по разумному согласованию планов войны и в особенности планов операций союзных государств (см. выше „Военные конвенции“). Однако, план войны в целом захватывает такие обширные области, что может быть осуществлен лишь в том случае, если ответственность за него возьмет верховная власть. Генеральный штаб является лишь рабочим органом, представляющим верховной власти свои соображения [1]).

[1]) „Ответственность за план войны (принятие, изменение, переработка) падает на правительство, одобрившее его и принципиально взявшее на себя задачу обеспечения его выполнения необходимыми силами и средствами“. Англ. пол. устав 1920 г., ч. II, гл. II, разд. 4, § 6.

Некоторые писатели, вслед за Сериньи, пытаются провести различие между стратегической работой над планом войны и по ведению военных действий: первое — наука, второе—искусство. Тогда как при руководстве войной приходится принимать решения в далеко не выясненной обстановке, втемную, и работа протекает спешно, в нервной атмосфере, работа по плану войны является сравнительно спокойной, базирующейся на относительно твердых данных; главенствующий в ней расчет придает ей научный характер; она стремиться все предвидеть и предусмотреть, и принципиально отказывается от каких-либо импровизаций. Поэтому составители стратегических трудов за последнее десятилегие переносили центр тяжести своих трудов на подготовительные операции и очень поверхностно анализировали вопросы самого ведения войны.

Мы признаем, конечно, что работа до объявления войны протекает в более академической атмосфере, чем когда заговорят пушки. Но принципиальное различие мы отвергаем. В основе той и другой работы лежат не какие-нибудь принципы, а наши представления о характере будущей войны, и соответственная гармонизация всей подготовки и действий вооруженнаго фронта. Ошибочное представление о будущей войне поставит на ложный путь и подготовку, и исполнение. Кроме того, как увидит читатель, мы, с одной стороны, указываем на необходимость далеко проталкивать некоторые области подготовки вглубь войны — например, выдвигая необходимость эшелонности мобилизации; с другой стороны, мы отводим маневру широкое место уже в период оперативнаго развертывания. Грани между подготовкой и исполнением имеют тенденцию сгладиться. Борьба на измор вносит в само ведение военных действий те же элементы дальновидного расчета, которым должен быть проникнуть весь план войны.

Успешное ведение войны зависит в равной степени как от внимательной, тщательной проработки плана мобилизации, сосредоточения, пополнения и снабжения армии, так и от искусства ведения операций.

Военизация. Политический и экономический планы не ограничиваются рамками какого-либо одного ведомства; политические и экономические директивы, вытекающие из

них, должны проникать всю государственную деятельность и являются прежде всего обязательными и для военного ведомства. Точно также и военный план отнюдь не может ограничиваться рамками армии и флота; ныне в войне принимает участие вся страна, и военные директивы должны учитываться на очень широком фронте государственной деятельности. Так, например, командные курсы должны будут выпустить в течение войны сотни тысяч красных командиров, при чем на подготовку их военное ведомство будет иметь возможность затратить самое ограниченное число месяцев. Естественно, что командные курсы придется комплектовать юношами, закончившими те или другие учебные заведения Наркомпроса, или даже студентами, состоявшими в начале войны в высших учебных заведениях. Та или иная подготовка, полученная молодежью в школах Наркомпроса, будет существенно отражаться на качествах младшего командного состава, которым будет питаться Красная армия во время войны. Отсюда план военной подготовки страны не может безразлично относиться к деятельности Наркомпроса. Возникает необходимость исследования, каким образом, не отклоняя деятельности Наркомпроса от постановленных им себе задач, можно было бы повысить достоинства оканчивающих его школы с точки зрения военной квалификации их: развитие физической подготовки, борьба с пацифистическими уклонами мышления, сообщение элементарных военных сведений, обучение стрельбе, хотя бы под флагом спортивных обществ, моральное сближение их с Красной армией и т. д.

Управление вооруженными силами во время войны и сама мобилизация их находится в очень тесной связи с развитием постоянной телеграфной сети. Личный состав многих военных частей связи только в том случае окажется на высоте, если Наркомпочтель поделится с военным ведомством при мобилизации своими испытаннымп и хорошо обученными работниками, а также поможет своими материальными средствами — например, самопишущими телеграфными аппаратами, и при развитии телеграфной сети мирнаго времени будет иметь в виду требования войны.

Каждое наступление выдвигает задачу — починить сотни железнодорожных мостов, перешить и организовать экспло-

атацию нескольких тысяч верст рельсовых путей; явится необходимость в десятках тысяч железнодорожных агентов, в головных ремонтных поездах, в значительном подвижном составе. Само сосредоточение войск к границам, с началом войны, потребует тысяч поездов; подача подвижного состава и организация движения должны быть подготовлены во всех деталях. Это может быть достигнуто лишь путем тесной, согласованной работы высшего военного командования с Наркомпути.

Все мобилизационные вопросы тесно связаны с Наркомвнудел, так как требуют энергичного содействия местной администрации. Вопрос об отсрочках призыва для необходимых работников задевает интересы всех наркоматов и т. д.

При современном гигантском масштабе ведения вооруженной борьбы, военное ведомство не может и помышлять обойтись своим маленьким Наркомпросом в виде управления военных учебных заведений [1]), своим ведомственным аппаратом связи, своими железнодорожными войсками, своей юстицией; оно не может пытаться организоваться в особое государство в государстве, иметь на все своих специалистов и свои запасы; необходимо подготовить всю страну и все наркоматы, с их богатыми силами к участию в войне. Отсюда для высшего военного командования вытекает необходимость постоянного сношения с высшими гражданскими органами для ориентирования их в военных требованиях [2]). А каждый высший гражданский орган должен иметь в своем составе ячейку, блюдущую военные интересы и подготовляющую перевод деятельности Наркомата на новые рельсы,

[1]) Гениальный Фидий изобразил на щите Афины-Паллады Перикла в вооружении, сражающегося с амазонками, и себя в прозодежде скульптора, мечущим глыбу мрамора в нападающих. Искусство, спешащее присоединить свои усилия на помощь гражданину-милиционеру—это эмблема военизации, существующая уже 2360 лет.

[2]) Перечень вопросов, подлежащих разрешению гражданскими органами при подготовке к войне, достаточно полно изложен в брошюре П. П. Лебедева.—Государственная оборона. 1924 г., стр. 47. Автор дает и стройную систему организации работы на войну всего гражданского аппарата: Совет Труда и Обороны, секретариат Обороны Союза в целом, Мобилизационный Комитет, мобилизационные органы при центральных аппаратах, местные мобилизационные органы и ячейки. Мы не можем согласиться с предлагаемой уважаемым автором организацией. Нужно не подобие парламента ведомств, отражающих все центробежные стремления, каким намечается Мобилизационный Комитет, а Генеральный Штаб.

с объявлением мобилизации, дабы ответить тем задачам, которые поставит война.

Переход на территориальные формирования является мероприятием, рассчитанным прежде всего на использование сил, средств, навыков, специальностей, знаний, энергии всего народа. Можно уменьшать постоянную армию за счет увеличения территориальных частей только при параллельном увеличении интереса всего государственного аппарата, рабочих и крестьянских масс к вопросам военного дела и государственной обороны. План военной подготовки государства к войне теперь в значительной степени является планом военизации государства. Мы говорим „военизация", потому что тождественное слово „милитаризация" слишком часто употреблялось в одиозном смысле. Под милитаризацией подразумевают господство военных директив над интересами мирного развития общества, с подразумевающейся гегемонией в стране военной касты. Между тем, нет ничего более несправедливого: именно уменьшить объем деятельности военных специалистов, уменьшить постоянные армии можно только путем создания военных кафедр в университетах, созданием сердец и умов командиров взводов в лицах, занимающих бухгалтерские и тому подобные мирные должности, привитием военных вкусов к массе населения. Самый ярый ненавистник постоянных армий, считавший их „за чуму и обезлюдение Европы", Жан-Жак Руссо [1]) обращал внимание на необыкновенно сильный дух милитаризма в единственном государстве Европы, не имевшем постоянной армии — Швейцарии, и считал это правильным, и не одобрял страхи федеративного правительства, стремившегося укротить буйное выявление милитаризма граждан-милиционеров.

Самая широкая военизация во всех отраслях государственной и общественной деятельности — это основной закон современной подготовки к войне. Горе тем, для кого она явится только метафизикой.

Разведка. План войны и план кампании, в самом их существе, должны представлять не стремление к абсолютному росту вооруженных сил, а подготовку их к тем именно

[1]) Т. 8, Politique, ч. II, стр. 397 (изд. 1790 г.).

задачам, которые выпадут на армию и флот с началом войны. Поэтому в основе работы по плану войны должно лежать уяснение характера предстоящей войны и особенностей противника; отсюда вытекает значение разведывательной работы. Весьма важно собрать данные, характеризующие политическое положение противника, отношения, в которых он находится к другим государствам, тенденции отдельных классов и напряжение борьбы между ними, общее его экономическое положение и специальные экономические мероприятия по подготовке к войне; эти данные, дополненные изучением личностей руководящих политиков, истории враждебного государства и наиболее авторитетных мнений, высказываемых в печати, позволяют отдать отчет в той линии политического и экономического поведения, которой держится сейчас государство, с которым возможна война, и о том, как его руководящий класс рисует себе продолжение этой линии с началом военных действий. На основе этого общего изучения противника явится плодотворным и изучение его в военном отношении; последнее не должно ограничиваться составлением представления о современном составе его вооруженных сил и достижениях его военной подготовки, а должно охватывать историю роста его армии и различные этапы решения им вопросов подготовки к войне. Такое изучение позволит яснее усмотреть тенденции его военного развития, характер представлений его генерального штаба о будущей войне, и последние предположения о первоначальных операциях. Так, например, изучение состояния германских железных дорог на левом берегу Рейна к определенному моменту, доведенное до мельчайших деталей, еще не способно было открыть перед мировой войной план Шлиффена. Но изучение последовательного развития германского железнодорожного строительства привело бы сейчас к открытию, что масса железнодорожных платформ на французской границе была возведена в семидесятых и восьмидесятых годах; а в начале XX века все усилия германцев направлялись к получению новых выходов к бельгийской границе, и нагромождению здесь высадочных военных платформ, к открытию новых пунктов смычки германских дорог с бельгийскими. Если сопоставить эти данные за последние 20 лет пред мировой войной с тем, что на французской границе за это

время железнодорожное строительство прекратилось, но зато развивалось здесь нагромождение немцами крепостных преград, то можно было уже притти к определенным выводам о тяготении немцев к охватывающему маневру через Бельгию. Каждый план войны в некоторых отраслях подготовки расписывается открытым образом; но если упускать из вида эволюцию подготовки, то перед нами окажется спуганное нагромождение мероприятий, относящихся к различным периодам и отражающих различные оперативные замыслы.

Особенное внимание необходимо уделять изучению военного бюджета, с теми драгоценными к нему комментариями, которыми в парламентских странах являются прения по бюджету в парламентских комиссиях и пленумах; критическое сравнение ряда бюджетов, несмотря на все усилия утаить мероприятия секретного характера, позволит сделать ряд важных выводов и дать оценку тенденциям военной подготовки.

Обычной ошибкой генеральных штабов перед мировой войной являлось изучение противника на слишком узком, чисто военном фронте.

Изучались мельчайшие детали, касающиеся сил государства, уже организованных для войны, и оставались в полном неведении относительно сил того же государства, находящихся в скрытом состоянии.

Изучению экономических возможностей неприятеля и группировке его промышленых центров не уделялось достаточно внимания. Знакомству с историей разведуемого государства совершенно не отводилось места. Представления о политических группировках ограничивались разговорам о росте германской социал-демократии. Недостаточно широкий взгляд, недостаточная образованность и вытекающая отсюда тенденциозность резко сказывалась на работе разведывательных органов. Уже в конце 1914 года французский генеральный штаб объявил об истощении людского материала для комплектования немецких армий, преувеличив больше чем вдвое потери немцев.

Недостаточная образованность ведет к переоценке пинкертоновских приемов разведки. В то время, как многим важнейшим данным, публикуемым в печати (в СССР, например, многим статьям „Экономической Жизни“) не уде-

ляется достаточного внимания, каждая бумажка, с надписью на ней „секретно", раздобытая агентурными приемами во враждебном государстве, является трофеем разведки, хотя бы это был циркуляр с благими намерениями, вовсе оторвавшийся от жизни. Перед мировой войной русский генеральный штаб достиг рекордных успехов по ознакомлению с содержимым секретных шкафов германских провинциальных штабов, а в Вене успел проникнуть и в центральную секретную сокровищницу. Основные документы австрийского плана развертывания побывали в руках русских фотографов. Но так как этот план Конрад изменил перед самой войной, то итоги разведки скорее сбивали, чем помогали русскому командованию. В то же самое время десятки русских шпионов, ежегодно попадавшиеся немцам, чувствительно обостряли дипломатические отношения.

Опыт говорит, что надо быть чрезвычайно скудным на надпись „секретно", чтобы действительно охранять важные военные тайны. Русские двухверстные секретные карты покупались немцами по скромной цене в 35 марок, при чем русскому генеральному штабу были известны немецкие сборные планы, с отметкой тех немногих листов, которые еще им требовались. В настоящее время этот секрет известен всем нашим соседям полностью и вовсе не котируется на шпионских биржах.

Повторяем: для разведки прежде всего нужны работники наивысшей квалификации в экономическом, политическом, историческом, стратегическом отношениях, настоящие утонченные ученые, погрузившиеся в изучение определенного государства. Все генеральные штабы перед мировой войной страдали недостаточно высоким уровнем таковых. Без них же эта разведочная работа по плану войны сводится к близкому к пинкертоновщине анекдоту.

Государство, не могущее рассчитывать использовать успехи разведочной работы своих союзников, и обреченное жить своим умом, должно обратить особенное внимание на разработку разведочных данных.

2. Строительство вооруженных сил.

Политическая основа армии. Моральные силы. Количество и качество. Малые государства. Регулярная армия и партизаны. Укомплектование. Организация, отношения нестроевых к строевым; отношения между родами войск. Железнодорожный маневр.

Политическая основа армии. „Задача армии высока и благородна; армия не должна опускаться до уровня политических партий". Эта идеалистическая формула рождена французским лицемерием в 1872 году и обязана творчеству старого бонапартиста, Шаслу - Леба, являвшегося докладчиком в парламенте основного закона об устройстве французской республиканской армии. Третья французская республика унаследовала армию, кадры коей состояли из монархических и бонапартистских элементов. Реакционные элементы твердо рассчитывали на армию для устройства в надлежащий момент переворота и в указанной формуле нашли фиговый листок для оправдания пребывания антиреспубликанского командного состава во главе республиканской армии [1]). Генерал Буланже, вступив в должность военного министра, первую же свою речь в парламенте посвятил аполитичности армии и тотчас же приступил к подготовке государственного переворота.

Аполитичность [2]) трудно мыслится даже для наемников, связанных с государством только денежными интересами; даже деклассированные солдаты ходом событий оказываются вынужденными стать представителями определенных интересов. Армия не может не являться отражением существующих в стране классовых группировок, и элементарное благоразумие требует, чтобы господствующий класс обрабатывал мышление армии в соответствии с требованиями своей политики. Условия жизни постоянных армий предоставляют для этого значительные возможности. Только в том случае, если господствующие классы — рабочие в союзе с кресть-

[1]) V. Dupuis. La direction de la guerre. Paris. 1912, стр. 345 — 351.

[2]) В древней Греции слово „Idiotes" обозначало обывателя, несведующего и не интересующегося государственными делами (справка в филологических словорях, например, Heise. Fremdwörterbuch, 16 изд. 1879 г., стр. 446), а также лицо низшего класса, лишенное политических прав. В виду высокого уровня политической сознательности и напряжения политической борьбы в Афинах, слово „идиот" вместо обозначения аполитичности, начало подразумевать людей скудоумных, так как греки полагали, что надо иметь коренной недостаток мозгового аппарата, чтобы не интересоваться политикой.

янами—охватывают громадное большинство населения, и всякая острота классовой борьбы уже отпадает, политическая обработка армии может отойти на второй план. В Швейцарии, Англии, Соединенных Штатах даже милиция является отнюдь не аполитичной, а представляет энергичное отражение классовых взглядов буржуазии.

Нет сомнения, что моральные силы войск покоятся на экономическом базисе, и политическая идеология армии должна находиться в известном соотношении к этому базису. В эпоху натурального хозяйства и господства иерархии земельной собственности, рыцарское ополчение сплачивалось только духом феодального лоялизма. Вассал был обязан верностью к сеньору и не знал, что такое отечество. Еще в 1549 г. французский писатель утверждал „qui a pays, n'a que faire de patrie“ [1]), т.-е. отчество ни к чему для тех, у кого есть родина. Своя провинция противопоставлялась остальному миру. В мировую войну мы слышали уже извиняющийся отклик этого мировоззрения: „мы—калужские“.

Капиталистическая эпоха выдвинула, на замену феодальной верности, понятие патриотизма. „Patrios“ означает и отцовский, и отечественный. Отечество и наследственная собственность сливается в буржуазной идеологии в одно патриотическое чувство, требующее защиты позиции господствующих классов государства. Патриотизм связывается с определенной территорией, очерченной государственными границами, обостряется национализмом, в основе которого лежит представление о единстве известной группы населения, говорящей на одном языке; национализм противоположен понятию мирового гражданства, гуманизма, и связан с шовинистической верой в превосходство своей культуры, своих материальных сил, интеллигенции, характера. Волна национального движения имеет часто предпосылкой рост местных капиталов. Такова, быть может, и основа современного подъема национализма в Азии.

Патриотизм и сейчас является той основой, на которой строятся национальные армии. Но в других армиях, в тех государствах, где классовая борьба принимает острые формы,

[1]) Изречение принадлежит Шарлю Фонтэну. Цитировано у Alphonse Aulard. Le patriotisme français de la Renaissance à la Révolution. Paris. 1921.

идеология строится уже не на патриотизме, а на классовом чувстве.

Нельзя дать никакого шаблона для выбора основ, на которых следует строить вооруженные силы. Они должны целиком вырасти из данного государства. Вечную ценность представляет совет, данный 150 лет назад полякам, стоявшим перед угрозой раздела их территории: „польская нация по природе своей, по управлению, нравам, по языку различествует не только с соседними, но и со всеми другими европейскими народами. Мне хотелось бы, чтобы она различествовала бы и по своему военному устройству, тактике, дисциплине, чтобы всегда она была собой и ничем иным. Только тогда она станет всем тем, чем она может быть, и извлечет из своих недр все средства, которыми может располагать“ [1]). Строительство армии, которое сошло бы с этого пути, совершило бы ошибку.

В буржуазных армиях в период мировой войны борьба за политическое просвещение армии велась мало энергично; в расчете на силу военных традиций и на политическую ориентировку, даваемую юношам в школах, ограничивались мало действительным преподаванием „военной словесности“. Опыт мировой войны и напряжение классовой борьбы показали, что такое решение было ошибочно. В 1917 году Людендорф [2]) вводит в германской армии, на фронте и в тылу, занятия по „патриотическому просвещению“. Командный состав оказался плохо подготовленным для ведения политических бесед с солдатами, и после войны немцы проектировали ввести для молодых офицеров обязательное прохождение в 9 месячный срок особого курса при университетах, на котором они ознакамливались бы с политическими, социальными и экономическими вопросами [3]). Совершенно основательно Красная армия уделяет существенное внимание политической подготовке командного и красноармейского состава.

Определенная политика, преследуемая государством, повелевает придавать и вооруженным силам соответственную политическую физиономию. Нет армии вообще, а существуют

[1]) Rousseau, т. 8, стр. 396
[2]) Э. Людендорф. Мои воспоминания, т. 2, стр. 48 — 52
[3]) Фрейтаг Лорингофен. Выводы из мировой войны, стр. 77 — 78.

армии определенных государств, определенной эпохи, определенных классов, организуемые для определенных задач.

Особой формой подчинения организации войск политическим требованиям является формирование войсковых частей по национальному признаку, из граждан неприятельского государства — частью из политических эмигрантов, частью из подвергшихся политической обработке пленных, частью из „ирредепты". Лучшие неприятельские войска, с которыми пришлось драться Александру Македонскому, являлись отрядами греческих республиканцев, поступивших на персидскую службу, когда македонцы подчинили греческие республики своей гегемонии. В 1812—1813 г. г. русское правительство, по настоянию Штейна, довольно успешно формировало из перебежчиков германский легион, под лозунгом освобождения Германии от французского ига.

В мировую войну мы встречаемся с формированием на русском фронте чехо-словацких частей из австрийских пленных; разложение австрийской государственности позволило Антанте пополнить и сербскую армию пленными из южных славянских областей Австрии. Австро-Венгрия, начав с помощью Пилсудского формировать польские легионы, встала с самого начала войны на тот же путь по отношению к царской России; это начинание было не слишком удачно, так как состав легионов Пилсудского был пополнен преимущественно за счет переводов поляков из других австрийских полков, и австрийскими военнообязанными; глубокие противоречия между интересами польской и германской буржуазии и обещанная Россией автономия удержали поляков русского подданства от массового вступления в легионы Пилсудского.

Моральные силы. Основным источником моральных сил бойца является сознательное отношение к войне того класса, к которому принадлежит боец, или переработка его сознания государством, поскольку последнее справляется с этой задачей. Постоянная армия, с ее традициями, с ее твердым распорядком казармы, представляет могущественное орудие переработки человеческого сознания. Однако, эта переработка требует значительного времени, и может вестись лишь в относительно ограниченном масштабе. Современная война, требующая миллионов мужчин на мобилизацию и

пополнение вооруженного фронта, не может опираться только на сознание, искусственно созданное в казарме; только в том случае, если задачи войны понятны и близки широким массам населения, можно рассчитывать, что вооруженные силы в течение долгого времени будут сражаться с большими подъемом и упорством. В противном случае придется наблюдать явления, аналогичные с имевшими место в австрийской пехоте: части последней очень недурно сражались в первых боях, но когда военные действия стерли казарменный грим, когда кадровый состав выбыл и войска разбавились пополнениями, когда начал выявляться на фронте вооруженный народ, то боеспособность австрийской пехоты быстро и сильно упала; последовали массовые сдачи в плен. То же, в несколько меньшем масштабе, мы наблюдали и в старой русской армии.

Несмотря на стихийность этого явления, выдающиеся качества командного состава, твердый порядок в частях, организованность, выступающая во всех мероприятиях, успешный ход военных действий, очевидная целесообразность отдаваемых начальниками распоряжений крайне способствуют повышению авторитетности управления и могут не только сохранить, но и поднять уровень моральных сил войск. Чрезвычайная пестрота качеств командования в старой русской армии обусловливала и чрезвычайное разнообразие в моральном уровне различных полков; на ряду с частями, ожидавшими лишь своей очереди сдаться в плен или разбежаться, находились и части, способные к организованной работе в обстановке величайшего тактического напряжения. Материальная разумность, материальная удовлетворенность, заботливость о сохранении человеческих жизней, выдвижение вперед интересов общего блага и неумолимое преследование всяких проявлений личного эгоизма, явное признание ничтожности всех личных отношений в сравнении с нуждами государства создают и на войне высокую моральную устойчивость. Армия в своем собственном распорядке, и в особенности в самоотверженности своего командного состава, может почерпнуть огромный моральный импульс. Вопрос о командном составе и его пополнении имеет в современных условиях величайшее значение. Современная военная техника, требуя объединения работы около тех или иных машин дальнего

и близкого боя, также является источником сплочения особого порядка; в процессе машинизированного ею труда также накопляется известная моральная сила.

Не следует всегда видеть причины понижения моральных сил вне деятельности самого вооруженного фронта и приписывать его, например, исключительно агитации неприятеля. Ряд нецелесообразных мероприятий Нивеля и очевидная для всех плохая организация апрельского наступления 1917 года вызвали во французской армии падение авторитета командования и революционные вспышки. Последние были приписаны действию пораженческой агитации немецких агентов. Между тем германское командование узнало об этом брожении во французской армии лишь долгое время спустя; Людендорф оправдывает этим то обстоятельство, что он не перешел в мае 1917 года в наступление на французском фронте и не использовал его временную слабость.

Количество и качество. Каждое государство может иметь армию поменьше, но лучше снабженую и обученную, или армию побольше, но уступающую первой в качестве. Средства, ассигнованные государством, могут, при существовании воинской повинности, быть растворены в большей или меньшей массе. Немногие государства (Франция) используют все свое боеспособное население; перед остальными встает вопрос о количестве или качестве.

Едва ли верно, что не бывает ни слишком много войск, ни слишком хороших войск. Отборная дружина не может быть достаточно многочисленна. Карл XII, вторгшийся в Россию, утонул в океане русской земли. Его малочисленная отборная армия утратила свои сообщения и погибла под Полтавой из-за невозможности сопротивляться числу. С другой стороны, Наполеон, организовавший в 1812 г. вторжение в Россию полумиллионной армии, погрешил в другую сторону. Многие элементы этой громады были совершенно ненадежны; 10% полков были сплошь укомплектованы дезертирами и штрафованными; Наполеоном руководило безграничное презрение к человеческой морали—из всякого человека, полагал он, можно сделать храбреца. И эти полчища совершенно не отвечали очень слабым средствам Литвы, Белоруссии, района большой Смоленской дороги. Да и противник—русская армия—насчитывала только

150 тысяч и не требовала сосредоточения таких огромных сил, снабжение коих, на удалении в 800 километров, являлось совершенно неразрешимой задачей. Вдвое меньшая наполеоновская армия, используя те же местные средства, испытала бы несравненно меньшие лишения. Но другую половину следовало бы не отбрасывать вовсе, а организовать в виде второлинейных и запасных частей, для оккупации территории в тылу и питания пополнениями перволинейных войск. Человеческий материал был бы использован несравненно экономнее.

У Наполеона в 1812 году чувствовался именно недостаток пополнений и тыловых частей. Необходимость занимать при оккупации большие пространства требует соответственного количества. Через три с половиной месяца войны, когда Наполеон достиг Москвы, он отошел от Немана у Ковно на 800 километров, оккупировал 235 тысяч километров территории, общая численность его войск уменьшилась до 213 тысяч, и на кв. километр оккупированной территории приходилось по 0,9 солдата. Мольтке в 1870 году начал операции с меньшими, чем у Наполеона силами—450 тысяч, но, несмотря на жестокие бои, через три с половиной месяцев, когда немцы достигли берегов Луары, его армия уменьшилась, благодаря хорошей системе укомплектования, только до 425 тысяч; он углубился во Францию только на 235 километров, оккупировал территорию в 72 тысячи кв. километров, и на квадратный километр имел по 6 немецких солдат — почти в 7 раз больше, чем у Наполеона, и в 12 раз больше, чем Тухачевский на Висле в 1920 году (продвижение 550 километров, оккупированная территория 190 тыс. кв. километров и наличность на оккупированной территории не свыше 95 тыс. красноармейцев) [1]. Этим объясняется прочность положения Мольтке в 1870 г. под Парижем и неустойчивость Наполеона.

Действительность ставит ответ на поставленный вопрос в тесные рамки. Нельзя жертвовать значительно ни качеством, ни количеством. Действия большого государства против Москвы или Варшавы требуют углубления в неприятельскую

[1]) Jork von Wartenburg. Napoleon I, als Feldherr т. I, стр. 160—161. V. der Golz. Krieg und Heerführung, стр. 60. Опасные иллюзии, А. Свечин, „Военная Мысль и Революция", 1924 г. кн. 2, стр. 51.

страну на 550—750 километров, занятия территории в 200—300 тысяч кв. километров. Эта задача, посильная армии, приближающейся больше к миллиону, чем к полумиллиону [1]) и требующая даже при применении методов сокрушения, не менее 10—12 недель времени, в течение коего соответственные пополнения должны быть направлены в путь. Качество нельзя также понижать ниже известного предела боеспособности, опустившись за который войска становятся уже балластом и уподобляются отошедшим в историю китайским полчищам „зеленого знамени".

В XVIII веке, увлекаясь высокой техникой строевого обучения, все отдавали предпочтение качеству. Еще в 1877 году русское командование сделало грубую ошибку, начав военные действия совершенно недостаточными силами. Неудачи под Плевной заставили и русских в течение 4 месяцев увеличить свою армию вчетверо, с 8 дивизий до 31 дивизии. С 1878 г. до 1904 г. в русской армии установилась столь же неосновательная погоня за количеством. Маньчжурский опыт, засвидетельствовавший недостатки в качестве, заставил несколько одуматься. С 1905 года по 1913 г., при огромном увеличении военного бюджета, русская армия численно не увеличивалась. В мировую войну мы не уделяли достаточно внимания на то, чтобы на фронт не поступали плохо обученные и снабженные части, без достаточных кадров. Не основательно было также и стремление Людендорфа в 1917 г. к увеличению числа дивизий германской армии.

В разгар гражданской войны, в первой половине 1919 г. по инициативе центрального органа снабжения был поднят вопрос о сокращении Красной армии, кажется, с 56 до 27 дивизий, в виду необходимости привести в соответствие штатный состав армии и возможности ее снабжения. Нам представляется, что сокращение произвести было совершенно необходимо, быть может, другим порядком—путем уменьшения вдвое штатов дивизии. Несколько неосторожное отклонение этого предложения привело к тому, что численность армии уменьшилась не планомерно, а стихийно, ставши в соответствии с ее экономическим базисом, при чем это

[1]) Конечно, расчет на сочувственное отношение известных классов населения в оккупируемых районах может значительно повлиять на сокращение этой наметки.

стихийное сокращение распространилось на наиболее драгоценные, рабочие ее элементы—строевой состав пехоты, а пухлый тыл остался в неприкосновенности.

Нужно иметь в виду, что современные тактические тенденции, связанные с усовершенствованием оружия и переходом к групповому порядку, заставляют особенно подчеркнуть значение качества. Хорошо обученный солдат, с хорошим вооружением, имеет теперь особенно крупные преимущества над плохо обученным и вооруженным. Генерал Ланглуа формулировал, после русско-японской войны, тенденцию к перевесу качества над количеством, как закон исторического развития. Необходимо в особенности предостеречь от погони за количеством, в ущерб качеству, экономически бедное государство. Плохой солдат имеет такой же желудок, занимает в вагоне такое же место, требует такого же хвоста нестроевых, как и хороший солдат. Но он стоит много дороже, раз война уже началась; он расходует огнеприпасы несравненно менее экономно, и автоматическое оружие в его руках является ужасным орудием мотовства. Все предметы снабжения в плохой роте уничтожаются с удивительной беспощадностью; она представляет дырявое решето, всегда оборванное и безоружное, так как торгует снаряжением и теряет шинели, сапоги, оставляет на поле сражения вооружение и телефонные аппараты; она более прожорлива, так как фальсифицирует свой наличный состав и требует лишние пайки. Она затрачивает такие же усилия, как и хорошая рота, когда месит грязь на дорогах или дрогнет под дождем, но засоряет госпитали своими больными несравненно сильнее, истощает в корне местные средства, отталкивает симпатии местного населения, несет в бою большие потери (включая и самострелов). Плохая рота обладает способностью таять, как лед на летнем солнце; при затрате огромного количества жизней, здоровья, усилий, она дает совершенно ничтожную полезную работу. Все уходит на преодоление внутренних трений, на борьбу не с действительным противником, а с призраками больного воображения. Надо быть очень богатым государством, чтобы пытаться вести современную войну плохими войсками. Что на войне стоят части, плохо настроенные и неудовлетворительно обученные стрельбе?

Тем не менее, мы видим рост армий. В войну 1870 г. Германия мобилизовала 3,5% населения, а в мировую войну Германия, Франция и Австрия мобилизовали вшестеро больше—по 20% населения. Ответ на поставленный вопрос приходится формулировать так: война требует войск высокого качества и в достаточном количестве. Ставка на качество опасна в том отношении, что с течением войны боевая ценность воюющих имеет тенденцию приблизиться к равноценности: худшие войска постепенно получают закал и перенимают у противника его приемы, лучшие войска—разжижаются все более слабыми пополнениями. Понятна, поэтому, тенденция к стратегии сокрушения у лучше сколоченной и обученной армии, чтобы скорее реализовать свой качественный перевес.

Мелкие государства естественно, желая сравняться с большими, добиваясь скорее видимости, чем реальных результатов, всегда стремятся к организации армий, количественно превосходящих экономические возможности их тыла. Их армии совершенно не отвечают требованиям большой войны. Все их ресурсы в огнестрельных припасах, снаряжении и обмундировании могут быть поглощены одной крупной операцией. Комплектования иссякают очень быстро. В Балканской войне 1912 г. сербы остались без ружей, болгары без шинелей; Россия разновременно широко помогала обоим. Участь армий малых государств в мировую войну—была съеживаться и поступать на содержание больших союзников. Сербия уже окончательно вымоталась к началу 1915 года. Румынскую армию через три месяца войны пришлось сократить более, чем вдвое, так как от многих дивизий остались почти лишь одни штаты. Деление Европы на ряд мелких государств, балканизация ее по Версальскому миру, естественно, привело к увеличению общей численности вооруженных сил, содержимых в мирное и выставляемых в военное время, к увеличению расходов по сумме военных бюджетов. Но было бы ошибочно подсчитывать силы союза небольших государств, складывая цифры, в которых выражается численность их армий. В пламени войны мелко наколотые государственные образования сгорают очень быстро. Их армии, способные держаться в поле немногие недели, это только авангарды, могущие выиграть время для вмешательства больших держав. Полгода войны для них мыслимы лишь при обильной экономической поддержке из-за границы. Особенно низка их наступательная способность. Их внимание поглощается неразрешимой задачей самостоятельного ведения ими обороны; их колокольные интересы не совмещаются с наступательной подготовкой. Река Сава представляла для Сербии в мировую войну недоступную преграду [1]). Австро-Венгрия прикрывала свою черногорскую границу рядом блокгаузов, которые были бы смешны против всякого другого противника, и лишь несколько усилила пограничную стражу.

Регулярная армия и партизаны. По своему отношению к исполнительной власти государства, вооруженные силы резко делятся на две категории. Регулярные войска [2]) являются беспрекословными исполнителями приказов исполнительной власти. Положение партизан можно охарактеризовать понятием попутчика.

Французская революция, выдвинувшая массы на первый план исторической арены, открыла значительный простор для участия в войне партизан. Наполеон одним росчерком пера устранил испанскую регулярную армию, но не успел справиться с народным движением, с крайним обострением партизанства в форме гверильи. В Тироле народное восстание доставило ему много хлопот. Русские партизаны в 1812 г. обратили неудачу наполеоновского похода в катастрофу. В 1813 г. в Германии также развивалась значительная деятельность партизан.

---

[1]) Весной 1915 г., при вступлении Италии в войну, Австро-Венгрия перебросила на Изонцо 5 дивизий с сербского фронта. Чтобы прикрыть Австро-Венгрию на Саве и Дунае, Германия перенесла в этот пограничный с Сербией район формирование трех новых германских дивизий. Эта призрачная сила оказалась действительной. При этом нужно иметь в виду, что сербы сами по себе представляют великолепнейший военный материал.

[2]) Мы относим к их числу и милиции, хотя раньше, а в некоторых государствах и теперь, милиции являются как бы огражденными известной конституцией от требования исполнительной власти: например, во многих случаях милиции, согласно своим статутам, могут быть применены только для оборонительной войны, в пределах своего государства, или даже в пределах только своей провинции. Юридически следовало бы отнести милиции к промежуточной категории между регулярными частями и партизанами. Однако, государственная власть всюду достигла такой силы, что в случае войны вовсе не считается с прерогативами милиции: базируясь на общественное мнение, она заставляет сами милиции просить о приостановлении их действия. Английские иоманри пропутешествовали даже в Южную Африку на войну с бурами. В Германии в мировую войну не делали различия между резервистами, ландверистами, ландштурмистами.

За последнее столетие роль партизан уменьшилась до самых скромных размеров. В числе других причин, важнейшее место играла всеобщая воинская повинность, которая втягивала в ряды регулярных армий все больший процент молодых мужчин и оставляла, таким образом, лишь ничтожный материал для вербовки партизанских отрядов. С другой стороны, в условиях современного экономического развития, партизанские действия, тесно связанные с сочувствием им крестьянских масс, легко могли получить классовый характер, чего опасались в равной мере обе воюющие стороны. Во Франции в 1870 году в занятых немцами департаментах оставалось много молодых французов, так как воинская повинность далеко еще не охватывала все население; стали формироваться отряды франк-тиреров (вольных стрелков), весьма озабочивавшие немецкое командование, но вызывавшие также панику в мелкобуржуазных французских кругах, так как действия франк-тиреров иногда направлялись не только против немцев, но и на расправу с кулаками. Бельгия, в начале мировой войны, использовала для своих вооруженных сил лишь небольшую часть населения; и мы видим в первые моменты германской оккупации значительное развитие вооруженных нападений на германские тылы и одиночных германских солдат, что заставило немцев стать на путь тяжелых репрессий, до сожжения целых населенных пунктов включительно; германцы справились с движением, но ценой таких мероприятий, которые дали широкий материал для агитации Антанты против „германского варварства".

В настоящее время в некоторых государствах (Германия) воинская повинность является насильственно отмененной, и мы видим возрождение основной предпосылки для широкого развития партизанских выступлений. Существующие уже в мирное время подпольные организации представляют прекрасные кадры для партизанских отрядов. С другой стороны, выдвижение классового характера в будущих войнах, несомненно, обострит партизанские выступления, как это свидетельствует опыт гражданской войны 1918—1920 г.г. (Украина, Сибирь, Белоруссия и т. д.).

Будущая война вызовет во всех воюющих государствах острые классовые столкновения и будет, несомненно, вестись не только регулярными войсками, но и большим количеством

попутчиков-партизан. Однако, было бы большой ошибкой, переоценивая возможность и значение последних, ослаблять внимание к подготовке организованной вооруженной силы. XX век открывает успех для организации, для дисциплины, для сплоченности, для борцов, поставленных в твердые рамки и послушно устремляющих к цели свои усилия, а не для попутчиков—или капризных и впечатлительных, или случайных, всегда не подготовленных, не снабженных и разно понимающих свои задачи.

Партизаны, как попутчики, вообще полезны, пока находятся в стратегическом подполье—в неприятельском тылу. На той же территории, которая охвачена нашими органами власти, они приносят, может быть, больше вреда, чем пользы, становятся опасными; все, что есть ценного в их рядах, необходимо возможно скорее охватить рамками регулярной организации.

Укомплектование. Характер и формы укомплектования имеют чрезвычайное значение для стратегии. В рыцарскую эпоху важнейшая часть армии—тяжелая конница—укомплектовывалась преимущественно господствующим классом, феодальной верхушкой. Поэтому, хотя победа и не использовалась развитием преследования, и после боя победители и побежденные расходились по домам, —все же политическое значение сражения было значительно. В русской истории русская буржуазия почти никогда не выступала в рядах армии: несомненно, это должно было отразиться на менее деловой конкретизации военного искусства в России. Серый крестьянский состав русских полков отражался на менее экономном расходовании человеческого материала.

Мы уже говорили о необходимых ограничениях в использовании рабочего класса для комплектования армий. Но как старой царской армии очень полезны были бы „сломанные копья" [1]), сыновья буржуазии в рядах крестьянской армии, что повысило бы ее тактические качества, сделало бы ее более маневренной, повысило бы чувство ответ-

[1]) В XVI веке так называли бедных французских рыцарей, которые по призыву короля снимали латы, оставляли лошадей и переходили служить рядовыми в пехоту, набранную из авантюристов и профессионалов войны, чтобы как-нибудь связать эти банды с сознанием господствующего класса и заставить их стать более и менее послушным орудием. Дисциплина и назначаемый комсостав были еще тогда чуждыми для пехоты понятиями.

ственности у комсостава, так совершенно необходим известный процент рабочих и в Красной армии. Нужно, обсуждая план экономической мобилизации, договориться о тех жертвах, которые должна будет принести промышленность в квалифицированной рабочей силе. Весьма экономным с ней, несомненно, придется быть.

Мы остановимся лишь на количественном разрешении этого вопроса, существенно определяющего характер стратегии.

Густав-Адольф располагал 10 тысячами пополнений в год, обеспеченных, главным образом, шведскими крестьянами, и на него глядели с завистью другие монархи, находившиеся целиком в зависимости от предложения на вербовочном рынке. Фридрих Великий, организовав энергичную и разветвленную сеть агентов-провокаторов (французское официальное наименование вербовщиков) и используя кантонную повинность, мог рассчитывать на 15 тысяч пополнений в год войны, не считая пленных. За отсутствием запасных частей, рекруты подготавливались самими полками при стоянке на зимних квартирах. Между тем, столкновение с русскими при Цорндорфе вырвало из рядов армии Фридриха 18 тысяч, а при Кунерсдорфе — 25 тысяч. Если сражение в течение нескольких часов поглощало полуторалетний приток людского материала, то это явление, конечно, должно было повести к большой осторожности стратегии при обращении к бою, и к предпочтению маневра, как средства для достижения поставленной цели.

Французская революция предоставила в распоряжение государства громадный человеческий материал для ведения войны, позволила выдвинуть на первый план сражение и преследовать цели сокрушения. Наполеона враги и завистники называли генералом, поглощающим 3000 солдат в день.

Немцы в 1870 году имели 25% укомплектований, подготавливаемых в тылу для действующей армии. Несмотря на то, что опыт войны скорее свидетельствовал о недостаточности этой нормы, к началу XX столетия общепринятой нормой являлось формирование запасных частей в пехоте в размере 25% от действующих.

Таково же было положение и в русской армии перед русско-японской войной. Однако, крупное уменьшение этой

нормы было допущено для Дальнего Востока, где по плану формировалось только 11 запасных баталионов плюс 8 батальонов Сибирского военного округа. Эта норма не считалась ни с добавлением третьих батальонов в сибирские стрелковые полки, ни с усилением новыми частями войск наместничества (бригады X и XVII корпусов). Имелось всего по 1 батальону на дивизию. За счет этих несчастных пополнений пришлось формировать транспорты, госпиталя, хлебопекарни,—создавать весь тыл. Пришлось часть запасных батальонов развить в 14-ротный состав, что, конечно, отражалось на обучении. В августе 1904 г. пришлось сформировать еще 6 батальонов, в октябре—27 батальонов и в декабре — 96 баталионов. В результате в важнейшие моменты наши пехотные части находились в сильном некомплекте: после Ляояна не хватало 48 тысяч, а армия получила 4 тысячи пополнений плюс 5 тысяч выздоровевших раненых; после сражения на р. Шахэ некомплект возрос до 80 тысяч, после Мукдена — до 146 тысяч; только к моменту заключения мира не комплект сошел почти на нет— до 8 тысяч. Весь вопрос о пополнениях решался ощупью, и перед началом войны никто не пытался представить себе, что бюджет войны в Манчжурии будет требовать 30 тысяч пополнений в месяц. Всего пришлось направить в Манчжурию 458 тысяч пополнений, из коих 5% отстало в пути, а 6,5% было поглощено тылом. Недоразумения с запасными частями дали бы еще более отрицательный результат, если бы не имелось возможности помочь за счет бездействовавшей в Европейской России части армии: в числе пополнений запасных было только 59%, 11% составили солдаты срочной службы европейских полков и 30% — подготовленные европейскими полками новобранцы [1]).

Чрезвычайно поучительно комплектование германской армии в течение мировой войны. Об одной стороне этого вопроса — ошибках с призывом массы рабочих и необходимости постепенного их освобождения с фронта — мы уже говорили. Запасные части в тылу представляли по 1 батальону на действующий полк; в виду нарождения новых

[1]) Русско-японская война 1904—5 гг. Работа военно-исторической комиссии, т. VII, ч. I, стр. 25 — 101.

формирований, импровизированных во время войны, число запасных частей пришлось удвоить. Сверх того, предусматривалось формирование полевых рекрутских депо, численностью по 2 тысячи человек, для перволинейных корпусов на западном фронте. Эти запасные части оказались чрезвычайно удобными — и не только потому, что обеспечивали немедленное пополнение потерь корпуса; они обслуживались командным кадром, взятым из действующих частей, и потому обучение в них могло быть поставлено соответственно с требованиями войны. В тыловых же запасных частях кадры являлись значительно отставшими от новых тактических условий; если они и пытались поставить обучение боевым действиям отдельными группам и приемам, употребляемым в отборных штурмовых частях, то это обучение, основанное на недостаточном опыте, вело к игрушечно-карикатурной тактике, к развитию у запасных фальшивых представлений о бое и усвоению ими неправильных боевых приемов. Людендорф осенью 1917 г. вынужден был воспретить эти потуги тыловых запасных частей и ограничить строевую программу элементарным обучением стрельбе и началам воинской службы. Численность депо при корпусах была увеличена до 4 тыс.; таковые депо были созданы при всех корпусах и отдельных дивизиях и, кроме того, в лагерях под Варшавой и Беверлоо (в Бельгии) были созданы большие фронтовые депо, в которые ежемесячно поступало из тыловых корпусных округов около 25 тысяч человек. Четырехнедельная подготовка в тыловых запасных частях перед передачей призванных во фронтовые запасные части признавалась достаточной.

Несмотря на то, что запасным частям пришлось в Германии давать пополнений больше, чем в России — в 1915 — 1916 г. по 180 тысяч, в 1917 — по 204 и в 1918 г. по 133 тыс. человек в среднем ежемесячно—обращает на себя внимание сравнительно умеренный состав запасных частей, колебавшийся в течение войны около 500—600 тысяч (минимум апрель 1915 г. — 388 тыс., максимум январь 1916 — 720 тыс.); такой умеренный состав позволял вести энергичное обучение и не отрывал от производительного труда лишней рабочей силы, тогда как в России миллионы запасных в тылу свидетельствовали о полном отсутствии гибкости в мероприятиях военного министерства. В Германии состав запасных частей увеличился лишь к моменту революции, в ноябре 1918 года, когда укомплектования на фронт почти перестали поступать, а в запасных частях оказалось 1044 тыс., но из них только 75 тысяч обученных и физически годных для службы на фронте. Большая часть запасных частей оказалась забита годными для службы лишь в тылу или рабочих частях (624 тысячи), но и из них только 32 тысячи было годно к высылке. Кадровый состав, больные, командированные временно в военную промышленность, призванные в июне новобранцы, родившиеся в 1900 г., заполняли запасные части. Механизм их переставал действовать.

При хорошем учете раненых одну треть требуемого фронтом пополнения удается покрывать выздоровевшими ранеными; для пехоты, несущей главные потери, процент раненых в пополнениях поднимается даже до половины, если, как это имело место в Германии в 1917 г., военные действия на фронте не получают катастрофического уклона.

Перед мировой войной господствовала аграрная точка зрения на укомплектования: в большом немецком городе, по сравнению с деревней, не только рождаемость понижается на 1/3 (на 1000 женщин довоенное количество рождений в германской деревне 168, в городе 117), но и физические качества призываемых вдвое хуже: из 100 крестьян до войны признавались годными 67%, а в больших городах только 32%. При быстром изменении в Германии отношений между городом и деревней (1850 г. крестьянство 65%, 1907 г. — только 28,6%) следовало бы ожидать значительного ухудшения условий укомплектования. Однако, действительность опровергла эти данные [1]). При пониженных физических требованиях военного времени на круг 70% призываемых оказывались годными к службе, в том числе 60% — к службе в действующей армии; но так как в расчет входят и призывы 30- и 40-летних, дававшие боль-

[1]) Этими данными аграрии поддерживали необходимость обеспечить высокими хлебными пошлинами деревни от обезлюдения. Набор рабочих в армию в мирное время, повидимому, производился с преувеличенной строгостью. Приведенные цифры заимствованы из труда: Fürst Bülow. Deutsche Politik 1916 г.

шой процент брака, то годность двадцатилетних была еще выше. Особой физической слабости городского населения перед деревенским германская статистика войны не отмечает [1]).

В течение каждого года войны германцы призывали по два возраста; один возраст давал 350 тыс. солдат, т.-е. 1/6 годовой потребности в пополнениях; призывной возраст уже в 1917 году спустился благодаря этому до 18 лет, и дальше по этому пути итти было нельзя; в течение последних 16 месяцев войны пришлось довольствоваться призывом одного года, что чрезвычайно обострило вопрос о пополнениях. Такие мероприятия, как прощение 1500 человек, лишенных прав (повидимому, из 300 тысяч преступников), пожелавших из тюрем итти сражаться, не могли, конечно, помочь.

Гибкость германской организации и отсутствие перегруженности запасных частей объясняются значительными правами корпусных округов по объявлению персонального призыва; вначале они, в зависимости от своей потребности, призывали и целые классы, и только потом центр начал подравнивать напряжение призыва в разных частях Германии.

Какое стратегическое значение имеет хорошо разработанная система пополнений, видно из следующих данных: в Ивангород-Варшавской операции русским удалось нанести тяжелые потери германской армии Людендорфа. 27 октября 1914 года началось общее отступление немцев от Вислы, и 5-го ноября они отошли за границу Силезии. В промежуток между 5 и 10 ноября германские корпуса из Силезии были переброшены к Гогензальце, на фронт между Торном и рекой Вартой, при чем в 5 корпусов было влито 40 тысяч пополнений [2]), т.-е. части германской пехоты получили приблизительно пополнение в размере 40% своего состава. 11 ноября германская армия, свежая и в полном

[1]) Если городское население и было слабее крестьянского, то не на 100%, а во много раз меньше; об этом можно судить по данным о самой физически слабой части городского населения, еврейской; при общем числе германского еврейского населения в 600,000 к октябрю 1916 года было призвано 74323; из них было признано негодными всего 17%, 50% годными к службе в действующей армии и 33% годными к тыловой службе.

[2]) Wrisberg. Hier und Heimat. 1914 — 1918 г., стр. 21.

числе рядов, как будто не подвергшаяся только что тяжелой трепке, приступила к Лодзинской операции против русских армий, оставшихся еще не пополненными.

Хорошо работающая система пополнений в значительной степени повинна в трудности осуществления в настоящее время сокрушения, так как быстрое воскрешение сил армии после понесенных потерь совершенно изменяет значение боев операции. Люди умирают, их ранят и берут в плен, но штаты продолжают жить и наполняются свежей кровью; ни пулеметы, ни пушки против них не действительны, пока тыл не является вовсе истощенным, при условии, что на фронте не удастся воспроизвести операции, подобной сражению при Каннах.

Опыт гражданской войны подтверждает выводы мировой войны о преимуществах фронтовых запасных частей и выдвигает значение добровольческого укомплектования на самом театре военных действий.

Значительное количество добровольцев (в пределах своей территории, конечно) прежде всего свидетельствует о том, что общая воинская повинность не достаточно охватывает население; громадное количество добровольцев в Германии осенью 1914 года является прежде всего указанием на недостаточную военную подготовку, которая охватила только 70% годных к военной службе, и не исчерпала всех сил призывных возрастов.

Нерасчетливо было со стороны германского военного министерства допустить большой прием добровольцев—допризывного возраста—18—19 летних. В битве на Изере [1]), и в Лодзинской операции этот цвет германской молодежи был скошен без особой нужды; тяжелые условия осеннего похода выдержали лишь редкие из этих невозмужалых организмов, а будущие призывы были существенно ослаблены количественно и особенно качественно.

Ясно, что подсчет возможностей неприятельского пополнения должен иметь в наших соображениях такое же зна-

[1]) Изер так и зовется „битвой детей", так как в ней приняли главное участие новые корпуса, сформированные преимущественно из студентов, гимназистов и других добровольцев. В числе 40 тысяч укомплектований, собранных со всей Германии для пополнения армии Людендорфа перед Лодзинской операцией, также было очень много добровольцев.

чение, как и подсчет войск, которые противник может немедленно выставить на фронт. При автоматическом оружии требуются и автоматические пополнения [1]).

Организация. Люди, склонные к схемам, стремятся провести в жизнь облюбованное ими теоретическое построение. Но жизнь показывает, что нет идеальных организационных схем, а есть схемы, более или менее отвечающие требованиям данного случая. Не может существовать одного определенного ответа даже на такой вопрос, что лучше—цифра 3 или 4 при группировке иерархической организации пехоты. До момента окончания экономической мобилизации, несомненно, потребность в пехоте будет больше, чем после ее окончания, когда на фронте появится больше проволоки, больше снарядов и автоматов. Отсюда, быть может, вначале хороши были бы четвертые батальоны в полках, или четвертые роты в батальонах, а к концу войны они, вероятно, станут лишними, и за их счет выгодно было бы организовать новые дивизии.

Организация русской армии в 1914 г. вытекала из требований франко-русского союза—необходимости на 15-й день войны быть готовыми к переходу немецкой границы. Отсюда—увеличение постоянной армии, ее кадров и полное забвение возможности дальнейших формирований во время войны, сравнительно слабые заботы об увеличении запаса военно-обученных.

Во всех работах, связанных с планом войны, на первом плане стоит требование гармонии между всеми мероприятиями; самые лучшие мысли, если они дисгармонируют со всей обстановкой, принесут лишь вред. И эта гармония, конечно, требуется и от организационных мероприятий. Короткие сроки службы требуют, между прочим, водопровода в красноармейской бане и механической пилки дров. А если нужно качать воду и пилить дрова вручную, если в полку есть свой огород, то нужны более длинные сроки службы. Милиционный принцип требует значительных кредитов на обучение, чтобы обставить армию, как школу.

[1]) В Германии число убитых в мировую войну составляет 4,9% всего населения в рабочем возрасте, число увечных 3,7%. Для Франции эти цифры еще больше: 5,3% убитых и 5,6% увечных всего населения в рабочем возрасте, считая и женщин.

Задача плана—оркестровка, сложение усилий. Перестраивать надо, но на широком фронте, так как все зубчики механизма цепляются один за другой. Резкая ломка в каком-либо одном направлении—например, в сторону развития исключительно территориальных дивизий, при сохранении прежней экономики, неграмотности деревни, отсутствия культурных навыков, дорожном безобразии и т. д.,—представляет неустойчивое и негармоничное организационное творчество. И эта организационная гармония опять-таки должна сопрягаться с общими представлениями нашими о характере будущей войны.

Современные условия ведения операции весьма часто требуют образования сводных частей. Резервы в бою импровизируются за счет отдельных частей фронта, где они излишествуют. Это явление связано с длительностью современных боевых столкновений. Генерал Куропаткин сумел в сражении на р. Шахе импровизировать новый резерв в 40 батальонов, и не только с его помощью вырвал Путиловскую сопку и свел уже проигранное сражение в ничью, но и открыл новую оперативную страницу.

В мировую войну немцы отличались тем, что сводные дивизии и корпуса, надерганные ими по батальону со всего фронта, держались при обороне почти также упорно, как и нормально организованные дивизии. В сентябре 1915 г. прорыв в Шампани немцы заткнули корпусом из 20 батальонов, принадлежавших к 10 различным дивизиям. Еще более пестрый состав представлял сводный корпус Бернгарди, которым немцы прикрыли в момент Луцкого прорыва Ковель. Их батальоны, как кубики, можно было собирать весьма различным образом. Для этого нужна высокая сознательность войск и уверенность их в том, что в случайном начальнике они найдут человека, которому интересы чужого германского батальона также дороги, как и своего.

Французам, и в особенности старой русской армии, такие импровизации удавались гораздо хуже. При выделении под своего ведения, каждый начальник, руководимый эгоизмом, выделял наиболее слабую часть. Последняя чувствовала, что в рамках чужой группы ее ни жалеть, ни награждать не будут, и стремилась больше показать видимость усердия, чем проявить его. Начальники, умевшие обращаться с чу-

жими войсками, был на счету. Понимание долга обычно ограничивалось узкими организационными рамками [1]).

Территориальные части, особенно в первый период войны, требуют особенно бережного отношения к сохранению хрупких еще нитей их организации, и по природе своей мало отвечают такому способу комбинирования резерва.

Отношение нестроевых к строевым. Примером нерациональной организации является устройство Красной пехоты в течение гражданской войны. Принципиальное желание уменьшить процент нестроевых привело первых устроителей к отказу от корпуса, как организационной единицы, что в условиях гражданской войны было, несомненно, правильно. Но в дальнейшем штат дивизии возрос до 50 тысяч. Автору этих строк, в служебном порядке, в 1918 г. приходилось доказывать, что при расстроенной экономике и при крайнем ослаблении железнодорожного транспорта для гражданской войны выгодно принять маленький штат дивизии — в 8 батальонов, или даже в 4 батальона и 3 батареи, по образцу штата довоенных Закаспийских бригад, что сила дивизии в 5—6 тысяч наилучше отвечает сложившимся условиям гражданской войны. Восторжествовало, однако, противоположное требование — перевести дивизии из 18-батальонного в 27-батальонный состав. 18 батальонов дивизии, при данной экономической базе войны, могли быть только очень слабы и не превосходили немногих тысяч; желание иметь больше пехоты вело главнокомандование к увеличению числа батальонов, но так как экономика оставалась та же, то батальоны делались еще слабее, и численность строевых в дивизии не повышалась. За то тылы росли на все 27 батальонов и в результате за несоответствие организации

[1]) В труде Е. Н. Сергеева „От Двины к Висле“ (стр. 7, 8, 26—29) заключается ряд данных, позволяющих думать, что на советской территории указанные недостатки старой царской армии не вполне изжиты. Весной 1920 г., внутренние округа, отправляя дивизии на войну с поляками, смотрели на них, как на „отрезанный ломоть“. Беломорский округ отобрал у 18-й дивизии перед отправкой английское обмундирование и ботинки, обоз и часть лошадей; 7-я армия в Петроградском районе конфисковала по пути продлетучку дивизии. Приуральский округ, примерно, также обработал пред отправлением на фронт 10-ю кав. дивизию. 2-я трудовая армия (постройка Эмбинской дороги) захватила часть средств, долженствовавших итти на формирование штаба IV армии и т. д. В обстановке чрезвычайного расстройства экономического базиса едва ли и можно требовать отказа от преследования колокольных интересов.

требованиям характера войны пришлось поплатиться неимоверным превышением числа нестроевых над бойцами. Отношение 12 нестроевых к одному строевому считалось уже благополучием, и часто росло значительно далее [1]) Дивизии же дрались в том же составе 2—6 тысяч, который намечался Всероссийским Главным Штабом.

Огромные тылы поедали те тощие запасы, которые направлял центр своему героическому фронту, закупоривали железные дороги в тылу, стесняли маневрирование. Ведение войны удорожалось во много раз.

В мировую войну французы, страшно стесненные в людском материале (слабая рождаемость — отсутствие „дара женщин“), имели самый скромный тыл, говорили даже об отношении $^1/_2$ нестроевого на 1 строевого. В Германии в октябре 1916 г. в полевой армии находилось 4,585.000 человек и на этапах и в тылу 3.377.000; если мы примем, что в действующей армии находилось 20% нестроевых, а в тылу около 20% несло строевую службу, то окажется на одного германского строевого всего имелось 0,85 нестроевых. В действительности, однако, процент нестроевых в Германии был вдвое выше, так как задержка роста этапных формирований была слишком велика и пополнялась обильными откомандированными от строя, в особенности зимой и на период позиционного затишья; часто число откомандированных доходило до 400 на батальон; в роте, имевшей по списку 150 человек, налицо было не больше 60—70 солдат; вот перечень причин отсутствия: больные, арестованные, отпускные, в пулеметных школах, в строительных ротах, в частях связи, на усиление минных работ, для несения караулов, санитары, носильщики, уборщики лошадей, ординарцы, курьеры, писаря, обозные, служащие войскового кооператива, офицерского собрания, оружейной мастерской, мастеровые, казначеи, фельдфебеля сборных тыловых команд; в случае неприятельского наступления в дивизии указывался особый сборный пункт для сбора этих откомандированных лиц, и иногда собирался весьма значительный резерв.

В русской старой армии это отношение в мировую войну, уже при первой мобилизации, равнялось 2 человекам

[1]) У поляков, повидимому, на 7 мобилизованных в 1920 г. приходился 1 строевой.

в тылу к 1 строевому и затем превысило трех нестроевых к одному строевому. Это отношение вообще очень показательно [1]). На нем отражаются величина территории, вместе с коей увеличивается количество нестроевых, в связи с отрывом от районов снабжения и пополнения; большее или меньшее богатство общей базы, порядок призыва запасных; степень огосударствливания войскового хозяйства, т.-е. степень, в которой хозяйственные интересы данной части отмежевываются от общих; если полки не будут доверять армейскому снабжению и будут стараться возить в своем полевом хозяйстве запасы всего, что попадется — большие лопаты, щиты, муку и т. д., то обозы сейчас же вырастут вдвое; обилие человеческого материала, компетентность начальников; высота дисциплины; дух пополнений; густота железнодорожной сети [2]) и регулярность ее работы; качество дорог для гужевой тяги; пропорциональное отношение в обозе грузовиков парных повозок и двуколок. Ведь двуколочный обоз требует вдвое больше обозных, чем обоз из парных повозок, и те лица, которые оказывают предпочтение легкому двуколочному обозу, незаметно содействуют умножению вдвое числа нестроевых. В Красной армии ныне процент боевого элемента уже в пределах корпусной организации не превосходит, при полном штатном числе бойцов, половины числа едоков; при известном же некомплекте, составляющем обычное явление, и с учетом дальнего тыла он грозит уменьшиться еще в несколько раз.

Проблема уменьшения процента нестроевых является в то же время и проблемой увеличения полезной работы армии. Если армия по намеченному количеству превосходит экономические возможности государства, то мы встретимся с неудержимым ростом тыла. Будут расти войсковые прачешные, войсковые театры, появятся фронтовые мастерские, выросшие до размера фабрик, но число бойцов будет не увеличиваться, а уменьшаться. Бедное государство, при недостаточной осмотрительности, особенно легко может укло-

[1]) Во французской революции, в 1794 году, из 1.100 тысяч призванных не менее 400 тысяч находилось в очень сомнительных командировках в дальнем тылу.

[2]) Постройка иной ветки может сократить втрое потребность в армейских транспортах.

ниться в сторону самого неэкономного ведения войны. Такое государство, как СССР, которое только с крайним напряжением, в обрез, может нести расходы по войне, должно с совершенной беспощадностью и решительностью подойти к проблеме сокращения числа нестроевых. И если нам не удастся, при нашей отсталой экономике, добиться выгодных соотношений французской и немецкой армий, если мы обречены вести войну дороже и шире расходовать человеческий материал, то этому все же должен быть поставлен предел. Победу дадут не неограниченные мобилизации старших возрастов, а строжайший учет каждого человека, призванного в Красную армию.

Отношение между родами войск. Если театр военных действий представляет нагромождение высоких обрывистых гор, обращающие доступные конице пространства в узкие дефиле, а в более равнинной своей части пересечен виноградниками, садами, сплошь изборожден крепкими заборами, то, естественно, армия, подготавливающаяся действовать на такой местности, будет иметь в своем составе лишь немного конницы. Совершенно разумно итальянская армия всегда в своем составе имела меньший процент конницы, чем другие армии, так как ни в Альпах, ни в Тироле, ни в Карстах, ни в Ломбардии действия конницы не могли бы получить значительного развития.

Но было бы ошибочно ограничивать диалектический подход к решению о пропорции каждого рода войск условиями местности. Совершенно ясно, что в зависимости от численности вооруженных сил обеих сторон можно ожидать или сплошного, насыщенного фронта, тянущегося через весь театр военных действий, или фронта прерывчатого, или жидкого. В последнем случае для быстрых маневров конницы очевидно открывается широкий простор. Надо полагать, что чем меньше численность вооруженных сил по сравнению с районом операций, тем для конницы открываются большие возможности, а следовательно, и конница в слабой численно армии должна представлять большой процент.

Но важна не столько численность, сколько качество неприятеля. Золотой век конницы всегда совпадал с периодами слабой, несплоченной, склонной к разложению и де-

зертирству пехоты. Такова была природа успехов Зейдлица в век Фридриха Великого. Лавры красной конницы объясняются не только ее лихостью, но и разложением среди белых и польских пехотных частей. Конница гражданской войны состояла сплошь из добровольцев, а состав пехоты, за исключением крепких кадров, на которые ложились труднейшие задачи, образовывался преимущественно принудительно мобилизованными крестьянами.

Несомненно, в мировую войну некоторые кавалерийские начальники во всех армиях оставляли желать лучшего. Но в общем, конница отошла на второй план не потому, что она была плоха, а потому, что условия войны исключали возможность одержания ею крупных успехов. В гражданской войне, наоборот, экономическая разруха выдвинула конницу на первый план, и сейчас же оказались нужные таланты вождей.

Таким образом, конница, как и всякий другой род войск, представляет ценность не сама по себе, а в связи с простором, открываемым характером войны для ее деятельности. Какой процент конницы надлежит иметь в составе армии? Ответ можно дать лишь в зависимости от нашей оценки будущих условий столкновения: насколько нам и противникам удастся поднять уровень экономики, каковы будут массы и их дисциплина, насколько можно рассчитывать на разложение в неприятельских рядах вследствие развития классовой борьбы, в каких районах предстоит сражаться.

Аналогичные рассуждения следует повторить для каждого рода войск. Организатор армии не может руководиться ни шаблонами (4 пушки на 1000 штыков, якобы по примеру Наполеона I), ни модами, откликаясь на них, как Эолова арфа на дуновение ветра.

Надо помнить, что по числу своих стрелков (4 тысячи) современная дивизия равняется пехотному полку начала мировой войны, а требования на охранение, на рабочую силу, на глубину боевых построений, на длительность напряжения еще увеличились при современных растянутых фронтах. Машинизированная рота народилась из конца мировой войны, при остром недостатке пополнений, при сильном понижении наступательного духа в пехоте, при боевых действиях, ясно определившихся, как топтание на одном

пятачке, в обстановке законченной промышленной мобилизации и богатства в автоматическом оружии, при сплошной проволочной чаще перед пехотой и сплошном частоколе батарей позади нее, при наличии значительного числа танков, взявших на себя важную роль в наступлении, и при великолепных сообщениях в тылу. И все же немцы замечают, что американская пехота, очень плохо подготовленная тактически, с весьма слабыми сноровками, с неопытным командным составом, своими массовыми атаками в последних крупных боях 26 сентября—4 октября 1918 г. выигрывала более крупные пространства и наносила сильнейшие удары, чем многоопытная французская пехота со своей групповой тактикой.

Впрочем, французы в конце мировой войны чрезвычайно экономно пользовались огневыми средствами пехоты. Машины ближнего боя чаще присутствуют в бою, чем стреляют. Увлечение пехотным огнем началось у французов, когда война уже кончилась. Определение огневой силы пехоты не представляет что-либо абсолютное. Французы имели в 1914 году в батальоне по 12 килограмм вооружения на бойца, в 1921 г. — по 44 килограмма (более $2^1/_2$ пудов). Количество боевых припасов, которое может выпустить батальон, увеличилось, по расчету на число бойцов, в 7,1 раз. Это, очевидно, подсчитано в надежде на топтание на месте и густую сеть железных и шоссейных дорог. Это свидетельствует, что французы не собираются посылать своей пехоты на территорию, похожую на театры войны СССР, разве что для действия в прибрежной полосе, у самого уреза моря. Это свидетельствует, что французы, отрезав от Германии громадные ломти, перешли к исторической обороне. Эти цифры совершенно не являются законом. Действительная огневая сила фронта представляет производную от многих переменных, в том числе и от дорожной сети.

Машинизированная рота также требует диалектического подхода. В одном случае соответственным явится одна ступень машинизации, в другом другая. Французские тяжеловесные пулеметные батальоны не в силах охранять свой собственный фронт и без сплошного проволочного заграждения оказываются совершенно беспомощными. Но и они могут оказаться на месте, занимая заблаговременно укреплен-

ные позиции и позволяя сосредоточить таранный удар на выгодных направлениях.

Опыт гражданской войны еще не взвешен. Часто бывали случаи, когда полки, уменьшившиеся до состава роты, имея по пулемету на 20 стрелков, удерживали широкие участки, а не обстрелянные, массивные, только что мобилизованные дивизии, терпели неудачу, в которой изобилие людей играло лишь оттягчающую роль.

Однако, обсуждая пропорцию пехоты к остальным родам войск, нельзя забывать, что темп, в котором в бою вымотывается пехота, несомненно, во много раз быстрей, чем темп, в котором тает боеспособность других родов войск, в особенности артиллерии, и поэтому пехота нужна в большем проценте, чем этого требует выгоднейшее тактическое соотношение. В позиционной войне остро ощущается необходимость смены пехоты, чтобы реставрировать пехотные части, снятые с фронта, и дать им отдохнуть. В маневренных условиях, без проволоки, требуется еще более многочисленная пехота. Все прорывы Людендорфа в 1918 году были неудачны из-за того, что германские армии боялись сами создания „слоеного пирога“ (так выражал свои опасения Куропаткин в 1904 г.) и тянулись после прорыва к сохранению сплошного фронта и скорейшему возсозданию проволочного забора по всему фронту; эта неспособность перехода германских войск к маневренной войне не вытекала ли из слабости пехотных дивизий и страшной перегрузки материальной частью?

И в процентном определении пехоты, и в ее организации, и в ее тактике решение зависит от общих условий войны. Во всяком случае, групповая тактика требует подготовленных вождей групп, и может развиваться только в соответствии с их подготовкой; а оборонительные тенденции ведут к большому нагромождению техники в пехоту.

Машинизация пехоты должна также стоять в тесной зависимости с ростом артиллерийского огня. Характер артиллерии зависит также от обстановки. Энергичная работа по укреплению французского и русского приграничных районов дали толчок к созданию немцами мощной тяжелой артиллерии. Если у противника не будет бетона, то не зачем обременять себя особенно крупными калибрами. Бедное государство должно шире использовать самую дешевую форму артиллерии—гаубицы. На азиатских театрах, с их плохими путями сообщений, процент артиллерии должен быть значительно ниже, а калибры меньше. Игнорирование же необходимости могущественной артиллерии на европейских театрах придет к тому, что пехота будет нести большие потери, и скоро и по духу и по тактической подготовке будет значительно уступать противнику, имеющему значительный перевес в артиллерии. И нужно не слишком уступать в качестве: на Западе дальность полевых пушек уже намечается в 12 километров, а пушек шестидюймовых — в 30 километров.

Большее или меньшее значение воздушного флота и состав его вытекает из характера войны. Воздушный бой является естественным в воздушной теснине, а таковой является пространство между Льежем и Бельфором, покрываемое в течение двухчасового полета. Здесь будет больше работы истребителям, и „асы“ покроют здесь весьма значительно рекорды, которые могут стяжать лучшие воздушные бойцы на растянутом русском фронте. Культурность страны увеличивает количество целей для воздушных бомбардировок и требует большего числа бомбардировочных самолетов. В лесистой Белоруссии воздушная разведка даст не столь полные результаты, как на черноземных степях юга. Нельзя забывать и того, что авиация, требующая оборудованных аэродромов, является наименее подвижным родом войск.

Нужно себе ясно представить характер будущих операций, нужно уловить требования, которые они выдвинут для тактики, и только тогда можно правильно решить задачи об устройстве именно тех родов войск и в той пропорции, в которой это действительно нужно. Правильное решение может дать огромную экономию, но оно улыбнется только организатору, являющемуся мастером в стратегии, оперативном искусстве и тактике.

Железнодорожный маневр. Раньше все внимание было обращено на такую организацию тыла, которая позволяла бы возможно уменьшить глубину походных колонн и тем облегчить маневр, совершавшийся походным порядком по грунтовым дорогам. В настоящее время громадное значение получает маневрирование по железным дорогам; бы-

строта переброски войск по железным дорогам часто имеет решающий характер. Было бы ошибочно полагать, что эта быстрота зависит исключительно от железнодорожной техники и от умения войск быстро садиться в вагоны и быстро очищать станции высадки. Существенное значение имеет и организация войск. В мировую войну русская дивизия требовала почти 60 эшелонов, а германская дивизия—только 30. На рельсах германская дивизия занимала вдвое меньшую глубину и при равных железнодорожных условиях сосредоточивалась вдвое скорее. Объяснение лежит не в том, что германская дивизия была трехполковая, а русская—четырехполковая. Существенное значение имеет организация тыла.

Войска должны иметь известные запасы снабжения и известный обоз для того, чтобы поднять эти запасы и подвозить снабжение взамен расходуемого. Этот снабжающий аппарат должен быть приурочен к определенным иерархическим инстанциям. Хотя функции распределителя снабжения в известной мере повышают авторитет командной инстанции, однако, нет необходимости, чтобы каждый начальник непременно имел своего каптенармуса, в масштабе командуемой им части.

Принципиально выгодно концентрировать запасы и функции снабжения в немногих инстанциях. Концентрация запасов позволяет обойтись меньшим их количеством, сравнительно с методом распыления их, и позволяет целесообразнее их использовать: патроны подвозить тому, который сражается, а продовольствие тому, кто не смог раздобыть его на месте. Однако, было бы неразумно централизировать все снабжение фронта в инстанции фронта, так как последняя, конечно, не может следить за всеми надобностями различных войсковых частей. Известную часть подвижных запасов и обоза надо включить в состав отдельных частей, чтобы они могли своими средствами удовлетворить потребности, возникающие в процессе боя. Но размер дивизионного обоза является весьма относительным; дивизия в Германии была освобождена почти от всех хозяйственных функций, которые были переданы корпусу. Эта легкая организация дивизии в особенности отвечает современному характеру войны. Если дивизия измоталась на фронте и отводится назад, то зачем же собирать в резерв и тыловые учреждения? Следовательно,

в них излишек. Если нужно усилить один участок фронта за счет другого, то в большинстве случаев нужно лишь усиление бойцов, а не тыловых средств. Поэтому немцы смотрели на корпус, как на хозяйственную единицу, и без особой надобности не занимались переброской корпусов, а дивизия сотни раз перебрасывались с одного фронта на другой, а на горячих местах Западного фронта дивизии регулярно менялись. Германский корпус представлял собой как бы гостиницу куда дивизия могла являться без своего самовара, посуды и белья; русская же дивизия, как помещики в былое время, возила с собой полное хозяйство, и, конечно, регулярно опаздывала.

Это опоздание было неизменно тем крупнее, чем сильнее обрастала хозяйственно часть. Русская гвардия требовала уже по 120 поездов на дивизию, так как она особенно богато была обеспечена всякими учреждениями земского и городского союзов—зубоврачебными кабинетами, походными банями, отрядами для постройки артезианских колодцев, походными отделениями экономического офицерского общества, бесконечным числом санитарных отрядов. Зимнее сражение в Мазурских озерах (февраль 1915 г.) должно было бы иметь характер встречной операции, но мы запоздали: гвардия бесконечно долго собиралась с Юго-Западного фронта в Ломжу; вперед посылались особенно бесполезные для армии учреждения, относительно которых у гвардейского корпуса были опасения, что высшие штабы прекратят подачу эшелонов и отрежут их от него. Уже после прибытия в Ломжу сотни поездов, гвардия еще не представляла никакой боевой силы.

Можно отметить, что в гражданскую войну число эшелонов, которое требовали дивизии, иногда не находилось в соответствии с количеством представляемых ими бойцов. Частые перебои в снабжении центром заставляли дивизии обзаводиться своим хозяйством, до двухмесячного запаса муки и больше.

Надо воспитать командный состав в доверии к снабжению высшими штабами, и покончить с типом помещичьей дивизии. Нужно, чтобы все понимали, какое преступление—тормозить оперативный маневр на рельсах требованием лишнего эшелона. И нужны примеры, чтобы показать, что

оперативные преступления, как и уголовные, безнаказанными не остаются. Нужна организационная ломка.

Стратегия в мирное время должна уделять достаточное внимание организационным вопросам, так как раз созданная организация в будущем свяжет определенным образом стратегические решения.

3. Военная мобилизация.

Перманентность мобилизации. Необходимость гибкости. Предмобилизационный период. Мобилизация и план оперативного развертывания Группировка возрастов. Мобилизационный план. Дислокация. Округа или корпуса?

Перманентность мобилизации. Военная мобилизация является испытанием здоровья всего государственного организма. После успехов пруссаков в 1870 г. мобилизационному искусству было уделено повсюду достаточное внимание; каждое государство обладает кадрами опытных мобилизаторов - техников. Однако, теория стратегии не может игнорировать вопросов мобилизации, тесно связанных с боеспособностью вооруженных сил, и должна подойти к ним критически с точки зрения последних войн. Еще к мировой войне готовились, в сущности, как к маленькой войне, и имели в виду, собственно говоря, маленькие мобилизации.

Как известно, Германия в мирное время действительно охватывала воинской повинностью только 70% наиболее физически сильной части населения; часть этих 70% была мобилизована непосредственно при объявлении войны, а другая часть должна была явиться пополнением для них; эти 70% были обеспечены мобилизационными запасами снаряжения. Но так как война предъявляла требование крайнего напряжения сил, нельзя было оставить неиспользованными остальные 30% человеческого материала; из них можно было составить новые части, обучив их, организовав кадры, заказав нужное им снаряжение, при чем, конечно, можно было широко использовать остатки снаряжения частей, мобилизованных в первый прием.

И действительно, через две недели после объявления войны, 16 августа 1914 года, как только схлынула мобилизационная горячка, военный министр генерал Фалькенгайн отдал приказ о сформировании $6^1/_2$ новых корпусов (XXII — XXVII резервные корпуса и 6-я баварская резервная дивизия). На это формирование было предоставлено 55 дней (срок готовности 10 октября). Солдатский состав этих корпусов, наполовину из добровольцев, был превосходен, командный состав оставлял желать много лучшего, так как для этих формирований не было предусмотрено никакого выделения кадров из полевых частей, и он образовывался за счет отставных и ландштурменных офицеров. Так как промышленность еще только приступала к мобилизации, то снаряжение пришлось собирать по мере возможности, каски раздобыли, отобрав их у полиции.

Как только военная промышленность заработала, 13 ноября был отдан приказ о третьем эшелоне мобилизации $4^1/_2$ новых корпусов (XXXVIII — XXXXI резервные корпуса и 8-я бав. рез. див.). Срок был дан 68 дней (к 20 января 1915 г.). Полевая артиллерия этих корпусов была получена путем заимствования с фронта, где батареи перешли с 6-орудийного в 4-орудийный состав. Надежные кадры пехота и штабы получили путем назначения энергичных начальников с фронта.

Одновременно требовалось формирование железнодорожных, телеграфных, автомобильных, авиационных частей, — общей численностью в 150 тысяч человек.

В течение 1915 года, путем перехода дивизий в трехполковой состав, из новых формирований было образовано 50 дивизий.

В течение 1916 года было сформировано 14 новых штабов корпусов (№№ 51 — 64) и 48 новых дивизий, частью за счет понижения состава существовавших дивизий. В 1917 году было образовано заново 10 новых дивизий (231 — 240); приказ был отдан 6 ноября 1916 года, готовность — в марте 1917 г., за ним последовало 14 новых дивизий и 4 новых штаба корпуса; еще 8 новых дивизий получено было за счет уменьшения штата старых.

Параллельно с этим тыл энергично формировал пулеметные части, увеличивая число их во много раз против намеченных первоначальным планом мобилизации; число легких и горных батарей с 1.141 поднялось до 2.821, противосамолетная артиллерия увеличена с 18 до 2.558 пушек, тяжелая артиллерия в течение войны из состава в 35 тысяч

человек, 3.400 лошадей и 576 орудий выросла в 419 тысяч человек, 202 тысячи лошадей, 6.500 орудий.

В такой же степени росли и другие технические специальности [1]).

Опыт гражданской войны, конечно, также говорит за перманентность мобилизации в течение всей войны, так как вся Красная армия возникла в процессе производившихся во время войны формирований.

Франция в настоящее время решает мобилизационную задачу по-эшелонно. „Армия прикрытия" — 32 дивизии, имеющие сильные кадры, образуют первую очередь. Вторая очередь — это новые формирования, для которых имеется два миллиона резервистов, но отсутствует очень многое — и 90% кадров, и многое из необходимого снаряжения. Не дни, а месяцы потребуются на мобилизацию второй очереди. И совершенно самостоятельная мобилизационная работа будет кипеть в колониях по формированию чернокожих войск. Только готовность армии прикрытия ставится вне всякой зависимости от успеха мобилизации промышленности.

Отсюда мы должны прежде всего сделать вывод, что роль тыла в течение войны далеко не ограничивается производством первой мобилизации и дальнейшей высылкой укомплектований. Даже в том случае, если бы неуспешность

[1]) Столь же поучительный пример перманентной мобилизации представляет и Англия. В мирное время английская армия состояла из 6 полевых и 14 территориальных дивизий. Уже в сентябре прибыла первая канадская дивизия на поддержку полевым дивизиям на французском фронте, в ноябре началось прибытие индийских дивизий, в декабре прибыли первые две территориальные дивизии из Англии. Китченер составил план удвоения полевых и территориальных дивизий и формирования 30 новых (Китченеровских) дивизий, и этот план был осуществлен. В 1916 году, через 20 месяцев после начала войны, Англия согласилась расширить свой фронт во Франции; в 1917 году все дивизии были готовы, но командование являлось еще неокрепшим; дивизий были бы мало пригодны для маневренной войны. В 1918 году надо рассматривать напряжение Англии, как достигшее кульминационной точки. Еще больше поразительный пример перманентной мобилизации представляет формирование армии Соединенных Штатов в 1917 — 18 г. г. Соединенным Штатам в этот период не приходилось удерживать какого-либо фронта, и работу они могли вести вполне спокойно.

Мы остановились на примерах из мировой войны; но можно было бы доказать необходимость непрерывной мобилизационной работы и опытом других войн; разительный пример представляет деятельность Гамбетты во вторую половину франко-прусской войны, когда он формировал, в среднем, за $4^1/_2$ месяца работы, по 6 тыс. пехотинцев и две батареи в день. Открытые морские сообщения со всеми мировыми рынками облегчали ему его задачу. Весьма любопытна также война за нераздельность Соединенных Штатов в 1861 — 65 г.

промышленной мобилизации и властные веления экономики заставили отказаться от расширения вооруженных сил, все же, несомненно, пришлось бы формировать много новых технических частей, так как, сколько бы ни стремились мирные соображения ответить потребностям будущей войны, все же характер ее во многом окажется непредусмотренным нами, и нельзя не считаться с необходимостью внесения серьезных поправок в существующую организацию [1]).

Необходимость гибкости мобилизационных предположений обусловливается требованием подчинения мобилизации сложившейся к моменту мобилизации политической обстановки. В России в 1914 году существовал план общей мобилизации, но политическая обстановка требовала лишь мобилизации, направленной против Австрии. Мобилизация Петроградского, Виленского и части Варшавского округов являлась мероприятием, явно направленным против Германии; желательно было бы избегнуть его, чтобы отклонить от себя одиозность прямого вызова Германии на войну. Между тем, мобилизация части военных округов оказалась технически не проработанной; округа были связаны между собой обширными передачами запасных и т. д., и отказ от предусмотренной во всех деталях общей мобилизации бросал русскую армию в русло импровизации. Поэтому военное командование употребило все меры, чтобы вырвать приказ об общей мобилизации, что ему и удалось. Политика подчинилась дубовой, негибкой мобилизационной технике. Средства торжествовали над целью. Конечно, мобилизация приводит государство в состояние, подобное кипению, и чтобы не заблудиться в этом потоке бродяжничества, наиболее просто—каждому указать твердое определенное место.

Необходимо предъявить к мобилизации требование величайшей гибкости и децентрализации; армия должна иметь возможность мобилизовать любое число любых дивизий, нис-

[1]) Современная эшелонная мобилизация заставляет нас вспоминать давно минувшее. Летом 1813 г., в течение перемирия, русская действующая армия в Пруссии была усилена с 90 до 170 тысяч; одновременно в пределах Польши формировалась так называемая польская резервная армия Бенигсена, поспевшая к Лейпцигскому сражению; во внутренних губерниях России приступлено было к формированию следующего эшелона — резервной армии Лобанова-Ростовского. Как и тогда, так и теперь было экономически не по силам закончить всю подготовку к началу войны и открыть ее с максимумом напряжения сил.

колько не нарушая этим мобилизационной готовности остальных. Мобилизация всей армии должна являться лишь суммой мобилизаций всех ее частей, а не представлять самодовлеющего целого.

Так как мы теперь видим в мобилизации не единичный акт, а непрерывный ход работы, то понятие общей мобилизации мы не можем вовсе признать отвечающим сути дела. Каждая мобилизация теперь является частной; даже мобилизацию всей Красной армии в начале войны мы будем рассматривать лишь как первый эшелон мобилизации.

В том историческом периоде, в который мы вступаем, надо ожидать и возвращения к затяжной подготовке к войнам, господствовавший в до-Мольтковский период. Параграф 12 Лиги Наций, стремление использовать ресурсы доминионов (Англия), чернокожих африканских колоний (Франция), необходимость вооружиться (Германия), низкая степень мирной подготовки (Соединенные Штаты) убеждают нас в этом. Можно нарисовать себе картину объявления в настоящее время в двух враждующих государствах экономической мобилизации при неподвижном состоянии вооруженных сил на мирном положении.

Решительно всюду должно господствовать начало экономии сил. Оно будет нарушено, если мы назначим для войны большее количество сил, чем способно выставить государство. Россия к началу 1917 года перемобилизовалась. Оно будет нарушено также в том случае, если на войну будет назначено больше сил, чем надо для того, чтобы уверенно разрешить ее задачи.

Предмобилизационный период. Приводимая таблица начального периода мировой войны убеждает нас, что уже перед мировой войной все государства обращали внимание на использование предмобилизационного периода. „Предостерегающие телеграммы“ в Англии, положение об угрожающей опасности в Германии, 7 мероприятий периода напряжения и мобилизационный дневник „Б“ во Франции — в общей сложности соответствовали нашим мероприятиям, намеченным на предмобилизационный период. Желательно каждой армии встретить мобилизацию, подготовив все, что можно сделать без призыва запасных и поставки лошадей по воинской повинности. В будущем надо ожидать еще большего развития деятельности в предмобилизационный период. Учебные или поверочные сборы запасных, созыв территориальных дивизий для отбытия упражнений и прежде всего обширные экономические мероприятия явятся дополнением предмобилизационного периода в будущем. Указанные мероприятия являются приметами, за которыми дипломатические и военные агенты должны зорко следить, наравне с разъездами дипломатов и занятием руководящими органами печати боевых позиций [1]).

Мобилизация и план оперативнаго развертывания.

Весьма желательно добиться полной независимости мероприятий по мобилизации и по использованию для оперативных целей мобилизованных частей. Только при такой независимости можно удовлетворить требованиям гибкости и мобилизации и оперативных соображений. Однако, эти мероприятия тесно сплетаются между собой в пограничных корпусах, на которые выпадает несение боевой службы одновременно с производством мобилизации. В случае наличности в пограничной полосе важных центров (крепость Льеж в 1914 г.) или значительных искусственных сооружений (железнодорожный мост через Западную Двину), или совпадения с граничной чертой оборонительного рубежа (Днестр), эти боевые задачи, подлежащие решению, могут получить значительный объем. Обычный прием их решения заключается в привлечении войск, скорее всего мобилизующихся (кавалерия) или могущих вести мобилизационную и боевую работу одновременно (авиация), а также в формировании в каждом не слишком отдаленном от границы корпусе сводной бригады пехоты, с немногими батареями; эта сводная бригада выступает в мирном составе, пополнившись лошадьми покупкой или из наличности других войсковых частей, и мобилизуется или предварительно путем индивидуального призыва запасных, или на фронте, путем доставки ей пополнений, зарядных ящиков и обоза, или во вторую очередь, вернувшись в места своего квартирования, как только ее сменят закончившие мобилизацию части. Существует обычай, для облегчения мобилизации, содержать пограничные корпуса

[1]) Вопрос о назначении австрийцами 1-го дня мобилизации против России будет освещен при обсуждении плана операций.

Начальный период мировой войны в Европе.

Нов. стиль.	Россия и Сербия.	Франция.	Англия.	Германия.	Австро-Венгрия.
24 июля.			Приказ перв. лорда адмиралт. фл. остав. после маневр. в мобилиз. виде.		
25 июля.	*Мобилизация в Сербии.* (Ночью). Возвращение русских войск к месту их постоянного квартирования.	Изменение плана мобилиз. франц. войск в Марокко с целью использования их в Европе. Предупреждение жел. дор. Возвращение железнодор. агентов из отпуска.	Замещение командных должностей во флоте.	Отозвание линейной эскадры из Норвегии.	9 ч. 30 м. веч. *Частичная мобилизация* против Сербии.
26 июля.	Крепости на военн. пол. Нач. предмобилиз. пер. во всей Евр. России.	Прекращение отпусков. Вызов всех, находящихся в отпуску. Охрана жел. дор. гражданск. элементом.	Конец маневров; флот остается мобилизованным.		Введено военное положение для корп. на сербской границе.
27 июля.		Возвращение всех войсковых частей к месту постоянного квартирования. Военная охрана железных дорог.	Пополнение военных запасов флота.	Местный приказ по XVI арм. корп. о прекращении отпусков в Баварию. Отпущенные для жатвы возвращаются в Мец.	
28 июля.		7 Mesures du temps de tension. (7 мероприятий периода напряжения). Железно-дорожные станции переходят в распоряжение военных властей.		Охрана жел. дорог железнодорожными служащими. Возвращение отдельн. частей войск к месту постоянного квартирования.	Первый день мобилизации против Сербии.
29 июля.	(День). *Частная мобилизация.*		Выход перволинейного флота на боевую базу Скапа-Фло. Warning telergams. (Предупреждение армии и флота об угрожающей военной опасности).	Возвращение всех частей войск к местам постоянного квартирования.—(Ночью). Возвращение всех отпускных. Приказ об охране искусственных сооружений и о постройке позиций мобилизац. периода.	Вечером началась перевозка 4 корпусов лит. Б. на Сербский фронт + 3 приграничных.
30 июля.	(6 час. веч.). Приказ о всеобщей мобизизации.	Приказ об установлении пограничной охраны. (Мобилизация 11 пех. див. и 10 кав. див.).		На востоке местным распоряжением введена частичная охрана границ. Приказ о мобилиз. крепостей на вост. границе; флот объявлен на военном положении.	
31 июля.	Первый день мобилизации.	Выполнение мероприятий по мобизацион. дневнику. (В Carnet B). Установление 2-й лин. пограничной охраны. Мобилизац. жед. дор. Начало перевоз. по прикр.		(1 час. дня). Состояние, угрожающее, военн. опасностью. (3 часа дня). На границе Франции перерезана смычка жел. дор. и телеграфн. провод.	Военное положение на русской границе. (11 ч. 30 м. утра). *Всеобщая мобилизация.*
1 августа.		(4 ч. 40 м. дня). Мобилизация армии и флота.	(2 ч. 15 м. дня). Мобилизация флота.	(5 час. дня). Мобилизация армии и флота. Объявление войны России. Захват Калиша.	1-й день военного положения против России.
2 августа.	Переход герм. гран. русской кон. (4-я кав. див.).	Первый день мобилизации.	(2 ч. 15 м. утра). Приказ о мобилиз. резерв. фл.	Первый день мобилизации.	
3 августа.		(Утром). Конец перевозок по прикрытию.	(12 ч. дня). Мобилиз. сухоп. войск. Первым днем мобилиз. назнач. 5 авг.	Объявление войны Франции. Германская кавалерия перешла границу Бельгии.	Начало прибытия частей на усиление прикрытия.
4 августа.		Конец главной массы перевозок по мобилизации.		6 пехотных бригад Эмиха перешли бельгийскую границу против Льежа.	Первый день мобилизации против России.
5 августа.		Начало перевозок по сосредоточению.		Вечером начало общего штурма Льежа.	
6 августа.	Первые враждебные действия на австр. гран.				Австро-Венгрия объявила войну России.

в большом составе рядов. Считаясь с указанным приемом, представляется выгодным особенно повышать мирный наличный состав в некоторых полках, предназначенных для прикрытия мобилизации [1]).

Группировка возрастов. Мобилизация должна рациональным образом использовать поступающий на укомплектование вооруженных сил, исчисляющийся миллионами, человеческий материал. В старой России при этом обращалось внимание лишь на знание мастерства, на возраст же призываемых внимания почти не уделялось. В ополченских частях, несших караульную службу, нередко можно было встретить прекрасный двадцатилетний молодняк; великолепные экземпляры физического развития человека обслуживали конские транспорты, а в полевые части пехоты, уже в августе 1914 года, были зачислены сорокалетние бородачи; число тридцатилетних было очень велико.

Рота, составленная из сильных и слабых людей, должна в походе, да и в бою, равняться по более слабым. Нельзя вести ее быстрой походкой молодежи; нужно двигаться размеренной поступью более пожилых людей. Сама дисциплина и приемы обучения меняются с возрастом. Нельзя подходить к дедушкам, и отцам семейств так, как подходят к шаловливому, жизнерадостному школьнику. С этим русская мобилизация не считалась, и стремилась пополнить пехотные роты тем, что ближе было под рукой. Это много содействовало тому, что русская пехота стала грузной. Темп ее движения не превосходил 4 верст в час, и каждые 50 мин. требовался малый привал на 10 минут. На больших переходах неизбежно было значительное количество отсталых.

Германская пехота в начале войны ходила со скоростью 10 километров в 2 часа, и делая малый привал только через два часа, совершала большие переходы почти без отсталых. В полевых ее частях в начале войны 26 лет являлся предельным возрастом, 54% составляли солдаты действительной службы, 46% запасные, ушедшие с действительной службы не более двух лет тому назад. Разумеется, они не успели забыть своего обучения, как великовозрастные русские запасные. В германских резервных частях предельный возраст был 30 лет (состав 1% действительной службы, 44% резервистов, 55% ландверистов). Даже в ландверной пехоте был предельный возраст в 36 лет (состав: 62% ландвера I призыва, 38% ландвера II призава). В течение войны, при больших потребностях в пополнении, пришлось отказаться от этих норм, но каждый призываемый осматривался с точки зрения своей физической годности и получал соответственное назначение.

[1]) Имея в виду потребности войск прикрытия, во Франции закон предоставлял военному министру право индивидуального призыва запасных, без объявления общей или частной мобилизации. Этим путем в 1914 г., за два дня до назначения общей мобилизации, и не привлекая внимания законодательных учреждений, военный министр укомплектовал 5 пограничных корпусов. Индивидуальный призыв позволил, таким образом, избежать крупных расходов на содержание частей в усиленном составе.

Необходимо покончить с антитейлоровскими методами русской мобилизации. Надо жесточайше воспретить назначение здорового молодняка на нестроевую и тыловую службу. Надо ввести несколько разрядов военной годности (годен к службе в действующей армии, в тыловых частях, в нестроевых частях, в рабочих командах); красная пехота должна быт молодой пехотой.

Мобилизационный план. Мобилизационный план не может охватывать, как прежде, мобилизацию лишь первого эшелона. В наших условиях, быт может, следовало бы рассматривать и часть территориальных дивизий, как второй эшелон мобилизации.

Погоню за рекордами в быстроте мобилизации следует исключить. Если XIII корпус армии Самсонова обнаружил неважную боеспособность, то это отчасти объясняется тем, что он получил запасных непосредственно перед посадкой в вагоны и не успел сплотиться. Пополнение осталось анонимным, неизвестным ротному командованию. XV корпус, находившийся в лучших мобилизационных условиях, показал и более высокие боевые достижения. Корпуса Самсоновской армии не получили своей конницы, своих обозов; штаб армии только что съехался с разных концов; аппарат связи только что собирался. Даже два-три дня промедления привели бы к значительному повышению стройности действий.

Из приведенной выше таблицы видно, что все государства ощущали форсированность существующих мобилизационных предположений. 25 июля Австро-Венгрия решает мобилизоваться против Сербии, но первым днем назначает не 26,

а 28 июля. В Англии мобилизация решена 3 августа, но первым днем назначено 5 августа. Запоздания в 3—5 суток в назначении 1-го дня мобилизации являются нормальными, если не нависает грозной опасности (Австро-Венгрия в борьбе с Сербией, Англия). Чтобы толково провести первый день мобилизации, нужно было еще поработать. Было бы правильнее строить мобилизационные расчеты на более спокойном темпе человеческой деятельности.

При недостаточном обучении и техническом снабжении часто более выгодным окажется задержать некоторые дивизии и корпуса в тылу, где они будут представлять стратегический резерв, выжидая своей готовности и наиболее удобного момента для выступления на фронте. Действия же на последнем, в особенности, если они связаны с отступательными маршами, лучше предоставить готовой части армии.

Никакое разумное использование сил государства невозможно, если будет столь резкое деление власти между главнокомандующим действующими армиями и флотом и военным министром, руководящим военным тылом, как это было в России в мировую войну. Власть над военным тылом и фронтом должна быть объединена и притом в руках военного командования. Если военный министр представляет гражданское лицо, то при нем необходим авторитетный специалист—начальник генерального штаба, чтобы объединять фронт с тылом. Франция дошла до этого горьким опытом в 1917 году: первым начальником генерального штаба был генерал Петен, вторым—Фош. Эти имена свидетельствуют о значении, которое следует придавать стратегическому руководству тылом во время войны.

Действительно, успех дальнейших формирований в тылу всецело связан с энергией действия фронта. Россия задалась осенью 1914 года скромной целью — сформировать в тылу два корпуса, XIII и XV, взамен погибших с Самсоновым. Однако, фронт действовал так энергично и неэкономно, что отбирал на свое пополнение у военного министерства все личные и материальные средства, которые последний мог собрать. Некоторые потери фронт покрывал даже посредством самоедства: так, чтобы скорее ремонтировать армию Ренненкампфа после первого поражения ее в Мазурских озерах, были расформированы три наиболее пострадавшие второ-

очередные дивизии этой армии. Армия была готова к наступательным действиям, вероятно, дней на 10 раньше. Немцы были вынуждены применять прием расформирования для покрытия боевых потерь лишь в 1918 году. Два корпуса, над восстановлением которых трудилось наше военное министерство, были готовы лишь в феврале 1915 года, т.-е. к тому же сроку, когда Германия успела сформировать уже 11 новых корпусов. Эти цифры—2 ремонтированных и 11 новых не выражают отношений того времени мощи германского и русского тыла; существенную поправку вносит более расточительное ведение военных действий русским фронтом. С началом позиционного затишья осенью 1915 года, совпавшим с начавшимися успехами промышленной мобилизации, формирование новых дивизий и технических частей в русском тылу начало подвигаться гораздо скорее.

Мобилизационный план до сих пор составлялся так, что учитывал почти исключительно обученных уже запасных и существующие уже фактически предметы снабжения, и останавливался только на мобилизации первого эшелона. Конечно, эта часть его должна сохраняться и впредь с поправкой на гибкость, но затем он должен включить в себя и вторую часть—мобилизацию новых формирований.

Успех последней, несомненно, будет значительнее, если формирования будут заранее обдуманы, и будут созданы выгодные для них методы и условия. Они должны связаться с программой экономической мобилизации, и даже, может быть, обусловить известное поведение на фронте. Надо подготовить для них опытных начальников и сеть военно-учебных курсов для младшего командного состава. Надо обдумать использование остающегося в государстве, хотя бы и подержанного, снаряжения и распределить все оборудование между ними и запасными частями, готовящими укомплектование. Надо не ослаблять в их пользу чрезмерно фронта, особенно при применении приемов сокрушения, и нельзя, увлекшись количеством, пойти на сильное понижение общей квалификации армии.

Надо иметь готовый план новых формирований, и потребности их, количество и сроки поставки снаряжения, вносить в задания по мобилизации промышленности.

С началом войны начинается почти неудержимое стремление на фронт лучших сил, и в особенности генерального

штаба. В мировую войну на русском фронте младшие работники штабов дивизий были подчас более квалифицированными работниками, чем лица, занимавшие чрезвычайно высокие должности в тылу, именно за непригодностью их к войне. Надо заранее наметить и удержать наиболее выдающихся и надежных работников для руководства тылом в течение войны.

Дислокация. Нужно подготовить создание мобилизационных центров, в особенности для пулеметных, артиллерийских, авиационных и других технических частей, требующих специального обучения. Эти мобилизационные центры удобнее всего совпадают с существующими полигонами, стрелковыми школами, аэродромами и т. д. В мировую войну офицерская стрелковая школа играла роль пулеметного центра и выпустила многие сотни пулеметных команд Кольта. Это крупное дело должно развиваться не стихийно, а планомерно. Удачно ли расположен наш важнейший центр практического обучения артиллерии — Лужский полигон — для выполнения выпадающих на него мобилизационных задач? Сообразована ли с мобилизационными требованиями наша программа казарменного строительства? Ведь С.С.С.Р. унаследовал казарменную группировку постоянной армии, а для армии-школы нужны казармы — хотя бы типа зимних бараков — там, где можно учиться стрелять, летать, маневрировать. Нужно заблаговременно обстроить и оборудовать эти мобилизационные центры, для чего надо лишь согласовать с мобилизационными требованиями мирное учебное обуродование армии.

Вся дислокация войск в мирное время должна отвечать не только удобствам войск, но и требованиям войны, хорошо взвешенным [1]). Эти требования сводятся к тому, чтобы более важные и угрожаемые районы приграничного пространства уже в мирное время были бы достаточно насыщены войсками, чтобы облегчить задачу прикрытия развертывания

[1]) Мы не говорим здесь о таких отступлениях от требований стратегии, как например черезполосная дислокация частей двух различных корпусов, или размещение территориальных, долго мобилизуемых частей, вблизи самой границы. Старая оперативная традиция настаивала на расположении кавалерийских частей в пограничной полосе, для выполнения задач по прикрытию. Однако, современная машинизированная конница уже не может мобилизоваться в два часа, как раньше, и в первые дни войны, может быть, явится более беспомощной, чем пехота. Стрелковый полк, содержимый в усиленном составе, может быть ныне мог бы лучше справиться с задачей по прикрытию,

и ускорить последнее. Но нельзя сдвигать группировку войск к границам более, чем это строго необходимо в оперативном отношении. Мобилизация может быть гибкой лишь постолько, посколько дислокация войск в мирное время приближает их к источникам пополнения запасными при объявлении войны. Территориальный принцип — основа вооруженного народа, и слишком грубое нарушение его ведет к крупным минусам. Нужно также помнить, что приграничные области являются стратегически ненадежным источником пополнения и комплектования. С началом мировой войны запасные части Варшавского военного округа планомерно были переброшены внутрь России. Казарменное оборудование польских губерний не пригодилось в течение войны для подготовки укомплектования.

Между тем, успех как комплектования запасными, так и формирования новых частей находится в тесной зависимости от наследства — традиции, жилая площадь, прицельные станки, стрельбища и пр. — оставленного выступившей в поход армией. Во вторую половину войны 1870 г. можно отметить значительную разницу в успехе новых формирований на севере Франции, где в мирное время стояло много войск (армия Федерба), и во внутренних областях (Луарская армия), при чем север не только скорее справлялся с формированием, но и давал более боеспособные части [1]). Центральные, внутренние области, на которые ляжет с началом войны гигантская задача питать ворженные силы ежемесячной высылкой 100—150 тысяч бойцов, должны быть подготовлены к этой задаче мирной дислокацией. Последняя, конечно, должна быть приурочена к железнодорожной сети.

Округа или корпуса? Группировка мобилизационных запасов явится наилучшей, если каждый корпус в пределах занимаемой им территории будет располагать всей нужной для мобилизации материальной частью. Наиболее отрицательное решение вопроса наблюдалось в Австрии в первой половине XIX века, в виде постройки общегосударственного гигантского арсенала в Вене.

[1]) Конечно, известное значение имела и большая воинственность населения севера Франции, театра многих войн, испещренного старыми крепостями с их значительными вспомогательными средствами, и в особенности более промышленный характер севера по сравнению с земледельческим югом Франции.

На западе роль наших военных округов играют корпусные округа. Последняя организация обеспечивает более полную децентрализацию и лучшее приспособление к местным особенностям. В то же время центр в корпусных округах найдет всегда более послушные органы, чем в округах, вырабатывающих каждый свою физиономию и нарушающих единство подготовки армии. Кроме того, деятельность во главе внутреннего военного округа имеет очень мало общего с командованием армией и является школой подготовки администраторов-хозяйственников, а не стратегов. Внутренний округ является и очень плохой инстанцией для боевой подготовки войск. Русская армия смогла вполне убедиться в этом в 1914 г. Несравненно выгоднее с точки зрения подготовки к войне является замена окружного командования инспекциями, объединяющими несколько корпусов и представляющими замаскированную оперативную головку штаба армии. Известный смысл могут иметь некоторые приграничные округа, как готовый остов фронтового управления на особенно важных направлениях.

Мобилизация и железные дороги. На железные дороги в мобилизационный период выпадает особенно трудная задача. Им необходимо самим произвести мобилизацию, т.-е. подготовиться к перевозкам по сосредоточению. Но в то же время им необходимо выполнить огромные наряды по мобилизационным перевозкам — перевезти сотни тысяч призванных запасных, взятых из военно-конской повинности лошадей, доставить спешные воинские грузы; одновременно необходимо начать перевозки по прикрытию, для усиления защиты главных направлений в приграничных районах *). В тот же момент и гражданская жизнь государства предъявляет

[1]) Мобилизация в Германии в августе 1914 г. потребовала 20.800 поездов, в том числе 17.991 поезд в промежутке с 3-го по 7-й день мобилизации. Число поездов более значительно, чем для перевозок по сосредоточению, но составы меньше, концы много короче, и работа равномерно распределяется на всю сеть. Наличность обширных сельскохозяйственных областей на востоке, и резко промышленных районов на западе и в центре сказывалась для Германии невыгодно: во-первых, приходилось везти людей с запада, во-вторых — лощадей с востока. Густая дислокация войск на левом берегу Рейна потребовала перевозки с правого берега Рейна и людей и лошадей.

В восточной части Германии железнодорожная сеть была слабее, и ее пришлось усилить за счет промышленного запада 530 локомотивами и 173 составами по 50 вагонов.

Количество военных грузов для мобилизационных надобностей развертывания, крепостей и флота достигло 400 тысяч тонн.

к железнодорожному движению необычайные требования: граждане стремятся экстренно возвратиться к месту своего постоянного пребывания, или же, в соответствии с начинающейся экономической мобилизацией, отправляются к новому месту работы. Надо освобождать вагоны и платформы от грузов, чтобы иметь возможность начать посадку войск, надо сосредоточивать порожняк к местам, откуда начнут литься к границам потоки сосредоточения, надо командировать личный состав на ведущие к границе линии для их усиления, и в то же время выполнять тройную, против мирного времени, работу. Чрезвычайно важно заблаговременно предупредить железные дороги о предстоящей мобилизации; очень важно во всех деталях разработать план мобилизации железных дорог. И особую важность имеет учет действительной возможной работы, которую военное ведомство может потребовать от железных дорог. Надо предостеречь от попытки вовсе игнорировать с началом войны потребности гражданского населения в железнодорожном движении. Произойдет не мобилизация, а закупорка экономической жизни страны. Вокзалы будут забиты ожидающими возможности проникнуть в вагоны, крыши последних заполнятся лицами, прорвавшими на мелких остановках охранение, дисциплина во всех областях жизни пойдет на убыль. Достаточно повысить тарифы втрое; хотя бы скромное движение для удовлетворения настоятельных надобностей населения должно быть сохранено.

Правильная дислокация войск и запасов в мирное время является лучшим средством к уменьшению мобилизационных перевозок, которые в противном случае разрастутся до гигантских размеров.

4. Подготовка пограничных театров.

Организационная подготовка. Дорожная подготовка. Фортификационная подготовка.

Организационная подготовка. В приграничных районах в мирное время имеется известная войсковая организация: существуют штабы, существуют магазины и склады, выдающие войскам различное снабжение, имеются ремонтные мастерские, находятся казармы, лагери, стрельбища. Мирные потребности обслуживаются постоянными линиями связи.

В пограничной полосе находятся отряды пограничной стражи, также имеющие свое оборудование.

Через короткое время после начала войны, схема окружного оборудования должна быть заменена схемой фронтового оборудования. Очень многое придется расширять и делать заново. Но эта проблема создания боевой организации будет значительно упрощена, если удастся полностью использовать мирное оборудование, если схема окружного оборудования в значительной своей части войдет во фронтовую организацию. В то время, как все будет в брожении, когда тысячи начальников, плохо ориентирующихся в незнакомой им обстановке пограничного пространства, будут прибывать со своими частями и учреждениями издалека, с непременным наказом — немедленно очищать станции высадки, колоссальное организующее значение получает всякая неподвижная частица общего аппарата, заблаговременно устроенная и начавшая уже функционировать, имеющая постоянный адрес. Не безразлично, будут ли устраиваться штабы фронтов и армий заново в необорудованных пунктах, или они осядут на бывшую стоянку штабов округа и корпусов. Скромный мирный провиантский магазин гораздо легче развить до требуемых размеров, чем создавать новый. Склад инженерного имущества, оказавшийся как раз в том пункте, где необходимо немедленно с началом мобилизации развитие дорожных или фортификационных работ, окажет большие услуги. Наоборот, если все предстоит перебрасывать, эвакуировать, если мобилизация оказывается равносильной великому переселению народов, то период времени, когда все отстоится и наладится, значительно растянется; потребуется много дополнительной работы, а период неизбежного сумбура не увеличит доверия к авторитету руководства.

Отсюда вытекает необходимость рассматривать каждое организационное мероприятие в пограничных округах с точки зрения имеющегося в виду решения фронтовой задачи.

Дорожная подготовка. Специальные мероприятия по оборудованию театра борьбы прежде всего должны выразиться в разработке и ремонте сети путей сообщения. Производительность работы армии прямо пропорциональна качеству дорог в ее тылу. Плохие пути ослабляют фронт и умножают тыл.

Естественным является стремление проводить хорошие дороги в районе, где намечается направление нашего наступления, и запускать дорожную сеть там, где мы предполагаем оставаться пассивными, и где боимся направления неприятельского удара. Нужно, однако, глубоко продумать оперативную обстановку, прежде чем создавать дорожные капканы. Перед мировой войной мы считали выгодным подготовиться к вторжению в Восточную Пруссию со стороны реки Немана, а в Галицию—из пределов Киевского военного округа, и развивали здесь до самой границы шоссейную сеть. Мы считали опасными для себя направления, которые вели в Варшавский военный округ в обход Вислы — с севера — из Восточной Пруссии к линии Нарева, и с юга—из Галиции к линии Люблин—Холм. Здесь почти не было железных и шоссейных дорог, а грунтовые пролегали по песку, или по болотам. Однако, сложившаяся обстановка принудила нас действовать крайне активно и воспользоваться для вторжения в Восточную Пруссию путями от Нарева (2-я армия Самсонова), а в Галицию—от линии-Люблин—Холм (9-я, 4-я, 5-я армии); мы попали в собственную ловушку. Армия Самсонова, преодолев бездорожное пространство, оказалось в труднейшем положении. Она оторвалась; единственная связь—Млавская железная дорога — отходила от ее левого фланга, на ней сидел верхом 1 армейский корпус; удар по этому корпусу заставил его отходить вдоль железной дороги назад, и открыть фланг и тыл прочих корпусов. Вся операция сложилась бы совершенно иначе, если бы к северу от Остроленки имелась железная дорога и несколько хороших шоссе. 4-я и 9-я армии справились, в конечном результате, с австрийцами, но какое кладбище автомобилей и повозок представляли окрестности совершенно избитого шоссе южнее Люблина![1]) Его все объезжали полем, и очень высокий процент конского состава пал от истощения на этих люблинских полях. Когда же выяснился маневр Людендорфа, и пришлось отводить 4-ю, 5-ю, 9-ю армии опять назад, на фронт Новая—Александрия—Варшава, то весь тыл опять расстроился, батареи потеряли значительную

[1]) При наличии такого особого важного шоссе, надо подготовить миллоны пудов щебня и обеспечить их доставку, для производства непрерывного ремонта.

часть лошадей, занять переправы на Висле мы опоздали, и Ивангород-Варшавская операция значительно затянулась.

Имелась у нас крепость Новогеоргиевск, на которую не жалели денег. Она представляла тройной тет-де-пон при слиянии Буга и Вислы. Однако, чтобы затруднить немцам подход со стороны левого берега Вислы, там к крепости не было подведено ни одной сносной дороги. Сыпучие пески на левом берегу Вислы блокировали крепость уже в мирное время. Поэтому, в период Варшавской операции (октябрь 1914 г.), когда потребовалось произвести давление из Новогеоргиевска на левом берегу Вислы, то таковое могло быть лишь очень слабым.

Но нельзя думать только о наступлении и создавать дорожную подготовку лишь непосредственно в районе станций высадок и далее к границе. Такова была основная линия нашего строительства военных шоссе до 1905 года. Узкая полоса, подготовленная в дорожном отношении, и тянущаяся вдоль границы, может повернуться и против нас, если неприятелю удастся нас с нее столкнуть в лежащие позади нее болотистые леса. Дорожная подготовка должна иметь достаточную глубину.

Бояться того, что неприятель использует для вторжения проведенные нами дороги, особенно не приходится. Движение войсковых грузов в сильной степени разрушает даже шоссе; что не разрушат копыта и колеса, может, при соответственной подготовке, докончить пироксилин. Устройство ряда глубоких воронок в трудно обходимых местах затруднит надолго всякое движение. Людендорф в марте 1917 года разрушил так капитально дороги в 40 километровой полосе перед позицией Зигфрида (работы Альберих), что, несмотря на годовую работу по починке этих путей англо-французами, испытал много затруднений при своем мартовском наступлении 1918 года. „Массивное“ разрушение путей—одна из новинок мировой войны.

Оборудование театра войны железными дорогами имеет довлеющую стратегическую важность. Но существующая сеть колесных путей имеет в некоторых местах такие пробелы, что занятие некоторых важных участков фронта является чрезвычайно рискованным, так как сколько-нибудь сносных грунтовых дорог в тылу нет. Благоразумие диктует проведение таковых, если решено располагаться перед трудно доступными пространствами.

Если с некоторых участков мы предполагаем наносить удар, а опыт мирного времени говорит, что впереди них на один переход надо тащить автомобили по песку на руках, подкладывая доски, то забота об успехе удара выразится и в проведении приличной дороги вперед. Развитие дорожной сети должно совпадать с требованиями развертывания и намечаемого маневра.

Сказанное о дорогах распространяется и на развитие сети телеграфных проводов.

Конечно, как и все прочие вопросы плана войны, и вопросы дорожной подготовки не имеют абсолютной формы их решения, и должны расцениваться диалектически, сквозь призму наших представлений о характере будущей войны. Что было важнее для царской России—проведение ли четырехколейной магистрали Орел—Седлец, на которой настаивали французы, или проведение Мурманской железной дороги? Если проводить стратегию сокрушения, то сверхмагистраль, которая позволит бросать в район сосредоточения по 150 лишних поездов в день, несравненно важнее; но в условиях стратегии измора, действительно сложившихся в мировую войну, Мурманская железная дорога, открывая России экономическое дыхание, пригодилась бы значительно больше.

Фортификационная подготовка. При натуральном хозяйстве лозунгом является индивидуальная защита каждого населенного пункта; но по мере того, как растет капиталистическое хозяйство, крепнет экономический базис, наростают средства атаки, возможности защиты изолированного от территории большого государства пункта все уменьшаются. Как в тактике в настоящее время форма сомкнутого редута является отжившей свой век, так и в стратегии ушла в прошлое форма сомкнутой крепости, с поясом фортов. Попытка сконструировать таковую крепость привела бы теперь к необходимости увеличить ее поперечник до 100 километров, артиллерию—до 4000 орудий, количество боевых припасов—до десятка миллионов снарядов; потребовалось бы на устройство крепости свыше миллиарда рублей, а для защиты гарнизона до 300—400 тысяч солдат; это практически невозможные для самого богатого государства цифры;

сверх того, такой крепостью можно было бы овладеть в течение 2—3 недель, с затратами в 5% от материальной стоимости такой крепости, выделив для этого силы, составляющие всего 20—30% ее гарнизона.

Крепости старого типа могут сохранить свое значение на театрах борьбы с некультурным и бедно снабженным техническими средствами противником, при отсутствии сносной сети путей сообщения. Конечно, каждая европейская армия должна быть материально и идейно готова к атаке такой крепости; только отсутствием такой подготовки русской армии обусловливается длительная ее задержка против Перемышля. Главное требование — располагать достаточно подвижной и организованной артиллерией крупного калибра и широко ознакомить начальников и войска с приемами ускоренной атаки долговременных фортификационных сооружений.

Отрицание значения крепостей отнюдь не равносильно отрицанию долговременной фортификационной подготовки Последняя, однако, должна отбросить неосуществимую ныне цель—создать самодовлеющее фортификационное целое, способное оказать неприятелю сопротивление и без тесной смычки с маневром действующих армий. Наоборот, долговременные оборонительные сооружения сохраняют смысл существования лишь в тесной связи с этим маневром, усиливая известные важные позиции на театре войны.

Необходимость фортификационных работ на современном фронте вытекает, прежде всего, из необходимости чрезвычайно сильно варьировать плотность занятия фронта. Чтобы собрать кулак (фалангу, таран) на одном участке, нужно в сильной степени разредить наши силы на других участках. XXXII корпусу, в последней трети мая 1916 года, было указано — принять половиной своих сил участие в Луцком прорыве, образуя его крайний левый участок; корпус сосредоточил 101 дивизию для удара на фронте в 2 *км.*, другую, 105 дивизию, растянул на фронте в 55 *км.*; за ударным участком подтянулась и часть 2-й финляндской стр. дивизии—армейский резерв. Плотность развертывания на активном участке превосходила плотность на пассивном участке в 40 раз. Правда, здесь задача сосредоточения облегчалась отчасти р. Иквой, усиливавшей большую часть фронта 105 дивизии. При отсутствии таких местных выгод, при разумном укреплении фронта, все же можно добиться разрежения фронта на пассивном участке в 10—20 раз по сравнению с ударным.

Если нет заблаговременной фортификационной подготовки, придется развить энергичную работу по устройству укрепленных позиций с началом мобилизации. Успех последних работ, несмотря на подготовку проектов позиции, шанцевого инструмента и проволоки, формирование рабочих дружин и транспортов, останется все же сомнительным, так как работы придется разбросать на обширном протяжении, налеты неприятеля могут помешать их выполнению, первая неделя после объявления войны уйдет на организационную подготовку, а на третьей неделе, в некоторых случаях, укрепленные участки должны будут уже выполнять свое назначение. Эта лихорадочная мобилизационная горячка по постройке укреплений является неизбежной во всех случаях. Однако, при наличии некоторого фортификационного остова, заблаговременно созданного, эта работа будет протекать значительно успешнее.

Естественно, что войска будут сосредоточиваться для удара в районах, более изобилующих путями сообщений, а пассивные участки фронта преимущественно будут представлять глухие бездорожные участки. Из сопоставления этого замечания с предыдущими было бы ошибочно сделать вывод, что, следовательно, заблаговременно следует устроить фортификационный забор на второстепенных участках, оставив открытыми узлы путей, где будут собираться „тараны". Укрепленная позиция является не только забором, но и воротами. Узлы путей прежде всего надо будет обеспечить войсками прикрытия; наличность долговременных укреплений особенно ценна при разрешении ими своих задач. Здесь же последовательно будут накапливаться и главные силы; долговременная позиция прикроет их накопление и сыграет огромную организующую роль; наличие ее позволит заблаговременно собрать близ границы некоторую порцию тяжелой артиллерии и технических средств, раскинуть постоянную сеть связи. Глухие места лучше и оставлять глухими; преграждение их сплошным фронтом можно оставить на дальнейшее течение войны; в случае прорыва неприятельских масс сквозь них мы окажемся в не плохом положении, так

как, имея обеспеченными узлы путей, можем направить фланговые атаки в максимально выгодных условиях.

Долговременно подготовленная позиция должна быть готова к этой роли щита, под прикрытием которого дебуширует фланговая атака. Надо отказаться от всякой разброски средств на отдельные маленькие позиции, не могущие явиться опорой такого маневра. При наличии сильного местного рубежа, явится возможность создать протяжение таких позиций в 3—5 переходов по фронту. Хорошие дороги, наличие значительной глубины укреплений на флангах, обдуманное расположение укреплений позиции должны обеспечивать успех будущих маневров. Надо иметь в виду подготовку позиций не на отдельные роты или батальоны, а в армейском масштабе.

Опыт мировой войны явно показал негодность предмостных позиций. Вернейший способ подставить свои войска на уничтожение—это распределить их по предмостным позициям. Между тем, в условиях нашей западной границы, где реки являются важнейшими рубежами, является большой соблазн сосредочить всю фортификационную подготовку на предмостных позициях. Здоровая стратегическая мысль должна бороться с таким направлением решительнейшим образом. Несравненно дешевле заготовить в тылу запасный железнодорожный мост, для быстрой починки взорванных ферм, чем пытаться отстоять мост при наступлении неприятеля занятием предмостной позиции. Последняя, в современных условиях, должна выдвигаться на целый переход от реки и моста, и борьба за нее всегда будет складываться невыгодно для нас.

Речные рубежи, конечно, надо использовать при обороне, но так, чтобы наши войска имели выигрыш, а не проигрыш от реки. Долговременная фортификационная подготовка должна стремиться усилить речной рубеж образованием оборонительного или наступательного фланга; при чем часто явится возможность использовать с этой целью долины притоков. В случае переправы французов через нижний Рейн, немцы, по мысли Вилизена, должны были занять линию р. Майна, фронтом на север, с крепостью Майнц на своем левом фланге, что вынудило бы французов вступить в решительное сражение в максимально скверных условиях—тылом к Северному морю, левым флангом—к внутренним областям Германии, с висящими на правом фланге Рейном и голландской границей и причудливо выгнутыми собщениями. Примером активного фланга является развертывание впереди реки—например, III немецкой армии в августе 1870 г.; такое развертывание представляет активную фланговую позицию и защищает все течение реки. В мировую войну долговременная позиция, преграждавшая Эльзаскую долину на высоте Страсбурга, прикрывала весь верхний Рейн. Конечно, устройство таких наступательных и оборонительных загибов можно комбинировать и с непосредственным пассивным усилением препятствия, предъявляемого речным рубежом. Иногда явится необходимость выдвигаться на неприятельский берег, чтобы обеспечить важные узлы, лежащие непосредственно в долине; но надо считать такой образ действий определенно убыточным, и исследовать, не выгоднее ли построить обходные ветки железных дорог и шоссе, которые позволили бы нам обойтись без угрожаемого дорожного узла. В случае надобности, подготовленная переправа наших войск на неприятельский берег легко осуществится и без наличия тет-депонов. Необходимость последних, как исходного плацдарма для разведки, ныне, с развитием авиации, умалилась.

Нерасчетливо значительную часть вооенного бюджета употреблять на постройку укреплений; но 1—2% военного бюджета, планомерно расходуемые из года в год на повышение обороноспособности пограничных театров, несомненно окупятся, позволив нашим передовым частям стратегического развертывания сразу стать на твердую почву [1]).

[1]) Мы не развиваем здесь весьма важных вопросов об оборудовании театра войны для действия морских и воздушных сил; развитие этой главы вообще привело бы нас к широкому вторжению в область оперативного искусства. Относительно морских баз мы ограничимся указанием, что чем ближе лежит такая база к океану, при обеспеченных сообщениях с общей базой—внутренностью государства, тем выше ее стратегические достоинства. Достаточно сравнить базу русской эскадры на Востоке в 1904 г.—Порт-Артур, лежавшую в глубине Печилийского залива, и базу германских дальневосточных крейсеров — на Шантунгском полуострове, у его выхода, и вспомнить судьбу русского флота, запертого в Порт-Артуре, и прорыв германской эскадры, которую англичанам удалось нагнать лишь у берегов Южной Америки, чтобы согласиться с этим утверждением. Если мы возьмем побережье Балтийского и Северного морей, от Кронштадта, до Скопа-Флоу (у берегов Шотландии), то мы должны будем признать идеально скверное стратегическое положение Кронштадта, как базы флота, в глубине Маркизовой лужи, и постепенное улучшение стратегического положения других гаваней, по мере удаления от Кронштадта на Запад. При борьбе на море вопросы базирования играют еще более решающую роль, по сравнению с сухопутным.

5. План операций.

Его содержание и объем. Степень изменчивости плана кампании. Гибкость его. Оперативное развертывание. Организация фронтов. Операционный базис. Перевозки по сосредоточению. Прикрытие развертывания. План снабжения.

Содержание и объем плана операций. План операций должен заключать в себе: план первоначальных операций и план всех вспомогательных к нему действий — создания операционного базиса, перевозок по сосредоточению, прикрытия развертывания и самого оперативного развертывания, а также план снабжения [1]).

Как будет выяснено ниже, в разделе о группировке операций, конечная военная цель имеет програмное, ориентирующее значение; но стремление заранее проработать весь путь до нее даже не в календарном, а в плановом порядке, поведет лишь к нагромождению предпосылок, предвзятостей, условностей; работа получит непременно характер утопии. Необходимо установить два периода предвидения — до столкновения с главными силами противника и после него; насколько возможно и требуется детальная проработка всего, что предшествует ожидаемому кризису, настолько же дальнейшее будущее военных действий представляется окутанным трудно проницаемой завесой; желательны известные работы статистического и оперативного характера, которые подготовили бы мышление высшего комсостава и генерального штаба к возможностям использовать победу или загладить поражение; однако, эти работы могут иметь лишь чисто теоретический характер. Последнее в особенности справедливо, если война складывается в стиле сокрушения, и вооруженному столкновению с противником придается всерешающий характер. При войне, проектируемой на измор, область планового предвидения в некоторых областях расширяется, так как измор мы прежде всего определяем, как отказ в признании за главной операцией значения единственного и всерешающего средства; отсюда другие средства, действие которых может быть учтено заранее, при борьбе на измор

[1]) Мы уже говорили об эвакуационной политике в главе о политической линии поведения и не возвращаемся здесь к вопросам эвакуации и плану эвакуации.

могут помочь нам наметить в некоторых отношениях и ряд военных мероприятий, протягивающихся во времени далее ожидаемого первого столкновения.

Конечная военная цель связывает стратега в той же степени, как политика — его партийная программа. Стратег и политик, которые будут считаться только с конечным идеалом и не учтут реальностей сегодняшнего дня, окажутся в положении Крыловскаго метафизика. Внимание к ближайшим целям характеризует стратегию, как практическое исскуство.

Степень изменчивости плана операций. План операций исходит из существующих данных о политическом и экономическом положении, из наших представлений о характере будущей войны, о вооруженных силах — неприятеля и наших, вероятного неприятельского развертывания, силы и начертания нашей железнодорожной сети, условий нашей мобилизации, существующей подготовки пограничного пространства. Вся работа по плану войны является рядом действий, определяющих исходные данные для составления плана операций. В то же время план операций ясно показывает, в чем заключаются дефекты нашей подготовки, и в каких направлениях нужны усилия по ее усовершенствованию. Из анализа плана операций, таким образом, вытекают директивы для плана войны.

Работа по плану войны должна вестись в течение ряда лет в одном и том же направлении, чтобы дать осязаемые результаты. Между тем, предпосылками плана операций являются весьма изменчивые данные — политический момент, силы противника, взгляды неприятельских вождей и их планы, меняющаяся и у нас коньюнктура, например, неурожай, или отвлекающая часть вооруженных сил борьба на каком-либо отдаленном или второстепенном театре; и эти изменчивые данные получают весьма различную оценку в зависимости от смены лиц, возглавляющих высшее командование. Естественно, что в силу этих условий оперативные планы, следующие из года в год, могут весьма различествовать, и даже одновременно могут и должны существовать, рядом с основным планом операций несколько вариантов к нему. Спрашивается, может ли служить гибкий и изменчивый план операций указкой, ориентирующей всю долголетнюю работу по подготовке?

Практика показывает, что может. Во-первых, значение данных военной географии эволюционирует необычайно медленно. Они подчиняют себе и постепенно растущую сеть путей сообщения. Минск, Молодечно, Борисов, Бобруйск, Орша, Смоленск, Витебск, Полоцк, Дрисса, Березина, Днепр, Двина, Улла имели крупное значение на Белорусском театре в 1812 году и сохранили таковое же и по сейчас. Пути через Бельгию всегда являлись удобнейшими для вторжения во Францию. Татарские набеги из Крыма в XVI веке направлялись по водоразделу между Доном и Днестром—и то же направление избрал и Деникин для наступления на Москву в 1919 г. Соотношение наших сил и противника изменяется обычно достаточно плавно. В большинстве случаев, план операций не составляется совершенно заново, а лишь освежается через 1 или 2 года, путем внесения известных поправок в предыдущую работу. Таким образом, этапы подготовки, достигнутые уже по плану войны, оказываются не бесполезно исполненной работой, а в том или другом объеме могут быть использованы и новым оперативным планом, поскольку он стоит на пути исторической преемственности.

Где задача заключается в сокрушении, и где развертываются главные силы, там оперативный план менее подвержен скачкообразным изменениям. После 1870 года на французском фронте немцы готовились вначале к развертыванию, преимущественно оборонительному, на р. Саар, а последние 15 лет перед войной, к наступлению через Бельгию, увеличивая к 1905 году масштаб этого наступления. На русском фронте германцы предполагали развернуться то против Нарева, то против Бобра, то в Силезии (небольшие силы). И всюду идеи развертывания оставляли следы в виде многих десятков выгрузочных платформ и другого оборудования. Эта работа распространилась на всю русскую границу и не пропала даром, позволив немцам совершать быстрые рокировки вдоль границы.

В России развертывание на Немане и в пределах Киевского военного округа твердо стояло в течение 25 лет, предшествовавших мировой войне, и сильно изменялись лишь воззрения на задачи в пределах Варшавского военного округа. Конечно, переломы в высшем командовании

болезненно сказывались на подготовке к войне. В России такой перелом произошел в 1904 году, с уходом с поста военного министра генерала Куропаткина. Когда в 1908 году было приступлено к продолжению, прерванной русско-японской войной, подготовки к борьбе с Германией, получился резкий сдвиг: масса войск была выведена из привисленских губерний во внутренние, многие крепости были разоружены, уничтожены резервные бригады и т. д. Однако, в основе этого излома лежало стремление использовать выводы русско-японской войны, и прежде всего—более скромное суждение о достоинствах русских войск и командования.

Прежде всего, необходимо обеспечить устойчивость высшего военного командования и преемственность работы органа, ведущего работы над планом операций—генерального штаба.—Необходимо очень большое внимание и глубокая проработка стратегических вопросов, чтобы легкомысленно не бросаться из стороны в сторону. Необходимо руководство с отстоявшимися уже взглядами на военное искусство. Конечно, рутина, консерватизм, традиции представляют большую опасность при работе над планом операций (они сказались, например, в творчестве французского плана № 17). Утверждения, не имеющие под собой твердого основания, но постоянно повторяемые, обращаются с течением времени в какую-то святую истину, приобретают как бы абсолютную ценность, в особенности в тех случаях, когда содержание их составляет величайший секрет, и к критике допускается лишь узкий кружок авгуров. Но мудрость, обеспечивающая известное постоянство поведения, понимание требований эволюции, а не легкомысленная погоня за модами, и упорная работа совершенно необходимы. Революционная ломка оперативных воззрений и опасна и убыточна.

Гибкость плана операций. Нельзя навязывать, по технически-оперативным основаниям, решения, которые в корне противоречили бы требованиям политики. План операций поэтому должен быть гибок, и должен иметь достаточно вариантов, чтобы позволить сделать выбор между сокрушением и измором, между обороной и наступлением, между нанесением удара одному или другому государству враждебного нам союза, в зависимости от указаний политики.

Политическая цель войны будет окончательно формулирована ответственными деятелями лишь в последний момент перед объявлением войны, когда политическая обстановка окончательно определится. Только в зависимости от нее может быть точно установлена и конечная военная цель борьбы на вооруженном фронте. Однако, известные политические задачи войны с тем или другим противником можно предвидеть уже задолго; при работе над планом операций уже возможно исходить из некоторой политической ориентировки. Эта ориентировка может быть достаточна, чтобы позволить выдвинуть в планы операций по крайней мере первую цель—ближайший этап, к достижению коего, с началом войны, прежде всего должны будут направиться наши оперативные усилия. Если имеющаяся ориентировка недостаточно точна, и нельзя выдвинуть единую первую цель, придется выдвинуть их две, а может быть даже и больше, и соответственно каждой из них разработать отдельный вариант плана операций. Так, один вариант может иметь наступательную первую цель—движение в неприятельские пределы к важному рубежу, в готовности к атаке армий противника, собирающихся неподалеку от границы, а другой—оборонительную—защиту одного из важнейших рубежей на своей пограничной территории.

Крайне важно установить мероприятия, подлежащие выполнению во всех случаях, и вынести их за скобки отдельных вариантов, дабы дать большую определенность подготовке к войне. Так, чрезвычайно желательно, чтобы мобилизация оставалась при всех вариантах плана операций одной и той же. Быть может, удастся сохранить при различных вариантах и намеченную организацию фронтов—с тем же командованием, границами, тылами, и лишь с различным, в зависимости от вариантов, количеством армий или входящих в них войск. Быть может, удастся разрешить одним и тем же образом вопросы прикрытия сосредоточения; однако, если имеются предположения о производстве кавалерийского набега с началом мобилизации (таковые играли крупную роль в русских планах первых годов XX века), или о захвате важного пункта на неприятельской территории (Льеж), или о производстве налетов авиационными эскадрильями, то на случай принципиально избираемого оборонительного образа

действий придется иметь другой вариант прикрытия сосредоточения. В самом сосредоточении весьма важно определить армии и корпуса, развертываемые при всех вариантах в одних и тех же районах. Относительно других корпусов, направляемых в зависимости от варианта в различные районы, быть может удастся выдвинуть за скобки вариантов порядок погрузки их в поезда и первоначальное направление следования с тем, чтобы варианты начинались лишь после достижения головным эшелоном корпуса железнодорожного узла, который должен направить поток перевозок направо или налево.

Наибольшей гибкостью в мировую войну отличался план операций русского генерального штаба. Гибкость являлась особенно необходимой для русских, так как фронт развертывания их был чрезвычайно обширен, обстановка на их фронте могла сложиться совершенно различным образом в зависимости от того, направит ли Германия свои главные силы против Франции или против России. В первом случае—вариант А—намечалось сосредоточение главных сил (744 бтл.) против Австро-Венгрии, и меньших (480 бтл.) против Германии, с явно выраженными наступательными задачами. Во втором случае — вариант Г — центр тяжести переносился против Восточной Пруссии (672 бтл. против Германии и 552 бтл. против Австро-Венгрии). Тогда как главная масса войск была твердо распределена по обоим фронтам, 4-я армия развертывалась в одном случае под Люблином, а в другом—в Риго-Шавельском районе; всего 192 бтл., 126 эск. и пт., 708 орудий—около 15% всей развертываемой массы, будучи направлены по одному или другому направлению, совершенно меняли варианты. Для удобства и сокращения перевозок, некоторым изменениям подвергался и состав других армий. В течение первых дней войны работа шла совершенно одинаково по обоим вариантам, и только на восьмой день мобилизации верховное командование должно было остановить свой выбор на варианте А или варианте Г. Атака на Льеж, начавшаяся на 4-й день мобилизации, ясно указала на направление главных усилий немцев против Франции, и выбор, естественно, остановился на варианте А[1]).

[1]) Установление вариантов А и Г представляет усовершенствование, введенное только в 1912 году. Чтобы иметь возможность безошибочно выбрать

Многочисленные изменения, произведенные в этом варианте, свидетельствуют о том, что железнодорожная сеть представляет весьма послушный инструмент, позволяющий без больших осложнений варьировать первоначальные предположения.

Если русский генеральный штаб успел добиться такой гибкости плана операций, то это во многом объясняется теми выгодами, которые вытекали из группировки всех важнейших врагов России на западе, а следовательно и общего направления всех перевозок по сосредоточению с востока на запад. Нам кажется, что можно было пойти еще дальше; организуя перевозку корпусов в два эшелона, с самыми незначительными жертвами можно было бы добиться того, что окончательный выбор между вариантами был бы оттянут до 12-го дня мобилизации [1]).

Несравненно хуже те же требования гибкости были разрешены в Австро-Венгрии; условия сосредоточения в двух противоположных направлениях — против Сербии, на юго-запад, к р. Саве, и против Россия, в Галиции, на северо-восток, были затруднительны. План развертывания предусматривал части лит. А, неподвижно закрепленные к русскому и сербскому фронтам, и части лит. Б.—IV, VII и оба чешских (VIII и XI) корпуса; корпуса лит. Б могли, по обстоятельствам, быть развернуты на русском или сербском фронтах. 28 июня было первым днем мобилизации против Сербии. Удар против Сербиии австро-венгерский генеральный штаб стремился провести в стиле сокрушения. По лит. А предназначалось против Сербии три пограничных корпуса—XIII, XV и XVI; эти части усиливались 4 корпусами лит. Б, что доводило силы на сербском фронте до 19 пех. и 1 кав. дивизий. Так как чешские корпуса являлись не особенно надежными для борьбы против славян, то начальник австро-венгерского генерального штаба, генерал Конрад, решил усилить сербский фронт еще III корпусом и двумя дивизиями, взятыми из лит. А., т.-е. по соображениям плана операций неподвижно фиксированными на русском фронте.

В ночь на 30 июля началась перевозка войск к Дунаю, по 4 железным дорогам. Для мобилизации Дунайской сети были широко позаимствованы личный и подвижные составы с других железнодорожных линий. Переброска против Сербии потребовала всего 2.064 воинских поездов по 50 вагонов (512 тысяч человек, 64 тысячи лошадей, 19,3 тысяч повозок, 2.000.000 пудов груза). Перевозка была в полном ходу; вследствие ряда недоразумений, в Вене узнали о всеобщей мобилизации в России только утром 1 августа, через сутки после Берлина. Германский генеральный штаб, посредством телеграммы Вильгельма (31 июля 4 ч. 40 м. дня), потребовал, чтобы Австро-Венгрия выставила главные силы против России и не развлекалась бы походом в Сербию. Генерал Конрад захотел прервать сосредоточение против Сербии и повернуть в Галицию поток перевозок корпусов лит. Б. и частей, заимствованных из лит. А с русского фтонта. Однако, начальник военных сообщений, полковник Штрауб, доказывал невозможность изменить направление движения 2.000 поездов и принятия их в демобилизованной в железнодорожном отношении Галиции. Только одна кавалерийская дивизия (II-я) еще не начинала перевозки к Дунаю. Первую кав. дивизию, находившуюся уже в пути, полковник Штрауб согласился повернуть в Галицию. Остальные части, находившиеся в пути, были добросовестно довезены до Дуная, здесь высажены, и потом, во вторую очередь, перевезены в Галицию.

31-го июля в Австро-Венгрии была объявлена общая мобилизация; однако, первым днем мобилизации было назначено лишь 4-е августа; потребовалось затратить 4 дня на приведение в порядок условий общей мобилизации после смятения, произведенного частной мобилизацией против Сербии. Только в ночь на 6-е августа началась перевозка против России, по 7 линиям в Галицию, всего 3.998 поездов; и лишь 6-го августа Австро-Венгрия, до того безоружная, решилась объявить России войну (запоздание на 5 суток против Германии), и начать враждебные действия на границе. Начало

необходимый вариант, в районах II, V и VI германских корпусов (Померания, Познань, Силезия) русский генеральный штаб имел особых шпионов-резидентов, которые должны были дать и дали условные телеграммы о том, что эти корпуса отбывают на Запад. Этот прием чрезвычайно важен при борьбе с государством, воюющим на два фронта.

[1]) В германском плане операций гибкость была представлена 5 хорошими резервными дивизиями (в целях скрытности именовавшимися эрзатц-дивизиями), которые до 11 дня мобилизации оставались на русском фронте, а затем могли быть (и были) перевезенными на французский фронт. Однако, мы сомневаемся, представляет ли этот прием гибкость, и не заключал ли он в себе простой обман австрийцев: эти 5 дивизий входили в состав обещанных Австрии 13 (14) активных дивизий, оставляемых в Восточной Пруссии.

перевозок корпусов, высаженных на Дунае (IV, VII корпуса, 20-я и 23-я дивизии), пришлось на 18-е августа; к первой половине Галицийской битвы они, как известно опоздали [1]).

В общем, надо считать, что Австро-Венгрия поплатилась за начало авантюры против Сербии, при недостаточной гибкости, запозданием в развертывании в Галиции для корпусов лит. А—в пять суток, для корпусов лит. Б—7 суток. Если бы австрийцы действовали планомерно, они имели бы возможность начать галицийскую операцию на 5 дней раньше, и удвоить силу заслона, выставленного против Киевского военного округа. Мы полагаем, что результатом этого было бы создание к 29 августа—моменту Самсоновской катастрофы—чрезвычайно сильного кризиса на линии Люблин—Холм, и весьма вероятный отход русских армий от Вислы на средний Буг.

Польша, в случае войны на два фронта, также лишь с трудом может обеспечить себя каким-либо сроком для решения вопроса о том, куда ей наносить главный удар, так как направления сосредоточения у нее прямо противоположны. Германский фронт для нее несравненно важнее, чем русский, так как его пересекает втрое больше железнодорожных колей, и близ него лежат важные в экономическом отношении районы. Наиболее невыгодный для Польши случай — вступление в войну с Россией, с вмешательством Германии после начала перевозок на восток.

Отсутствие гибкости планов операции перед мировой войной объясняется отчасти и отрицательным отношением к понятиям стратегического и оперативного резервов со стороны всех генеральных штабов [2]); в стратегический резерв обычно зачислялись

[1]) Эти недоразумения предусматривались генералом Конрадом уже в 1909 году, как видно из его воспоминаний и переписки с Мольтке по установлению соглашения о ведении военных действий на русском фронте. Конрад допускал и худшее — что русские дадут время австрийцам втянуться в войну с Сербией, и выступят лишь с запозданием. При таком принесении сербов в жертву, русские имели бы против себя в Галиции, в течении 3 месяцев, только 30 австрийских дивизий. *Reichsarchiv.* Der Weltkrieg, т. II, стр. 3—14.

[2]) Французское сосредоточение по плану № 17 в 1914 г. было чрезвычайно не гибким; имелась возможность лишь изменить район высадки 2 корпусов 4-й армии—по одну или другую сторону Аргонн; такая жесткость плана перевозок объяснялась тем, что все имевшиеся 10 линий магистральных железных дорог, ведущих в район сосредоточения, были полностью (58 пар в сутки на линию) заняты под перевозки. Стремление к максимальному выигрышу времени, в целях захвата инициативы, ведет к отказу от

только будущие еще формирования, да части, долженствующие прибыть из другого материка (Сибирские корпуса, в Англии и Франции — колониальные дивизии). Все, что имелось под руками, стремились немедленно распределить по армиям, на фронты. Иное отношение к стратегическому резерву, необходимость которого мы будем мотивировать в дальнейшем, позволит придать первоначальным планам операций несравненно большую гибкость, и позволит обойти те недоразумения, от которых так пострадало австро-венгерское развертывание в 1914 году.

Оперативное развертывание. Операции, которыми начнется война, ведутся таким же образом, как и последующие. Стратегический подход к ним тот же; поэтому, принципиальное их исследование мы относим к следующему разделу нашего труда, посвященному вопросу о комбинировании операций для достижения цели войны. Здесь нам приходится о них говорить лишь потому, что в зависимости от целей, поставленных для первоначальных операций, должна протекать вся подготовка к ним. Если фактически первые операции вытекают из состоявшегося развертывания, то с точки зрения составления плана, развертывание вытекает из первых намеченных операций. Развертывание есть средство, подчиняющееся поставленной нами цели [1]).

Одно и то же, в общих чертах, развертывание часто будет в силах отвечать постановке и наступательных и оборонительных целей; может потребоваться изменение группи-

возможности какого-либо железнодорожного маневра. Если бы французы решили предварительно создать оперативный резерв из нескольких корпусов в окрестностях Парижа, и уменьшили напряжение перевозок к границе на 20—30%, положение их окаалось бы несравненно более выгодным. На 15-й день мобилизации (16 августа) французам все равно, до окончания всех перевозок, пришлось приступить к железнодорожному маневру по усилению левого фланга, но этот железнодорожный маневр оказался поставленным в крайне трудные условия, и резервы пришлось брать с правого крыла, вместо того, чтобы направить их прямо из Парижа.

[1]) Фактически, как во французском плане № 17, операции могут быть намечены лишь в виде самого краткого наброска задач, которые ставятся армиям, а центр тяжести всей подготовительной работы может заключаться в подробно разработанном плане перевозок и сосредоточения. Идейный центр тяжести, однако, должен заключаться не в занятии исходного положения, а в намеченных операциях. Нехорошо, если они, как у французов в 1914 году, таятся лишь в голове главнокомандующего; мы придаем колоссальное значение их разработке, хотя бы в виде различных военных игр и полевых поездок генерального штаба, окончательного утвержденного официального решения может и не быть вовсе.

ровки лишь в пределах армий, в крайнем случае — в пределах фронта.

Однако, наличие некоторых колебаний между сокрушением и измором заставляет иметь разные варианты, так как географические объекты и вообще второстепенные районы при изморе заставят приковать к себе большие силы. Таким образом, намечаемая нами линия стратегического поведения скажется уже в плане развертывания.

Предусмотреть характер войны, сообразить наши силы и неприятельское сопротивление, задаться целями, которые бы отвечали имеющимся средствам и потому являлись достижимыми, но не упустить и драгоценного времени для реализации представляющихся возможностей,—таковы основные требования к разработке первоначальных операций.

Для всех организационных мероприятий чрезвычайно важен правильный выбор того рубежа, на котором намечен сбор подвозимых войск; этот рубеж, являясь исходным положением для наступления, в то же время должен давать выгоды для обороны, так как вначале на нем должны будут держаться войска прикрытия, а затем, в случае если неприятель предупредит нас в сосредоточении на нем, быть может, явится необходимость вступить в бой одной частью армии для обеспечения сосредоточения другой. В том случае, если неприятель, по своей мобилизационной готовности и силе железных дорог, нас превосходит, этот рубеж должен быть достаточно удален от границы, чтобы дать нам выигрыш нужного времени. Наличность долговременных укреплений, сильная местная преграда, богатство пограничных районов являются основанием для того, чтобы избрать этот рубеж близ границы, с возможно меньшей потерей территории. В виду возможности втянуться в районе развертывания в бои, чрезвычайно важные по своему объему и напряжению, весьма важно рассчитать самым точным образом время, необходимое неприятелю для мобилизации и для сосредоточения, а также для марша из его района развертывания к нашему. Крайне желательно, чтобы к моменту столкновения мы располагали в районе развертывания достаточными силами для сопротивления. Наличие $^1/_8$ части корпусов позади, на рельсах, не может служить доводом в пользу необходимости отнесения линии развертывания

далее вглубь. Эта треть явится в выигрышном положении оперативного резерва, который сумеет вступить в бой в решительную минуту, так как современные крупные столкновения затягиваются на много дней.

В случае большой неопределенности развертывания неприятеля, возможно иметь вариант двух развертываний, обдуманный таким образом, чтобы в случае нужды можно было бы совершенно планомерно осадить станции высадки вглубь страны на 2—4 перехода (метод Мольтке в 1870 г.) [1].

Организация фронтов. Из наших представлений о предстоящих операциях вытекает определение необходимого для них количества сил и исходного положения, в которые они должны быть поставлены. Эти силы должны быть организованы в армии, занимающие известные участки. Несколько армий, ведущих совместную операцию или развертываемых на отдельном театре военных действий, образуют фронт. Если на отдельном театре военных действий возможно ограничиться силами, не превосходящими 6 армейских корпусов с несколькими кавалерийскими дивизиями, желательно создание на нем отдельной армии.

Наметив фронт, план кампании должен обдумать его организацию: формирование его управления, определение его границ с соседними фронтами и с внутренним районом государства. Границы с соседями должны отнюдь не препятствовать размаху маневра, требуемого намеченной операцией. Тыловая граница будет проведена в зависимости от большей

[1]) Мы не боимся упрека в том, что значительно отклонились от учения Мольтке: 50 истекших лет и появление нового фактора, железнодорожного маневра, объясняют наши отступления. Нам представляется уже отошедшей в прошлое известная мысль Мольтке: „первой задачей стратегии является изготовка боевых средств, первое развертывание армий. При этом ей приходится учитывать многосторонние политические, географические и государственные соображения. Ошибка, допущенная в первоначальном сосредоточении армии, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании. Но относящиеся к нему проекты могут быть обдуманы заранее и, при предпосылке своевременной мобилизации и организованности перевозок, должны безошибочно привести к намеченным результатам (Moltkes Militärische Werke, раздел II, т. II, стр. 287. Выдержка из напечатанной в 1872 г. официальной истории франко-прусской войны). Оперативное развертывание является ныне не первой задачей стратегии, железнодорожный маневр и наличие оперативного резерва могут и здесь исправить ошибки развертывания; стратегическая работа ныне не сводится во время развертывания к автоматическому выполнению заготовленного в мирное время проекта, а заключается в энергичном регулировании развертывания согласно новых данных, получаемых о противнике; работа по оперативному развертыванию получает такой же нервный характер, как и по ведению операций.

или меньшей вероятности наступательных и отступательных колебаний фронта. Если мы убеждены в том, что наступление будет развиваться, выгоднее дать фронту меньшее пространство в глубину, что приведет к более близкому надвиганию на передовые части всех тылов; наоборот, если вероятно значительное отступление, то выгоднее углубить район фронта, чтобы позволить ему в достаточной степени эшелонировать тыловые учреждения. Более богатая и населенная местность позволяет ограничивать пределы фронта в глубину; при мало населенной местности приходится увеличивать их, чтобы фронт получил достаточную жилую и нежилую площадь для расположения своих частей и учреждений. Многие из последних тесно связаны с железными дорогами, и для размещения их приходится использовать только населенные пункты близ железнодорожных станций.

Количество тыловых учреждений фронта и их размер не может определяться по шаблону, в зависимости от численности бойцов, а должно вытекать из размера требований, которые предъявляют к тыловым учреждениям фронта намеченные операции, а также из большей или меньшей легкости, быстроты и обеспеченности подачи на фронт всего необходимого из центра. Таким образом, нужны точные расчеты с существенной поправкой на связь с центром.

Иногда является тяготение к созданию тыла фронта как самодовлеющего могучего хозяйственного организма. Поскольку центр работает без перебоев, и железнодорожная связь с ними твердо обеспечена, всякое расширение хозяйственной деятельности фронта нам представляется нежелательным. С точки зрения требований экономики, фронтовый район желательно возможно ограничивать, так как вся его площадь выпадает из нормальной экономической жизни страны и тем увеличивает экономическую нагрузку внутренних областей. Что же касается хозяйственных достижений самого фронта, то они обыкновенно связываются с чрезмерной затратой мобилизованного человеческого материала, и вопрос об их экономической разумности может подниматься лишь в том случае, если фронт развивает свое хозяйство не на своей, а на окупированной неприятельской территории.

Операционный базис. Силы фронта сосредоточиваются на избранном для развертываний рубеже, и здесь же

обычно передовые части, прикрывающие сбор войск, стремятся задержать наступление противника. Этот рубеж, в сущности, является настоящей стратегической границей государства. В России в 1914 г. стратегическая граница, обращенная против Германии, образовывалась Неманом, Бобром, Вислой. Все то, что лежало к западу и к северу от указанного рубежа, представляло как бы передовое стратегическое поле; сколько-нибудь надежно государственная власть в этом районе с началом войны функционировать не могла; экономически район являлся достоянием того из противников, кого случайность маневрирования забрасывала в него; такие районы должны, если не предстоит переход в наступление, быть планомерно эвакуированы с началом мобилизации.

Часть фронтового района от указанного рубежа вплоть до его тыловой границы надо рассматривать, как оперативный базис. Этот оперативный базис желательно снабдить запасами, которые вместе с местными средствами обеспечивали бы сосредоточивающиеся войска в течение всего времени, пока железные дороги будут полным ходом работать по перевозке войск; сверх того, желательно наличие запасов, которые бы позволили без промедления приступить к первым операциям. Однако, в случае если запасы снаряжения вообще не имеются в достаточном размере, было бы ошибочно оголить от них центр и сосредоточить все на окраинах. Начало эшелонирования запасов должно быть сохранено. Точно также отсутствие долговременной фортификационной подготовки и недостаточная устойчивость нашего положения на каких-либо границах могут привести к уменьшению хранящихся на оперативном базисе запасов.

Весьма желательно, чтобы оперативный базис в пределах фронта был нарезан таким образом, чтобы в отношении железнодорожной сети он представлял самостоятельное целое и имел бы, по крайней мере, одну или две рокировочные железнодорожные линии.

Перевозки по сосредоточению. В мировую войну перевозки по сосредоточению армий Германии потребовали 11.100 поездов [1]). На составление их потребовалось 165 тыс. крытых вагонов и 60 тыс. платформ; состав оборачивался

[1]) Reichsarchiv. Der Weltkrieg. т. I, стр. 144—145.

в период развертывания 2—3 раза. По 13 магистралям на западный фронт в сутки проходило максимум 660 поездов, из них на Рейн—550 поездов. По двухколейным магистралям в сутки пропускалось до 72 пар, по одноколейным 24, и даже 36 пар, через мост у Кельна со 2 по 18 августа было пропущено 2.150 поездов. В будущих войнах перевозки по сосредоточению едва ли будут так напряжены: в Германии 1914 г. первый эшелон мобилизации представлял 3.120.000 человек и 860.000 лошадей; ныне все европейские государства, включая и Францию, в первом эшелоне мобилизуют значительно меньшие силы. Таким образом, едва ли потребуется тот максимум в 30 тысяч вагонов, прибывающих в сутки в полосу развертывания, который был достигнут в 1914 г.

В советско-польскую войну сосредоточение производилось с огромной медленностью. В марте 1920 г. на Западный фронт поступило всего 83 воинских эшелона, а в апреле—203 эшелонов. Суточная работа железных дорог растягивалась на месяц.

В настоящее время мы наблюдаем постепенный рост железнодорожного движения в С.С.С.Р. Суточная нормальная погрузка уже превышает 15 тысяч вагонов. Наши железные дороги далеко ушли уже от периода разрухи 1919—1920 г.г., когда на колею нельзя было рассчитывать более 4 пар (8 пар для двухколейной магистрали); при таком падении втрое провозоспособности железных дорог, корпус, трёбующий для своей перевозки 120 поездов, на удаление в 600 километров мог сосредоточиться походным порядком также скоро, как и при перевозке по I колее; для армии, требующей 750 поездов, движение походным порядком на 1000 километров потребовало бы двух месяцев времени без всякого форсирования движения, а перевозка по 3 колеям заняла бы 10 недель.

Мы смотрим оптимистически на ближайшие перспективы по сосредоточению, конечно, при условии продолжения упорной работы над железнодорожным движением, уже и потому, что перевозки по сосредоточению ныне не растут и теряют. в связи с общим ростом масштаба, свою грандиозность, К этим перевозкам имеется возможность подготовиться исподволь, выяснить требования, предъявляемые к каждой линии,

учесть количество паровозов, телеграфистов, которых не будет хватать, и позаимствовать их в мобилизационный период с более свободных направлений. Задача первоначального сосредоточения и для железных дорог является несравненно более простой, чем последующих сосредоточений, когда, чтобы заполнить прорыв, или произвести удар на фланге неприятеля, потребуется железнодорожный маневр—внезапная переброска в кратчайший срок нескольких сотен поездов в направлении, заранее вовсе не подготовленном для перевозок. Если раньше стратег особенно ценил железнодорожные линии, идущие к границе, чтобы форсировать развертывание, то теперь он считает, что эта задача, хорошо или сносно [1]), будет разрешена, и большее внимание он склонен уделять железным дорогам, идущим параллельно границе, позволяющим рокироваться и широко использовать стратегические и оперативные резервы.

Техника современного сосредоточения определяется современными огромными протяжениями фронта развертывания и зависимостью боеспособности войск от исправного функционирования их тыла. Было бы неосторожно сразу создавать непрерывный фронт вдоль всей границы. Надо стремиться добиться скорейшей способности к бою и маневру на важнейших участках. Затянутые лишь слабой завесой прикрытия, незанятые промежутки между ними не представляют особенной опасности в тот период, когда на рельсах позади находится значительная часть вооруженных сил, и когда в два-три дня несколько сот эшелонов могут быть выброшены на фланг и против прорывающихся частей неприятеля.

В 1870 году сосредоточение немцев происходило путем перевозки в первую очередь войск с обозами I и II разряда; все остальные, в особенности корпусные тылы, перевозились в последнюю очередь; им давался поэтому и больший срок для мобилизации. Имелось стремление начать одновременно

[1]) Мы бы вовсе не хотели быть понятыми так, что мы проповедуем безразличие к очень важным вопросам военной подготовки: мы целиком разделяем мнение, что успех военных действий зависит в равной мере как от искусства ведения операций, так и от рациональной подготовки в отношении мобилизации, перевозок по сосредоточению, организации укомплектования и снабжения и что для всех этих вопросов нужно уделять равное внимание и подвергать их одинаковой тщательной проработке. (Англ. пол. уст. 1920 г., план войны, § 5).

перевозку возможно большего числа корпусов; в самом корпусе стремились одновременно по одной линии перевозить сразу обе дивизии, что давало ту выгоду, что высадочные платформы работали не последовательно—то в одном, то в другом районе, а все одновременно[1]). Гибкость выражалась лишь в требовании иметь возможность осадить, в случае надобности, станции высадки на несколько переходов назад.

Теперь ни в коем случае нельзя лишать дивизии и корпуса их тыловых учреждений, в особенности в период, когда армейский и фронтовый тыл еще не сконструировался. В эпоху Мольтке можно было еще принять упорный бой с носимым и возимым в частях запасом патронов и снарядов; в настоящее время нельзя. Высаженные в районе развертывания части должны быть не пришитыми к железнодорожным линиям, а иметь возможность маневрировать.

С точки зрения нашей концепции гибкой системы развертывания, с возможностью железнодорожного маневра, далеко не безразлично, будем ли мы по 4 магистралям, в течение 12 дней, подвозить 8 корпусов, или эти корпуса будут следовать в две очереди, через 6 дней одна за другой, или даже пара за парой заканчивать в 3 дня свое сосредоточение. В первом случае, во-первых, до самого конца мы не будем иметь вполне маневроспособных частей (корпуса Самсоновской армии так и не получили до своей гибели корпусных транспортов); во-вторых, без чрезвычайной организационной путаницы, в первом случае в течение всех 12 дней нельзя будет предпринять никакого железнодорожного маневра, так как перервать перевозку и направить хвосты корпусов на другое, сравнительно с их головами, направление—это мероприятие, к которому крайность может заставить прибегнуть, но которое рекомендовать отнюдь нельзя. Между тем, корпус, не связанный еще высадкой головных частей, легко бросить на новое направление, передать из одной армии в другую.

В целях упорядочения перевозок по сосредоточению, французы делили их в 1914 г. на две очереди: на 11-й день мобилизации был назначен 12-ти часовой перерыв, чтобы дать железным дорогам передышку и подогнать отставшие эшелоны, каких в действительности оказалось только 20 из

[1]) В мировую войну, для достижения технических удобств, французы по одной магистрали вели одновременную перевозку двух корпусов.

общего числа 2.534 поездов первой очереди. Все полевые корпуса и часть резервных дивизий входили в первую очередь перевозок, тыловые и некоторые технические части—во вторую. Мы полагаем, что деление перевозок на несколько очередей следует сократить, но каждая очередь перевозок должна представлять не только самостоятельную железнодорожную операцию, но и самостоятельное оперативное целое. Следующая очередь перевозок может быть исполнена уже по другому варианту, в соответствии с выясняющимися потребностями маневра.

Мы понимаем, что рекомендуемая нами эшелонная перевозка встречает целый ряд трудностей: сроки мобилизации для различных корпусов придется устанавливать различные; подача к одному пункту подвижного состава и посадка корпуса в течение 3 дней в одном районе—хлопотливее, сравнительно с рассосредоточением тех же действий. Станции высадки нас менее беспокоят, так как если район высадки будет достаточно обширен, с диаметром в 3 перехода, то особого оборудования для такой эшелонной перевозки может и не потребоваться. Однако, мы должны в корне изменить наши взгляды на перевозки по железным дорогам: в эпоху Мольтке на этот период смотрели как на момент беззащитности войск и стремились обеспечить его прикрытием, крепостями или отнесением развертывания вглубь; войска в вагонах являлись еще пассажирами, отдававшими себя на волю железнодорожного начальства, как путешественник, вступивший на палубу корабля; теперь же это не пассажиры, а оперативный резерв, а сама перевозка должна пониматься, как маневрирование на рельсах. Сотни железнодорожных поездов—это оперативный маневренный порядок[1]), и совершенно законно вмешательство стратегии в его построение, дабы обеспечить надлежащую его гибкость. Железнодорожная техника так шагнула ныне вперед по сравнению с 1870 годом, что, как нам представляется, вполне сумеет ответить этим новым предъявляемым к ней требованиям.

[1]) Совершенно разумно германский устав организует перевозку в соответствии с оперативными требованиями: в голове следуют противосамолетная артиллерия для обеспечения станции высадки; за ними части, предназначенные для разведки, и войска связи; затем саперные части и пехота с артиллерией и необходимыми для упорного боя транспортными средствами. Искусство организовать походное движение надо перенести и на железнодорожные пути.

В тоже время, подготавливая таким путем перевозки по сосредоточению, железнодорожники подготовятся и к тем железнодорожным маневрам, которые потребуются от них неоднократно в продолжение самой войны.

Железнодорожные перевозки надо широко комбинировать с походными движениями. Если вначале армии развертываются не в виде сплошного фронта, а на отдельных участках, то станции высадки, в целях использования максимума железнодорожных линий, без особого ущерба могут быть избраны на более широком участке, выдающемся на 1—2 перехода за концы избранного фронта развертывания с тем, что сосредоточение будет достигнуто походным порядком с движением на фронт. Таков же нормальный прием железнодорожного маневра для образования „тарана".

Что наши представления о возможности железнодорожного маневра не относятся к области фантазии, а отвечают современным реальным возможностям, доказывает хотя бы пример русского развертывания в августе 1914 года, когда элементы железнодорожного маневра были представлены 9-й и 10-й русскими армиями. 9-я армия вначале должна была играть в районе Варшавы роль стратегического резерва, который, перейдя в наступление по левому берегу Вислы, мог бы помочь 1-й и 2-й армиям преодолеть преграду Нижней Вислы. При неудачном обороте дел на фронте, 9-я армия, развернувшись к юго-западу от Люблина, рядом с 4-й армией, устранила основной дефект оперативного развертывания юго-западного фронта против Австро-Венгрии—крайнюю слабость правого крыла фронта, на котором лежали самые ответственные наступательные задания. В общем, маневр 9-й армии явился весьма успешным. 10-я армия, после неудачного для нас оборота событий во 2-й армии, долженствовала развернуться между 1-й и 2-й армиями; правда, она опоздала и не успела выполнить своей роли; но это опоздание ее обусловливается различными дефектами исполнения, а также непониманием необходимости сдвинуть первую армию влево, чтобы прикрыть высадку 10-й армии и обеспечить связь с ней. Неуспех маневра 10-й армии отнюдь не порочит идею железнодорожного маневра; напротив, из допущенных ошибок можно сделать ряд ценных оперативных выводов о методах производства такого маневра.

Несмотря на все расстройство железных дорог и медленную работу их в гражданскую войну, можно указать целый ряд успешных железнодорожных маневров при развертывании—например, в августе—сентябре 1919 года сосредоточение ударного кулака в XIII армии при переходе в решительное наступление против Деникина, или сосредоточение при отражении наступления Юденича против Петрограда, и т. д.

Мы будем считать подготовку железных дорог к развертыванию в идейном отношении законченной тогда, когда, располагая данными о сроках мобилизационной готовности корпусов в местах их дислокации и тончайшим образом изучив все особенности сети, высшие железнодорожные специалисты способны будут в три часа составить обоснованный план перевозок по совершенно импровизированному плану развертывания, и через три дня начать его приводить в исполнение, с расчетом на возможность нескольких крупных изменений плана развертывания в течение самих перевозок. Те специалисты, которым для этого надо исписать горы ведомостей и таблиц, и требуются месяцы времени, не отвечают требованиям современной войны.

Прикрытие развертывания. Надо, разумеется, обращать существенное внимание на то, чтобы не поскользнуться на первых шагах ведения военных действий; если бы неприятель, ворвавшись в намеченный нами для развертывания район, скомпрометировал бы сосредоточение подвозимых войск, и заставил бы разбросать высадки на различных станциях по различным направлениям, это явилось бы для нас крупной неудачей. Почин, голова явления в военном искусстве всегда имели особое значение. Но было бы ошибочно переоценивать его, и признавать за головой явления самодовлеющую роль. Так поступают французы, связывающие все вопросы боя с вопросом об авангарде. В стратегии части, прикрывающие сосредоточение, выполняют в известных отношениях роль стратегического охранения; французы преувеличивают эту роль в такой степени, что существующую постоянную армию склонны называть даже „армией прикрытия", подразумевая, что на нее ложится роль стратегического авангарда, прикрывающего второй эшелон мобилизации.

Фронт, до момента окончания развертывания, будет находиться в состоянии кризиса; особенно сомнительным явится

положение на границе в течение первой недели, когда в стране будет еще продолжаться мобилизация, а перевозки по сосредоточению коснутся только немногих частей (кавалерийские части, содержимые почти в составе военного времени, мобилизовались раньше в течение двух суток). В продолжении этой первой недели небольшие полумобилизованные части—какая-нибудь бригада на пограничный корпус—почти без запряженного обоза, усиленные лишь пограничной охраной, должны будут нести ответственную работу, отделенные от ближайших соседей, и от поддержки в тылу несколькими переходами. Однако, такой кризис будет не только на нашей стороне границы, но и на неприятельской [1]).

Весьма вероятно, что в будущую войну мы не встретим такого резкого разделения — 15 дневного спокойного сбора войск на обе стороны границы, прерываемого лишь слабыми вторжениями конницы или изолированным нечаянным нападением (Льеж) [2]), и затем резкого встречного движения миллионных масс. Второстепенные цели, выдвигаемые вперед стратегией измора, заставят, быть может, начать войну с ряда второстепенных операций; можно предвидеть ряд горячих

[1]) В том случае, если фронт развертывания лежит в большой близости от границы, и местность представляет много ценных географических объектов, задача прикрытия становится непосильной для пограничных корпусов; является необходимость в использовании сил других корпусов, и происходит как бы первый эшелон сосредоточения еще полумобилизованных частей. Во Франции, несмотря на короткое протяжение границы с Германией и густую дислокацию войск в приграничном районе, явилась необходимость направить около 385 поездов с частями прикрытия, и вторую серию в 349 поездов с индивидуально призванными запасными для укомплектования войск прикрытия. Количество войск прикрытия достигло 5 корпусов и 10 кавалерийских дивизий. Перевозки по прикрытию начались за 2 дня до первого дня мобилизации, и закончились утром второго дня мобилизации. По своему объему, эти перевозки несколько превышали 10% всех перевозок по сосредоточению.

[2]) Наступательные предприятия в первые дни мобилизации, с целью улучшить условия оперативного развертывания, предъявляют огромные требования к готовности войск и к железным дорогам. Захват Льежа и занятие Люксембурга потребовали в Германии назначения для усиления прикрытия 1.440 поездов, в том числе 340 в 1-й и 2-й день мобилизации. Так как Льежская операция намечалась совершенно секретно, то о половине перевозок по прикрытию, связанной с ней, железные дороги даже не были предупреждены. 16-я пех. дивизия в 12 ч. 45 м. ночи на первый день мобилизации получила приказ занять Люксембург. Сейчас же 2 полка в мирном составе погрузились в бронепоезд, обыкновен. поезда, на автомобили, сели на велосипеды—и к утру великое герцогство Люксембург, с его важными железными дорогами, было занято. Остальные два полка дивизии выступили в 7 ч. утра в первый день мобилизации. Против французской границы дивизия окопалась, и на 2-й — 4-й дни мобилизации получила своих запасных. Бригады, атаковавшие Льеж, получили запасных во время самой операции.

стычек и возможность крупной операции, развивающейся из постепенно усиливающейся поддержки прикрытия. Однако, на нашей западной границе далеко не всюду имеются достаточные географические ценности, наличность которых могла бы оправдать такую активность в период, предшествующий окончанию сосредоточения. Напротив, на многих участках местность по обе стороны границы так бедна, что, казалось бы, оправдывает и отступательный маневр частей прикрытия; продвижение на пару переходов во многих пунктах не дает ничего, кроме некоторых хлопот за свои сообщения.

Ошибочно рисовать себе разрешение задачи прикрытия, как установление какого-то кордона вдоль границы. Части прикрытия должны сосредоточиваться на важнейших направлениях; менее важные могут наблюдаться частями пограничной стражи, и отдельными эскадронами. Было бы выгодно, если бы особенности населения в пограничной полосе благоприятствовали созданию там особой пограничной милиции, которая в районах своих селений препятствовала бы проникновению мелких неприятельских частей, несла бы охрану важнейших искусственных сооружений, а в случае неприятельского наступления уходила бы в подполье и являлась бы готовым кадром для организации в его тылу партизанских отрядов.

Необходимо, чтобы прикрытие располагалось не линейно, и захватывало бы достаточное пространство в глубину; нужны резервы. На важнейших узлах пограничного района необходимо иметь готовые составы, паровозы под парами, и 2—3 роты с парой пушек для немедленного отправления навстречу прорвавшейся кавалерийской части неприятеля. Этот прием особенно важен для тех участков границы, которые достаточно густо изборождены рельсовыми путями; текущие параллельно границе реки, с железной дорогой по нашему берегу, также благоприятствуют его применению. Когда начнется поток перевозок, такие железнодорожные резервы явятся уже ненужными, и вообще все прикрытие может стянуться на фронты, так как роль резерва перейдет к находящимся на рельсах войскам.

Подвижные войска — кавалерия, самокатчики, броневые автомобили, бронепоезда, отдельные роты, посаженные на обывательские повозки — особенно ценны при работе при-

крытия. Если аэродромы мирного времени расположены на таком удалении, что авиация может поддержать прикрытие со своих мирных стоянок, она должна сразу же выделить для этой цели достаточные силы. Во всяком случае, в районе сосредоточения потребуется открытие временных аэродромов. Противосамолетная артиллерия во всей пограничной полосе должна быть готовой к открытию огня. Особенно важна энергичная работа в первые дни отрядов истребителей. Первые схватки на воздухе будут самыми ожесточенными и надолго создадут известное соотношение и репутацию воздушных сил.

Работа прикрытия должна опираться на подробно заранее продуманный ее план. Группировка отдельных отрядов, их задачи, мобилизация существующих долговременных укреплений, план работ по устройству новых аэродромов, починка дорог, маскировка — все в деталях должно быть разработано пограничными корпусами, каждым для своего района. Все отдельные начальники должны быть ознакомлены со своими участками и подготовлены соответственными тактическими задачами, отчетными работами, военными играми, полевыми поездками к выпадающим на них обязанностям.

Особенное внимание заслуживает изучение вопросов связи в прикрытии, так как масштаб расстояний, в котором войскам придется работать, далеко превосходит обычные нормы. Широкое развитие сети постоянных телеграфных и телефонных проводов в районе развертываныя значительно облегчит работу прикрытия. Но эта сеть принесет пользу лишь в том случае, если она будет заранее изучена, и ее использование — обдумано.

Прикрытие с первого же дня должно приступить к укреплению своего фронта, используя, в мере возможности, рабочие силы населения. Позиция прикрытия—это принципиально та же позиция, на которой будет драться и сосредоточивающаяся армия, если придется обороняться. То, что удастся сделать в период до окончания развертывания, явится драгоценным остовом сопротивления. Часть этой позиции, может быть, уже в мирное время будет обеспечена бетонными сооружениями. Желательно, чтобы позиция находилась в небольшом переходе впереди станций высадок, чтобы работа последних могла беспрепятственно продолжаться и после

подхода неприятеля к позиции. Работы по укреплению, конечно, должны быть организованы по принципу „всегда готов“, чтобы войска прикрытия могли бы в любую минуту опереться на них.

Рабочие отряды могут успешно возводить укрепления лишь в том случае, если прикрытие выставит на небольшом удалении впереди сторожевое охранение. Вначале, когда силы прикрытия незначительны, значительная часть их будет поглощена этим охранением позиций, строящихся на важнейших направлениях.

Вообще, с ростом укреплений, с постепенным расширением позиций, с прибытием новых частей, физиономия прикрытия будет все время меняться, и задачи и схема прикрытия должны быть продуманы по дням, в виде альбома тактических решений, на весь период мобилизации и развертывания.

Задачи прикрытия могут быть разрешены не только очерченным приемом обороны, но и наступательно; поиск должен направляться против важнейшего ближайшего узла путей или особенно важных искусственных сооружений. Если военные действия происходят в атмосфере острой классовой борьбы, надо продумать, не поставит ли в трудное положение наших сторонников за рубежом появление на короткое время наших войск, и уход их, оставляющий выразивших им сочувствие и оказавших им помощь на расправу их политическим противником. В обстановке острого национального антагонизма такие набеги часто приводили к отрицательным результатам. Набег Гурко в 1877 году на Балканы вызвал массовую резню поднявшегося при его приближении болгарского населения. Два не серьезных вторжения французов в Эльзас, в августе 1914 года, также только скомпрометировали сочувствовавших французам эльзасцев.

По этим соображениям, а также по соображениям дипломатического порядка, разрыв дипломатических сношений и отдельные случаи перестрелки на границе не должны быть принимаемы частями прикрытия за разрешение на переход границы. Даже направление резъездов и полет аэропланов за рубеж должны иметь место лишь после принципиального телеграфного приказа высшего командования о начале враждебных действий; этот приказ может не сов-

пасть по времени с объявлением войны; одиозность перехода границы часто выгодно не брать на себя.

Начальники в прикрытии должны быть ориентированы о порядке и месте прибытия подкреплений, расчет на которые часто позволит им проявить в бою крайнее упорство. Им необходимо также знать, какие дороги, мосты и сооружения им надлежит подготовить к взрыву, в каких случаях от разрушения путей надлежит отказаться, какие дороги должны быть отравлены. Эти указания являются отрывком из одного общего плана подготовки к разрушению, который должен иметься разработанным в каждом округе.

Если усиливающийся натиск неприятеля не дает оснований рассчитывать успешно закончить развертывание в избранной полосе, командующий фронтом не должен колебаться отдать приказ для уклонения на этом рубеже от решительных боев, и для отнесения развертывания в другой район. Отступательный вариант плана прикрытия должен предусмотреть этот маневр во всех его частях.

Идейная подготовка армии. Проведение в жизнь намеченного плана операций требует соответственной подготовки армии и комсостава. Германский генеральный штаб, стремясь к прорыву кольца крепостей, преградивших путь германским войскам во Франции, Бельгии и России, не ограничился введением тяжелой артиллерии и усилением технических частей, а издал также и устав для атаки крепостей, широко популяризировавший в армии идеи ускоренной атаки, шедшие в разрез с вековыми традициями военных инженеров, и широко поставил в войсках занятия по подготовке к атаке крепостей. (Познанские большие крепостные маневры 1907 г.). Высший комсостав и генеральный штаб, целым рядом полевых поездок под крепостями, тренировались на обсуждение вопросов атаки и обороны крепостей в широком масштабе.

Обязательным этапом тренировки по каждому плану операций являются отчетные работы корпусов и округов. Общая задача, вытекающая из плана операций, расчленяется на ряд оперативных и тактических задач для фронта, армий и корпусов; эти задачи предлагаются на разрешение по возможности тем самым инстанциям, которым предстоит их решать в жизни. В штабе округа, применяя, может быть,

и коллективные методы обсуждения, эти задачи проверяются и обсуждаются, им делается сводка, и в таком виде отчетная работа поступает высшему командованию. План операций представляет ряд заданий; по отчетным работам высшее командование получает ясное представление о том, как фронты, армии и корпуса толкуют разрешение этих оперативных и тактических заданий; отчетные работы вскрывают различное оперативное понимание и позволяют высшему командованию, изучившему их, сознательно реагировать на оперативную подготовку командования в желательном направлении. Частным же начальникам отчетные работы позволяют заранее ознакомиться с характером предстоящей им деятельности. Так, корпусной командир пограничного округа должен будет представить соображения о прикрытии, о передвижении войск с занимаемых им стоянок в другие пункты для занятия боевой группировки, о мерах по размещению войск, по их довольствию, по группировке всего тыла и т. д. Очевидно, штаб корпуса, однажды ответивший на эти вопросы в порядке теоретической подготовки, будет гораздо легче справляться с теми же вопросами в порядке практической деятельности.

Различные положения, являющиеся возможными вариантами к существующему плану операций, являются заданиями для полевых поездок и военных игр. Эти двусторонние упражнения важны и для выяснения слабых сторон наших оперативных предположений. Сторона, представляющая неприятеля, своей работой дает прикладным методом критику нашего плана. Поездки генерального штаба часто посвящаются поэтому таким положениям, розыгрыш которых мог бы дать указания относительно новых принципиальных изменений, которые желательно ввести в план операций.

Типичной ошибкой русского руководства играми и поездками является стремление избегать скользких положений, и разыгрывать только спокойные варианты, с преимущественно параллельным столкновением двух равносильных фронтов. Между тем, крайне желательно закалять мысль командного состава на обсуждении острых положений, требующих ярких решений. Положительно необходимо брать темой не только положения, вытекающие из гладкого течения предположенных операций, но и положения, близкие к ката-

строфическим, связанные с неустойкой на каких-либо особенно опасных направлениях. Стратегическая и оперативная мысль должна привыкнуть разрабатывать и такие положения, как окружение войск Шеффер-Бояделя под Лодзью, или центра X русской армии — под Августовым. Нужно готовиться не только к тихой хорошей погоде, но и к оперативным бурям.

План снабжения. Независимо от плана экономической мобилизации, плана, разрабатываемого в обще-государственном масштабе, военное ведомство должно иметь, на случай войны, свой план разрешения задач по снабжению вооруженных сил. Этот план заранее должен пытаться подсчитать все разнородные потребности войск в снабжении и указать намечаемые способы их удовлетворения. Независимо от программных экономических мероприятий, план военных операций всегда должен связываться с существующими материальными возможностями. Эти материальные возможности, в конечном счете, определяют и размер мобилизуемой массы, которая может быть разумно использована, и допустимую активность фронта. Нежелание учитывать их приводит к постройке оперативных воздушных замков или мобилизационных карточных домиков, к отрыву от мирного труда сотен тысяч граждан, которые без одежды и обуви будут скитаться по запасным частям, не получая никакого обучения. Количество ртов, наперекор снабжению, может быть увеличено; но количество бойцов — нет.

В зиму 1916—17 г.г. русская армия увеличилась на $^1/_3$, и устанавливала постную пищу через два дня в третий. Вероятно, сила армии была бы больше без этого распухания, при условии сохранения всех скоромных дней в неделю. Генерал Франсуа, бывший лихой командир 1-го прусского корпуса, под влиянием постигшей из-за голодной блокады Германию катастрофы 1918 года, склонен даже все явления военной истории сводить к точке зрения большей или меньшей удовлетворенности желудочных запросов, и доказывает это на примере 1812 года, что, конечно, представляет уже увлечение.

План должен подсчитать имеющиеся материальные возможности; они заключаются в запасах, заблаговременно подготовленных в мирное время, в заказах, заранее данных

промышленности, в товарах, имеющихся на рынке, заказах, которые будет возможно разместить в промышленности в момент дипломатического кризиса и первые дни войны. Общий план снабжения, очевидно, разобьется на отделы по различным специальностям снабжения, которые должны быть гармонично спаяны между собой: между потребностью в аршинах сукна, в парах сапог, в количестве винтовок, патронов и снарядов существуют известные внутренние отношения, которые во многом зависят от характера будущей войны и к которым надо приблизиться в возможной степени. Так, перед мировой войной полагали, что один снаряд будет расходоваться на 500 патронов, но действительность скоро заставила перейти от отношения 1/500 к отношению 1/100.

Достаточно компетентные в обращении товаров на внутренних рынках лица смогут, в зависимости от урожая и предвидения потрясения на рынках, которые произведет война, предвидеть возможности закупок и требуемое для них время. Лица, хорошо знакомые с промышленностью и участвующие в разработке соображений по экономической мобилизации, могут оценить существующую мощность промышленности — какое количество заказов и на какие сроки она может принять. Понятно, что при существующем темпе роста экономической конъюнктуры СССР, план снабжения должен заново пересматриваться по меньшей мере раз в год.

Учет материального фонда для снабжения вооруженных сил выразится в таблице, указывающей наличное количество запасов и постепенность поступления новых; хорошо выделить в одну графу количество, на которое возможно твердо рассчитывать, и количество, в заготовке которого возможно известное запоздание.

Конечно, план снабжения должен быть детально согласован не только с заготовительными возможностями, но и с условиями транспорта. Запасы—от выпускающего их фабричного станка, до поглощения их фронтом, должны проделать длинный путь. В стране с такими большими расстояниями и таким слабым транспортом, как СССР, снабжение представляет большие трудности. Чтобы побороть их, необходимо располагать более крупными оборотными средствами

снабжения. Перебоев снабжения в наших условиях удастся избежать лишь путем создания более сильных магазинов, чем в других небольших, изрезанных железными дорогами государствах. Если мы определим суточный расход снабжения всех родов, то у нас в магазинах, чтобы напитать путь от фабрики до войсковой части на фронте, должно храниться большее число суточных дач. Конечно, по различным отделам снабжения эти оборотные средства будут неравно велики. Существует снабжение сезонное; существуют роды снабжения — например, продовольствие, поглощаемое на всех фронтах равномерно, в зависимости от числа бойцов и богатства театра действий; существует снабжение боевое, расход которого находится в тесной связи с активностью фронта; существует снабжение позиционное, и остановка фронта может предъявить сразу громадные требования на проволоку, большие лопаты, топоры, пилы и позиционное оборудование (цемент, железные балки, щиты, кирпич, железные печи, лампы, и т. д.). Из различного характера снабжения вытекают и различные потребности эшелонирования его, централизации или децентрализации запасов и т. д.

Изучение всех этих вопросов покажет, какая сеть магазинов нужна, чтобы удовлетворить потребностям намеченных операций, какого рода снабжение и в какой пропорции должно быть в каждом магазине, до какого минимума должны быть доведены заготовляемые в мирное время запасы, в какой степени намеченная мобилизация и план операций напрягает наши материальные рессурсы.

План снабжения должен стремиться в возможно меньшей степени загружать транспорт, в особенности в критические дни мобилизации и сосредоточения, для чего магазины уже в мирное время должны быть сгруппированы там, где им надлежит быть в военное, мобилизационные запасы в максимальной степени приближены к пунктам их потребления (если полк второй очереди будет мобилизоваться в каких-либо казармах, то часть, занимающая эти казармы в мирное время, должна хранить и снаряжение для него); оперативный базис должен быть обеспечен запасами на все время перевозок по сосредоточению.

Важность плана снабжения заставляет требовать составления его при участии руководящих составлением плана

операций лиц; с его особенностями — возможностями и необходимостями — должны быть хорошо ознакомлены высшее командование и его ответственные сотрудники. В составлении плана снабжения они должны играть не пассивную, а весьма активную роль. Действительно, все исходные данные для плана снабжения зависят от характера намеченных операций. Последние обусловливают сроки и размер потребностей в снабжении, а также условия транспортирования его с базы к действующим вооруженным силам.

Снабжение и регулировка военных действий. Характер и объем военных действий должен отвечать имеющемуся экономическому базису. Всякое наступательное предприятие связывается с известным расходом материальных средств; необходимо сообразовывать предприимчивость стратегии с наличием запасов военного снаряжения, в частности огнеприпасов, и с возможностью их пополнения. Затишье на фронте во Франции, начиная с ноября 1914 года, в значительной степени объясняется израсходованием как немцами, так и англо-французами, имевшихся запасов снарядов. Наступление на Верден Фалькенгайна в 1916 году сигнализировало благополучие в германских складах, заполнившихся в течение спокойной зимы. Людендорф всегда смотрел на степень заполнения своих складов, как на барометр, соответственно которому он регулировал свою инициативу. Бедствие русской армии летом 1915 года объясняется недостаточным пониманием русских начальников необходимости соразмерять действия на фронте с возможностями тыла.

Мы должны ожидать, что будущая война принципиально изменит свой характер вскоре после того, как стороны закончат свою экономическую мобилизацию, и тыл изготовится удовлетворять потребности армии в военном снабжении более обильным образом; будущая война, если не закончится в первые же месяцы, вероятно, как и мировая война будет представлять два различных образа стратегии и тактики; вначале — большая маневренность, более скупое расходование материальных средств и более живое проявление энергии войск.

И второй период будет знаменоваться технической массивностью, широким применением новых изобретений, мате-

риализацией военного искусства, потерей наступательного духа, разлагающими движениями, начинающимися в тылу и колеблющими выдержку фронта.

Экономика сумеет подчинить себе характер военных действий и наложить на них свою печать. Но стихийный процесс может иметь здесь катастрофические последствия, и несомненный выигрыш получится, если приспособление к экономическим условиям произойдет согласно директив сверху. С этой точки зрения нельзя допускать стихийной материализации тактики. Вопрос, возникший у нас в связи с теоретической и „реальной“ пехотой, является первым предупреждением.

Этот вопрос заслуживает тем большого внимания, что тактика материального состязания с врагом, при неравном отношении экономических сил, грозит не только истощением и разрушением тыла, но и надломом духа войск. Гражданская война представляет ряд маневренных образцов, ценных особенно в том отношении, что они часто представляют весьма интересное, маневренное решение задач, с минимальной затратой материальных средств.

Нормы расхода материальных средств, которые иногда пытаются запротоколить и бюрократизировать, в действительности чрезвычайно растяжимы и допускают огромные колебания. От семи патронов на ружье, выпущенных прусской пехотой за всю войну 1866 г., до 300 патронов на человека, выпускавшихся в некоторых частях в один день в Русско-японскую войну, один только шаг, а эффект, действительность ружейного огня в обоих случаях был приблизительно одинаковый. Аппетит автоматического оружия способен сжиматься еще больше, чем потребности человеческого желудка. Там машина, которая может помолчать, здесь—организм, который не может замереть ни на одни сутки. На войне несравненно больший % снаряжения теряется, умышленно оставляется на позициях, расходуется без нужды в бою, чем используется с толком в потребных случаях. Дисциплина, сознательность, твердость кадров, целесообразное руководство могут сделать чудеса в отношении уменьшения расхода снаряжения.

Важнее всего изжить идеологию мотовства, мысль о победе, достающейся тому, кто может с большим пренебрежением относиться ко всякой затрате материальных средств. Отсутствие воли к победе сказывается прежде всего в преувеличенных материальных требованиях войск. Так, летом 1915 года, по мере того, как германская пехота выдыхалась при наступлении в Россию, она требовала все больше и больше снарядов для атаки русских позиций, хотя и знала, что удаляется все на большее расстояние от железных дорог, и подача снарядов становится труднее. И мы полагаем, что кризис в снаряжении, который пережила русская армия в 1915 году, был прежде всего кризисом политическим; ссылки на недостаток снаряжения часто маскируют кризис в сознании.

ЧАСТЬ III.

ГРУППИРОВКА ОПЕРАЦИЙ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ КОНЕЧНОЙ ВОЕННОЙ ЦЕЛИ.

I. Формы ведения военных действий.

Исходные положения. Сокрушение. Целесообразность операции. Измор. Стратегическая оборона и наступление. Позиционность и маневренность.

Исходные положения. Если видеть в войне лишь хаотическое нагромождение событий, то следует вообще отрицать стратегическое искусство. Стратегическая мысль начинается тогда, когда в ходе военных действий начинает усматриваться известный путь, который надо пройти для достижения целей войны. Около этого пути и созидалось учение о стратегии на протяжении всех ста лет, начало коих ознаменовалось трудом Ллойда, а конец— трудом Г. А. Леера. Однако, этот путь толковался, как геометрическая линия, представляющая абстракцию важнейших грунтовых дорог, по которым движется армия. Леер видел в этой операционной линии основную идею операции по цели и направлению; пройденный ее участок предоставлял территориальные пути, связывавшие вооруженную силу с ее базой, (коммуникационную линию), непройденный ее участок представлял идею, замысел операции. Отдельные точки операционной линии характеризовали этапы на пути к достижению конечной цели. Операционная линия у Леера охватывала все значение военных действий, голову и хвост явления, так как операция почти сливалась в его представлении с войной.

Мы не может согласиться с этим учением даже по отношению к оперативному искусству, которое преимущественно имел в виду Леер. Промежуточные военные цели у Леера

выражались геометрической точкой, что и позволяло слить их в одну операционную линию—линию целей—так как все они, с точки зрения Леера, были одинаковы—сокрушать противника в данном пункте. Никакая дозировка усилий не уясняется этим геометрическим методом. Он совершенно не выражает целей, преследуемых обороной; а между тем нельзя же утверждать, что оборона не преследует никаких целей. Да и наступление современных фронтов, растягивающихся в ширь на тысячу километров, бои крупных операций, разбрасывающиеся на огромную площадь, очень плохо выражаются геометрической линией, не имеющей никакого измерения в ширину, или точкой, не имеющей вовсе измерений. Ясности не получается.

К стратегии оно нам представляется вовсе не приложимым, так как здесь отдельные операции перестают сливаться в одну главную операцию, и отделяются друг от друга новыми оперативными развертываниями. Цели отдельных операций оказываются разбросанными и являются логическими, но отнюдь не геометрическими этапами на пути к достижению конечной военной цели. Мы поэтому будем говорить о стратегической линии поведения, о той логике, которая связывает цели отдельных операций в один путь к конечному успеху, и которая, в геометрическом начертании, представляла бы слишком большие изломы и разрывы, чтобы получить право именоваться линией. С геометрической точки зрения, военные действия утратили ныне последовательность; оставаясь на точке зрения Леера, мы должны были бы признать мировую войну хаосом. Однако, логическую последовательность развитие военных действий сохранило, и наша задача заключается в том, чтобы подметить и запротоколить ее. Все существо стратегического искусства руководства военными действиями мы сводим к уяснению логики группировки операций для достижения целей войны.

Военные действия могут принимать различные формы—сокрушение и измор, оборону и наступление, маневренность и позиционность. Каждая из этих форм существенно влияет на стратегическую линию поведения. Поэтому, мы начинаем наше изложение с изучения этих форм. Далее мы ознакомимся с капитальным влиянием, которые оказывают на стратегический образ действий сообщения. Затем мы бегло по-

смотрим, что представляют современные операции с ограниченной целью, в группировке коих заключается стратегическая деятельность. И наконец, мы приступим к рассмотрению самих вопросов, входящих в понятие стратегической линии поведения.

Сокрушение. Говоря о политической цели войны, мы пришли к заключению, что на политическое руководство, после внимательного обсуждения со стратегом, ложится обязанность ориентировать действия вооруженного фронта на сокрушение или на измор. Противоречие между этими формами гораздо глубже, важнее и чревато более существенными последствиями, чем противоречие между обороной и наступлением.

Задача стратегии существеннейшим образом упрощается, если мы или неприятель стремимся покончить войну сокрушительным ударом по примеру Наполеона и Мольтке. Труды по стратегии, имевшие в виду исключительно стратегию сокрушения, в сущности обращались в трактаты по оперативному искусству, и Г. А. Леер с полным правом поместил на обложке своих трудов, под заглавием „стратегия“ второй заголовок — „тактика театра военных действий“. Естественно пристрастие стратегов старой школы к анализу Наполеоновских походов: в них целая кампания сводилась к одной лишь операции на главном театре; стратегические вопросы не представляли затруднения и заключались лишь в определении главного театра; группировка сил между главным и второстепенными театрами производилась по принципу решительного предпочтения интересов главного театра; постановка цели для единственной операции на главном театре не могла вызывать сомнений, так как она при стратегии сокрушения сводилась к уничтожению развернутых на них неприятелем живых сил. Изучение Наполеоновских походов в большинстве случаев сводилось таким образом к изучению оперативного, а не стратегического искусства. Естественно, что Жомини считал вопросы стратегии более простыми, чем вопросы тактики. Из сказанного отнюдь не следует, что мы не признаем за Наполеоном стратегического величия; но оно при тогдашних приемах ведения войны сливалось с политикой: войны 1806, 1807, 1809 годов мы можем рассматривать в одной общей перспективе, как

отдельные гигантские операции против выдвигаемых Англией на континенте врагов, и нас тогда поразит верная постановка цели каждой войны, верный момент для начала военных действий, и чрезвычайно искусное завершение, в нужный момент, каждой кампании. Несомненно, и в эпоху Наполеона сокрушительная операция не всегда приводила сразу к развязке, например, в войну 1796—97 г. г., 1812 г., 1813; и Наполеону в таких случаях приходилось решать стратегические проблемы. Однако, военные историки Наполеона остаются и посейчас еще историками отдельных его операций, и лишь политическая история несколько открывает нам перспективу для охвата его стратегического искусства.

Три основных элемента операции—сила, время и пространство при стратегии сокрушения всегда комбинируются так, что выигрыш времени и пространства является средством, а поражение массы неприятельской армии—целью. Все подчиняются интересам генеральной операции, а в последней все зависит от решительного пункта. Этот решительный пункт является для стратегии сокрушения как бы магнитной стрелкой компаса, определяющей все маневрирование. Есть только одна чистая линия сокрушения; существует лишь одно правильное решение; полководец в сущности лишен свободы выбора, так как его долг—понять решение, диктуемое ему обстановкой. Идея сокрушения заставляет признать ничтожным все второстепенные интересы и направления, все географические объекты. Паузы в развитии военных действий противоречат идее сокрушения. Если мы видим таковую паузу, протяжением в шесть недель, между сражениями под Асперном и Ваграмом, то она явилась уже результатом легкомыслия, допущенного Наполеоном при подготовке первой переправы через Дунай и последовавшей неудачи. Стратегию сокрушения характеризуют единство цели, времени, места и действия. Образцы ее являются действительно классическими по своей стильности, простоте и стройности. Теоретики сокрушения посмеивались над тонким фехтованием стратегии XVII века. Действительно, по сравнению с игрой стратегических уколов и защит Тюрена, удары Наполеона и Мольтке напоминают черепа, размозженные одним ударом оглобли.

Стратегия сокрушения требует еще одной предпосылки: чрезвычайной, экстраординарной победы. Целью сокрушительного наступления географический пункт может явиться лишь тогда, когда живая сила неприятеля станет призрачной. До тех же пор она должна метить на полную дезорганизацию неприятельской живой силы, на совершенное ее уничтожение, расщепление всякой связи между уцелевшими осколками, на захват важнейших сообщений—важнейших для вооруженной силы, а не для государства в целом.

Поход сокрушительного стиля ставит наступающие армии в столь невыгодные материальные условия, так ослабляет их на охрану флангов и тыла, требует таких усилий для их снабжения, что от конечной неудачи возможно предохраниться только путем одержания совершенно выдающихся оперативных побед. Для успеха сокрушения нужны сотни тысяч пленных, поголовное уничтожение целых армий, захват тысяч пушек, складов, обозов. Только такие успехи могут предотвратить полное неравенство при конечном расчете. Таких побед не было ни в Галиции, ни в „пограничном сражении", ни при наступлении Красных армий в 1920 году. Всюду мы имели здесь дело с ординарными победами, с оттеснением неприятеля назад с несколько большими потерями, чем у наступающего. Этого совершенно недостаточно.

Необходимость экстраординарной победы при сокрушении предъявляет особые требования при выборе формы операции. Главная масса неприятеля должна быть окружена, или припертa к морю, к нейтральной границе. Постановка такой цели связана, конечно, с риском. Если имеющиеся средства совершенно не соответствуют постановке столь крупной цели, надо вообще отказаться от сокрушения. Если бы Мольтке не удалось уничтожить с корнем, на пути к Парижу в 1870 г., армий Базена и Мак-Магона, то положение германцев под Парижем было бы отчаянным. Нельзя согласиться с первым решением Мольтке 25 августа 1870 г., при приступе к Седанской операции (сосредоточение у Дамвилье), преследовавшим скромную цель загородить Мак-Магону фронтально путь к Мецу. Стратегия сокрушения должна ловить всякую возможность полного уничтожения противника, и Мольтке следовало бы сразу главные усилия

направить на то, чтобы отрезать пути отхода Мак-Магона на запад.

Еще в большей мере вызывает сомнения оперативное руководство генерала Алексеева в Галицийской операции 1914 года: стратегия выдвинула для последней величественную цель—окружение всех австрийских армий, посредством двойного охвата обеими нашими крыльями; а генерал Алексеев направил все свои заботы на уменьшение риска и стремился сомкнуться к центру, задерживая крылья уступом позади. Такими приемами можно было добиться лишь ординарных успехов, вытолкнуть австрийцев из Восточной Галиции, но мечтать о походе на Берлин или Вену не приходилось.

Совершенно прав был Шлиффен, сочетавший оперативную идею Канн—полного уничтожения неприятеля при боевом столкновении—со стратегией сокрушения. Его идеи сокрушения характеризуются стремлением к максимальному сосредоточению сил на заходящем правом фланге германского вторжения во Францию. В 1912 г., в ответ на домогательства австрийцев об усилении германских войск, оставляемых против России, Шлиффен разработал проект—не оставить против России ни одной полевой или резервной дивизии, а только ландвер. Все полевые части—на запад, чтобы обеспечить достаточный перевес на решительном пункте. Судьба Австро-Венгрии должна была, в его представлении, разрешиться не на Буге, а на Сене.

Однако, в дальнейшем ни Шлиффен, ни Мольтке младший не выдержали своей логики. Они были заинтересованы в том, чтобы австрийские армии перешли против русских в наступление, чтобы отвлечь последних от вторжения в Германию. Поэтому они твердили австрийскому генеральному штабу, что не стоит тратить усилий на сербском фронте, а надо бросить все силы против России, так как вместе с судьбой русских армий будет решена и судьба сербской. Этим предложением германский генеральный штаб предлагал Австрии применить по отношению к России и Сербии тот же план борьбы на два фронта, который он устанавливал для Германии по отношению Франции и России. Но немыслимо проводить два сокрушительных плана одновременно. Наступление 49 австро-венгерских дивизий должно было создать на Буге

второй решительный пункт, близкий по своему значению к решительному пункту 80 германских дивизий на Марне. Требования австрийцев о помощи со стороны Восточной Пруссии получали определенный вес. И Мольтке младший должен был считаться с увеличившимся удельным весом Восточного фронта; он выделил на него 14 полевых и резервных дивизий, потом попытался похитить из числа их, обсчитав австрийцев, 5 дивизий, но сражение под Гумбиненом заставило их вернуть на Восточный фронт. План Шлиффена являлся сокрушительным только в масштабе одиночного ведения Германией войны на два фронта и вовсе не согласовался с участием в войне Австро-Венгрии. Логика сокрушения требовала воздержания австрийцев от наступления на русском фронте до разгрома Франции, и, может быть, даже занятия частью австро-венгерских корпусов Лотарингского фронта, чтобы усилить правое крыло германского вторжения.

Сокрушительное наступление при усложнившихся условиях, представляет последовательный ряд операций, находящихся, однако, в такой внутренней связи, что они сливаются в одну гигантскую операцию. Исходное положение для следующей операции вытекает непосредственно из достигнутой цели операции законченной.

Мы отнесем к стратегии сокрушения в настоящее время последовательный ряд операций, которые имеют постоянное направление, ряд целей которых представляет одну прямую логическую линию. Так, Мольтке вел в 1870 году первую операцию для уничтожения армии Базена, и окружил ее в Меце; немедленно он двинулся к конечной цели—Парижу; по пути выяснился безумный маневр армии Мак-Магона между тройными силами немцев и бельгийской границей; вторая операция Мольтке ликвидировала ее под Седаном; третья операция привела Мольтке к голодной блокаде Парижа. Прав был Бисмарк, требовавший обстрела и атаки Парижа,—штурм его действительно отвечал бы тому сокрушительному характеру, в котором политическая обстановка указывала вести войну.

После победы в Галиции над австрийцами в 1914 г. стиль стратегии сокрушения требовал бы от русских непосредственного наступления в Моравию и Силезию. Однако, у нас не было

для этого достаточного перевеса сил, и, вследствие угрозы обхода 9-й германской армией нашего правого фланга, пришлось отказаться от преследования австрийцев и приступить к новому развертыванию на Висле, от устья Сана до Варшавы, для чего пришлось отвести назад 9-ю, 4-ю и 5-ю армии. Новое же развертывание представляет резкое отступление от основ сокрушения. Это—начало фехтования; а сокрушение именно стремится избежать фехтования и имеет для этого одно средство—постоянное и энергичное развитие своего удара в самый жизненный центр неприятеля; чем сосредоточеннее и массивнее при этом наш кулак, тем скорее неприятель вынужден будет ориентировать свои действия по нашим, т.-е. говоря старым языком, „мы будем предписывать неприятелю оперативные законы".

Стилем сокрушения была проникнута большая часть наступления Красной Армии от берегов Двины к Висле в 1920 году. Сосредоточение кулака на правом крыле и прямое движение его на сотни верст действительно связало все оперативные контр-мероприятия поляков, рушило все их попытки задержаться на выгодных рубежах от Березины до Буга включительно; фехтование, измор эпохи мировой войны испарились. Наполеоновская оглобля, одним ударом решавшая войну, как бы воскресла, окрасившись в красный цвет. Однако, на пути Красной Армии к Висле, как и на пути германских армий к Марне, не удалось одержать экстраординарных побед; на конечную часть наступления стали оказывать влияние географические соображения: в Данцигском коридоре красные армии стремились отрезать не столько сообщения польских армий, сколько важнейшую артерию всего польского государства. Красные армии, как бы игнорируя материальные силы поляков на вооруженном фронте, вступили в бой с Версальским договором. Это уже мистика, в особенности в условиях сокрушения.

Сокрушение складывается не только из быстроты и прямолинейности, но и из массивности; красные же армии при подходе к Висле настолько ослабли численно и настолько оторвались от своих источников снабжения, что являлись скорее призраками, чем действительностью. В 1829 году Дибич, в приблизительно таких же условиях появившись вблизи Константинополя, сумел во время заключить мир.

Наполеон в 1797 г., в несколько лучшем положении вблизи от Вены, также сумел подарив разбитой Австрии Венецию, заключить столь желанный революционной Францией мир. Мы же переоценили свои достижения и продолжали наступление; за рубежом Белосток—Брест кульминационная точка наших возможных успехов оказалась далеко позади, и каждый шаг вперед ухудшал наше положение.

Значение, которое отводится в стратегии сокрушения генеральной операции на уничтожение неприятеля, серьезно сокращает перспективу стратегического мышления. На другой день после завершения операции мы будем стоять лицом к лицу к совершенно новой обстановке; экстраординарные события операции в корне изменят положение, создадут переоценку всех ценностей. При стратегии сокрушения, придающей такое единственное и исключительное значение результату боевого столкновения с противником, обстановка получает характер калейдоскопического зрелища: один щелчок решительной операции—и создается совершенно новая нежданная картина, загадывать о которой нет возможности. Этот завтрашний день операции в стратегии сокрушения является окутанным густыми сумерками. Только располагая, таким огромным превосходством сил, как Наполеон в 1806 году, или Мольтке в 1870 г., стратег сокрушения может, ориентируясь по его магнитной стрелке „решительного пункта", не упускать из виду и конечной цели. Вообще же „решительный пункт" операции господствует в стратегии сокрушения почти безраздельно, и всякое нарушение его велений может рассматриваться, как опасный уклон, „предвзятость".

Весьма веские обстоятельства, затрудняющие сокрушение, выдвинуты современностью. Первое из них—это недальнобойность современных операций, вынужденное возвращение к пятипереходной системе, о котором мы будем говорить в следующей главе. Приходится дробить операцию на части, приостанавливая временно продвижение фронта для починки железных дорог в тылу. Вызываемые этим паузы весьма содействуют обращению борьбы в позиционную. Второе обстоятельство заключается в том, что начало войны не является в наше время кульминационным пунктом стратегического напряжения. Военная и экономическая мобилизации выставят второй и третий эшелон мобилизованной и снаряженной живой силы. В лице импровизированных Гамбетой армий Мольтке старшему пришлось иметь дело со вторым эшелоном французской, вовсе неподготовленной мобилизации, уже в 1870 году. Постоянные армии Франции были уничтожены в один месяц, а со вторым эшелоном пришлось возиться четыре месяца. Этот опыт, как нам кажется, и лег в основу взглядов Мольтке на будущую войну в Германии на два фронта, как на борьбу на измор. Одна Маренгская операция 1800 года дала Наполеону всю Италию, а Иенская операция 1806 г. позволила ликвидировать всю Пруссию до Вислы. В наших условиях Наполеону пришлось бы вести последовательные операции, с возрастающей трудностью, против новых сил, собранных государством.

Однако, мы считаем необходимым не отбрасывать теорию сокрушения в сорную корзину отжившего; мы удерживаем ее в нашем труде—и не только для того, чтобы получить возможность диалектически осветить противоположную ей теорию измора. Мы считаемся с возможностью осуществления в современных условиях стратегии сокрушения; конечно, противника, территорию которого можно в течение недели пересечь пешком из конца в конец, надо проглатывать приемами сокрушения; но и по отношению к большому государству, находящемуся в состоянии политического разложения, сокрушение явится самой рациональной формой стратегии.

Целесообразность операции. Рост значения генеральной операции в стратегии сокрушения приводит к тому, что операция рисуется уже не как одно из средств ведения войны, а затмевает собой конечную военную цель и получает самодовлеющее значение. Вопрос о целесообразности операции отходит на второй план. Оперативные и тактические соображения получают перевес. Все равно, когда и где разбить неприятеля, лишь бы удар имел уничтожающий характер. Важно, чтобы тактические действия войск направлялись по линии наименьшего сопротивления. Поэтому, с точки зрения стратегии сокрушения не следует упрекать Людендорфа за выбор для решительного удара в марте 1918 г. Амиенского, наименее стратегически важного направления, на стыке французских и английских армий. Вопрос о направлении при сокрушении является второстепенным,

по сравнению с размахом удара. Ошибка германского управления заключалась в стремлении уменьшить долю риска, сохранить сплошной фронт, отказаться от самого причудливого перемешивания своих и неприятельских войск в один слоеный пирог, который получился бы при продвижении вперед, игнорирующем участки, которые продолжали быть занятыми неприятелем; немцам следовало стремиться к огромному увеличению площади операции, с тем, что пусть все спутавшиеся на нем части и средства обоих сторон в конечном результате окажутся во власти победителя. Напротив, в дальнейшем наступательные попытки Людендорфа на новых участках, связанные с новыми развертываниями, имевшие частью демонстративный характер, уже резко противоречили стратегии сокрушения. Это уже фехтование измора, фехтование, неизмеримо менее связывающее волю противника; и насколько обстановка, в которой Германия находилась в 1918 году, могла бы оправдать наступательную попытку в стиле сокрушения, настолько проявление активности в изморе являлось несоответственным.

Нигде не сказывается в такой степени необходимость проводить отчетливую грань между стратегией сокрушения и стратегией измора, как в вопросе о целесообразности операции (раньше—генерального сражения). Г. А. Леер, все мышление которого было построено в духе сокрушения, совершает, на наш взгляд, грубую логическую ошибку, выдвигая вопрос о целесообразности сражения, венчающего операцию; для Наполеона, конечно, этого вопроса, этих сомнений не существовало, так как генеральное сражение являлось идеалом, желанной целью, к которой он стремился. И Г. А. Лееру, в подкрепление своих нарушающих стиль сокрушения соображений, приходится естественно обратиться к мыслям теоретиков измора, к замечанию Морица Саксонского, что сражения „являются обыденным прибежищем неграмотности“, к поражающему его замечанию Фридриха Великого, что „бой представляет средство скудоумных генералов“, и что надо ввязываться в него лишь тогда, когда ожидаемый выигрыш выше того, чем мы рискуем. Леер [1]) приводит даже речь герцога Альбы, полководца середины XVI века,

[1]) Стратегия часть I, стр. 336-337; приложение 7-е стр. 156-157 Изд. 5-е 1893 г.

имевшую цель остудить пыл его помощников, требовавших боя с французами, и обращавшуюся к их рассудительности и хладнокровию; нельзя ставить на карту целого королевства против одного лишь расшитого кафтана французского полководца; последний и так отступает, и в бою рискует потерять лишь свой обоз. Победа может быть и бескровной; сражения следует давать: 1) чтобы выручить важную крепость, 2) если к неприятелю идут подкрепления, которые могут дать ему решительный перевес; 3) в начале войны, для производства политического впечатления на союзников и тайных врагов; 4) при полном падении духа неприятиеля, когда он не может больше сопротивляться; 5) когда мы так стеснены, что остается только погибнуть или победить.

Рассуждения Морица, Фридриха, Альбы весьма любопытны, но вовсе не вяжутся со стратегией сокрушения. Стратегическая теория может осмыслить вопрос о целесообразности операции лишь установив диалектическое различие между сокрушением и измором.[1])

И з м о р — термин очень плохо выражающий все разнообразие оттенков различных стратегических методов, лежащих за пределами предела сокрушения. И „картофельная война“ (война за баварское наследство), и кампания 1757 года (второй год Семилетней войны) — эти оба произведения творчества Фридриха Великого относятся к категории измора, так как не заключают в себе решительного движения к конечной военной цели; идея похода на Вену в них отсутствует. Но одна кампания прошла в совершенно бескровном маневрировании, а другая насчитывает 4 генеральных сражения — Прага, Колин, Росбах, Лейтен. Для измора характерно то разнообразие, в котором он проявляется. Один вид измора весьма близко граничит со стратегией сокрушения, что позволяет прусскому генеральному штабу — правда, весьма не последовательно,—даже утверждать, что Фридрих Великий предвосхитил Наполеоновские приемы сокрушения; противоположный вид может заключаться в формуле „ни мир, ни

[1]) Существуют близорукие критики, которые рассматривают переход мировой войны на рельсы стратегии измора, как следствие ошибок и непредусмотрительности генеральных штабов. Такая критика, конечно, лишена всякого „предметного сознания.“ Мы рассматриваем войну на измор, как историческую необходимость.

война" — в простом непризнании, отказе подписать мир, одной угрозе действий на вооруженном фронте. Между этими крайними видами заключается целая гамма промежуточных. Стратегия сокрушения едина, и допускает каждый раз лишь одно правильное решение. А в стратегии измора напряжение борьбы на вооруженном фронте может быть различным и, соответственно каждой ступени напряжения, имеется свое правильное решение. Уяснить степень требуемого данной обстановкой напряжения возможно лишь при весьма внимательном изучении экономических и политических предпосылок. Воздействию политики открываются широкие пределы; стратегия должна проявлять большую гибкость.

Стратегия измора отнюдь принципиально не отрицает выдвижения уничтожения живой силы неприятеля, как цели операции. Но она видит в этом лишь часть задач вооруженного фронта, а не всю задачу. Значение географических объектов и второстепенных операций при отказе от сокрушения усиливается во много раз. Распределение сил между главной и второстепенными операциями представляет уже очень сложную стратегическую проблему; „решительный пункт" — та магнитная стрелка, которая позволяет каждый раз легко обосновать решение при сокрушении, отсутствует в стратегии измора.[1]) Приходится обдумывать не только ориентирование усилий, но и их дозировку.

Французская стратегическая мысль очень плохо разбиралась в этих вопросах в течение мировой войны. Она оставалась в заблуждении, что и после крушения Шлиффеновского плана французский фронт является столь же главным и решающим, на который все должно ориентироваться, несмотря на переход войны в рамки измора. Французы утверждали, что Германия по прежнему является важнейшим врагом, на которого только и стоит тратить усилия. Между тем, если с точки зрения стратегии сокрушения Австро-Венгрия являлась второстепенным противником, то с точки зрения измора она являлась даже важнее Германии. Если сокрушение должно было искать оперативной линии наименьшего сопротивления для поражения

[1]) Однако, как мы укажем ниже, ошибочно было бы рассматривать переход от сокрушения к измору, как выход из царства необходимости в царство произвола.

главных живых сил Германии, то стратегия измора должна была искать стратегические линии наименьшего сопротивления в союзе центральных держав, а таковая, после поражений, нанесенных русскими войсками австрийцам, проходила через Австро-Венгрию. Как только в 1915 году обозначился перенос центра тяжести германской активности на русский фронт, Англия и Франция были обязаны, в полной мере, допускаемой развитием сообщений на Балканском фронте, поддержать Сербию; развертывание полумиллионной англо-французской армии на Дунае заставило бы Болгарию сохранить нейтралитет, подвинуло бы Румынию на выступление, прервало бы всякие сообщения Германии с Турцией, позволило бы итальянцам дебушировать через пограничные горы, разгрузило бы русский фронт, который смог бы удержаться в Польше, в сильной степени ускорило бы развал Австро-Венгрии. Длительность мировой войны была бы сокращена по крайней мере на два года.

В меньшем масштабе изменение соотношений между главными и второстепенными районами при переходе к стратегии измора мы можем проследить на судьбах Риго-Шавельского района. В течение первого периода мы справедливо придавали ему очень небольшое значение и ограничивались наблюдением его, при помощи частей ополченского типа. Но когда наш фронт замер на зиму 1914—15 г., значение его несомненно увеличилось. Целый ряд неприятностей посыпался из него: обход правого фланга 10-й армии, постепенное распространение германцев в Курляндии, наконец Вильно-Свенцянская операция.

Стратегия измора так же, как и стратегия сокрушения, представляет поиски материального превосходства и борьбу за него, но эти поиски уже не ограничиваются только стремлением развернуть на решительном участке превосходные силы. Необходимо еще создать предпосылки для того, чтобы „решительный" пункт вообще мог существовать. Тяжелый путь стратегии измора, ведущий к затрате гораздо больших средств, чем короткий сокрушительный удар в сердце неприятеля, вообще избирается тогда, когда с неприятелем нет возможности покончить одним приемом. Операции стратегии измора являются не столько непосредственными этапами к достижению конечной военной цели,

как этапами развертывания материального превосходства, которые бы, в конечном счете, лишили неприятеля предпосылок успешного сопротивления.

Французы любят говорить о решительном ударе, производство коего они намечали в Лотарингии на 14 ноября 1918 г. и от осуществления коего им пришлось отказаться вследствие заключения перемирия. Мы относимся к реализации его, в конце мировой войны, достаточно скептически.[1])

Сорок вымотавшихся французских дивизий встретили-бы достаточно силы на очень хорошо укрепленных позициях; материальных средств противодействия у немцев было достаточно, и даже в обстановке начинавшегося разложения, французам не удалось-бы углубиться далее реки Саары. Мы не думаем, что существуют какие-либо основания рассматривать всю мировую войну, как подготовку к этому жалкому несостоявшемуся удару.

Действительно, в рамках стратегии измора все операции характеризуются прежде всего тем, что имеют ограниченную цель; война складывается не в виде решительного удара, а в виде борьбы за такие позиции на вооруженном, политическом и экономическом фронте, с которых нанесение этого удара в конце концов стало бы возможным. Однако, в процессе этой борьбы происходит полная переоценка всех ценностей. Главный театр, на котором, при затрате громадных сил и средств, борьба разыгрывается в ничью, постепенно утрачивает свое господствующее значение. Решительный пункт, этот боевой конь стратегии сокрушения, обращается в дорого стоящую, но пустую побрякушку. Географические пункты, олицетворяющие политические и экономические интересы, наоборот, получают преобладающее зна-

[1]) Этот решительный удар сорвался у Людендорфа в начале 1918 г.; он сорвался бы и у французов во второй половине 1918 года, и главное счастье французов и Фоша заключалось в том, что из стадии угрозы удар не перешел в исполнение. Задача германской стратегии в 1918 году нам рисуется в том, чтобы выждать и отразить этот решительный удар, после чего Антанта стала бы несомненно более покладистой в вопросе о перемирии и мире.
В конечном счете, лишь французская шовинистическая мысль будет приписывать победу Антанты успехам маршала Фоша на французском театре военных действий; здесь у германцев имелись еще огромные источники для противодействия. Окончательную победу дал развал Австро-Венгрии, имевший глубокие исторические корни; прямая логическая линия победы в мировую войну начинается галицийской победой русских и заканчивается победой Балканского фронта сербов и Антанты.

чение. Оперативные и тактические вопросы играют в стратегии все более подчиненную, техническую роль. Вместо сокрушительной логики Париж — Берлин, выдвигается логика измора Париж — Салоники — Вена — Берлин. 14 ноября 1918 года Антанта занимала бы решительные позиции не на Лотарингском фронте, как утверждал Фош, а на Дунае.

Боксер сосредоточивает свои усилия на защите нижней челюсти рта от удара, так как такой удар может привести его к потере сознания и падению; защита от решительного удара является первым правилом всякой борьбы. Стратегия сокрушения, ежеминутно таящая в себе стремление нокаутировать [1]) противника, связывает его движения и заставляет его ориентировать свои действия по нашим. Ограниченные удары, которые наносит стратегия измора, связывают неприятеля в несравненно меньшей степени. Отдельные операции не имеют непосредственной связи с конечной целью, являются лишь обрубками, плохо подчиняющими себе волю противника. Каждый такой обрубок требует особого стратегического развертывания. Неприятель имеет полную возможность в этой игре стратегических развертываний преследовать свои цели. „Операционная линия“ Наполеона являлась единственной осью, около которой развивались события войны; операционные вожделения его противников целиком должны были подчиняться воле великого сокрушителя. При стратегии же измора вполне возможен разнобой: в 1915 году можно было мыслить такое развитие событий, при условии задержания главных сил Германии на французском фронте, что Людендорф постепенно укреплялся бы в прибалтийских провинциях, а русские армии овладевали бы выходами из Карпат на венгерскую равнину.

В стратегии сокрушения единство действий представляется совершенно необходимым; раз в первые недели мировой войны Франция становилась театром сокрушительных усилий немцев, русские неоспоримо обязаны были приступить, не считаясь ни с какими соображениями, к вторжению в Восточную Пруссию, которое своевременно разгрузило бы Францию. Но если идея сокрушения отпадает,

[1]) Термин бокса, подразумевающий нанесение такого сокрушительного удара, после которого противник не встанет на ноги в условленный срок.

такое соподчинение операций может быть допущено лишь весьма условно. Преследование ограниченных целей позволяет каждому оперативному обрубку в известной степени сохранять самостоятельность. Чтобы затруднить неприятелю последовательное использование своего резерва, периоды проявления активности на различных театрах, в общем, должны совпадать. Но не было никакой необходимости связывать с обороной Вердена наше мартовское наступление 1916 года у озера Нарочь, или продолжать Брусиловское наступление, потому что французы довольно успешно продолжали Сомскую операцию, рассчитанную на измор. Вместо соподчинения, при изморе необходимо, чтобы каждая операция сама по себе вела бы нас к определенным реальным достижениям.

В условиях измора генеральная операция не образует такой непроницаемой завесы, которая бы вовсе отрезывала наше мышление от последующего развития войны. Эшелоны военной и экономической мобилизации вполне входят в стратегию измора и чужды, по духу, стратегии сокрушения. Измор руководится более далекими целями, чем подготовка к ближайшей большой операции. Само ведение этой операции, не могущей дать при изморе решительных результатов, часто должно быть предвзятым, т.-е. руководство ею должно подчиняться и сообразовываться со следующими задачами, которые предстоит разрешать. Стратегические проблемы при изморе в значительной степени усложняются вследствие этого роста вширь и вглубь. Стратегу, для принятия правильного решения, недостаточно верно оценить важнейшее направление операций, а необходимо отдать себе отчет во всей перспективе войны. Примером решения, вытекающего из такой перспективы, является, например, рассчитанная на четыре года Китченеровская программа новых формирований английской армии.

В стратегии сокрушения разумное место находит только оперативный резерв, т.-е. такой резерв, который может поспеть в решительный момент на решительный участок операции. Сокрушение, признающее за генеральной операцией решающую роль, не может признавать каких-либо стратегических резервов, не участвующих в решении в рамках времени и пространства, представляемых операцией. А стратегия измора может и должна учитывать такие резервы (азиатские русские корпуса в 1914 г., милиционные формирования, дальнейшие эшелоны мобилизации, контингенты колоний, запоздалое выступление союзников), и сообразовать с ними свою линию поведения.

Стратегия сокрушения заканчивает операции достижением конечной военной цели. При изморе же иногда создается такое положение, что наступающая сторона достигла своей ограниченной конечной военной цели, а война продолжается, так как на политическом и экономическом фронтах решение еще не достигнуто. Так было в русско-японскую войну: конечная военная цель японцев заключалась в уничтожении русского Тихоокеанского флота, в овладении его базой—Порт-Артуром, и в вытеснении русских войск из Южной Манчжурии. К моменту поражения русских армий под Мукденом эта цель была достигнута. Однако, война продолжалась еще полгода. Жизненные центры России находились вне досягаемости японских ударов, и Японии пришлось выжидать развития революционного движения в России. В такой же обстановке протекли последние полгода Восточной войны: Севастополь был очищен русскими 28 августа 1855 г. и в этот момент союзники достигли своей конечной военной цели—уничтожения нашего Черноморского флота и его базы; а Парижский конгресс открылся лишь 13 февраля 1855 г. Эти периоды войны, очень содержательные в отношении событий на политическом и экономическом фронтах, отличаются затишьем на вооруженном фронте, прерываемом лишь жестом отчаяния (Цуссима) или очень мелкими предприятиями (атака Кинбурна в 1855 г., Сахалинская экспедиция летом 1905 г.).

Стратегическая оборона и наступление. Каждая операция представляет непременное сочетание оборонительных и наступательных моментов. Несмотря на это, мы различаем наступательные и оборонительные операции, в зависимости от того, выдвигает ли стратегия позитивную или негативную цель операции. Выдвижение ряда позитивных целей характеризует стратегическое наступление, а ряда негативных целей—стратегическую оборону.

Мы не согласны с утверждением, что всякое промедление на вооруженном фронте обязательно идет в ущерб

стороне, преследующей позитивные цели. Политическая наступательная цель может связываться и со стратегической обороной; борьба идет одновременно на экономическом и политическом фронтах, и если там время работает в нашу пользу, т.-е. баланс плюсов и минусов складывается в наших интересах, то вооруженный фронт, даже обозначая шаг на месте, может постепенно добиваться выгодного изменения соотношения сил. Если война имеет характер блокады— как блокировали русские Дагестан Шамиля, или англичане Францию Наполеона I и Германию Вильгельма II, то вооруженный фронт очень выигрывает от времени, работающего на него. Стратегическая оборона, складывающаяся из ряда операций с негативной целью, в общем может преследовать позитивную конечную цель. Момент начала преследования Антантой позитивной конечной военной цели по отношению к Германии, конечно, нельзя отнести к июлю 1918 года, когда вооруженный фронт сдвинулся вперед. Это преследование позитивной конечной цели началось с открытием военных действий, хотя в течение целых годов оно и не выливалось в перенесение вперед линии фронта. Даже пятимесячные оборонительные операции русских в 1915 году при отходе из Польши, вынудившие Германию затратить лучшее время и силы, коими можно было бы достигнуть крупных результатов во Франции, с точки зрения измора являлись крупным звеном на пути к конечному поражению Германии.

Преследование негативных целей, т.-е. борьба за сохранение, полностью или частично, существующего положения, в общем и целом, требует меньшего расхода сил и средств, чем преследование позитивных целей, т.-е. борьба за захват, за продвижение вперед. Удерживать имеющееся легче, чем завоевывать новое. Слабейшая сторона, естественно, обращается к обороне.

Эти утверждения являются бесспорными и в политике, и в военном искусстве, но лишь при предпосылке известной устойчивости и обороноспособности существующего положения. Как морские волны шлифуют прибрежные камешки друг о друга, так и историческая борьба округляет аморфные по природе государственные образования, стирает слишком извилистые границы, растит требуемую для обороноспособности устойчивость.

Однако, иногда эта предпосылка отсутствует. Версальский мир наполнил карту Европы причудливыми очертаниями. Классовая борьба создает на той же карте слоеный пирог из различных интересов и группировок. В таких условиях преследование негативной цели сохранения существующего положения является не сильнейшей, а слабейшей формой ведения войны; перевес сил требуется не для наступления, а для обороны, и поэтому последняя теряет иногда всякий смысл. Таково было положение в войну 1866 г. на германском театре военных действий. Мольтке считал этот театр войны второстепенным по сравнению с Богемским, и оставил на нем лишь три дивизии против тройных сил средних германских государств. В обстановке раздробленности германских государств и чересполосицы прусских владений, явившейся следствием Вестфальского и Венского мирных трактатов, оборона для пруссаков явилась бы задачей неизмеримо более трудной, чем наступление. Последнее вполне удалось пруссакам, несмотря на превосходство неприятельских сил.

Таковы же условия всякой гражданской войны; она возникает на значительной площади, и определенные фронты складываются лишь постепенно. Но при напряжении классовой борьбы эти явные фронты еще не выражают всей сути дела: в тылу у каждой стороны оказываются оазисы, представляющие готовые базы для противника; красные войска, наступая от Волги к Уралу, не удалялись от своей базы, в чем обычно заключается существенная черта наступления, а приближались к новым, более богатым источникам продовольствия, классовой и экономической энергии. В условиях политического слоеного пирога нелепой была бы мысль об обороне—чего? Существующих вооруженных восстаний в своем тылу? Гибель парижской коммуны в 1871 году отчасти объясняется игнорированием необходимости наступления, установления связи с провинцией; один Париж против всей Франции являлся позицией, необороноспособной ни в каком отношении.

Мышление французской внешней политики веками, со времен Ришелье, воспитывалось на создании в Европе таких условий раздробленности, чересполосицы и необороноспособности. В результате работы французской политики, идеи

которой вылились в Версальском „мирном“ договоре, вся серединная Европа — Германия, Польша, Чехо-Словакия и т. д. поставлены в условия, исключающие оборону и позиционность. Вассалы Франции искусно поставлены в положение белки, долженствующей вертеть колесо милитаризма. Искусство французской политики заключается в умышленном творчестве неустойчивых положений. Отсюда недолговечность этого творчества. Определенная идея Версальского договора—создать для Германии необороноспособное положение—ставит Германию в физическую необходимость подготовки к наступательным операциям. Польша еще будет иметь возможность обдумать, как ей следует поблагодарить Францию за подарок ей Данцигского коридора, который обеспечивает Польше первенство на начальный германский удар.

Оборонительный образ действий обыкновенно связан с известными территориальными потерями. Оборонительный образ действий стремится отложить решение на позднейший момент. Следовательно, для успеха обороны нужно иметь возможность утрачивать территорию, и нужно, чтобы время работало в нашу пользу. Эти условия скорее будут соблюдены в большом государстве, которое легче может перенести временную утрату нескольких десятков, даже сотен тысяч квадратных километров территории, и которое, с оттяжкой решения, получает возможность использовать новую порцию своих средств, разбросанных на огромных расстояниях. Малые государства в оборонительном отношении не самостоятельны и могут существовать постольку, поскольку существует надежда на помощь извне. Но обширность размеров территории далеко еще не обеспечивает успеха обороны: необходимо решительное правительство и крепкое внутреннее положение, чтобы иметь возможность перетерпеть материальные потери, связанные с неприятельским наступлением, и чтобы заставить время работать в пользу нас, а не неприятеля. Необходимо, чтобы руководство войной проявило бы достаточную твердость и не растратило бы, для отстаивания различных географических ценностей, боеспособности живой силы, которая нужна для момента кризиса.

Стратегическое наступление требует значительной затраты сил, удаляет нас от базы, заставляет выделять крупные силы на организацию и охрану сообщений с базой. Предпосылкой длительного наступления является беспрерывный приток свежих сил. Неизбежные расходные статьи наступления ведут к тому, что развитие наступления в нормальных условиях, когда впереди базы нет, ослабляет наступающего. Отсюда, если наступление теоретически рассматривать, как беспредельное, надо признать, что его успехи должны иметь высшую кульминационную точку развития, а затем наступит его закат, вызванный материальным ослаблением. Искуснейшее стратегическое наступление ведет к катастрофе, если имеющихся средств недостаточно, чтобы счастливо достигнуть конечной цели, обеспечивающей нам мир.

Из этого свойства наступления вытекает для наступающего необходимость выбрать свою конечную военную цель не далее того рубежа, перевалив за который наши успехи пойдут под гору. Политик, устанавливая конечную политическую цель войны, должен внимательно выслушать консультацию стратега, так как из политической цели определенно будет вытекать и конечная военная цель.

На этом свойстве наступления должна быть построена и основная стратегическая мысль обороны: где тот предел, на котором можно будет положить конец успехам развития наступления? Эта мысль господствует и в стратегическом, и в оперативном, и в тактическом искусстве. Неприятель смял наши передовые цепи и распространяется в глубину нашего боевого расположения; тактик, чтобы не расходовать силы капля за каплей, должен постараться сразу отдать себе отчет в том, где и когда он успеет развернуть свои резервы, остановить неприятеля и перейти в контр-атаку. Если не цепи прорваны, а фронт развертывания поставлен под большую угрозу, тот же вопрос является основным для руководства операцией. Если приходится вести оборонительную войну, то опять также мысль стратега прежде всего должна останавливаться на том рубеже во времени и пространстве, на котором можно рассчитывать переломить ход войны, вызвать кризис, перейти от преследования негативных целей к целям позитивным. (1810 г.—Торес—Ведрас,—1912 г.—Чаталджа, 1914 г.—Марна, 1920 г.—Висла).

Наступление, перевалившее за свою кульминационную точку, очень быстро приобретает характер авантюры, и

всякое дальнейшее его развитие является лишь наиболее совершенной подготовкой перехода неприятеля от преследования негативных целей к преследованию позитивных целей, которые могут получить самый большой размах. Карпатская авантюра юго-западного фронта самым действительным образом подготавливала весной 1915 года переход австро-германцев в большое пятимесячное наступление на русском фронте: расходовались последние русские резервы и ресурсы вооружения, все глубже подставлялся готовящемуся удару Макензена тыл и фланг юго-западного фронта. Генерал Фалькенгайн сознавал, что лучшей подготовки он не мог и желать, и писал 13-го апреля 1915 года начальнику австрийского генерального штаба не об упорном сопротивлении австрийцев русским на Карпатах в ожидании генерального удара, а о том, что прорыв на Дунайце будет тем более облегчен, „его виды на урожай" тем более будут улучшены, чем далее русские успеют углубиться в горы южнее намеченного фронта атаки [1]). Искусственная податливость австрийцев могла бы привести к совершенно огорошивающему успеху. Русские армии были спасены от этой западни лишь большими затруднениями, которые ставили венгры перенесению отступательного маневра на их территорию. В противном случае участь дивизии Корнилова, не успевшей выйти из гор и уничтоженной в них, распространилась бы на целые русские армии.

Конечно, весь блеск перехода в наступление Фоша в июле 1918 года был подготовлен неудачным выдвижением Людендорфом германского фронта на Марну, к Шато-Тьери. Маневр западного фронта в середине августа 1920 года—наступление к нижней Висле—явился идеальной подготовкой польского контр-удара.

Отсюда понятно, как важно оценить во время предел, за которым наступление переходит в авангюру и начинает обращаться в подготовку неприятельского контр-удара. Это очень широкий вопрос, при решении которого надо учесть политическую и экономическую сопротивляемость неприятеля неудачам, имеющуюся у него возможность сохранить боеспособность армии после длительных оборонительных операций и от-

[1]) Фалькенгайн. Высшее командование. Стр. 83.

ступлений, прирост сил, который явится для нас и противника в результате дальнейших эшелонов военной и экономической мобилизаций. При стратегии сокрушения и кульминационная точка наступления, и конечный рубеж обороны определяются, главным образом, рубежом в пространстве: Наполеоновская армия погибла, докатившись к Москве, на две тысячи километров от границ Франции. При стратегии измора этот рубеж переносится отчасти в категорию времени: в течение четвертого года войны боеспособность вооруженных сил центральных держав стала резко слабеть.

Наступающий должен помнить, что простое продвижение вперед только ослабляет его и представляет очень условный плюс: уменьшается то расстояние до кульминационной точки, на протяжение которого он может собрать урожай своих успехов. Каждый километр, которые делали германские войска после пограничного сражения к Марне, не достигая заметных тактических успехов, являлся очевидным убытком.

Стратегическая оборона должна, до момента кризиса, тщательно дозировать свои усилия; необходимо, с одной стороны, возможно ограничивать наши территориальные потери и заставлять продвигаться неприятеля не церемониальным маршем, а выполняя ряд крупных оперативных работ — производя перегруппировки, подтаскивая на передовые линии сотни тысяч пудов боевых припасов, форсируя трудные в оперативном отношении рубежи; а с другой стороны необходимо сохранить армию на известном уровне боеспособности, спустившись ниже которого вообще придется думать только о том, чтобы выйти из соприкосновения с неприятелем; надо обеспечить себе возможность конечного перелома. Не уходить без боя и не увлекаться боем — эта трудная задача часто окажется посильной только армиям высокой квалификации.

Позиционность и маневренность. Если обе стороны выдвигают для операции позитивные цели, то получаются крайне маневренные, часто встречные операции Гражданская война 1918—1920 г.г., представлявшая такие выгоды для преследования позитивных целей, являлась и необычайно маневренной войной. Если же обе стороны выдвигают на первый план негативные цели операций, то военные действия получают позиционный характер. При

ведении войны коалицией негативные цели часто имеют более широкое распространение, так как эгоистические интересы каждого союзника толкают его на то, чтобы предоставить другим честь наносить удары врагу, а самому бдительно охранять имеющееся у него, и беречь свои силы к последнему часу, чтобы заставить при заключении мира считаться с его интересами. Поэтому коалиционные войны скорее принимают позиционный характер, чем единоборство двух государств. Франция и Англия усвоили эти простые истины еще осенью 1914 года, а Россия начала задумываться над ними лишь осенью 1916 г., почему и оказалась в весьма невыгодном положении.

Пока обе стороны преследуют негативные цели, господствует позиционное затишье. Уменьшается убыль людей и расход материальных средств на фронте, что отзывается самым благоприятным образом на последующих эшелонах мобилизации. Поэтому, если подготовка обеих сторон весьма недостаточна, и в особенности недостаточны заготовленные материальные запасы, можно с большой вероятностью ожидать принятия войной позиционных форм. Весьма существенные позиционные уклоны замечаются в борьбе Севера и Юга Соединенных Штатов в 1861—65 г.г. к которой обе стороны были мало подготовлены. Осенью 1877 г. русско-турецкая война на болгарском театре получила сильный позиционный уклон вследствие неспособности турок преследовать позитивные цели, и недостаточности сил, с которыми русские вторглись на Балканы. Последующие высылки новых русских корпусов на театр военных действий приближаются к современным последовательным эшелонам мобилизации. В русско-японскую войну позиционный фронт на р. Шахэ зародился вследствие трудных сообщений обеих сторон и истощения наличных сил, что заставило перейти временно к преследованию негативных целей. Позиционный фронт легко создается и в том случае, если одна из враждующих армий представляет перевезенный из-за моря десант, подвижность которого стеснена (Севастополь 1854—55 г., Архангельск—1919 г.).

Малые государства к позиционной войне мало способны. Действительно, фронты, которые им пришлось бы занимать, уменьшаются в гораздо меньшем размере, чем территория,

которая своими средствами должна питать их сопротивление; при подобии очертаний двух государств, если фронт одного будет короче в 8 раз, то территория будет меньше в 64 раза; а необходимо иметь больше тысячи квадратных километров спокойно работающего тыла, чтобы содержать один погонный километр позиционного фронта. Вся эта математика очень условна, так как экономические условия территории имеют существенное значение; однако, несомненно, что для создания Великой Китайской стены нужен Великий Китай, и что нельзя бронировать судно, имеющее тоннаж миноносца.

Завлекательная сила отступления весьма значительна в маневренной войне; нужна сильная воля и сознательность управления, чтобы войска тотчас же не расплылись в очищаемый неприятелем район. В позиционной же борьбе фронт каждой стороны положительно стремится опереться на фронт неприятеля. Действительность как бы не терпит пустого пространства между передовыми частями обеих сторон; преувеличенная оценка значения местности, вытекающая из потерь, коими надо заплатить за продвижение в несколько сот метров, заставляют фронты сближаться. В существе позиционной войны, преследующей негативную цель, лежит двухсторонняя иллюзия подготовки к наступлению; поэтому позиционный фронт в большинстве случаев тактически характеризуется, как исходное положение для атаки, а не как выгоднейшее расположение для обороны. Лучшие позиции покидаются, если имеется возможность продвинуться на несколько километров вперед. Войска годами стоят в полных воды окопах, под расстрелом, на низине, иногда всего в 2—3 километрах впереди здоровой, сухой, возвышенной местности. Позиционная борьба, где техника так широко представлена, где управление жестоко централизовано, где война принимает столь материальные формы и организуется, на первый взгляд, научными методами, в действительности представляет широкое поле для стихийных явлений. Свободное от иллюзий, благоразумное высшее командование может овладеть стихийным процессом и достичь больших результатов: систематически стянув свои войска на выгодные участки, можно заставить неприятеля на протяжении сотен километров расположиться самым неудобным образом.

При отказе от маневра происходит переоценка значения различных участков; на первый план выдвигается географическая ценность прикрываемого района. Богатый промышленный центр, важный узел сообщений, близость ценной для рокировки магистрали заставят крепче занимать участок; бедная местность, лишеная ценных географических объектов, будет прикрываться слабее; но эта разница не будет столь значительна, как в маневренной войне; второстепенные участки, в общем, выигрывают в своем значении. Важнейшим участком позиционного фронта во Франции и Бельгии в 1914 г. сделался прилегающий к Ламаншу, так как владение северным побережьем Франции дало бы большие выгоды немцам при организации подводной блокады Англии. Фронт в Лотарингии и Вогезах, который до войны так детально изучался французским генеральным штабом, сделался второстепенным, так как здесь не было ни важных для Франции сообщений, ни промышленности, за исключением города Нанси.

Втянуться в позиционную борьбу легко, даже помимо своей воли, но выход из нее связан с большими затруднениями; в мировую войну это никому не удалось. Если позиционный фронт имеет ограниченные размеры, то чрезвычайно выгодных результатов можно добиться посредством обхода открытого фланга. Французы еще в мирное время подготовили элементы для создания позиционного фронта на франко-германской границе с началом мировой войны; обход его через Бельгию представлял основную идею плана Шлиффена. Русская 10-я армия, при своем вторжении в Восточную Пруссию, заняла к началу 1915 г. позиционный фронт, но не протянула правого его крыла вплоть до Балтийского моря; отсюда для Людендорфа явилась возможность выгодного маневра в обход правого русского крыла, который привел к окружению центра 10-й русской армии в Августовских лесах. Угроза катастрофы всего позиционного фронта, которую таит этот маневр из-за фланга, заставляет растягивать позиционный фронт во всю ширь театра военных действий и примыкать его фланги к надежным преградам—к морю или нейтральному государству, способному вооруженной рукой обеспечить свой нейтралитет.

Таково было существо „бега к морю“, операции, последовавшей в 1914 г. за Марнской. Мы видим в ней не

преследование обеими сторонами позитивной цели—обхода неприятельского фланга, а преследование негативной цели—контр-маневр против такого возможного обхода. „Бег к морю“ лежит в русле стратегической обороны, а не наступления.

Позитивные цели к преследованию коих переходят, устроившись и оправившись в процессе позиционной борьбы, могут быть двух родов: или они будут преследовать развитие давления на неприятеля, не выходя из рамок позиционной войны, и тогда получается позиционная операция (Верденская и на Соме в 1916 г., Фландарская в 1917 г.); или же они будут направлены к тому, что бы порвать с позиционной войной и перейти к маневренной. При позиционном фронте, пересекающем весь театр, это может быть достигнуто тремя путями: прорывом, (попытки мировой войны — наступление Брусилова в 1916 г., Нивеля в апреле 1917 г.), обходом, который достижим путем нарушения нейтралитета или вступления в коалицию нового союзника (Румыния в августе 1916 г.) или, наконец отступлением, имеющим целью достичь общего сдвига. Последний метод базируется на завлекающей силе отступления. Возможно отойти и на некоторых лишь участках, что бы создать такой изломанный фронт, который не являлся бы обороноспособным ни для одной стороны. Некоторые участки могут быть вовсе очищены, а за удерживаемыми можно собрать сильнее резервы, готовые к переходу в наступление. Продвижение неприятеля должно сыграть функцию его подготовки. Такие предложения неоднократно возникали в течение мировой войны, но не разделялись ответственными стратегами. Повидимому, на богатой, изрезанной железными дорогами местности такая мысль представляется чисто теоретическим, не осуществимым в жизни положением [1]). Отход ведет к пожертвованию слишком важными интересами экономики и сообщений. Но нельзя не отметить, что на белорусско-польском театре для такого маневра открываются наиболее благоприятные перспективы.

---

[1]) Знаменитое отступление Людендорфа в марте 1917 года на позиции Зигфрида преследовало противоположную цель—спрямить фронт, упрочить его позиционность.—Мольтке младший, после перехода управления к Фалькенгайну, считал недопустимым переход во Франции к позиционной войне и предлагал отступательный маневр, с тем, что бы напасть на французов, когда они перейдут к преследованию.

В будущих войнах нужно считаться с тем, что хотя бы некоторые участки позиционного фронта будут организованы уже с самого начала, в период оперативнаго развертывания. Если граница тянется лишь на немногие сотни километров, и опирается на солидные географические рубежи, можно ожидать уже в начале войны возникновения непрерывного позиционного фронта. Массивность требуемых для ведения войны материальных средств, необходимость выждать результатов промышленной мобилизации и последующих эшелонов военной, делают в будущем временный отказ от преследования позитивных военных целей, например, при франко-германском столкновении, весьма возможным. Маневренная война едва ли сразу сможет охватить и весь наш западный театр. Конечно, позиционная борьба может принимать более мягкие формы—например, такие, которые создались на русском фронте в зиму 1914—15 г. и которые допускали довольно значительное маневрирование в промежутках между позиционными участками, причем не всюду позиционные фронты совпадали друг с другом, (например, между Наревом и границей Пруссии оставалось значительное пространство для Праснышской кадрили). Но готовиться к позиционной войне необходимо. В известных условиях нельзя помешать зародиться позиционному фронту. Возможность перейти к маневру в широком масштабе, может быть, придется еще подготовить, преодолев попытки противника создать позиционный фронт.

2. Сообщения.

Стратегия—учение о сообщениях. Сообщения в стратегии XX-го века. Полезная работа вооруженного фронта. Логика Александра Македонского. Поджог своих кораблей. Сообщения при сокрушении.

Стратегия — учение о сообщениях. Сохранение боеспособности вооруженных сил посредством пополнения и снабжения их окажется достижимым лишь в том случае, если операции будут вестись таким образом, что действующие на фронте войска будут связаны с внутренними областями государства удовлетворительными сообщениями. Последнее обстоятельство так важно, что Виллизен даже определял всю стратегию, как учение о сообщениях: сохранить возможность удовлетворять потребности своей армии в снабжении и лишить того же неприятельскую армию—в этом существеннейшая задача стратега. Действительно, вне сообщений можно рассматривать тактические вопросы, но стратегический элемент выступает только в связи с сообщениями.

Анализ сокрушения и измора, наступления и обороны, маневренности и позиционности приводит к целому ряду точек зрения на цели, которыми мы можем задаваться при ведении военных действий. Получается целая вакханалия различных мыслимых решений; от бесконечного богатства фантазии на твердую почву реальности мы можем перейти, лишь приступив к анализу вопроса о сообщениях.

Недостаточно иметь силы и средства—надо иметь их там, где и когда в них имеется нужда. Если в экономике торговля [1]) придает товару неоцененное свойство-оказываться там и в ту минуту, где и когда на него является спрос, то во время войны это неоцененное свойство войскам и материальным запасам придается, при разумном стратегическом руководстве, сообщениями.

В 1812 году катастрофа, постигшая Наполеновскую армию, обусловливалась не русской зимой, а невозможностью снабжать по скверным грунтовым дорогам массовую армию, углубившуюся на многие сотни верст в бедную, малонаселенную местность.

Интересен подход различных поколений историков к кампании 1813 года. Первые историки приписывали неудачу Наполеона ослаблению его оперативных способностей. Затем начали объяснять неудачу тем, что размер масс, которыми оперировал Наполеон, перерос возможности успешных действий по внутренним операционным линиям. Следующее поколение выступило с объяснением, заключавшемся в молодости Наполеоновской армии 1813 года, в тех новобранцах, которые сменили во французских полках ветеранов, погибших в снегах России и трущобах Испании. И, наконец, к столетнему юбилею кампании было выдвинуто объяснение, заключавшееся в анализе сообщений Наполеона: Саксония очень богатая страна, но Наполеон в течение 10 недель

[1]) Сравнение с торговлей нам представляется тем более уместным, что еще Гете говорит о триединых понятиях—война, торговля и разбой, а Клаузевиц, определяя военное искусство, относил его ни к науке, ни к искусству, а уподоблял торговле.

топтался с массой в 400 тысяч солдат на очень тесном пятачке; и в богатой стране создались такие же голодные условия, как и в пустырях Белоруссии; а комуникационная линия—грунтовая дорога от Эльбы к Рейну—конечно, не могла снабжать армию столь возросшей численности. Естественно, что к решительному моменту Лейпцигского сражения французская армия должна была уменьшиться в своей численности вдвое, а в артиллерии должен был остро сказаться недостаток в боевых припасах [1]).

В середине XVII века народилась пятипереходная система снабжения, основанная на гужевом подвозе и дозволявшая армиям удаляться не свыше 125 километров от магазинов своего оперативного базиса. Богатство театров, на которых действовали армии французской революции и Наполеона, удивительная приспособленность революционных войск к использованию местных средств, быстрота развития операций и незначительность расхода боевых припасов, создали в начале XIX века иллюзию независимости проявлений стратегического искусства от сообщений. Иллюзию, так как мы видели на примерах 1812 и 1813 г.г., что при возросших массах и при возросшем отпоре отрыв от сообщений сказывался решающим образом.

Вопрос о сообщениях можно рассматривать в различных масштабах. Мы называем театром военных действий такую часть территории, охваченной военными действиями, которая характеризуется наличием самостоятельной сети сообщений фронта с внутренними областями государства, на которые он базируется. Изучению влияния сообщений в масштабе этого отдельного театра и посвящена по преимуществу, настоящая глава. Но сообщения также можно рассматривать в масштабе действий всего вооруженного фронта—большей или меньшей возможности рокировок резервов между различными театрами. Эти вопросы выдвигаются в случае борьбы коалиции (Антанта в мировую войну), в случае войны на два фронта (Германия в мировую войну, Польша в случае одновременной борьбы с Германией и СССР), и даже в

[1]) Конечно, все объяснения могут претендовать только на частицу истины; мы выдвигаем новое объяснение—успех русской агитации, руководимой Штейном и основанной на пробуждении немецких национальных чувств; эта агитация вызвала не только дезертирство многих немцев из Наполеоновской армии, но и саботаж целых частей.

случае войны на один фронт, если последний тянется на огромном протяжении, разделен серьезной преградой и представляет два самостоятельных театра военных действий (белорусский и украинский театры севернее и южнее Полесья). Мы остановимся на них в главе о стратегической линии поведения. И, наконец, сообщения можно рассматривать в общегосударственном масштабе: перерыв сообщений России через Дарданеллы и Архангельская и Мурманская дороги, как выходы к Ледовитому океану в течение мировой войны, блокада Германии тогда же, необходимость для Англии удержания морских сообщений, Данцигский коридор в его значении для Польши, и. т. д. Однако, сообщения, рассматриваемые в общегосударственном маштабе, мы относим к вопросам борьбы на экономическом фронте; экономика, обсудив их, выдвигает соответственные цели для вооруженного фронта; стратегия касается их лишь попутно, стремясь увязать их, как и другие указанные географические объекты, с условиями борьбы на вооруженном фронте.

Сообщения в стратегии XX века.

Значение сообщений возрастает пропорционально росту массивности применяемых на войне средств. При не слишком больших расстояниях, и наличии сносной сети грунтовых дорог, еще Мольтке, при выдвижении различных оперативных целей, являлся малозависимым от железных дорог. 50 лет тому назад лишь осада большой крепости ставила военное командование перед вопросом о переброске осадного артиллерийского парка — груза, требовавшего нескольких десятков поездов широкой колеи. Условия сообщений заставили Мольтке отложить на три месяца начало бомбардировки Парижа. В настоящее время война стала так массивна, что подготовка любой крупной операции требует большей работы сообщений, чем раньше осада крупной крепости.

В мировую войну иллюзии возможности оторваться от железнодорожных сообщений окончательно рассеялись: пятипереходная система воскресла; в новой системе лишь неподвижный магазин на базе оказался замененным линией головных железнодорожных станций, открытых в тылу для движения. На вопрос о причинах проигрыша немцами Марнской операции слышится у многих исследователей уже разумный ответ, что исход объясняется тем, что французы

прекрасно подпирались своими железными дорогами, а важнейшее правое германское крыло оторвалось от головных станций железнодорожного движения более, чем на 200 километров. Как автомобиль может удаляться лишь на известное расстояние, определяемое его запасом горючего, перейдя которое он может застрять в любой момент, так и современные армии сковываются цепью [1]) с линией головных железнодорожных станций. Повидимому, в будущем издании это окажется даже не пяти а только трехпереходная система. В гражданскую войну опять сообщения временно потеряли значение, вследствие бедности центра, вследствие небольших масс и широкого использования местных средств: даже сражались в значительной степени оружием, вырванным из рук врага. Но кампания 1920 года вновь показала всю эфемерность успехов армии, не опирающейся на надежные железнодорожные сообщения с тылом.

Сеть сообщений представляет совершенно конкретный факт. В одних направлениях десятки тысяч пудов груза можно протолкнуть лишь с крайним напряжением; в других направлениях можно рассчитывать на ежедневный подвоз миллиона пудов (40 поездов магистральной железной дороги). При подготовке к войне стратег должен уяснить важные направления и соответственно развить пути. При ведении военных действий ему нужно направлять операции в соответствии с транспортными возможностями.

Сообщения, нормирующие размер оперативного прыжка, ставят труднейшие препятствия для применения стратегии сокрушения. Большая операция должна быть искусственно, по требованиям сообщений, расчленена на две или три меньших. В начале мировой войны германские армии после достижения р. Энн должны были бы остановиться и задержаться на неделю для урегулирования сообщений. Приходится давать передышку своему тылу, хотя с ней связана и передышка для неприятеля. Такую передышку сделало

[1]) Эта цепь—гужевой и автомобильный транспорт, который, на удалении свыше 80 километров, дает быстро падающий процент полезной работы. Массивность применяемых средств, плохие грунтовые пути, недостаточное снабжение обозом с моторной или гужевой тягой сокращают эту цепь; наличность водного пути, возможность быстрого восстановления железных дорог, слабое сопротивление неприятеля, позволяющее обходиться менее массивными средствами, удлиняют ее.

русское командование в начале ноября 1914 года, после Ивангород-Варшавской операции, пройдя около пяти переходов от исходного расположения вдоль Вислы. Нужно было не меньше недели, чтобы хоть как-нибудь наладить разрушенную германцами сеть железных и шоссейных дорог в тылу. Возобновить наступление не пришлось, так как инициатива перешла к германцам (Лодзинская операция). В условиях вынужденных пауз — перерывов в операции, нужно вообще располагать значительным перевесом сил, чтобы наступление могло продолжаться.

Растущее значение сообщений делает все более вероятным применение одной из форм стратегии измора. Заставляя заботиться о непрерывности фронта, о сохранности узлов путей и рокировочных линий, вынуждая временно переходить к обороне, рост значения сообщений также развивает тенденцию к позиционному характеру войны, и крайне затрудняет переход от него к маневренной войне.

Анализ сообщений дает целый ряд чрезвычайно важных указаний для стратегического искусства: мысль стратега должна уделять достаточное внимание тылу; основные направления для наступления должны совпадать с важнейшими имеющимися магистральными артериями сообщений, темп наступления лишь временно может отступать от темпа восстановления разрушенных неприятелем железных дорог; сообщения не должны уходить из кругозора стратега и тогда, как он отрывается от анализа своего тыла и смотрит вперед, на противника; только те удары по врагу получают серьезное значение, которые приведут его к потере важных узлов и рокировочных линий, а уничтожить неприятельскую армию можно лишь перехватив все снабжающие ее артерии.

Полезная работа вооруженного фронта. Полезная работа войск в очень широкой степени определяется состоянием их сообщений. Оперативное искусство должно ставить войска в возможно выгодное тактическое положение. Стратегическое искусство должно ставить наши операции, по отношению к неприятельским, в возможно выгодные условия сообщений. Последние выгоды еще более реальны и значительны, чем тактические. Если сообщения начинают плохо работать, операция задыхается.

По германским официальным исчислениям, один день сражения под Гумбиненом против трех корпусов армий Ренненкампфа стоил им 14.700 человек потерь, а семь дней операции против пяти корпусов армии Самсонова обошлись им, будто бы, всего в 9.000 человек [1]), закончившись полным уничтожением русского центра и полным поражением обоих крыльев. Заключается ли загадка этой несравненно более полезной работы войск Ренненкампфа в лучшем составе 1-й армии сравнительно со 2-й, в превосходстве талантов Ренненкампфа над талантами Самсонова, в приезде на русский фронт Гиндербурга и Людендорфа? На все эти вопросы необходимо ответить отрицательно. Германские войска хуже работали в боях с Самсоновым, чем с Ренненкампфом. XVII корпус, помня свою панику и поражение под Гумбиненом, столкнувшись с 4-й дивизией VI русского корпуса, ограничился только канонадой и просьбой к соседям за помощью. Прекрасная 2-я прусская дивизия целый день не могла одолеть Кексгольмского гвард. полка и, повидимому, сильно растратила наступательный порыв. 41-я прусская дивизия, в момент общей победы, закатила ужаснейшую панику. Людендорф выступил, как работник, явившийся к шапочному разбору, и его воля и искусство меньше всего проявились в этой операции. Разгадка заключается в том, что сообщения армии Ренненкампфа были много лучше, чем во 2-й армии. Вержболовская магистраль, Сувалкский железнодорожный полукруг, густая сеть шоссе в тылу, район операций в оконечности Восточной Пруссии, оставлявший оба фланга Ренненкампфа свободными — все это создавало прекрасные условия сообщений у Ренненкампфа. У Самсонова одна слабая железнодорожная ветка, отходящая от крайнего левого фланга, отсутствие шоссе в тылу, оторванность от базы, левый фланг, подставленный к стороне Нижней Вислы, откуда всегда мог последовать тяжелый удар, правый фланг на весу—положение в отношении сообщений более, чем не важное. И ряд столкновений, которые выводят психологию

[1]) Последняя цифра представляется нам несколько преуменьшенной. Многочисленные добровольцы вливались в германские войска во время операции, повышали наличность войсковых частей, и таким образом немецкие вычисления, повидимому, улавливают лишь часть убыли. Но общая картина остается верной.

командующего армией из трезвого равновесия и заставляют двинуться из Нейденбурга на север, пропуская последний момент для спасения сообщений армии.

Австрийские официальные источники (Венского архива) оттеняют лучшие боевые качества войск Киевского военного округа, составлявших армии Рузского и Брусилова, по сравнению с 4-й и 5-й русскими армиями, образованными преимущественно из внутренних округов. Принципиально не отрицая этого утверждения, мы не можем не обратить внимания на то, что в отношении сообщений армии Рузского и Брусилова находились в столь же выгодных условиях, как и армия Реннекампфа, а 4-ая и 5-я имели более скверные сообщения, отчасти напоминавшие сообщения Самсонова.

Если в начале Марнской операции генералу Клуку не удалось сразу же нанести полного поражения армии Манури, то это, прежде всего, объясняется максимальным выигрышным положением сообщений развернутой впереди Парижа армии Манури, и очень сомнительным положением сообщений Клука.

Чтобы обеспечить развитие весеннего удара 1915 г. на русском фронте, Фалькенгайн сосредоточивает армию Макензена против р. Дунаец, на участок, где австрийский фронт лучше всего был обеспечен железнодорожным сообщением, а русские располагали не перешитыми еще железными дорогами, и откуда шел кратчайший путь во фланг и тыл сообщений русских армий в Карпатах. В начале 1916 г. Фалькенгайн избирает для удара Верденский участок, где немцы располагали огромным превосходством в сообщениях над французами, так как движение по обеим магистралям, ведущим к Вердену, было отрезано, и французы располагали только одной узкоколейкой.

Но полезная работа войск определяется не только упорством, которое они развивают во фронтальном бою, но и нажимом, который они производят на неприятельские сообщения, и который быстро понижает способность неприятеля к сопротивлению. Лишь в редких случаях удается соблюсти оба условия. Тогда исход является почти предопределенным. Обычно, нажим на неприятельские сообщения дается лишь ценой ухудшения своих сообщений. Попытка турок нажать на сообщения русской Кавказской армии под Сара-

камышом привела их к длительному походному движению суровой зимой по обледенелым горным тропинкам и к массовой сдаче в плен обессилевших, замерзших людей на русском тыловом этапе. Принципиально нельзя поэтому осуждать развертывания русских 2-й, 4-й, 5-й армий в августе 1914 г.; хотя они, по условиям сообщений, могли дать менее упорную работу, чем 1-я, 3-я, 8-я, зато эта работа переносилась на чувствительные для неприятеля направления. Наличие 2-й армии сказалось на исходе Гумбиненского сражения, понизив упорство немцев. Наличие 4-й и 5-й армии (усиленных 9-й) дало окончательное решение Галицийской операции. Оперативный урожай собирают части, вовсе отказавшиеся от своих сообщений, вышедшие в тыл неприятеля и сражающиеся с перевернутым фронтом. I прусский корпус, растянувшийся на 40 верст вдоль русской границы в тылу Самсонова, лицом к Пруссии, тылом к России, уловил в свою сеть армии Самсонова. Две прусские дивизии, вышедшие между Августовским лесом и Гродной, тылом к Гродне, захватили ядро 10-й русской армии. Нужно воспитывать начальников и войска, которые могли бы в критические минуты сражаться с возимыми запасами, без всяких сообщений.

Если мы штудируем боевые действия войск, мы имеем обыкновение сразу же соображать, какие тактические преимущества и невыгоды создавали местные данные для обеих сторон. Стремясь исследовать стратегические действия войск, мы прежде всего должны приучить свое мышление обращать внимание на условия сообщений и отдавать себе полный отчет в вытекающих следствиях. О размахе и цели операций мы должны судить по тем захватам неприятельских сообщений, на которые они посягают. Мы признаем величественным план Шлиффена потому что он намечал глубокий захват всех сообщений французских армий, развернутых в Лотарингии, на германской границе. Такой же размах намечал в 1915 году Людендорф для сокрушительной операции на русском фронте в направлении Ковно—Минск, операции, которая должна была перехватить Север-Западную, Бологое—Седлецкую и Александровскую железные дороги—все магистрали к северу от Полесья. На французском фронте в период позиционной войны и до конца для немцев наибольшую

опасность представляли их сообщения, сходившиеся на участок р. Мааса между Верденом и Голландией, и сосредоточение германских сил перед Верденом диктовалось осторожностью. Небольшой масштаб Алексеева, как стратега, виден из того, что он никогда не покушался на неприятельские сообщения, даже в благоприятные минуты конца Галицийской битвы. Некоторые операции гражданской войны — например, Киевская операция против поляков в первой половине 1920 года и операция против Врангеля осенью того же года, представляют крупный стратегический интерес по своему замыслу, направленному к полному перехвату неприятельских сообщений.

Глубина, с которой вопрос о сообщениях проникает всю стратегию, видна из того, что с сообщениями своих армий для стратега связываются все его заботы о самосохранении, а с сообщениями неприятеля—все его мысли об уничтожении врага. Остановимся на характеристике противоречий, вырастающих в вопросе о сообщениях между требованиями самосохранения и уничтожения врага.

Логика Александра Македонского. Всякое наступление, по своей природе, приводит нас к удалению от своей базы, к растяжке и постановке под удары наших сообщений; неприятель, отступая вглубь своей страны, наоборот, ставит себя в выгоднейшие условия сообщений. Отсюда задача организации наступления заключается в том, чтобы в возможной степени уменьшить эти невыгоды, обезопасить наступление, а задачи обороны—в том, что бы обострить опасности для наступающего в возможной степени (фланговые позиции и удары, отход в эксцентрических направлениях).

Основная предпосылка каждой операции заключается в постановке наших войск в выгоднейшие условия сообщений (удобство и безопасность), по сравнению с неприятельскими. Поэтому, если мы стремимся возводить не карточный домик, а логично подвигаться к конечной цели путем достижения ряда промежуточных целей, то этих целей преимущественно надо искать в том, чтобы создавать выгодные предпосылки для сообщений последующих операций. Идеология сообщений образует ту логическую цепь, которая связывает между собой операции в одно целое — стратегическую линию поведения.

Александр Македонский когда-то блестяще, с точки зрения сообщений, разрешил задачу глубочайшего вторжения в Азию. Он обеспечил сначала Грецию, свою базу, извнутри, подавив своих политических противников (Фивы). Затем он обеспечил ее извне, подавив варварские племена на Балканском полуострове. Свободный от опасения за свой тыл, в районе Дарданельского пролива он переходит на азиатский материк. Но пока малоазиатские греческие города служат убежищем бежавшим из Греции его противникам, политическим эмигрантам, он не может быть спокоен, так как они легко могут вызвать волнения в Греции. Покончив с ними, Александр Македонский все еще воздерживается от своей мечты—похода внутрь Персии: азиатский флот господствует еще у него в тылу, в Средиземном море. Надо его ликвидировать, а для этого одно средство—захват всего азиатского побережья, на которое он базируется. Этим Александр нарушает связь Персии с ее богатой африканской провинцией—Египтом; Александр овладевает без особых усилий и последним. И только теперь, создав себе новый широкий азиатско-африканский тыл, Александр движется к р. Тигру и наносит персам решительное поражение. Его мечта, прежде чем стать реальностью, в вопросе о сообщениях прошла целую гамму материализации.

В миниатюрном масштабе, может быть, но в каждой войне, чтобы перенести свое творчество на почву реальности, надо повторить логический путь, пройденный Александром Македонским.

Операция ландверного корпуса Войерша—наступление от Калиша и Ченстохова к Висле выше Ивангорода — имела целью прикрыть с севера важнейшую артерию австро-венгерского сосредоточения—железнодорожную магистраль Краков—Львов. Операция германцев против Ренненкампфа (Гумбинен) преследовала цель—обеспечить с востока сообщения германцев во время обещанного австрийцам удара через р. Нарев, по сообщениям русских 4-й и 5-й армий. Она не удалась. Удар на Самсонова был проведен с германцами с некоторым риском; но развивать его на р. Нарев и г. Седлец, с Ренненкампфом в тылу, германское командование не решилось, и предприняло операцию, чтобы отбросить русских на Неман и освободить свои сообщения

от давления. Эта операция удалась, но к моменту, когда германцы добились предпосылок, в отношении сообщений удара на Нарев, австрийцы в Восточной Галиции были уже разбиты, и Наревская операция отпала. Успокоившись за Восточную Пруссию, германцы главными силами берутся теперь за разрешение задачи, которую выполнял Войерш в августе—прикрытие с севера сообщений австрийцев, вновь наступающих на р. Сан. После неудачи этой операции, германцы используют рискованное положение русских сообщений для удара на Лодзь.

На русском фронте наши сообщения в Польше, в силу охватывающего положения Восточной Пруссии и Галиции, находились в трудном положении. Не только нельзя было думать о немедленном вторжении внутрь Германии, на чем настаивала Франция [1]), но и всякая операция крупных сил на левом берегу Вислы представлялась чрезвычайно рискованной. Прежде чем развивать наступление на запад, нужно было овладеть Восточной Пруссией и Восточной Галицией, выпрямить наш фронт по Висле и Сану от Данцига до Перемышля. Такое положение действительно явилось бы угрожающим, а сообщения были бы прикрыты справа Балтийским морем, слева—Карпатами. Отсюда уже можно было бы думать достигнуть двумя оперативными скачками линии Одера.

Несколько повышенная оценка наших войск и настояния французов принудили наш генеральный штаб вести одновременно две операции — в Галиции и Восточной Пруссии. Несомненно, было бы выгоднее, если бы французы давали бы надежду сколько-нибудь продержаться без нашего содействия, вести превосходными силами наступление в Галиции, что несомненно заставило бы пруссаков или перейти в наступление на Нарев, или добровольно очистить Восточную Пруссию для непосредственной поддержки австрийцев.

После неудачи первого вторжения в Восточную Пруссию в августе 1914 года, условия сообщений требовали повторения этой операции. Конец Ивангород-Варшавской опе-

[1]) Очевидно, французская стратегия относилась тогда к последствиям для русских своих предположений с таким же легкомыслием, как и настаивая в 1916 г. на выступлении Румынии и в 1917 г. на „наступлении Керенского". Если основы французской стратегии не изменились, то союзники и вассалы Франции должны быть настороже.

рации являлся для этого наиболее подходящим моментом. Преследование отходящей в Силезию 9-й армии можно было поручить лишь кавалерии. В начале ноября 1914 года не менее 50 русских дивизий следовало направить, чтобы покончить с „осиным гнездом". Если эта операция, по состоянию войск и материальных средств, являлась невозможной, следовало бы вообще отказаться от всякой другой, и перейти на зиму в выжидательное расположение.

Лодзинская операция явилась неудачей для русских потому, что она протекла на левом, а не на правом берегу Вислы [1]). Это была крупная ошибка русской стратегии. Неудачи Самсонова и Ренненкампфа сделали поход в Восточную Пруссию непопулярным. Не выполнив этого номера, русская стратегия решила перейти к следующему. В результате, под удары пруссаков подставлялся русский фланг на всем протяжении от Белостока до Лодзи. Русские сообщения были на весу. Каково бы ни было течение событий, очевидно, успеха русское наступление иметь не могло.

Поджог своих кораблей. Пока отсутствуют предпосылки для сокрушительной операции, и приходится бороться за создание их, логика Александра Македонского в период, предшествовавший началу его углубления в Азию, является исчерпывающей. Однако, эта логика вовсе не отвечает периоду самого развития сокрушительной операции, и Жомини и Леер были неправы, возводя в непреложный, вечный закон начала безопасности и удобства операционной линии. Соответственные главы их трудов находятся в противоречии с идеей сокрушения, на которой строилось их учение. Изследуя Наполеоновские походы, они не понимали того огромного риска, на который шел Наполеон, и который тесно связан с осуществлением всякого сокрушительного замысла. „Успех и опасность всегда нераздельно следуют друг за другом; это динамический закон войны. Следовательно, если

[1]) Ллойд еще в XVIII веке утверждал: „какие бы стремления не проявляла Россия принять участие в делах Германии, она может вмешаться в них лишь как вспомогательная сила и действовать в Германии только в течение нескольких месяцев в году. Для нее является совершенно невозможным удержать какое либо завоевание к западу от Вислы". Стратегия в трудах военных классиков, т. I стр. 52. В условиях XX это было справедливо, пока германские вооруженные силы в Восточной Пруссии оставались не ликвидированными.

стремятся увеличить успех, то тем самым увеличивается и опасность, и важно лишь, отвечает это нарастание требованиям и особенностям нашего положения", писал Клаузевиц [1]). Нельзя осуждать за риск вообще, надлежит лишь исследовать, уместен ли риск в данном случае. Лишь в случае неуместности риска, мы можем говорить об авантюре. Ермак Тимофеевич был завоеватель, а не авантюрист.

Веласкец, испанский генерал-губернатор на острове Куба, в 1519 году, прослышав о богатстве Мексики золотом, собрал в Сант-Яго де Куба экспедицию, в составе 11 кораблей с 10 пушками; 508 солдат с 16 лошадьми и 110 матросов были подчинены Фердинанду Кортецу, одному из наиболее отважных подчиненных Веласкеца. Последний, однако, в виду своеволия Кортеца, послал ему приказ— сдать командование экспедицией и съехать на берег. Кортец, получив приказ, распорядился поднять якоря и отплыл к берегам Мексики, где основал город Веракруц; там его солдаты, уяснив, что Кортец командует ими без законного мандата, подняли бунт. Кортец усмирил его. Решившись идти внутрь Мексики, к ее столице, Кортец не мог рассчитывать обеспечить за собой сообщения на многие сотни километров. Корабли в Веракруцской бухте не могли быть им охранены, и представляли лишь элемент, напоминавший о базе, которая осуждала авторитет Кортеца, и вносивший разложение в отряд Кортеца. Кортец приказал сжечь свои корабли и двинулся в глубь страны ацтеков. Через неделю по прибытии в столицу, он захватил императора Монтезуму и стал эксплоатировать страну. Через год Веласкец собрал новую экспедицию (18 кораблей с 12 пушками, 900 пехотинцев, 85 всадников), отправил ее в Мексику, чтобы низложить и арестовать Кортеца. Оставив 140 человек в столице, с лучшими бойцами двинулся Кортец навстречу новой экспедиции, и несмотря на большое ее численное превосходство, напал на нее, разбил, и остатки ее присоединил к своему отряду. Несмотря на все восстания, вызванные жестокостями эксплоатации, Кортец остался хозяином положения, бил челом испанскому королю завоеванной империей, и ушел лишь будучи отозванным в Испанию.

[1]) Письмо к К. Редеру от 27/XII 1827 г.

Конквиста — по испански завоевание; конквистадор — завоеватель. Чудовищное умение рисковать конквистадора Кортеца должно быть талантом каждого стратега, перед которым история ставит крупные задачи, от которого требуется выполнение сокрушительного замысла. Не сжигал ли свои корабли Ганнибал, отправляясь из Испании через Пиринеи и Альпы, через мощный поток Роны, через страны, населенные враждебными варварскими племенами, в Италию, организованную могущественным Римом? Но другого пути не было, пока на море господствовал неприятельский флот. Ганнибал отказывался от сообщений, так как он имел почти такое же тактическое превосходство над римлянами, как Кортец — над ацтеками. В 1706 году Евгений Савойский, находясь в отчаяннейшем положении, и отказавшись от своих сообщений, обойдя французов по правому берегу По, проскочил к Турину, вступил в сражение с перевернутым фронтом, и одним ударом очистил от французов всю Ломбардию.

Такие отчаянные жесты отнюдь не должны каждый раз удаваться. Поход в следующем году Карла XII в Украину мы осуждаем и называем авантюрой не потому, что шведы были разбиты под Полтавой, а потому, что обстановка отнюдь не обусловливала вступление Карла XII, дела которого в Северной войне шли недурно, на этот рискованный путь.

У Наполеона, несомненно, было сердце конквистадора, а не то стремление подложить соломки на случай неудачного падения, которое живописуют Жомини и Леер.

Чтобы сломить могущество Англии, продолжавшей воевать с Францией, когда на континенте противники революции уже заключили мир, Наполеон решил предпринять поход в Индию и нанести удар по этому источнику английской экономической мощи. Достичь Индии морским путем, при соотношении морских сил, являлось невозможным. Наполеон решил проскочить Средиземным морем, высадиться в Египте, и далее направиться по пути Александра Македонского.

Армия, численностью в 32.300 человек, в различных портах — Тулон, Марсель, Генуя, Чивита-Векия, Корсика — была погружена на 232 транспортных судна, которых конвоировали 13 линейных и 20 мелких военных кораблей. 19 мая 1798 года экспедиция отплыла; 12 июня была захвачена Мальта; в ночь на 2 июля началась высадка близ Александрии в Египте. Английская эскадра Нельсона, разыскивавшая французскую экспедицию, только за три дня перед этим отплыла из Александрии, и случайно разошлась в Средиземном море с экспедицией Наполеона. 12 августа Нельсон вернулся и в сражении под Абукиром уничтожил корабли Наполеона. Второй эшелон экспедиции (6.000 человек из Тулона) перебросить через море не удалось. Наполеон оказался на африканском берегу в положении Кортеца на американском. В армии появилось уныние. Но приказ Наполеона свидетельствует, что он был на высоте Кортеца: „мы вынуждены на великие подвиги и мы их совершим; мы должны создать великое государство, и мы его создадим. Моря, на которых не мы господствуем, отделяют нас от отечества; но нет моря, которое бы отделяло нас от Африки и Азии. Нас много и мы найдем здесь мужчин для пополнения наших рядов. У нас не будет недостатка в боевых припасах, их у нас много, а понадобится — Шампи и Контэ их нам сфабрикуют". Египет должен был сыграть роль промежуточной базы; французская армия должна была в течение 15 месяцев пополниться, приобрести нужных для похода верблюдов и лошадей, создать свою государственность на Ниле, разрушив феодальное государство мамелюков, и тронуться в Индию. Выступление турок против французов заставило поторопиться с походом в Сирию. Неудачи этого похода, назревшая во Франции необходимость сменить власть Директории другой, победы Суворова в Италии отвлекли мысль Наполеона от развития Египетской экспедиции, столь полной решительных ставок и вопросов судьбе. Какое количество благоприятных случайностей должно было улыбнуться Наполеону, чтобы сама высадка на берегах Египта стала возможной!

В замысле Наполеона крупную роль играл Типо-Саиб-индийский патриот, организовавший восстание в Индии против английской эксплоатации. В замысле Ганнибала крупное место занимали обещания только что завоеванных Римом галлов, населявших долину По,—дружно восстать против Рима и помочь карфагенскому полководцу. В кампании 1920 года крупные надежды возлагались на польский пролетариат. Большая или меньшая обоснованность этих надежд

на базу впереди является и более или менее удовлетворительным обоснованием риска, которым подвергаются при этом сообщения. Опыт истории не слишком утешителен. Революционные войны, однако, часто связаны с такими надеждами, и толкают на стратегический риск.

Сообщения при сокрушении. Риск в несколько меньшем, оперативном масштабе, заключающийся в отказе от сообщений всего лишь на несколько дней, тесно связан со стратегией сокрушения. Поставить сражение в условия перевернутого фронта — это было целью, которую настойчиво преследовал Наполеон в лучших своих кампаниях (1800, 1805, 1806, 1807 г.г.), когда он был убежден в своем тактическом превосходстве. Если мы сомневаемся вообще в возможности такого вступления в бой, при котором мы и неприятель временно утрачивали бы свои сообщения, и побежденный оказывался полностью в плену у победителя, то мы во всяком случае должны отказаться от стратегии сокрушения, живущей только чрезвычайными победами.

Сокрушение требует таких условий, которые бы позволяли оценивать, как отрезанную, любую часть неприятельских сил, попытавшуюся совершить обходной маневр. Ошибка плана Пфуля в 1812 году заключалась именно в том, что он не уяснил себе сокрушительный характер Наполеоновского вторжения в Россию, в его первой части, и стремился задержать одной русской армией это вторжение—на укрепленной позиции у Дриссы, а другой выйти на сообщения Наполеона. Последний имел достаточно сил, чтобы одновременно окружить и уничтожить обе русские армии.

Само развитие нами сокрушительного удара ставит наши сообщения в несколько более безопасное положение. Если противник взят за горло, удар с его стороны в спину нам менее вероятен. Удивителен при германском вторжении во Францию, в период от пограничного сражения до начала операции на Марне, открытый правый фланг германского фронта. Все сообщения трех германских правофланговых армий продувались сквозным ветром. Одна французская кавалерийская дивизия произвела набег на них. Почему не больше? Зачем сосредоточение армии Манури переносится от Амиена к Парижу на фланг противника, когда она уже почти повисла над его тылом?

Разгадка заключается в сокрушении. Пока мощный удар германцев катился и грозил смять и охватить французские армии, оторвать их от Лотарингского укрепленного фронта, и открыть прямое сообщение с Мецом к югу от Вердена, пока французское командование было терроризировано размахом германского удара, правый фланг Клука находился в благополучном положении. Скачущий кавалерист должен уметь только рубить, фехтовальные приемы не могут быть им использованы; развиваемый им натиск охраняет его лучше всего от неприятельских ударов.

Опасное положение правого германского крыла сказалось тотчас же, как продвижение фронта несколько задержалось, а Париж выпал из района охвата; и это было понято одновременно и в немецком, и во французском командовании. Мольтке стремился остановить две свои правофланговые армии, повернуть их лицом к Парижу и поставить им оборонительную задачу. Клук, подвигавшийся до того с редкой отвагой, своим резким маневром против Манури, разделил эту точку зрения на опасность справа и даже переоценил угрозу германским сообщениям. Во Франции все сразу присоединились к проекту Галлиени — атаки, направленной из Парижа. Новая логика [1]) сразу овладела всеми головами, как только сокрушение отпало; „бег к морю“ является дальнейшей ее иллюстрацией.

3. Операция с ограниченной целью.

Эволюция операции. Внезапность. Операция и местные бои. Материальное сражение. Экономия сил. Оперативная оборона и наступление. План операции. Формы операции. Оперативное развертывание. Подготовка операции.

Эволюция операции. Изучение методов ведения операции представляет задачу не стратегии, а оперативного искусства. Уделяя в нашем труде несколько страниц эскизу операции, мы имеем в виду не заполнение чувствительного пробела теории оперативного искусства: стратегия, определяющая свое отношение к ведению военных действий, как

[1]) Многие критики (например, Пьерфе) склонны осуждать деятельность Жофра в период подготовки Марны с точки зрения логики измора, установившейся в течение самой Марнской операции. Нам это рисуется совершенно неправильным; критики разоблачают лишь собственное непонимание.

группировку операций для достижения конечной цели, является заинтересованной не только в постановке цели операции, но выдвигает известные требования и к методам их достижения. Все военное искусство тесно связано между собой: тактика делает шаги, из которых складывается оперативный скачек; стратегия же указует путь.

Под операцией [1]) в военном искусстве мы разумеем сумму разнородных действий, направленных для достижения одной из выдвинутых стратегией целей. Несколько операций, объединенных временем и местом, образуют кампанию; совокупность кампаний в течение целого года называется походом. Один или несколько походов приводят к тому конечному положению, в котором обе стороны признают программу действий насилия исчерпанной и устанавливают перемирие. Оперативное развертывание не представляет самостоятельной операции, а представляет существенный элемент всякой операции [2]).

До конца XIX века операция отчетливо делилась на две части: маневр, имеющий целью поставить наши войска в наивыгоднейшее положение к моменту решительного столкновения, и само сражение. В эпоху Наполеона маневр растягивался иногда на десяток переходов и больше (1806 г.). Широкий захват Наполеоновского маневра привел к тому, что французы, создавшие свою терминологию на изучении Наполеоновских походов, и сейчас еще называют операцию — „маневром".

С появлением железных дорог, в эпоху Мольтке, маневр для первоначальных операций начал частично осуществляться железными дорогами, в виде первоначального оперативного развертывания; обе стороны высаживались сравнительно неподалеку друг от друга, и часть маневра, выполняемая походным порядком, в первоначальной операции несколько сократилась. Дальнейшие же операции (Седанская) велись по типу Наполеоновских.

[1]) По-латыни „opera" означает „труды"; „operari" — „действовать"; филологически слово операция, таким образом, означает действие.

[2]) Таким образом, мы отказываемся от разделения операций на главные и подготовительные. Под подготовительной оперцией разумелась раньше и мобилизация; однако, последняя является не актом непосредственного ведения военных действий, а одним из актов работы тыла, распространять на который оперативную терминологию нам представляется неудобным. Термин „марш—маневр" мы считаем архаическим и отбрасываем.

В настоящее время каждой операции предшествует особое оперативное развертывание, в значительной степени опирающееся на железные дороги. Вследствие затруднительности отрыва армий на значительное удаление от железнодорожных станций, это стратегическое развертывание важно производить в возможной близости от тех районов, где может быть достигнута цель операций. Таким образом, в своей исходной части все современные операции напоминают первоначальные операции Мольтке. Но в заключительной части они совершенно разнятся от Мольтковских операций, так как генеральных сражений, битв — совершенно конкретных явлений исторического прошлого — в современной реальной действительности нет, и если эти термины еще употребляются, то лишь как условность, как выражение, в котором сказывается предпочтение образности понятия перед точностью его формулирования [1]). Генеральное сражение расплылось ныне в значительную часть операции.

Сражение XIX века образовывалось рядом боев, протекавших в течение короткого времени на небольшом пространстве, в тесной близости друг от друга; общая длительность сражения лишь немного превосходила длительность отдельного боя. Клаузевиц мог считать, со стратегической точки зрения, сражение точкой во времени и пространстве. Стратегия Клаузевица, с того момента, как начинали стрелять пушки, отдыхала, передав все руководство тактике, до конца сражения. Войска в течение сражения не сменя-

[1]) „Галицийская битва", „сражение на Марне", „сражение под Танненбергом" — это литературные образы, помощью которых победитель стремился популяризовать свой успех в массах. Совершенно понятно отчаяние некоторых молодых историков гражданской войны, которые ищут в гражданской войне соответственных конкретных явлений и не находят их: они отошли уже с XIX веком в историческое прошлое. Эффектное наименование успешной операции не должно никогда упускаться победителем. Наполеон наименовал Бородинское сражение „сражением на Москве", так как р. Москва протекала около правого фланга русских, где никто не дрался, а Людендорф Самсоновскую операцию „сражение под Танненбергом", по имени деревушки, находившейся в нескольких километрах от места боев и не имевшей никакого оперативного значения, но известной по битве 1410 г., в которой славянские племена остановили натиск германцев на восток; они руководились теми же соображениями, по которым французские акционеры настояли в свое время на переименование общества Богульминской железной дороги в общество Волго-Богульминской железной дороги: Волга входит в пределы географических представлений француза, а Богульма—нет. В гражданскую войну эти важные агитационные детали часто упускались, и сообщения ставки предъявляли слишком крупные требования к географическим представлениям обывателя.

лись, не перегруппировались, не пополнялись и не отдыхали; только тактические резервы имели возможность участвовать в решении сражения. Все эти предпосылки сохраняли еще свою действительность в эпоху Мольтке; но, начиная с русско-японской войны, условия начали меняться.

Фронт столкновений начал расти; очаги боев раздробились и разбросались на значительном пространстве друг от друга. Если в Наполеоновскую эпоху продвижение на 2—3 километра в глубь неприятельского боевого порядка приводило уже к полному его распаду, то в настоящее время углубление и на 60—70 километров не всегда дает такие результаты (Галицийская операция в августе 1914 г., наступление германцев в марте 1918 г. и т. д.). Нужна целая комбинация боев, последовательность их, совершение нескольких переходов с успешным боем, чтобы сломить неприятельское сопротивление. Общая длительность этих столкновений измеряется уже не часами, а неделями. Протяжение во времени генерального столкновения уже не находится ни в каком соотношении с длительностью отдельного тактического столкновения, исчерпывающего порой всю энергию войсковой части. Является необходимость сменять войска, давать им отдых, пополнять их людьми и материальными средствами в течение самого развития столкновения; получается возможность перегруппировывать войска, подводить издали новые резервы, дополнять и исправлять новым железнодорожным маневром первоначальное развертывание. Один удар раздробился на много ударов; одно боевое столкновение отделяется от другого иногда целыми переходами, настолько разрослось современное поле боев. Походное движение, бои, отдых, наступление, оборона, разведка, охранение, снабжение, пополнение—все эти отдельные действия чередуются между собой, составляя содержание современной операции. А раньше мы отчетливо могли провести грань между сражением, отдыхом и походными движениями.

Количество переходит в качество. Сражение раньше имело лишь еле заметные трещины, делившие его на отдельные бои. Увеличение протяжения сражения во времени и пространстве привело к тому, что оно рассыпалось на отдельные куски, которые связываются лишь в операции.

Если раньше операция делилась на маневр и сражение, то теперь мы должны установить другие грани; теперь маневрируют отчасти на рельсах, а отчасти—в самом водовороте боевых событий, стремясь группировать отдельные бои для достижения цели операции. Маневр отошел частью к стратегическому развертыванию, а частью прослоился между отдельными боями.

Внезапность. Искусство ведения операции является прежде всего искусством борьбы за материальное превосходство над противником. Нет необходимости располагать таким материальным превосходством на всем фронте, на котором ведется операция. Решительное значение в различные моменты операции принадлежит боям, протекающим на различных участках. Наступающий, при приблизительно равных силах с обороняющимся, разумея не только количество, но и качество войск, командование и технику, не может рассчитывать на успех, так как ему приходится тактически действовать в более трудных условиях. Наступление дает преимущество лишь постолько, посколько при этом удается скрытно собрать на решительном направлении подавляющее превосходство сил, и обрушиться с ним на неизготовившегося для использования на этом направлении всех своих сил противника. Но, как мы говорили выше, операция состоит не из одной серии боев, а из целого ряда последовательных серий боев. Первый же серьезный нажим раскроет неприятелю наши замыслы, и он приложит все усилия, чтобы противопоставить нам на решительных участках наступления достаточные материальные силы для отпора. Поэтому, успешное развитие операции требует, прежде всего, чтобы она велась в один прием, без перерывов. Если мы вынуждены, вследствие необходимости выждать прибытия пополнений и подвоза средств, прервать операцию, то следует таковую считать законченной на достигнутых рубежах. Попытка возобновить операцию после некоторой паузы нарвется на сильно возросшее сопротивление; шансы на ее успех значительно сократятся, если у неприятеля вообще имеются средства для дальнейшего сопротивления.

Операция, скрытно подготовленная, должна развиваться с максимальной быстротой. Если мы говорим о медленном темпе общего стратегического наступления, находящегося

в зависимости от восстановления и перешивки железных дорог, которые даже в условиях минимального количества искусственных сооружений, имеющих место на русско-польском фронте, едва ли могут достигнуть успеха 10 километров в сутки, то было бы совершенно ошибочно переносить эти нормы на быстроту походных движений в течение самой операции; здесь войска должны быть готовы к выполнению переходов по 40 километров в сутки, при чем промежутки между переходами часто явятся не отдыхом, а будут заполнены боевыми действиями.

Военное искусство не может отказаться от этих требований внезапности. Военная хитрость, стратагема, проникает все оперативное искусство, является таким же существенным его элементом, каким для тактики является понятие о силе, о ее организованном и рациональном использовании в боевых условиях. Только те оперативные загадки имеют успех, которые не могут быть во время разгаданы неприятелем. Это требование военного искусства сохраняет свою силу даже для тягучих условий позиционной борьбы, и вопреки всем новейшим способам разведки и осведомления. Даже в так-называемых „материальных сражениях“ позиционной войны, рассчитанных на продолжительность целых месяцев, представляющих организованное топтание на месте, и в которых, поэтому, выигрыш пространства играет второстепенную роль сравнительно с нанесением неприятелю урона, более чувствительного, чем потери, которые несем мы,—даже и в этих исключительных случаях внезапность сосредоточения всех материальных средств и начала операции имеет огромное значение для успеха (Верден в начале 1916 года). Французы совершили в 1915—16 г.г. тяжкие оперативные ошибки, признав, что при современных средствах разведки (воздушная фотография, агентура, опрос пленных) нельзя сохранить в тайне операцию, подготовка которой продолжается в течение нескольких недель, и обнаруживается и окопными работами на фронте, и движением по железнодорожным и грунтовым дорогам в тылу, а также необходимостью длительной пристрелки массы батарей. Они пошли по пути подчинения оперативного искусства тактике; их осенняя операция в Шампани в 1915 года и летняя операция на Сомме 1916 года готовились совершенно открыто,

и являлись известными немцам за много недель до начала своего развития. Оперативное искусство оказалось вовсе устраненным; тактика доросла до гигантских размеров и обнаружила свое бессилие одними тактическими средствами добиться крупных результатов. Русское мышление, в особенности при подготовке Брусиловского наступления весной 1916 года, стояло на другом пути; законченные его выводы дают германские оперативные методы конца 1917 и начала 1918 г. Существеннейшая его часть заключается в восстановлении оперативного искусства в его правах; внезапность должна была быть достигнута и в позиционных условиях; не отвечавшие этим требованиям тактика и техника признавались устаревшими и должны были быть отброшены. Нельзя скрыть окопные подступы к неприятельской позиции—следует отказаться от них, хотя бы пришлось начинать пехотную атаку с 2.000 шагов; требования тактической внезапности являются второстепенными по сравнению с внезапностью оперативной; нельзя скрыть артиллерийскую пристрелку—долой ее; необходимо, следовательно, разработать методы массовой стрельбы артиллерии без пристрелки. Против воздушного наблюдения надо выдвинуть утонченные способы маскировки, сколько бы средств они не потребовали и насколько они не затруднили бы службу тыла переходом на ночные движения по грунтовым дорогам. Переход на правильный путь мышления сразу же изменил ход событий на фронте.

Операция и местные бои. Деятели, живущие еще пережитками Наполеоновского бытия, склонны писать операцию с большой буквы. О такой Операции мечтал в течение мировой войны Людендорф: удар в середине лета 1915 года на Вильно—Минск он признал бы Операцией; Тарнопольский прорыв 1917 г., в ответ на „наступление Керенского“, Людендорф не признавал Операцией; чтобы он вырос до Операции, по Людендорфу, его следовало бы продолжить до Черного моря, и при этом отрезать и захватить в плен большую часть Юго-Западного фронта и весь Румынский фронт. У французов наблюдается тот же ход мысли; они готовы признать Операцией лишь неосуществленный, из-за перемирия, Лотарингский удар, намеченный на 14 ноября 1918 года, долженствовавший, в их фантазии, отрезать и окружить в Бельгии большую часть германских армий.

Мы, в соответствии с нашим представлением о современности, величаем операцию лишь с маленькой буквы и подчеркиваем, в заглавии нашего очерка, ее ограниченную цель; но, тем не менее, мы считаем необходимым провести определенную грань между операцией, достигающей промежуточной цели на пути к концу военных действий, и местными боями.

Операция не выпадает из общей цепи усилий для достижения конечной военной цели, поскольку результаты одной операции являются предпосылками для прохождения стратегией следующего этапа борьбы на вооруженном фронте; действия, не влияющие на дальнейший ход войны, являются чисто местными. Если они достигают значительного объема (например, Сахалинская экспедиция японцев летом 1905 г., колониальные завоевания англичан в мировую войну и т. д.), мы согласны называть их местной операцией. Такие действия часто преследуют цель занятия выгодных дипломатических и экономических позиций при заключении мира.

Всякое производство имеет свои издержки; хорошая организация производства преследует задачу их сокращения. Местные бои являются двусторонними издержками борьбы на вооруженном фронте; чем ниже организованность на вооруженном фронте, тем эти издержки крупнее. Партизанство, представляющее воплощение отсутствия организации, способно лишь чувствительно повысить неприятелю накладные расходы вооруженной борьбы.

Поскольку мы стремимся к достижению позитивных целей, операция представляет несравненно более экономный способ расходования сил войск, сравнительно с местными боями. Оперативный рационализм и оперативное кустарничество; войска прекрасно отдают себе отчет в этих понятиях, и несравненно охотнее жертвуют собой, когда чувствуют себя на пути к конечной военной цели. Командование, злоупотребляющее местными боями (таковым было часто русское командование в мировой войне), само выдает своим оперативным способностям свидетельство о бедности. Очень опасно смотреть на местные бои, как на средство подготовить исходное положение для операци. То, что в местном масштабе может оказаться вовсе недостижимым или потребует несоразмерных жертв, в масштабе операции может быть достигнуто попутно и обойдется гораздо дешевле.

Хорошо подготовленные местные бои, конечно, могут несколько уменьшить плюсы, получаемые неприятелем от позиционного затишья. Огонь может несколько затруднить неприятелю окопные работы и особенно постановку заграждений в передовой полосе. Отдельные атаки могут вырвать у неприятеля важные, в особенности как наблюдательные пункты, участки его окопов, и вынудить его гуще занимать свой фронт. Ряд ночных налетов, а также стрельба сверхметких стрелков, может причинить неприятелю, в сложности, значительные потери и крайне затруднить ему службу в передовых окопах. Однако, эта организация позиционной активности, в своей сумме, представляет скорее вопросы внутренней позиционной службы, чем оперативного искусства или стратегии.

Материальное сражение является местными боями, разгоревшимися в гигантском масштабе, и питаемыми не столько затратой жизней [1]), как затратой технических средств и боевых припасов; развертывание перед материальным сражением должно обеспечить нам существенный материальный перевес вследствие внезапности начала нами операции, а также вследствие нашего преимущества в путях сообщения, ведущих к данному участку фронта, или общего нашего превосходства в технике. В виду массивности применяемых средств, вопрос о сообщениях в материальном сражении играет важнейшую роль. Отсутствие под Верденом до лета 1916 года магистральной железной дороги, которая бы вела к французскому фронту, позволила немцам сохранить свое первоначальное материальное превосходство в течение трех месяцев, потребовавшихся французам на ее постройку.

Чтобы неприятель не мог отскоком уклониться от нашей материальной подготовки к сражению, как это сделал Людендорф отходом в марте 1917 года от Соммы на позиции Зигфрида, важно, чтобы он был связан важным географическим объектом позади участка фронта сражения, что принудило бы его втянуться в бои в невыгодных условиях.

Таким географическим объектом может быть ценная по сложившимся около нее легендам и традициям крепость

[1]) Сражение на Сомме летом 1916 г. Фош вел с экономным бюджетом-2 тысячи человек в день.

или город (Верден); важный железнодорожный узел или рокировочная магистраль; важный промышленный центр; гавань, являющаяся базой флота (Севастополь в 1854—55 г.г., базы подводных лодок на Фландрском побережьи в 1917 г.); в том случае, если позади неприятельского фронта образованы большие склады снабжения (у германцев в 1918 г.—десятки тысяч поездов груза), то их можно рассматривать, как цепи, сковывающие фронт. Операция типа материального сражения ведется обыкновенно на узком фронте, дабы дать нашему техническому перевесу максимальное насыщение, и сохранить наши живые силы для длительного поддержания боев.

Цель такой материальной операции является весьма узкой—нанести неприятелю, с возможно меньшим расходом живой силы, возможно большие потери, заставить его истощить свои резервы и материальные ресурсы в маловыгодной для них обстановке. В мировую войну операции этого типа (Верден, Фландрское сражение в 1917 г.) представляли важнейшую часть боевых операций в 1916 и 1917 годах, и поглощали за 4—6 месяцев до 300—500 тысяч бойцов с каждой стороны. Это типичный позиционный измор. Оперативный характер имеет только начальная стадия материального сражения, когда используется внезапность. В дальнейшем наступают перерывы, продолжающиеся иногда несколько недель, которые требуются для накопления новых материальных запасов; одним духом материальное сражение не ведется. Поэтому материальное сражение скоро теряет оперативный характер, и начинает представлять производную от тактики и экономики; превосходство маневра, выдумки, хитрости, скрытности, быстроты уступает место лучшей работе промышленности и транспорта и более частой смене свежими занимающих боевые участки дивизий. Действия материализуются до крайности; автоматическая подача материальных ресурсов и резервов на фронт принимает характер механической работы нории [1]). Всякая крупная операция на позиционном фронте, не преследующая цели перехода

[1]) Нориа (с арабского)—сопелка; так называлось колесо с бесконечной цепью, с ведрами, черпающими воду для орошения. Теперь норией называется приспособление на бесконечной цепи для подачи к станку необходимого материала; нория работает на землечерпалке, вытаскивая со дна чаны с землей и опрокидывая их в баржу; нория работает в башенных установках, подавая к орудию снаряды и заряды из порохового погреба. В материальном сражении дивизии подтягиваются на фронт и выталкиваются в тыл для ремонта и отдыха как бы привязанные к автоматически работающей, бесконечной невидимой цепи.

от позиционной войны к маневренной, в большой или меньшей степени приближается к типу материального сражения.

Экономия сил. В пределах своего скачка, операция тесно объединяет все бои в одно целое. Бои являются слагаемыми операции, тактически разрешающими ряд задач, на которые раздробляется цель операции.

Требования экономии сил будут тем лучше соблюдены, чем теснее будет связь между отдельными боями операции, чем быстрее будет развиваться одна серия боев за другой, чем дружнее и цельнее будет произведенный напор. Войска будут каждый раз израсходованы весьма не экономно, если поставленная им задача будет превышать силы и поведет к надрыву их. Требования экономии будут точно так же нарушены, если войска для достижения цели операции будут использованы не достаточно энергично, так как понижение энергии использования войск равносильно понижению их числа. И, конечно, сам замысел операции должен быть в возможной степени экономен, избавляя войска от всяких лишних жертв и трудов. Особенно нужна экономия при распределении войск на второстепенные участки фронта, так как только эта экономия позволит быть достаточно сильным на решительных участках.

Оперативная оборона и наступление. Преследование нами в операции позитивной цели и стремление использовать для достижения ее внезапность приводит нас к развертыванию наших сил и средств, получающему широкое развитие. Напротив, преследование негативной цели заставляет нас повременить с окончанием развертывания, дабы сохранить возможность сосредоточения усилий на направлениях, которые, по ходу действий, окажутся важнейшими. В первом случае группировка подвигается к фронту, во втором—она более эшелонируется в глубину. Не больший или меньший процент наступательных или оборонительных боев характеризует наступательную и оборонительную операции, а упреждение неприятеля в развертывании (насту-

пление) или запаздывание развертыванием (оборона). Первым во всеоружии на полях операции является наступающий. Полное развертывание требует немедленного его использования; в противном случае следует ожидать, что неприятель направит свои удары по самым чувствительным точкам нашей группировки (например, по флангам). Нерешительное, колеблющееся наступление, останавливаемое в критические моменты, дает противнику самые выгодные шансы. Таким было вторжение армии Самсонова в Восточную Пруссию. Мы предупредили немцев в развертывании, но, по существу, и условия снабжения русских корпусов, и необходимость выждать подход Ренненкампфа, и закрепление I-го армейского корпуса в ближайшем районе к северу от Млавы требовали временного перехода к преследованию негативной цели, и принятия соответственной эшелонированной в глубину группировки. Это было неосознано, и Самсоновскую операцию можно охарактеризовать, как оборону в наступательной группировке, чего надо всемерно избегать. Точно также и Лодзинская операция представляет аналогичный пример: мы преследовали цель (позитивную), вторжения в Силезию и Познань первыми развернулись, но необходимость упорядочить снабжение заставила наше наступление в известный момент приостановиться на неделю; группировка же сохранялась наступательная. Отсюда для Людендорфа явился прекрасный случай нанести нам фланговый удар, своего рода Лейтен [1]) в оперативном масштабе. Первое поражение самого Людендорфа в июле 1918 г. также объясняется тем, что германские армии, остановив свое неудачное наступление на Марну, продолжали сохранять наступательную группировку.

Таким образом, мы устанавливаем необходимость, несмотря на то, что операция самым причудливым образом спутывает тактическую оборону и наступление, проводить строжайшую грань между оперативной обороной и оперативным наступлением, и не смешивать воедино логику того и другого. Не следует принимать наступательной позы в моменты, когда наступления нет, так как она не отвечает

[1]) Победа Фридриха II в 1757 г. над полуторными силами австрийцев, достигнутая посредством чисто флангового удара всеми силами пруссаков.

элементарным требованиям обороны и за нее можно понести жестокое наказание.

Отсюда следует вывод, что в период перерыва между операциями, а также в момент подготовки к операции необходимо держаться оборонительной логики, и соответственным образом группировать силы. Всякое наступательное развертывание, до момента развития операции, должно отвечать требованиям обороны. Постепенность перехода от существующей группировки войск к требуемому операцией развертыванию должна быть продумана во всех деталях. Возможность быстро, скрытно и успешно, не подвергаясь особому риску, выполнить оперативное развертывание должна быть внимательно взвешена при принятии нами решения; те мысли о прикрытии развертывания, которые мы излагали в плане войны, относятся не только к первоначальному развертыванию, но должны распространяться и на подготовительный период каждой операции.

Чтобы судить об изменениях обороноспособности фронта в период подготовки, а также сделать рациональный выбор момента начала операции, стратег должен располагать таблицей намеченного планом постепенного накопления войск и материальных запасов в районе оперативного развертывания. Готовность войск и тыла операции желательно выражать в процентах. Такая подготовительная работа раньше велась преимущественно в плане первоначального оперативного развертывания; несомненно, теперь всю практику подготовки этого развертывания необходимо распространить и на остальные.

Тактическое толкование обороны ведет нас к пассивности, к представлению об отражении неприятеля на занятом рубеже. Активность обороны в тактике знаменует переход к наступательным действиям, т.-е. к утрате обороной своих существеннейших признаков. Эти тактические представления об обороне и наступлении отнюдь нельзя переносить на оперативное искусство.

Оперативное наступление представляет упреждение в развертывании для нанесения удара, расчитанного на преодоление всякого сопротивления в определенном направлении, и осуществление этого удара. Запаздывающая в своем развертывании оборона действовала бы наименее экономным способом, нагромождая войска перед головой наступающей стороны

или занимая ряд последовательных рубежей на направлении удара. Печальными являются такие оборонительные маневры, расходующие вооруженную силу пакетами в условиях, к которым противник наиболее подготовился. Всякое наступление имеет фланг; группировка сил обороны, инженерная ее подготовка, комбинация сильных и слабых участков обороны, провоцирование обхода или прорыва в определенных направлениях должны обострить вопрос о флангах наступления; лишь в редких случаях наступающему удастся их прикрыть вполне надежными рубежами. Маневр обороны должен заключаться во фланговом контр-ударе; так направленные усилия, даже не достигнув цели, изменят в невыгодную сторону условия развития неприятельского наступления: его придется остановить или свернуть на другое, нежелательное и неподготовленное направление; только полное уничтожение действующих на фланге сил обороны позволит продолжить наступление, как оно было намечено. На угрозу наступления русских в Силезию Людендорф ответил ударом от Торна—Калиша на Лодзь. Русские, перейдя к обороне, сумели ответить, хотя и слабым ударом, Варшава—Лодзь (Бржезины), который также являлся фланговым и ставил немцев в трудное положение.

Если условия временно лишают оборону возможности ответить контр-маневром, то наиболее экономный способ задержки наступления, не истощающий последние наши силы, будет заключаться в отскоках, рассчитанных на тяжеловесность и массивность современных тактических приемов. Отскоки возможно производить в тактическом и в оперативном масштабе. Тактическая подготовка к атаке, разведка нашего расположения и подступов, организация артиллерии, сближение требуют много времени. Отойдя на расстояние до полуперехода, мы достигаем известного выигрыша времени, заставляя неприятеля повторить свою тактическую подготовку сначала. Но оперативная подготовка к атаке укрепленного фронта требует еще больше времени, вызывая необходимость в развитии сообщений и в сосредоточении в ближайшем тылу груза боевых припасов, измеряемого вместимостью десятков поездов. Отойдя на два-три перехода назад, мы заставим неприятеля повторить свою оперативную подготовку, чинить испорченные нами пути и переваливать по ним вперед,

гужевой и автомобильной тягой, сотни тысяч и миллионы тонн боевых запасов. Конечно, оперативный и тактический отскоки достигнут своей цели лишь в том случае, если они будут произведены прежде, чем неприятель успеет реализовать свою материальную подготовку к бою.

План операции. Значительное превосходство сил облегчает составление плана; детализация плана, при наличности такого превосходства, также может идти несколько далее. План, уяснивший цель операции, определивший ее форму и детально продумавший занятие исходного положения для операции, должен, не впадая в календарность, предусматривать, однако, в известной перспективе, этапы ее развития. Последнее в особенности необходимо для составления отдельных планов работы различных служб; разумная организация работы тыла требует хотя бы примерного установления некоторых норм, касающихся времени, пространства и напряжения, определяющих необходимое оборудование путей связи, количество требуемых транспортов, запасы снабжения и укомплектований, эвакуацию раненых, устройство окупированной территории и проч. Если развитие операции потребует особых технических средств (например, для устройства переправ через большую реку, или для овладения долговременными укреплениями) или особого снабжения войск (вьюки для обоза колонн, которым предстоит перевалить через горы), или включения большого числа специалистов (лыжники при глубоком снеге зимой, политработники для организации больших центров), или особенных запасов (захват большого голодного города), то план операции должен заранее учесть все эти потребности и подготовить в возможной степени их удовлетворение. Мудрость плана будет заключаться в том, что он не слишком многое поставит в зависимость от случая, но в то же время не слишком погрязнет в деталях и не слишком углубится в различные варианты, которые могут встретиться при исполнении. План будет частью состоять из очень точных расчетов сил и средств, условий их сосредоточения, числа необходимых понтонов и горемов и т. д., а частью из очень грубых и приблизительных предвидений. „Авось“ — совершенно не терпим, но влияние случайностей, несомненно, скажется на ходе событий. Осуществление даже прекрасного замысла

не всегда будет успешно. План должен быть гибким и должен отказаться от мысли сковать заранее исполнение определенным расписанием. Надо быть при исполнении готовым в любой момент использовать все представляющиеся нам благоприятные случайности, а также ошибки неприятеля. Без последних вообще нельзя думать достигнуть крупных результатов [1]). Оперативное искусство не признает жестких решений. В Ульмской операции 1805 г. Наполеон через каждые 1—2 дня вносил крупные дополнения к первоначальному замыслу, и также поступал Мольтке в течение Седанской операции 1870 г. Нельзя колебаться отбросить даже саму первоначально решенную форму операции, если обстановка покажет другой, кратчайший путь к цели, или позволит добиться более крупного, сравнительно с намеченным, результата (еще 15 августа 1914 г. Людендорф думал лишь об окружении одного XIII корпуса, а удалось в действительности к вечеру того же дня окружить целых три корпуса центра армии Самсонова). Вот это понимание действительной роли управления в операции и известная скромность в оценке человеческой способности к предвидению и должны ограничивать составителя плана и предохранять его от Вейротеровских уклонов в сторону длинных, многоречивых, детальных предположений, предвидящих все, кроме того случая, который действительно будет иметь место. Работа над военной историей и военным искусством могут обострить нашу способность к составлению удачного плана.

План должен установить первый этап приближения к цели операции и общую задачу достижения этого этапа расчленить на ряд частных задач, по главным подразделениям ведущего операцию фронта (или армии). При наступлении план отчетливо должен отметить решающие направления, на которых должны быть сосредоточены главнейшие усилия. При обороне, если все действия не сводятся только к выигрышу времени, а имеется стремление довести борьбу до кризиса, точно так же основная задача плана сводится к указанию

[1]) Уже давно замечено, что из двух римских консулов, мудрый Павел Эмилий был убит в битве под Каннами, а ответственный за поражение Теренций Варрон спасся бегством с поля сражения, здравствовал потом, и оставил многочисленное потомство; каждый вождь, разумно руководящий операцией, может рассчитывать найти в лице своего партнера одного из идейных потомков Теренция Варрона. Племя гореполководцев неистребимо.

рубежа, на котором неприятелю должно быть оказано решительное сопротивление, и где план ожидает перелома общего развития операции в нашу пользу.

Основные вопросы плана достижения поставленной для операции цели связываются с формой, в которую нужно стремиться вылить операцию, и с занятием исходного положения—того оперативного развертывания вооруженных сил и материальных средств, в достижении коего заключается материальная подготовка операции.

Формы операции — оперативное окружение, прорыв, охват, фланговый удар — избираются нами не произвольно, а диктуются нам соотношением сил и средств, существующей их группировкой, мощностью различных магистральных путей, конфигурацией театра военных действий и важнейших его рубежей. При современном стремлении к перегораживающим весь театр действий фронтам, прорыв явится часто лишь вспомогательным приемом для достижения другой формы. Так, прорыв на правом фланге I арм. корпуса, в дальнейшем своем развитии и в соединении с фронтальным успехом немцев против VI арм. корпуса, позволил немцам отделить центр Самсоновской армии от обоих ее крыльев и окружить его. Тарнопольский прорыв летом 1917 года немцы стремились развить во фланговый удар, который бы смел весь Юго-Западный и Румынский фронты, и позволил бы им прижать к Черному морю остатки русских и румынских войск; однако, разрушение железных дорог, производимое русскими при отступлении, и многократные неустойки австрийцев вынудили германское командование сократить размах флангового удара.

Форма операции должна быть согласована с качествами командования: на раздельные действия отдельных групп можно полагаться лишь в мере основательности надежд на возможность согласовать работу их начальников (Жилинский, Самсонов и Ренненкампф при вторжении в Восточную Пруссию двух армий с разных сторон). Форма операции также должна отвечать особенностям данных войск: если главная сила армии (французской) заключается в массивности применяемых ею технических средств, не хорошо, если форма операции потребует от нее длительного захождения, и отнесет решительные пункты на значительное удаление от головных

станций железных дорог; раз армия имеет чисто позиционный характер (английская в 1916 — 1918 г. г.), и способна выполнять лишь короткие, прямые наступления, не хорошо, если операция будет рассчитана на сложное маневрирование, с преобладанием встречных боев; если наш перевес заключается в артиллерии и кавалерии, а операция перенесет решение в лесистые районы и т. д.

Форма операции должна быть избрана такой, что бы она, по возможности, ставила наши войска в выгодное тактическое положение; если неприятель располагает целой системой подготовленных позиций и крепких рубежей [1]), то выгодно, чтобы операция приводила не к лобовой атаке их, а к обходу, заставляла неприятеля перегруппировываться, развертываться на новом, неподготовленном фронте, и вступать в бой в невыгодной для него тактической обстановке.

В то же время форма операции должна быть максимально проста. Всякая добавка боевых и маневренных атрибутов к операции не приемлема не только потому, что она крайне осложняет вопросы управления: всякий лишний маневр, всякий бой, не являющийся неизбежно необходимым для достижения цели операции, таит в себе величайшую опасность — увлечь нас от цели на ложный путь. Большие авангарды, бои на передовых позициях, демонстрации, местные бои даже своими успехами могут принести нам большой вред. В операции ничего не должно быть лишнего; она должна служить воплощением целеустремленности. Форма операции, по чеканности, ясности и стройности своих линий, должна напоминать нам не завитушки рококо, а строгую прямолинейность очертаний греческого храма.

С этой точки зрения оборона чрезвычайно выигрывает, если конечный рубеж, намеченный для достижения решительных результатов, совпадает с нашей передовой линией, и мы, таким образом, избегаем ряда арьергардных боев, которые могут нас совершенно отвлечь от цели. Идеалом оперативной обороны является лишь выжидание подхода неприятеля, чтобы обрушиться на него (Аустерлиц). Иногда

[1]) При развитии Луцкого прорыва летом 1916 г. части 2-й финлядской и 101-й дивизии неоднократно форсировали с боем реку, которая оказывалась все той же Стырью. Это не лучший способ ведения операции.

удается заранее определить направление неприятельского удара, и заблаговременно сосредоточить достаточные силы на фланге (германцы перед Лодзинским ударом в начале ноября 1914 года, развертывание французов в середине июля 1918 г.). Такой способ действий требует, однако, достигающего до предвзятости углубления в намерения неприятеля и заблаговременной разгадки их. Французский план № 17 тоже готовил Аустерлиц, но не дооценил сил и размаха удара через Бельгию. В большинстве случаев придется отнести этот рубеж в глубину, чтобы иметь время для организации контр-удара, и создать выгодную для него обстановку—мешок, в котором окажутся прорывающиеся неприятельские части. Отсечные рубежи и позиции должны способствовать организации флангового удара и отвлекать внимание неприятеля от его цели.

Оперативное развертывание должно в точности отвечать намеченной цели и форме операции. Если операция преследует наступательную цель, то силы должны быть сгруппированы в соответствии с теми дорогами, которые предстоит использовать при наступлении. Участки фронта должны быть готовы породиться в колонны соответствующих нашему решению сил. Недальнобойность современных операций заставляет занимать исходное положение возможно близко к неприятелю; отсюда, в период подготовки наступательной операции, оборонительные мотивы выдвигаются на первый план. Если дело заключается в обороне, то группировка сил должна быть такова, чтобы допустить скорейшее сосредоточение главной массы усилий на отражении неприятеля на важнейших направлениях, с возможно меньшей потерей территории; в то же время второстепенные направления должны быть обеспечены в такой степени, чтобы события на них не отразились бы на важнейших. Оборона нуждается, за исключением случаев предвзятого решения, в нескольких днях, чтобы закончить свое развертывание, которое в исходном положении до конца не доводится: выбор направлений зависит не от нее. Внимательное наблюдение за неприятелем, широкое использование фортификации, эшелонированная в глубину группировка сил, солидные оперативные резервы, частью на рельсах, величайшие заботы, уделяемые рокировочным путям—это естественные средства, к которым

обратится оперативная оборона, пропитывающая, как мы видели, и подготовительную фазу наступления. Стремление к организации контр-атаки должно быть главной мыслью оперативного оборонительного развертывания и подготовительных работ. Иногда представится выгодным образовать две или больше компактные группировки, связанные лишь слабой завесой, и взаимно фланкирующие друг друга (в малом масштабе — Сталюпенен, август 1914 г.). Хорошо развитая сеть рокировочных путей явится лучшим обеспечением своевременного производства флангового контр-удара.

Плотность оперативного развертывания может быть весьма различна. В 1914 г. первоначальное развертывание германцев на французско-бельгийской границе колебалось около 2—3 тысяч на километр в Лотарингии, и доходила на правом фланге до 20 тысяч на километр. Последняя цифра является явно ненормальной и свидетельствует о том, что конфигурация театра войны (выступ голландской границы) не позволила закончить развертывание до начала операций. Даже на ударных участках фронта, в условиях техники мировой войны, плотность вчетверо меньшая (5 тыс.) являлась достаточной, если развитие операции не требовало веерообразного расширения данного участка. На русском фронте мировой войны плотность развертывания в 1914 году достигала 4—2 тысяч бойцов на километр. При позиционных операциях, в виду необходимости последовательной смены пехоты при развитии операций, плотность развертывания доводилась до дивизии на $1—1^1/_2$ километра (до 6—8 тыс. бойцов на километр, считая и артиллерию). В гражданскую войну на второстепенных участках фронта плотность развертывания падала до 50 человек на километр, а на „тарапных“ участках приближалась к 1000 бойцов на километр.

Конечно, сосредоточение группировки на важнейших участках, в особенности там, где мы предполагаем добиваться позитивных результатов, чрезвычайно желательно; но не надо забывать, что для этого нужны известные предпосылки. Наличие солидных местных преград и фортификационных сооружений на части фронта облегчает возможность разредить здесь войска. Слабость противника и его пассивность также облегчают построение тарана. В начале лета 1915 года

Людендорф располагал на своем фронте $39^1/_2$ пехотными и $8^1/_2$ кавалерийскими дивизиями; однако, так как фронт не всюду был достаточно укреплен, и в виду активности русских, численно превосходивших немцев на 20%, хотя и имевших недостаточную технику и плохо обеспеченных боевыми припасами, Людендорф считал $37^1/_2$ дивизий прикрепленными к тем участкам, где они находились, и свободными для сгущения на участке, избранном для наступления, лишь две дивизии. Маневрирование являлось возможным лишь для 5% всех сил [1]).

Наступление ведется преимущественно по параллельным путям. Если представляется возможность, желательно, чтобы фронт оперативного развертывания был шире того фронта, на котором предстоит столкновение с противником; это позволит придать маршу несколько концентрическое направление; можно будет использовать большее количество железных дорог, больше грунтовых дорог, населенных пунктов, и тыл сгруппируется более выгодным образом. Несмотря на краткость маршей от исходного положения до столкновения с неприятелем, характеризующих современную операцию, и при общем параллельном положении фронтов, такие выгоды для ударного участка можно будет часто получить косым направлением разграничительных линий, так, чтобы фронт ударных частей, по мере сближения с неприятелем, суживался, а на второстепенных участках—расширялся. Таким образом, ударный участок получит в свое распоряжение максимум путей и, сверх того, неприятелю будет труднее заблаговременно раскрыть направление нашего удара.

Начало подготовки операции. Вынуждаемые современными условиями дни паузы между операциями отнюдь не являются периодом бездействия. В этот промежуток времени ведется подготовка к следующей операции, занимается исходное для нее положение. Заканчивая одну операцию, мы должны отдавать себе отчет в следующей. Продвижение наших войск, после успешной операции, и отход их после неудачной, стратегия должна рассматри-

[1]) Фалькенгайн. Верховное командование, стр. 110. Весьма возможно, что Людендорф преуменьшил несколько свободный остаток, не желая итти на встречу требованиям верховного командования; однако, изменение цифр едва ли может быть существенным, так как Фалькенгайн не протестовал против них.

вать под углом зрения группировки сил для новой операции. Цель новой операции, конечно, согласуется с результатами законченной. Преследуем ли мы неприятеля, или неприятель преследует нас—эти действия, поскольку сопротивление ни одной из сторон не сломлено окончательно, являются лишь элементами нового оперативного развертывания и его прикрытия. Новый оперативный план, поэтому, начинает уже получать свое осуществление в приказе для преследования, или для прекращения наступления, или для отхода. Очень часто в этот момент замысел будущей операции будет иметься лишь в самых общих чертах; однако, значительно оттягивать разработку плана очередной операции нельзя, во избежание растраты времени на бесполезные движения войск и вследствие недостаточной ориентировки службы тыла. Отход французских армий в 1914 году после пограничного сражения, сохранивший правое крыло примкнутым к Лотарингскому укрепленному фронту, и направлявший левое крыло к востоку от Парижа, уже включал в себе значительную часть элементов Марнской операции. Исходное положение для следующей операции является и линией сбора войск, закончивших одну операцию; оно ориентирует все действия и стратег прежде всего должен уяснить себе его.

Если мы отказываемся от преследования позитивной цели, необходимо немедленно приступить к подготовке оборонительной операции: сейчас же должно быть приступлено к выводу части войск в тактические и оперативные резервы, с глубоким их эшелонированием, к возведению системы укрепленных позиций и материальной подготовки контрманевра.

Период операции характеризуется быстрым темпом расхода сил; период паузы и подготовки должен являться периодом их накопления. Необходимо не только пополнить ряды и утраченную материальную часть, но и всемерно щадить силы войск. Переходы должны совершаться самого ограниченного размера, средства транспорта должны использоваться не только для выигрыша времени при переброске войск, но и для доставления войскам максимальных удобств. Для улучшения условий размещения войск необходимо энергичное строительство лагерей—барачного типа, или из усовершенствованных землянок.

Заботы о материальных удобствах войск являются в то же время и заботами о моральном элементе и о повышении авторитета командования. По представляемому войскам комфорту, по порядку и заботливости тыла о бойцах, армия судит об организованности и предусмотрительности управления. Психология бойца, пролежавшего в цепи несколько дней, или пробывшего в мокром окопе в течение недели, готова реагировать на всякий материальный пустяк, как и психология человека, оправляющегося после перенесенной тяжелой болезни.

4. Стратегическая линия поведения.

Конечная военная цель и цели операций. Последовательность операций. Кривая стратегического напряжения. Момент начала операции. Обрыв операции. Действия по внутренним линиям. Одновременное преследование нескольких позитивных целей. Дозирование операций. Стратегический резерв. Стратегическая линия поведения.

Конечная военная цель и цели операций. Из установленной руководящим войной органом политической цели войны для действий на вооруженном фронте вытекает своя конечная военная цель, к достижению коей должны направляться усилия армий и флота. Если борьба сложилась в таких исключительных условиях, что возможно достигнуть конечной военной цели одним прыжком, то для стратегии не остается почти никакой работы: производство этого прыжка, называемого операцией, дело оперативного искусства. Роль стратегии существенно обозначается, когда конечная цель не достижима одной операцией, и надо наметить несколько этапов ведущего к ней пути; когда охваченные войной границы обширны и образуют не один, а несколько театров военных действий, на которых приходится вести самостоятельные операции. Эти одновременно ведущиеся операции необходимо согласовать так, чтобы частные цели, достигнутые ими, образовали этап на кратчайшем пути к достижению конечной военной цели. Указания стратегии—это вехи, обозначающие цели, к которым должны устремляться операции [1]). По мере изменения обстановки, одни вехи должны

[1]) Оперативное искусство часто имеет дело и с демонстрациями, занимающими в нем совершенно законное место; но под понятие стратегической демонстрации можно лишь подвести ошибку, совершенную в гигантском масштабе.

заменяться другими; в случае достижения операцией одной цели, должна быть выдвинута следующая, ориентирующая сначала оперативную подготовку, а затем и оперативный удар.

Мы, конечно, не должны обманываться в кажущейся простоте этой работы стратега. На войне приходится иметь дело с идущей наперекор волей неприятеля, с трениями в различной форме, со стихийным развитием могущественных процессов на базе и в армии. Найти в этих условиях кратчайший, удобнейший, вернейший, логический путь к конечной военной цели совсем не легко. Выгодность и разумность постановки той или иной цели зависит от очень сложных, сплетающихся в целый клубок, предпосылок. Группировка вооруженных сил обеих сторон на театре военных действий представляет лишь часть соображений, которыми должен руководиться стратег. Ему необходимо хотя бы приблизительно уловить перспективу войны, предусмотреть задачи ближайшего будущего, чтобы руководить настоящим. Мысль стратега должна оторваться от деталей операции и захватить важнейшие процессы, происходящие у нас на базе и в глубоком тылу противника; только уловив характер эволюции жизни воюющих государств в целом, стратег сможет несколько приподнять завесу будущего и, относительно уверенно, поставить задачи своим фронтам и армиям. Нам представляется, как особенно тяжелая ошибка, совершенно изолированное от глубокого тыла, от базы, положение, в которое было поставлено русское верховное командование в 1914 г. Мы сомневаемся, не в лучшем ли положении для выдвижения оперативных целей находился в Петрограде военный министр, имевший о событиях на фронте весьма отрывочные данные, но лучше чувствовавший биение пульса тыла, чем верховный главнокомандующий в Барановичах.

Сравнение успехов мобилизации нашей промышленности с возможностями Германии позволило бы, в конце октября 1914 г, принять правильное решение о допустимом пределе нашей активности. Неправильная постановка целей операций уже за полгода начала подготовлять майскую катастрофу 1915 года.—Людендорф со своей стратегией добивания русских в 1917 году был прав или неправ, в зависимости от успешности развертывания германской промышленности по „программе Гинденбурга“, в зависимости от прочности германского тыла и степени отзывчивости его на лозунги русской революции, в зависимости от того, заглохнет или будет развиваться революционное движение среди французских войск, начавшееся в мае 1917 г., в зависимости от успехов подводной войны и формирования армии Соединенными Штатами, в зависимости от количества энергии, еще сохранившейся в Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Можно быть прекрасным оператором, и плохим стратегом: Людендорф показал выдающееся искусство в организации и руководстве операциями, и не умел ставить для них цели, не справлялся с ориентировкой оперативной деятельности.

Выдвигая какую-либо частную цель, стратег должен учесть все следствия ее достижения и то связующее действие, которое она окажет на дальнейший ход событий. Фалькенгайн стремился в возможной степени ограничить объем германских действий на русском фронте, что было правильно; но весной 1915 г. он разрешил Людендорфу производство демонстрации в Курляндии; немецкие помещики не могли нелюбезно встретить германские войска; отсюда участь прибалтийских баронов оказалась очень тесно связанной с германскими армиями. Отход немецких войск явился бы погромом для всей немецкой культуры в Курляндии. Людендорф, естественно, стал связывать дальнейшие цели с захватом Риги и с развитием наступления в Россию. Положение немцев в России очень ухудшилось. Царское правительство, играя на национальных противоречиях, получило возможность формировать латышские воинские части. Фалькенгайну, за первоначальные дешевые лавры в Курляндии, пришлось расплатиться упорной борьбой с выросшим из занятия Курляндии новым направлением стратегии, враждебной ему и возглавляемой Людендорфом. Борьба этих двух стратегических течений в течение лета 1915 г. не позволила германским войскам одержать на русском фронте крупные успехи.

Жомини [1]) приводит следующий поучительный пример, касающийся действий коалиции в 1799 г. Русские выдви-

[1]) Jomini. Precis de l'art de la guerre. Стр. 179.

нули три группы войск: Суворовскую армию в Италии, корпус Римского-Корсакова—в Швейцарии, и совместно с англичанами предприняли Голландскую экспедицию. В Голландии имелись важные английские интересы, которые вдохновили эту экспедицию; но по соседству лежала Бельгия, принадлежавшая до революции Австрии, в которой последняя была очень заинтересована. Из того, что русские войска появились в Голландии, где действовали, правда, крайне неудачно, необходимо должно было произойти подтягивание австрийской армии к границам Бельгии. Действительно, армия эрц-герцога Карла потянулась из Швейцарии к Мангейму; Римский-Корсаков, оставшийся в одиночестве, был на голову разбит под Цюрихом, а Суворов, вместо побед в Италии, должен был засвидетельствовать в Швейцарии, что нет отчаянных положений, из которых нельзя было бы пробиться с честью. Из диверсии в Голландию должна была вытечь, конечно, изоляция Римского-Корсакова и Суворова.

Последовательность операций. Германия, в течение первого года мировой войны, произвела на русском фронте не менее 9 оперативных развертываний: 1) против Ренненкампфа и Самсонова в Восточной Пруссии; 2) в Силезии—для Ивангород—Варшавской операции; 3) между Калишем и Торном—для Лодзинской операции; 4) новое развертывание после Лодзи, в связи с крупными перебросками войск из Франции в Польшу, и с непосредственной поддержкой австро-венгерцев; 5) для Августовского удара на 10-ю русскую армию—в связи с изготовлением третьего эшелона германской мобилизации; 6) для наступления в Курляндию; 7) для прорыва Макензена; 8) новое изменение развертывания после взятия немцами Львова; Макензен меняет удар на север, Гальвиц рвет линию Нарева; 9) развертывание для удара Ковно—Свенцяны—Минск. В сентябре 1915 г., занимая позиционный фронт, германцы производили по меньшей мере десятое развертывание. В этот подсчет не вошли перегруппировки, хотя и сопровождавшиеся крупными железнодорожными маневрами, но имевшие характер действий по внутренним линиям в одном и том же районе; так, первое развертывание в Восточной Пруссии насчитывает три группировки: 1) против Реннекампфа (Гумбинен); 2) против Самсонова—Таненберг; были перевезены по железным дорогам I прусский корпус, 3-я резервная дивизия, резервы крепостей, ландверные бригады; против Ренненкампфа—сражение в Мазурских озерах; из Франции было переброшено 2 корпуса, 1 кав. дивизия.

Девять раз в течение одного года германцы переносили центр тяжести своего оперативного развертывания на различные участки обширной дуги Мемель-Калиш-Ченстохов-Карпатский хребет. Очевидно, ни одно из этих развертываний не являлось достаточным для достижения конечной цели германских вооруженных сил на русском фронте. Отдельные частные цели на пути к конечной приходилось достигать последовательно, путем отдельных операций, требовавших каждая самостоятельного развертывания, и не являвшихся поэтому непосредственным, геометрическим продолжением в пространстве одна другой.

Сокрушение характеризуется признанием достаточности одного оперативного исходного положения для достижения конечной цели. Операции сокрушения, являясь непрерывными в пространстве, почти сливаются в своем стремлении к конечной цели. Сообщения защищаются совершенно реальной угрозой уничтожения каждого неприятельского отряда, который оказался бы позади наших флангов.

Цели, преследуемые неприятелем, подчиняются целям стороны, наносящей сокрушительный удар. Логика и последовательность совершенно ясны.

Но и перечисленные нами девять различных оперативных развертываний германцев в первом году мировой войны на русском фронте не представляют произвольного хаотического нагромождения. Несмотря на то, что они лежат в плоскости мышления измора, они находятся в известной внутренней связи между собой. Эта внутренняя связь уясняется в полной мере лишь при сопоставлении целей, которые преследовали в течение первого года русские операции. Последовательность операций имеет место и при преследовании ограниченных целей измора. Рассматривая стратегию под углом зрения определения ее, как учения о сообщениях, мы уже указали, как углубление в изучение сообщений наших и неприятельских армий переводит нас на твердую почву реальности, и позволяет упорядочить,

внести ясность и последовательность в преследование различных целей.

Чем более углубленно мы будем рассматривать обстановку в целом, даже в условиях измора, тем больше будет стесняться перед нами безграничное поле фантазии; наш выбор от многих возможных целей для операций, в конце нашего анализа, сузится до одной единственной, представляющей для нас необходимость; наша мысль раскроет предпосылки для последующей операции, которые надо достичь первой, и которые являются ее целью. Перед истинным стратегом не раскрывается равномерно бегущая линия фронта, дающая полный произвол в выборе участка, на котором можно вести очередную операцию; его конечная цель — опрокинуть всю постройку неприятельского вооруженного фронта—вынуждает его установить последовательность в своих действиях, и в каждый данный момент вести подкоп под какой-то один устой этого вооруженного фронта. Сюда сосредоточиваются все его мысли, и в даваемом для этой работы импульсе сказывается вся его личность.

Кривая стратегического напряжения. При установлении последовательности в операциях, в выборе очередной цели операции и определении ее размаха, стратегия в настоящее время не может руководиться простым соотношением наших и неприятельских сил на вооруженном фронте; необходимо иметь в виду перспективу изменения этих соотношений, учет возможностей пополнения и снабжения, новых эшелонов мобилизации, переброс с других фронтов. Раньше стратегия исходила лишь из цифр первой мобилизации и времени, потребного для сосредоточения; теперь необходимо иметь в виду вероятную кривую дальнейшего роста вооруженных сил у нас и у неприятеля, связанную с возможностями экономической мобилизации или поддержки извне.

Действия на русском вооруженном фронте в первый год войны должны были ориентироваться прежде всего на то обстоятельство, что мы обгоняли австро-германцев в стратегическом развертывании наших сил.

Мы проводим различие между оперативным развертыванием—занятием исходного положения имеющихся в наличии сил—и стратегическим развертыванием, являющимся достижением кульминационного пункта мощи вооруженного фронта. Оперативное развертывание требует немногих дней, а стратегическое—месяцев.

Франция в начале мировой войны связывала 80% вооруженных сил Германии. Нам были известны надежды Шлиффена и Мольтке младшего, что на 40-й день можно будет начать переброску корпусов, разгромивших Францию, на русский фронт. Этим расчетам германского генерального штаба мы придавали слишком крупное значение. Неудачное для французов начало войны, казалось, их подтверждало. К сороковому дню представлялось для России крайне желательным встретить натиск перебрасываемых Германией сил в удобном оборонительном положении, овладев течением Сана и Вислы от Перемышля до Данцига. Отсюда рождалась необходимость форсировать вторжение в Восточную Пруссию и Галицию. Галицийскую операцию, в действительности, нам удалось успешно закончить на 43-й день нашей мобилизации, но занятие правого берега Вислы в пределах Пруссии совершенно не удалось.

Зато значительная переброска германских сил из Франции на наш фронт имела место лишь на 120-й день мобилизации (кавалерия и 5 корпусов, в конце ноября 1914 г.). Ивангород-Варшавскую операцию немцам пришлось вести без существенного притока сил извне, и в недобрый для них час прибытия второго русского эшелона сибирских корпусов. Потери первых трех недель операций почти уравновешивались — русские 500 тысяч, австрийцы 350 тысяч, германцы 50 тысяч. Наш второй эшелон—азиатские корпуса—оказался на фронте скорее, чем второй эшелон германский—вновь формировавшиеся корпуса. Это определяло неуместность Ивангород-Варшавской операции немцев и ее финальную неудачу.

Массовую перевозку германских корпусов с запада на русский фронт, с которой считалось командование обеих сторон, отчасти заменили дальнейшие эшелоны германской мобилизации, продолжавшейся до 1917 года включительно. Больно ударил нас в феврале 1915 года третий эшелон германской мобилизации (Августовский лес). Расточительность русского командования и превосходство организации германской промышленности скоро начало сказываться. Наша

активность не считалась с тем, что кульминационный пункт нашего численного и технического превосходства остался позади, и что кривая неприятельских сил на русском фронте быстро растет. Обязанность стратегии 1914 года было предвидеть 1915 год; если бы мы поставили точку после Иван-город-Варшавской операции или ограничились направлением усилий на занятие Восточной Пруссии, к весне 1915 года мы имели бы 20 лишних дивизий, всю армию в порядке и кое-какие материальные запасы.

В конце первого месяца войны 90 русских пехотных дивизий стояли против 70 австро-германских, при чем в числе последних имелось только 13 первоклассных германских дивизий. Летом 1915 г. 130 русских дивизий, в большом некомплекте, с пустыми складами, стояли против 135 австро-германских, при чем на нашем фронте находилось значительное количество лучших германских пехотных дивизий и вся германская кавалерия, и на наш фронт работали все германские запасные части, выславшие за летнюю кампанию пополнения, достигавшие 150% штатного состава германских дивизий.

Операции на фронте ведут к двухстороннему расходу сил. Главнокомандующий северянами, генерал Грант, в войне за нераздельность Соединенных Штатов, после одного из своих не слишком успешных наступлений заметил, что если северяне потеряли 15 тысяч, а южане только 5 тысяч, то успех на стороне северян, так как они могут пополнить свою убыль, а южане нет. Действительно, мы не можем оценить целесообразность затраты сил, если не будем объективно учитывать возможности притока сил у нас и у неприятеля. Расходы должны сообразоваться с доходами. Как промотавшийся помещик жалуется на управляющего, утаившего его доходы, так и русская стратегия свою близорукость и мотовство пыталась оправдать жалобами на то, что тыл ее недостаточно поддерживает; союз русской ставки с могущественными буржуазными группами, заинтересованными в военных заказах и в капитуляции государства перед их жадностью, имел даже крупный успех...

Такие сдвиги в отношении сил, какие вызвало отпадение России, или вступление в войну Америки, существенно должны были повлиять на линию стратегического поведения. Очевидно, что Франции надо было стремиться покончить с Германией до того момента, когда революция обессилит русский фронт, а если это было невозможно, то надо было продержаться 14 месяцев, пока не будут закончены вооружения Америки. Германии следовало это время не терят на борьбу с русской революцией, а возможно раньше, в начале лета 1917 года, начать ломку французского фронта. Здесь Людендорф допустил крупнейшую ошибку.

В условиях гражданской войны, когда сама военная организация создается не до, а в течение военных действий, мы видим постепенное возрастание кривой стратегического напряжения. Но аналогичные явления теперь наблюдаются и в войнах, подготовке коих уделено было много лет напряженной работы, и мы не можем по одному этому обстоятельству подводить стратегию гражданской войны под особую рубрику.

Только отдавая себе правильный отчет в изломах кривой развития сил обеих сторон, в моментах, когда каждая из них идет вверх и достигает кульминационной точки, стратег может достаточно обоснованно избирать наступательный или оборонительный образ действий, дозировать энергию фронтов, выдвигать цели операций, промежуточные по отношению к конечной военной цели.

Момент начала операции. Вопросы ведения боя представляют содержание тактического искусства, но не к нему, а к оперативному искусству относятся вопросы о моменте вступления в бой и выходе из боя. Вопросы ведения операции относятся к оперативному искусству, но определение начального момента и заключительной точки операции являются решениями стратегического порядка.

Разумеется, необходимо согласовать момент начала операции с требованиями политики. Россия изготовлялась к весне 1917 года к Босфорской операции; но февральская революция совершенно исключила возможность такого удара через море. Конец мировой войны, с последовавшими за ним революционными движениями и взрывами, являлся самым неудобным моментом для интервенции буржуазных армий Запада в русские дела.

В конце лета 1919 года поляки располагали огромным превосходством над слабым советским западным фронтом;

главные силы красных армий были скованы борьбой с белыми армиями русской контр-революции на юге и севере. Наступление поляков могло бы в 1919 году развиваться в выгоднейших условиях, чем в 1920 г., когда Деникин, Колчак и Юденич были уже ликвидированы. Однако, такое наступление имело бы характер оказания помощи Деникину; между тем, глубокая трещина проходила между национальными интересами польской и русской буржуазии. Поляки, руководствуясь исключительно своими национальными интересами и не дооценивая силы Советского строя и красных армий, предпочли остаться зрителями борьбы и истощения Советской власти, чтобы на следующий год вступить в единоборство с красным фронтом.

Врангелю, очевидно, также не следовало переходить к активным операциям в момент похода красных армий к Варшаве. Взятие красными армиями Варшавы ставило вопрос о вооруженной борьбе пролетарского и буржуазного фронта в мировом масштабе, что высоко подняло бы акции белогвардейских кадров в Крыму, и они могли бы рассчитывать на серьезную поддержку своих покровителей. Отход красных армий от Вислы к Березине, наоборот, делал армию Врангеля временно бесполезной разлагающемуся буржуазному строю Европы, избавлявшемуся на ближайшие годы от непосредственно нависшей над ним угрозы. И чем успешнее развивались бы операции Врангеля в течение советско-польской войны, тем, очевидно, скорее было бы заключено перемирие на советско-польском фронте, означавшее ликвидацию владычества Врангеля в Крыму в ближайшие же месяцы. Повидимому, Врангель не был чужд этих соображений, но приказ Франции, заинтересованной в польских делах, обусловил начало операций ее вассала в весьма невыгодный для него лично момент.

Момент начала операции должен быть согласован с общей военной обстановкой. Выступление Румынии в августе 1916 г. и начало наступления ее в Трансильванию опоздало на два месяца, так как совпало с истощением русского фронта и понижением энергии на англо-французском. Свенцянский прорыв — генеральная операция, о которой мечтал Людендорф,— опоздал на месяц, так как русские войска успели уже вытянуться из Польши, германские армии уже устали,

а французы заканчивали приготовления к осеннему наступлению 1915 года в Шампани.

Он должен быть согласован с окончанием нашего развертывания. Операция приобретает известную чеканность, проводится с молниеносной быстротой и с малыми жертвами приводит к крупным результатам, если все средства, в которых она нуждается, находятся тут же, под рукой, если все необходимые перегруппировки закончены до начала операции, и сообщения в течение самой операции разгружены от подготовительных перевозок. В этих условиях работа войск во время операции может быть поставлена в такие же условия, как фабричное производство, которое также нуждается в предварительном сосредоточении сырья и рабочей силы, подготовке последней и фабричного оборудования, чтобы фабрика могла заработать без перебоев, полным ходом, с наименьшими издержками производства.

Однако, он должен быть согласован и с моментом выгоднейшего соотношения сил. Если выжидание хвоста нашего оперативного развертывания дает неприятелю время, которое позволит ему усилиться в большей степени, чем нам, или если того требует общее военное положение, то приходится приступать к операции, не выждав конца развертывания.

В Восточную Пруссию наступление Ренненкампфа и Самсонова было начато, вследствие требований обстановки на французском фронте, с половиной тех сил, которые надлежало развернуть против Германии. Конрад двинул австро-венгерские армии в решительное наступление между Вислой и Бугом, имея сосредоточенными лишь 33 дивизии из $49^1/_2$, которыми он располагал к концу Галицийской операции. Такое решение отчасти обусловливается расчетом плана операции, который намечал, что русские к 20 дню мобилизации смогут выставить 35 пехотных дивизий, а через 10 дней их силы возрастут до 60 пехотных дивизий [1]); в действительности, русские имели на 20-й день около 34 дивизий, но до самого конца операции—43-го дня мобилизации—довели свои силы только до 51 пехотной диви-

[1]) Даже с точки зрения австрийского плана этот прирост нельзя считать равным 70%, так как вся кавалерия и большая часть полевых пехотных дивизий входили в первую цифру, а дальнейшее увеличение происходило преимущественно за счет второочередных дивизий. А у австрийцев со стороны Дуная должно было подойти и много первоочередных дивизий.

зии. Фактически, в течение всей Галицийской операции соблюдалось равновесие в числе пехотных дивизий (823½ русских батальона против 804½ австрийских, но 3.060 хороших русских пушек против 2.140 плохих австрийских, и 690 русских эскадронов и сот. против 398 австрийских), вследствие выигрыша русскими в мобилизации 5 дней и путешествия части австрийских корпусов к Дунаю. Но мышление австрийского генерального штаба было настолько воспитано в представлении, что они имеют 10 дневный выигрыш в сосредоточении перед русскими и что надо торопиться с нанесением удара до сосредоточения их громадных сил, что Конрад начал операцию, закончив лишь сосредоточение двух левофланговых армий, которые, действительно, временно имели значительный перевес в силах над 4-й и 5-й русскими армиями.

Неудачи наступления русских в Восточную Пруссию и австро-венгерцев из Галиции заставляют относиться весьма требовательно к поверке мотивов начала операции до окончания развертывания. Оно накладывает на ведение операции характер вялости, нерешительности, заставляет оглядываться и выжидать хвоста подходящих подкреплений. Сознание незаконченности развертывания, правда, стратегического, тяготело над всеми русскими операциями в Маньчжурии в 1904 году. Вечное запоздание оперативного развертывания, прилив сил капля по капле, типичны и для ведения русскими мировой войны.

Напротив, у германцев мы видим отчетливое деление операции на подготовку и исполнение. Лишь в одном случае Людендорф отступил от этого правила и совершил, на наш взгляд, крупную ошибку. Мы имеем в виду начало Лодзинской операции. Необходимо, чтобы момент величайшего оперативного напряжения совпадал с кризисом операции, а не запаздывал. Момент начала Лодзинской операции совпадал с отказом германцев от дальнейшего наступления на англо-французском фронте и прекращением Фландрской операции. 7 пехотных и 2 кавалерийских дивизии могли быть в первую очередь переброшены на русский фронт. Фланговый удар непосредственно был нанесен в период 11—22 ноября 1914 г. 11 пехотными дивизиями; 23 ноября прорвавшимся в тыл Лодзи германским войскам

пришлось уже пробиваться на север; в конце ноября германский фронт подвергся сильнейшему нажиму. В этот момент начали подходить подкрепления с запада, и их пришлось разбросать по всему трещавшему германскому фронту. Нет сомнения, что если бы удар был произведен не 11, а 18 германскими дивизиями, то 2-я и большая часть 5-й русской армии были бы уничтожены, и германскому фронту не пришлось бы переживать ряда тяжких кризисов [1]).

Почему германские резервы не попали к кризису операции? Фалькенгайн и Людендорф не сговорились об их более ранней переброске. Конечно, хорошо было бы перебросить их на 2 недели раньше с запада на восток, и объективных причин, которые бы препятствовали такой переброске, не было. Но если резервы запаздывали на 2 недели, то почему было не отложить начало операции на 2 недели? Австрийцы и германский ландвер, оставленные перед русским фронтом, доказали в течение Лодзинской операции свою неспособность к энергичной атаке русского фронта. Но оборонительно они действовали бы более успешно. Русские предполагали начать свое наступление только через 4 дня; неделю можно было бы дать русской операции развиваться; обстановка для флангового удара изменилась бы только к лучшему. Лишь ничтожной части Силезии угрожала опасность, и при том весьма кратковременная. В основе ошибки Людендорфа, нам кажется, лежат ложные представления об активности. Он хотел наступать первым, хотя бы и не во-время. Но против Самсонова немцы приступили к оперативному развертыванию лишь после того, как наступление Самсонова вполне выяснилось — и от этого только выиграли. Стремление к предупреждению неприятеля, излишняя торопливость, — являются виной неудачи многих плохо подготовленных операций [2]).

Мы говорим о желательности приступать к операции лишь после окончания развертывания. Но мы были бы ошибочно поняты, если под этим разумелось бы сосредоточение всех сил государства; очевидно, что здесь имеются в виду лишь силы, предназначенные для данной операции, завер-

[1]) Мы высказали эти взгляды еще в 1919 г. Военное Дело, № 20 (40). Итоги германской стратегии.

[2]) Таково же наше мнение и о майском наступлении Запфронта в 1920 году.

шение не всей мобилизации государства, а определенного ее эшелона. И затем, конечно, нет никакой необходимости выжидать, чтобы все силы и средства были выгружены из вагонов. Часть их можно и должно оставить на рельсах, как оперативный резерв для железнодорожного маневра. При учете неприятельских сил, с которыми придется иметь дело, точно также нельзя ограничиваться подсчетом того, что неприятель имеет сейчас на фронте, а надо учитывать и то, что подвезут к нему железные дороги в течение самой операции. В расчете австрийского генерального штаба по плану войны содержалась капитальная ошибка: русские будут иметь на 20 день 35 дивизий, а на 30 день—60 дивизий; поэтому нужно, будто бы, наступать на 20-й день. Ведь австрийцы не могли мечтать завершить такую обширную операцию меньше чем в 10 дней; следовательно, они должны были рассчитывать: если будем наступать на 20-й день, мы встретим все, что русские подвезут к 30 дню, т.-е. 60 дивизий. Если начнем наступать на 30-й день, то встретим более сильный русский фронт и более слабые резервы, так как в основной массе русские перевозки будут закончены в течение первого месяца.

Однако, техническая возможность начать операцию в данный момент, закончив развертывание на 100%, отнюдь не должна толковаться, как обязательство немедленно приступать к операции. Из того обстоятельства, что Франция могла закончить на 15-й день свое оперативное развертывание, французскому генеральному штабу совершенно не следовало делать вывод об обязательности перехода в наступление против Германии на 16-й день. Несмотря на веские основания ожидать, что против Франции будет направлен первый удар германцев, французы не сделали ни малейшей попытки вставить в военную конвенцию, обязывавшую Россию и Францию к наступлению против Германии, оговорку о том, что наступление является обязательным только для той из договаривающихся сторон, против которой Германия оставит меньшую часть своих сил; другая же сторона может перейти к обороне и выигрывать всеми мерами время, оттягивая развязку. Мышление французских стратегов XX века нам рисуется стоящим на низшей ступени сравнительно с мышлением составителей Трахтенбергского плана для осенней

кампании 1813 года; последний план предусматривал, при наступлении на Наполеона с трех сторон (вынужденном), оборону и даже отступление той армии союзников, против которой двинется сам Наполеон с ядром своих сил, и систематическое наступление на французские заслоны под командой маршалов. Вероятность потерпеть поражение решительного характера увеличивалось при наступлении французских армий; кроме того, с точки зрения стратегии, особенно нежелательным являлось то обстоятельство, что наступление французов не только увеличивало решительность развязки, но и ускоряло ее. Общесоюзные интересы требовали возможную отсрочку решения. Наступление французов приводило к тому, что русские могли уже ожидать на сороковой день возвращения германских корпусов из Франции на Вислу. Представлялось бы чрезвычайно желательным при составлении плана предусмотреть затяжку операций на французском фронте по меньшей мере до 2 месяцев. Лишние три недели в распоряжении русской стратегии позволили бы организовать неторопливое, планомерное вторжение в Восточную Пруссию, и даже расширить операции на Померанию и Западную Галицию, что несомненно бы сразу же разгрузило французский фронт. Можно было вообще утверждать, что если сокрушительный удар немцев по Франции не удастся в первый месяц военных действий, то он вовсе останется не завершенным, так как русский фронт прикует к себе в дальнейшем слишком много сил и внимания германцев.

С точки зрения стратегии союза, крайне благоприятным моментом явилось недоведение французами до конца пограничного сражения и перенос решения на Марну. Это давало уже выигрыш в сроке развязки в 15 дней и ослабляло германцев на 2 корпуса и 1 кавалерийскую дивизию, переброшенные в Восточную Пруссию.

Выжидание благоприятного момента для приступа к наступательной операции, конечно, связано с сохранением оборонительной группировки. Оперативное развертывание для наступления должно быть закончено лишь в последний момент.

Особенно важным является решение о моменте начала операции, если сама операция представляет крупный излом

в нашей линии поведения, если она, например, знаменует переход от стратегической обороны к наступлению. Фош в 1918 году предвидел такой перелом, но не смог точно установить его дату; он относил ее на начало мая, затем на июнь; активность немцев спутывала подготовку англо-французов и заставила оттянуть приступ к контр-наступлению до июля. Еще важнее выбор момента для начала восстания, которое мы можем рассматривать, как первую крупную операцию, вскрывающую гражданскую войну, которая до того сохраняет подпольный характер. Очень часто цитируют следующую мысль Ленина (т. XIV, ч. 2, стр. 136): „восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории наростающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебание в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции". В этом утверждении заключается мысль о выжидании окончания развертывания революционных сил и о необходимости согласовать момент с общей обстановкой, обрисовываемой неприятельскими и колеблющимися силами.

Обрыв операции. Оперативные планы приходится осуществлять в атмосфере энергичного противодействия, многих препятствий и трений. Жестокое, неумолимое стремление к заранее запротоколированной цели операции является неуместным в стратегии. Ведение операции всегда получает характер компромисса. Новые выяснившиеся данные могут привести к совершенно новому толкованию цели операции. Людендорф стремился в Самсоновской операции к окружению одного лишь XIII русского корпуса, на ближайшем к югу от Алленштейна участке; эта цель не удалась, так как XIII корпус ускользнул вслед за XV корпусом. Но германцам удалось замкнуть гораздо более широкое кольцо, чем было первоначально намечено. Через полгода, в феврале 1915 года, Людендорф поставил своей целью, при помощи 4 новых корпусов — очередного эшелона мобилизации, разгромить 10-ю русскую армию, растянувшуюся в Восточной Пруссии кордоном, с открытым правым флангом, и на ее плечах прорваться через верхний Бобр на участок Гродно—Белосток, что оказало бы действительную помощь австро-венгерцам, напрягавшим все свои силы для выручки Пере-

мышльской крепости. Цель эта превышала имеющиеся средства. Для этого момента войны замысел был слишком широк и роскошен; можно было бы удовлетвориться и меньшим. Несмотря на благоприятный немцам ход событий, несколько русских дивизий центра, окруженные в Августовских лесах, заставили германцев потерять около 10 суток. Русские сосредоточили достаточные резервы, болота Бобра начали оттаивать, сосредоточенные в безлюдном районе в еще суровое время года немецкие войска сильно страдали, сообщения работали неудовлетворительно, начатая русскими на Нареве контр-операция достигла ряда успехов и поглощала все немецкие подкрепления. В этих условиях Людендорф отказался от своей широкой цели и, в виду невыгод расположения пред Бобром и Неманом, где оперативная готовность русских поднималась вследствие наличия долговременной подготовки театра, оттянул свой фронт на линию Августов—Сувалки.

Отметим крайне невыгодную сторону такого вынужденного сокращения объема операции: не только важная промежуточная цель оказывается недостигнутой, но неудача первой попытки крайне осложняет ее повторение. Усталые германские войска увидели в линии Осовец—Гродно недоступную преграду; по всей линии Бобра немцам чудились бетонные укрепления. В июле 1915 года, через 5 месяцев, удар на фронт Белосток—Гродно являлся весьма важным, в связи с развитием наступления Макензена в Галиции. Однако, германцы отказались от него, в виду констатирования Людендорфом его тактической невыполнимости. Точно также неуспех прорыва немцами Лотарингского фронта в момент Марнской операции в 1914 году застраховал его французам на все время мировой войны. Неудача первого наступления русских в Восточную Пруссию наложила печать бессилия на все дальнейшие попытки повторения этой операции.

Каждая хорошо подготовленная операция представляет удар, начатый в выгодных условиях и отмечающий на первых шагах большие успехи. Поскольку неприятель еще в силах продолжать сопротивление, он сосредоточит через некоторое время новые силы и средства; выгоды, вытекающие из внезапности и подготовки, наступающий постепенно

утрачивает; первоначальное продвижение вперед осложняет вопрос об его сообщениях; операция получает более медленное течение, продвижение вперед дается с возрастающими трудностями; потери обороняющейся стороны начинают оказываться во все более выгодном соотношении с потерями наступающей стороны; простое лобовое толкание равных сил весьма невыгодная система операции; если операция не будет во время остановлена, наступающий может оказаться в совершенно беспомощном состоянии, и контр-удар обороны может иметь катастрофические последствия (наше наступление в Карпатах в апреле 1915 года; последние месяцы Верденского наступления).

Обязанность стратегии не допускать, чтобы наступательные операции затягивались до последнего издыхания; необходимо большое мастерство руководства, чтобы, не увлекаясь небольшими частными успехами, еще возможными, во-время прервать наступление. Как только наступает момент потери нашими войсками тактических преимуществ, стратегия должна пересмотреть вопрос о целесообразности продолжения операции и закончить ее на соответственном рубеже, иногда может быть даже с отказом от части захваченной территории. Само собой разумеется, что значение поставленной цели, в связи с возможностью добиться ее, хотя бы ценой больших жертв, может вынудить продолжить операцию и в негодных тактических условиях. Мы лишь отмечаем, что настойчивость и упорство не являются безусловными добродетелями в военном искусстве; нужна оперативная гибкость, чтобы не расшибить себе лоб об стену. Этой гибкости не было у русского высшего командования в течение всей мировой войны; оно само загоняло войска, и потому его уделом было руководство загнанными войсками. Поэтому русские операции велись темпом мелкой извозчичьей рыси, тогда как германские войска, которых больше берегли, оперировали свежим, энергичным аллюром.

Если неприятелю удалось развернуть превосходные силы и мы вынуждены вести оборону в критических условиях, задача стратегии заключается в том, чтобы своевременно выяснить невозможность благоприятного исхода для нас борьбы и прервать ее возможно раньше перед назревающим кризисом. Здесь упорство будет также неуместно. Одно из

удачнейших решений Людендорфа заключалось в том, что он своевременно оборвал Ивангород-Варшавскую операцию; если бы германские войска начали свой отход в Силезию не 17 октября 1914 г., а двумя-тремя днями позже, Лодзинская операция 11 ноября стала бы невозможной, германская армия была бы действительно разбита, и боеспособность ее значительно и надолго упала бы.

Выход из операции, принявшей для германцев дурной оборот, оправдывался в данном случае тем, что Людендорфу нельзя было ожидать перелома операции в свою пользу; в дальнейшем дела портились бы все дальше, все сильнее и сильнее. Стратег должен взвесить всю дальнейшую перспективу операции, прежде чем отдать распоряжение о выходе из операции. Требуемая нами гибкость, конечно, ничего общего не имеет с принципиальным уклонением от кризиса и рискованных положений. Без последних никакие крупные успехи немыслимы. Та же мудрость, которая требует уходить от безвыигрышных положений, вполне приемлет риск, находящийся в соответствии с выигрышем.

Если раньше преследование велось после окончания боев, из которых складывалось сражение, и начиналось за пределами поля, на котором последнее имело место, то в настоящее время преследование укладывается в пределах самой операции. Войска, избегшие окружения и уничтожения в течение самой операции, ускользают, часто при помощи железных дорог, быстро перегруппировываются и пополняются; посколько сопротивление враждебного государства не сломлено окончательно, является необходимость не в преследовании, а в подготовке новой операции.

Обрыв наступательной операции обозначается переходом к обороне. Обороняющийся, вызвав перерыв в операции, достигает уже многого. Русским армиям в начале лета 1915 г. неоднократно удавалось вызывать перерывы в развитии германских операций, т.-е. достигать цели оперативной обороны. Однако, иритическое положение нашего снабжения оружием и боевыми припасами и громадное материальное превосходство неприятеля сводили на нет произведенные усилия: неприятель легче пополнял свои потери и свои склады и без особых усилий начинал операцию вновь; наш метод действий вел ко все более глубокому истощению

наших вооруженных сил. Нам выгоднее было бы прибегать к более экономным методам выигрыша времени—отскокам.

Действия по внутренним линиям. В оперативном искусстве под действиями по внутренним линиям понимаются такие действия, помощью которых мы последовательно переносим центр тяжести наших усилий на неприятельские силы, наступающие по различным направлениям, и бьем их порознь. Так как сторона, принимающая этот метод действий, должна поставить себя при этом во внутреннее положение, т.-е. подвергнуть себя возможности ударам с различных сторон, то оперативные действия по внутренним линиям представляют значительную опасность. Пространство, имеющееся для развертывания тылов, крайне стесняется. По мере роста тылов и усовершенствования средств связи, допускающих ныне согласовать действия армий, наступающих по различным оперативным направлениям, оперирование по внутренним линиям крайне затруднилось и легко приводит к оперативному окружению. Оно дает успехи лишь при неслаженности неприятельского командования (Самсонов, Ренненкампф и Жилинский). Румыния глубокой осенью 1916 г., при направлении удара в Валахию с северо-запада Фалькенгайном, а с юга Макензеном, испытала все неудобства оперативных действий по внутренним линиям. Дебушировавший из Крыма Врангель успешно практиковал их только до тех пор, пока образовавшееся вокруг него полукольцо красных войск не соорганизовалось, после чего последовала катастрофа для Врангелевской армии.

Действия по внутренним линиям, рассматриваемые в стратегическом масштабе, заключаются в последовательном переносе центра тяжести усилий с одного театра военных действий на другой. Предпосылкой их успеха является наличность железнодорожных магистралей, связующих эти театры. Условия для таких действий возникают при борьбе на несколько фронтов. В этих условиях находились в мировую войну центральные державы, имевшие возможность последовательно сосредоточивать удары на Франции, России, Сербии, Италии. Выгодной предпосылкой для стратегических действий по внутренним линиям является возникновение позиционных фронтов, позволяющих ограничиться минимумом сил для обороны и выделить сильный стратегический резерв,

гастроли коего на каждом театре борьбы создадут выгодный перелом обстановки.

В гражданскую войну Советская Россия оказалась в выгодном внутреннем положении. Москва представляет мощный узел железнодорожных магистралей. Враги наступали со всех сторон света. Рокировочных сообщений между ними или не было (Колчак, Деникин и архангельский фронт белых), или они не стремились к согласованной работе (поляки и Деникин, поляки и Юденич). Отсюда для красных явилась возможность последовательно противопоставить превосходные силы на каждом из фронтов.

Действия по внутренним линиям в стратегическом масштабе не стесняют оперативных тылов и не грозят привести к потере сообщений и оперативному окружению; в то же время они сохраняют выгодные условия оперативных внутренних линий[1]). Иногда, при обширном протяжении границы, охваченной войной, и наличии на нем двух театров, возможно применить стратегические действия по внутренним линиям и воюя с одним противником. Так, поляки в 1920 г. первоначально центр тяжести усилий направили к югу от Полесья, затем, вследствие захваченной нами к северу от Полесья инициативы, вынуждены были начать переброску войск на север. Момент Варшавской операции характеризуется новым приливом польских сил с юга, позволившим организовать удар со стороны Люблина.

Стратегическая работа по внутренним линиям выдвигает вопрос о порядке нанесения ударов различным противникам, который часто крайне затруднял стратегов. В этом случае особенное значение приобретают политические требования, которые не всегда должным образом учитываются. Достаточно вспомнить совершенно противоположные решения вопроса о первоначальном направлении германского удара при войне против России и Франции, которые дали Мольтке старший и Шлиффен. Та же проблема явилась основной для германского командования в течение 1915—1917 г.г.; на наш взгляд, она не получила удовлетворительного разрешения ни у Фалькенгайна, ни, в особенности, у Людендорфа.

[1]) Предположение Мольтке старшего о стратегическом использовании внутренних линий при борьбе Пруссии против Австрии и Франции — у А. Свечина, История Военного Искусства, т. III, стр. 142—145.

Иногда решение вопроса о последовательности операций на различных фронтах относится положительно скорее к области политики, чем стратегии. Таким являлся вопрос об избрании Колчака или Деникина целью первого натиска Красной армии в 1919 г. Кто из них политически мог составить большую угрозу — Колчак ли, располагавший большим авторитетом, но опиравшийся на очень редко населенную территорию Сибири, или Деникин, находившийся в богатом, хлебном Юге, с его казачеством, но и с той ненавистью к помещику, которая так пышно развивается на черноземе, с его национальными, автономистическими, антигосударственными, анархическими устремлениями [1]).

Но стратегия требует достижения промежуточных целей. Между тем, операции 1918 г. на Востоке не были доведены до Урала; операции на Юге весной 1919 г. не были доведены до Кубани, когда началось направление всех средств на Восток. И, повидимому, существовала большая опасность, что и летняя операция против Колчака в 1919 г. не будет доведена до полного овладения Уралом, так как военное командование стремилось уже начать ослабление Восточного фронта в пользу Южного, где наступление Деникина расползлось по широкой территории. Мы полагаем, что, начав решительное наступление на Деникина на два месяца раньше, Красная армия ничего не выиграла бы и натолкнулась бы, вероятно, на более серьезное сопротивление. Обстановка на классовом фронте борьбы была таковой, что территориальное расширение Деникина не усиливало, а ослабляло его.

Если мы находимся в окружении и боремся на несколько фронтов, то стратегия сокрушения требует, чтобы мы обратились против важнейшего врага, идущего в корню коалиции. Стратегия же измора требует, чтобы мы предварительно обезопасили свой тыл и фланги, чем будут созданы выгодные предпосылки для наступления на главном театре.

---

[1]) Нам кажется, что политически Колчак был сильнее, и что разложение его тыла произошло в результате слишком усердных мобилизаций и поражения на фронте, тогда как у Краснова и Деникина разложение предшествовало военным неудачам. Впрочем, мы не имеем достаточной компетенции для разрешения этого вопроса. На практике первый удар на Деникина был вдохновлен требованиями экономики и стремлением скорее вступить во владение Украинским наследством, оставшимся после ухода немцев.

Отсюда в мировую войну у Конрада стремление покончить с Сербией до приступа к важнейшим действиям на русском фронте, что ему не удалось провести в жизнь из-за энергичного противодействия германцев. Польша в 1920 г. являлась более серьезным противником, чем Врангель. С точки зрения сокрушения правильным являлось направление важнейших усилий против Варшавы. Действительно, с советизацией Польши, с расширением революции в европейском масштабе, не растаял ли бы Врангель сам собой, без всяких усилий со стороны Красной армии? Решительный пункт—Варшава—определил бы и судьбы Крыма. И все это рассуждение оказывается совершенно неверным, если условий для сокрушения не было, и решительный пункт являлся призраком. Покончить с Крымом, покончить даже с важнейшими очагами бандитизма и, имея спокойные сообщения, выступать с наступлением крупного европейского масштаба. Стратегия не может рассматривать польскую войну изолированно. В конечном счете Варшавскую операцию выиграл не Пильсудский, а Врангель; возможность Люблинского удара поляков создало раздвоение внимания Южного фронта, откуда и преследование им в Польше скорее местных целей, чем энергичное наступление к Висле. Крым и Варшава были поставлены, как цели операций, в обратном порядке против должного, что всегда приводит к неприятным последствиям.

Одновременное преследование нескольких позитивных целей. Две одновременные наступательные операции удаются крайне редко. Центральные державы в начале мировой войны направили удар на Францию—примерно 55% имевшихся в наличии вооруженных сил, 40% оставили против России—преимущественно для наступательной операции из Галиции между Бугом и Вислой, и 5% стремились еще действовать наступательно против Сербии. Поставленных позитивных целей ни на одном театре достичь не удалось.

Сосредоточение всех средств на одной большой операции, несомненно, дает крупную экономию сил.

Неприятельский фронт, могущий выдержать десятки малых ударов, может быть сломлен одним крупным ударом. В известных условиях, чтобы добиться хотя бы минималь-

ных результатов, необходима известная массивность операции, иначе пружинность фронтов, инерция сопротивления заставит все вернуться в исходное положение. К конечной цели нужно стремиться возможно крупными этапами; перевес сил всегда необходимо использовать наиболее решительным образом. Излишняя скромность не является добродетелью ни в тактике, ни в оперативном искусстве, ни в стратегии.

Однако, иногда одновременное преследование двух позитивных целей диктуется политическими условиями. Военная конвенция с Францией обусловливала необходимость вторжения русских армий в августе 1914 г. в Восточную Пруссию; в то же время охватывающая Галицию группировка нашего развертывания могла бы быть использована лишь при переходе наших армий в наступление; только наступательная операция позволяла использовать против австрийцев массы 3-й и 8-й русских армий, которые, по условиям сообщений, могли быть развернуты только в пределах Киевского военного округа.

Русские войска поплатились тяжелыми неуспехами 30 дивизий за наступление в Восточную Пруссию и одновременно одержали 50 дивизиями победу (ординарную) в Галиции.

Осенью 1919 года благоприятные политические условия требовали перехода красных армий в наступление против Деникина, и самого широкого развития наступления в Сибири. Оба предприятия увенчались успехом.

В 1866 г. Мольтке сосредоточил 19 дивизий на главный богемский театр против австрийцев и оставил только три дивизии (правда, усиленные ландвером) на германском театре против второстепенных германских государств; однако, весьма широкие позитивные цели преследовались одновременно на обоих театрах; мы это уже объясняли чересполосицей на второстепенном театре и вытекавшей из нее небороноспособностью создавшегося на нем положения.

Иногда одна большая операция фактически не может быть осуществлена: между отдельными театрами или нет никакого сообщения (в мировую войну—Россия, Сербия и Франция, в гражданскую—белые фронты), или рокировочные сообщения так слабы, что массы войск, развернутые на одном театре, довольно прочно связываются с ним (Франция и Италия, советские театры в Белоруссии и Украине). В коалиционной войне, однако, объединению всех средств для одной операции часто препятствует не слабость путей сообщения, а преследование каждым союзником своей особой политической цели; именно на этой почве возникло раздельное ведение операций Германией и Австро-Венгрией в августе 1914 г.; румынские войска в 1916 г. вели в Трансильвании румынскую операцию, англичане в 1917 г. вели английскую операцию во Фландрии.

Если для одной стороны слагаются возможности стратегической работы по внутренним линиям, то другая сторона оказывается вынужденной действовать по внешним линиям. Чем шире круг стратегического окружения, тем менее выгод он представляет на вооруженном фронте, так как шансы на обращение его в оперативное окружение исчезают.

Если в 1914 году кто-либо из французов или русских представлял себе возможность, что вторгнувшиеся в Германию русские и французские армии подадут друг другу руку где-нибудь между Эльбой и Рейном, то это являлось детской мечтой. Эти невыгоды окружения на вооруженном фронте компенсируются преимуществами, которые окружающая сторона извлекает на экономическом и политическом фронтах. В этих условиях попытки сокрушения, направленные с различных фронтов, обречены на несогласованность и разрозненность; против опаснейшей для нее операции сторона, находящаяся во внутреннем положении, сосредоточит центр тяжести своих усилий и сумеет остановить ее развитие. Нужно использовать то обстоятельство, что окруженная сторона будет политически и экономически истощаться скорее; война на всех границах вызывает более скорое достижение кульминационного пункта стратегического напряжения. Когда последнее пойдет на убыль, когда фронт неприятеля будет лишен крупных резервов, обессилен, станет мало способным к серьезным контр-атакам и вообще к активности и будет оказывать лишь пассивное сопротивление, в этих условиях стратегическая работа по внешним линиям окажется даже выгодной, и решительный переход в наступление будет диктоваться обстановкой.

Дробные удары явятся даже более экономным методом, чем одна крупная операция. Дробные операции позволят избежать потери времени и усилий, представляющих всегда

лишние издержки большого сосредоточения: в значительной степени отпадет работа по устройству дополнительных дорог, складов, даже помещений для войск, по сосредоточению и его маскировке. Экономятся месяцы времени, миллионы рабочих дней, и является возможность шире использовать внезапность. Каждая наступательная операция представляет выгоды в своей первой половине, пока неприятель не успеет сбалансировать выгоды упреждения наступающего в развертывании. Малые операции имеют больше этих благоприятствуемых внезапностью начал, правда, не столь выгодных. Если у неприятеля резервы истощены, и малые операции предпринимаются одновременно, они имеют шансы сохранить захваченное внезапной атакой преимущество почти так же продолжительно, как и крупные операции. Наступление Фоша во второй половине 1918 года имело именно такой характер. С истощением неприятеля вполне допустимо и мельчание операций. Если работа стратегии по внутренним линиям имеет перевес на восходящей кривой стратегического напряжения, то действия по внешним линиям становятся предпочтительнее на нисходящей ее ветви.

Если стратегическое окружение или охват имеют место на умеренном диаметре (русский передовой театр в 1914 г.— район Польши между Восточной Пруссией и Галицией, по меридиану всего 300 километров), и есть надежда перейти от стратегического окружения к оперативному, а также, если один театр военных действий является слишком оперативно тесным для мобилизованных масс, то разделение одной операции на две может быть оправдано, так как оно позволяет достигнуть более обширных результатов.

Очевидно, что операция Макензена летом 1915 года, направленная из Галиции с юга на Холм, должна была встретить гораздо меньше затруднений и дать гораздо большие результаты, когда с севера, из Восточной Пруссии, через Нарев, начнет развиваться операция Гальвица; запоздание последней и недостаточно быстрый темп ее развития помешали захватить в клещи русские армии, отходившие с левого берега Вислы. Точно так же германский фронт во Франции образовывал обширную выпуклую дугу, и наибольший успех обещало развитие двух операций: у основания этой дуги—на левом крыле в районе Лиля, с направлением

на восток, на правом—из района Вердена в направлении на север.

Окружение в широком масштабе, если очертание нейтральной границы или морского побережья не представляет особенных удобств, требует вообще двух и более согласованных между собой операций [1]). Такое окружение может являться целью не только сокрушения, но и стратегии измора. Старый Мольтке, составляя план войны на два фронта, намечал удар с ограниченной целью на русском фронте, но этот удар на Нарев и далее на Седлец, вместе с действиями австрийцев из Галиции на тот же Седлец, должен был сразу окружить и ликвидировать все русские силы на Висле. Фалькенгайн проводил эту идею в 1915 году в жизнь, тогда как стратегия сокрушения, в лице Людендорфа, мечтала об окружении, которое бы осуществлялось в гораздо большем масштабе, на Минск.

Как известно, Мольтке младший, к моменту Марнской операции, существеннейшим образом изменил план Шлиффена в том отношении, что вместо одной Марнской операции пожелал [2]) иметь две—Марнскую и Лотарингскую; при успехе это было нечто в роде Самсоновского погрома, переведенного из оперативного в стратегический масштаб (пленение не центральных корпусов, а центральных армий). Как известно, недостаточно подготовленная и не энергично руководимая Лотарингская операция не осуществилась, а затраченные на нее силы и средства оказались отсутствующими на Марне; осуществление этой идеи оказалось гибельным для германского вторжения. Однако, по существу, мы не находим против Мольтке младшего возражений. Вторая часть

---

[1]) Мы пишем операцию с маленькой буквы и не можем рассматривать как одну операцию действия, ведущиеся на разных фронтах, цели коих согласуются лишь в стратегическом масштабе. Конечное оперативное окружение может быть результатом двух различных операций, веденных последовательно или одновременно. Самсоновская катастрофа явилась результатом одной операции, но захват всех сообщений полудюжины русских армий в передовом театре достигался бы вернее двумя операциями.—Вспомогательные операции—например, действия австрийцев против 3-й и 8-й русских армий в августе 1914 года для обеспечения фланга и тыла австрийского удара на Люблин—Холм—являются, по существу, частью важнейшей операции, и, на наш взгляд, изучение их должно быть отнесено к оперативному искусству.

[2]) Нам представляется, что это решение Мольтке младшего обусловлено неверной информацией об обстановке в Лотарингии, точно так же, как решение отправить корпуса из Франции в Восточную Пруссию—неверной информацией о результатах пограничного сражения.

плана Шлиффена—окружение французских войск где-то у границ Швейцарии, по мере того, как план Шлиффена все ширился, как правое охватывающее крыло немцев все более и более росло, становилось все туманнее, неразработаннее и сомнительнее; без экстраординарной победы при исполнении первой половины плана вторая часть являлась, нам кажется, вовсе недостижимой. После полууспеха пограничного сражения сам Шлиффен, вероятно, отказался бы от второй половины плана. При современных огромных фронтах захождение одним крылом, чтобы привести к окружению, должно протянуться на пятьсот и более километров, что оперативно не выполнимо. Две одновременные операции, берущие весь или часть неприятельского фронта (смотря по зубам) в клещи, значительно сокращают и сводят к достижимому размер требуемых оперативных прыжков.

Дозирование операций. Если не всегда приходится одновременно преследовать две позитивные цели, то очень часто придется, на ряду с усилиями для достижения одной позитивной цели, затрачивать силы и средства на достижение одной или нескольких негативных целей. Отсюда на стратегию выпадает чрезвычайно ответственная задача—распределять имеющиеся силы и средства, а также возможности их пополнения между различными операциями. Стратег должен выступать в роли общегосударственного или даже общекоалиционного каптенармуса, выполняя функции распределителя.

Прием стратегии сокрушения—елико возможно обделять второстепенные театры в пользу главного—при стратегии измора приводит иногда лишь к отрицательному результату—увеличению числа бездействующих войск за счет действующих. Русское верховное командование, исходя из того, что пути на Петроград и Москву проходили к северу от Полесья, признавало театр, лежавший к северу от Полесья, главным, и соответственно группировало здесь массу русских войск: в марте 1916 года здесь, против 620 тысяч немцев, находилось 1220 тысяч русских штыков и сабель—двойной перевес; а южнее Полесья против 441 тыс. австро-германцев мы располагали 512 тыс., перевес всего в 16%. Важнейшей нашей операцией в 1916 году являлось „Брусиловское“ наступление; его пришлось вести, почти не

используя нашего численного перевеса. Даже в августе 1916 года, когда „Брусиловское“ наступление было уже на исходе, силы, действующие южнее Полесья, только сравнялись с силами, бездействующими к северу от него—863 тыс. и 853 тыс. Вообще, поскольку при сокрушении деление театров на главные и второстепенные вносит ясность, постолько при изморе оно является туманным и сбивчивым[1]).

Каждая операция, в том числе и оборонительная, должна быть обеспечена средствами, находящимися в соответствии с поставленной ей целью. Стратегия измора характеризуется тем обстоятельством, что стратег, не упуская из виду конечную цель, подбирает промежуточную позитивную цель, исходя из свободных средств, имеющихся в его распоряжении по обеспечении им негативных целей. Так поступал на русском фронте Людендорф в 1914 и 1915 г.г.; это положение отнюдь нельзя толковать, как предпочтение, отдаваемое нами оборонительным задачам перед наступательными; так, в ноябре 1914 г. Людендорф чрезвычайно сжал негативную цель по защите Восточной Пруссии: чтобы взять часть сил 8-й армии для Лодзинской операции, он поставил 8-й армии задачу—не защищать территорию Восточной Пруссии в полном объеме, а при необходимости отойти на востоке на линию Мазурских озер и р. Ангерап. Но на эту скромную нега-

[1]) Мне представляется, что проведение этого деления не помогло нам разобраться и в оценке явлений советско-польской войны. Поляки, в мае 1920 года, половину своих сил выделили для обороны севернее Полесья, а половиной устремились в правобережную Украину. Стратегическая критика, базирующаяся на деление на главные и второстепенные театры, осудила такую группировку польских сил и подтверждала свое заключение ссылкой на авторитет Фоша. Однако, поскольку поляки отказывались от сокрушения, поход на Москву являлся для них нелепостью, их позитивные цели лежали лишь в Украине, которая и являлась для них главнейшим театром.

Как известно, силы красных южнее Полесья были поддержаны только конной армией Буденного; все же прочие резервы и пополнения направлялись на север от Полесья. Наша критика подчеркивала правильную оценку нашим командованием значения главного и второстепенного театра и, как его заслуги, то обстоятельство, что маневр поляков совершенно не отразился на нашей группировке. Нам это рисуется иначе. Юго-западный фронт, несмотря на признание его второстепенным и соответственную дозировку сил, сумел в июне окружить большую часть польских сил; последним, впрочем, удалось вырваться из слабого кольца. Если бы в сознании нашей стратегии интересы Западного фронта не превалировали над интересами Юго-Западного, и последний был бы соответственно подкреплен, можно было бы вполне рассчитывать на окружение и пленение лучших сил поляков в Киева. Такой Седан действительно мог бы стать отправной точкой для перевода в дальнейшем нашей стратегии на рельсы сокрушения и для похода на Вислу, весьма возможно, через Львов.

тивную цель средства были отпущены в полном объеме. Так создались предпосылки второго русского вторжения в Восточную Пруссию.

Правильное решение трудной задачи — надлежащего обеспечения каждой операции необходимыми средствами — требует, чтобы стратег вполне владел и оперативным искусством; будучи диллетантом в последнем, едва ли он сумеет соразмерить выдвигаемые цели с имеющимися средствами. Владение тонкостями оперативного искусства особенно важно для стратега, вынужденного действовать по линии измора.

Стратегический резерв. Стратег распределяет силы и средства между операциями не только в пространстве, но и во времени. Каждая, даже удачная операция, в особенности если приходится действовать в условиях плохих сообщений, поглощает безвозвратно часть развернутых для операции сил и средств, и представляет известную растрату времени и энергии. Этот пассив одной операции отражается на следующих. Потеря 40 тысяч бойцов германской пехотой в Ивангород-Варшавской операции потребовала, вследствие активности русского фронта, экстренного пополнения. Это лишило верховное германское командование возможности пополнить 2-ю армию Бюлова [1]), и произвести последней на Сомме энергичный удар. Последний же являлся необходимым, так как при спокойствии всего германского фронта во Франции изолированное наступление германцев во Фландрии, очевидно, не могло иметь успеха, так как англо-французы сосредоточивали против него резервы из всех армий. Эти сорок тысяч подготовленных укомплектований несомненно представляли элемент резерва, и направление их на восток, а не на запад, определило неуспех Фландрского сражения, позиционное затишье во Франции и увеличение нагрузки русских армий. Такой резерв, являющийся результатом работы тыла, имеющийся вне вооруженного фронта, было бы, однако, справедливо рассматривать, как государственный, а не стратегический.

Государственный резерв всегда будет иметь место в виде частей, не окончивших еще формирование и не достигших

[1]) Фалькенгайн. Верховное Командование. Стр. 40—41.

полной боеспособности, а равно и подготовленных укомплектований и запасов снабжения. Исчерпание государственного резерва заставит вскоре сокращать вооруженный фронт и ускорить окончательную развязку; так, в 1918 году Германия исчерпала государственный резерв в отношении человеческого материала, что и определило события последних месяцев войны.

Однако, помимо этих государственных резервов, современный характер войны оставляет место и для стратегического резерва, т.-е. вполне готовых, мобилизованных частей, не связанных еще оперативной целью. Мы называем оперативным резервом всякую дивизию, которая учитывается для достижения выдвинутой нами оперативной цели, но еще не развернута, не связана каким-либо участком. Оперативные резервы будут маневрировать преимущественно на рельсах. Стратегический резерв образуется у нас в тех случаях, когда мы будем задаваться оперативными целями более скромными, чем это допускает наличность вооруженных сил; это стратегический жирок, естественно откладывающийся, если вооруженный фронт ведет борьбу не с полным напряжением. Он может принимать форму корпусов, находящихся в дальнем тылу, обсервационных армий, стоящих на нейтральных границах, но может представлять и части, сгустившие наше расположение на второстепенных участках, чтобы получить необходимую боевую закалку, но которые можно снять и употребить на другом направлении.

Конечно, понятие стратегического резерва в корне противоречит идеям сокрушения, требующим крайнего напряжения сил для достижения успеха на решительном пункте. Но представление о стратегическом резерве логично укладывается в рамки стратегии измора. Длительная борьба вообще невозможна без стратегического резерва. Отсутствие последнего указывает на максимальное оперативное напряжение, которое, конечно, не может быть перманентным.

До момента общего максимального напряжения сил государства, характеризуемого окончанием экономической мобилизации и основных последующих эшелонов военной мобилизации, действия вооруженного фронта мы можем рассматривать под углом зрения прикрытия этой длительной мобилизации у нас и помехи неприятельской. В течение

самой войны вполне законными могут являться периоды накопления сил, в течение которых интересы этого накопления будут выше интересов достижения второстепенных лишь, доступных нам, промежуточных целей. Если мы интересы накопления принесем в жертву для осуществления второстепенных операций, то мы израсходуем все, что дает на войну государство, капля по капле, и должны будем отказаться от возможности достигнуть крупных результатов.

Конечно, иногда удержание стратегического резерва является грубой ошибкой. В начале мировой войны русское командование располагало возможностью упредить германо-австрийцев в стратегическом развертывании и достичь крупных промежуточных целей. Сохранение части сил в составе 6-й и 7-й армий (на побережье Балтийского и Черного морей) представляло временное выделение стратегического резерва, только замедлявшее наше развертывание, и обусловливавшее недостаточное численное превосходство русских в августе 1914 г. в Восточной Пруссии и Галиции. Но в дальнейшем русское командование стало на опасный путь выдвижения максимально достижимых промежуточных целей; начиная с Лодзинской операции и до установления позиционного затишья в октябре 1915 г. русский вооруженный фронт действовал без всякого стратегического жирка, с крайним напряжением сил; всякая неудача вследствие этого тяжело отзывалась и являлась неисправимой [1]).

Стратегический резерв, который не был бы употреблен в нужную минуту, являлся бы лишь симптомом робости, бездействия и пассивности, указывал бы на излишнее бремя, которое несет государство на вооруженном фронте, свидетельствовал бы о скромности творческих дерзаний полководца, об излишней затяжке войны, об упущенных благоприятных моментах. Но стратегический резерв, введенный в войну в надлежащий момент, свидетельствует об успешном разрешении стратегом труднейшей задачи, о том, что стратег господствует над событиями, а не увлекается непонятными ему вихрями и течениями.

[1]) Автор этих строк, начиная с конца 1914 года, резко высказывался в русской ставке за необходимость отказа от преследования позитивных целей и за накопление стратегического резерва.

Установление позиционного фронта, допуская достижение негативных целей с меньшими силами, крайне облегчает создание стратегического резерва. Таковой у нас в действительности и появился в довольно крупном размере— может быть, около 30% всего состава вооруженного фронта, к весне 1916 г. Мы не сумели ввести его в дело одновременно, но он сильно сказался на затруднениях, которые пережило немецкое командование в течение лета 1916 г.

Германия, с установлением позиционного фронта, во Франции, в ноябре 1914 года сумела сделать крупные сбережения на фронте, которые однако немедленно, по мере изъятия с фронта, передавались в оперативный резерв русского фронта, где и расходовались. Такова же была участь первых эшелонов мобилизации. Создать стратегический резерв Германия сумела лишь после установления в России позиционного фронта. Поход в Сербию поздней осенью 1915 года и начало Верденской операции в 1916 г. характеризуют ведение Германией военных действий с сохранением стратегического резерва [1]). События лета 1916 года сильно его истощили. Окончательно растратил его Людендорф при своем вступлении в верховное командование на организацию румынского похода. Несмотря на все достигнутые в Румынии успехи, это истощение стратегического резерва обусловило позднюю готовность Германии к открытию весенней кампании 1917 г., и отказ от преследования каких-либо позитивных целей на французском фронте; удобный случай, явившийся вследствие понижения боеспособности русской армии и революционного движения во французской армии для того, чтобы в мае 1917 года нанести особенно серьезный удар Франции, должен был быть упущен.

Выход России из войны в начале 1918 года давал Людендорфу возможность образовать солидный стратегический резер и обеспечить для дипломатии возможность за-

[1]) Создание его было обусловлено отказом верховного командования „от всякого участия в погоне за военными предприятиями сомнительной устойчивости и за туманными военными задачами", что вытекало из представления о том, что „война будет выиграна Германией, если удастся избежать чрезмерного напряжения внутренних и внешних сил". *Фалькенгайн.* Верховное командование, стр. 143. Отказ Фалькенгайна от проектированного Людендорфом летом 1915 г. сокрушительного удара на Минск явился высоким мастерством, так как привел к созданию стратегического резерва в условиях, когда он был крайне желателен.

вязки переговоров за вполне солидным германским фронтом. Решение Людендорфа заключалось, однако, в том, чтобы в соответствии с освободившимися силами и средствами, повысить до максимума размер цели, преследуемой во Франции, чтобы сокрушить последнюю до прибытия американских подкреплений. Людендорф сразу же передал освободившиеся дивизии в оперативный резерв на франко-английский фронт. Можно сказать, что Людендорф совершенно был чужд понятию стратегического резерва. При складывавшейся в действительности борьбе на измор, форсированное ведение операций должно было в результате привести к катастрофе.

Особенно важны стратегические резервы для коалиции, против которой неприятель может действовать по внутренним линиям. Франция и Англия хорошо это усвоили еще осенью 1914 года. Понуждая русский фронт к активности, они сами ростили свои армии качественно и количественно, за счет преследования на вооруженном фронте во Франции лишь скромных активных целей. Забота о стратегическом резерве особенно характерна для английской стратегии. Программа Китченера—это прежде всего программа накопления сил, образования сильного стратегического резерва. Англичане энергично развивали действия на внеевропейских театрах, так как рассматривали их, как кратковременные экспедиции (в Восточной Африке они ошиблись), где можно было с выгодой временно послать на гастроли часть своего избытка сил; но в самой Франции они были крайне заинтересованы в том, чтобы занимать возможно более короткий фронт и сохранить возможно больший стратегический резерв. Вес каждого участника коалиции, при взаимных переговорах, зависит главным образом не столько от усилий, сделанных на фронте, как от свободного излишка сил.

В гражданскую войну ни Колчак, ни Деникин не располагали ни малейшим стратегическим резервом; наступательные их предприятия рассчитывались не только на все силы, имевшиеся в их распоряжении, но даже переступали за этот предел. Тем тяжелее складывались для них катастрофы.

Стратегическая линия поведения. Мы остановились на нескольких важнейших вопросах стратегической логики. Стратег, опознавший требования эволюции, понимающий средства, необходимые в данный момент, отдавший себе отчет в силах и возможностях обеих сторон и в характере будущей войны, останавливается на определенном пути решения стратегических вопросов, долженствующем его привести к конечной цели действий вооруженного фронта [1]). Он намечает ряд промежуточных целей и последовательность их достижения, он регулирует стратегическое напряжение и в каждый момент стремится, если не подчинить, то связать интересы настоящей минуты с интересами стратегического „завтра“, будущего. В своих решениях он не является независимым, а должен согласовать решение задач войны на вооруженном фронте с ходом событий на политическом и экономическом фронтах борьбы. Каждый из вопросов, которые предстоит решать стратегу, чрезвычайно прост, но правильный ответ на него требует огромной глубины понимания обстановки борьбы в целом; теория может лишь подчеркнуть разнообразие возможных решений в зависимости от различных предпосылок. Но стратег не может ограничиваться правильным ответом на каждый вопрос в отдельности. Верным решение одного стратегического вопроса явится только в том случае, если оно гармонирует с решениями других стратегических вопросов. Мы выдвигали на первый план гармонию в подготовке государства к войне; не меньшее место она занимает и в руководстве войной, только признаки согласования здесь являются неизмеримо более тонкими. Это согласование, это достижение гармонии [2]) является существом стратегии и безусловно заставляет нас отнести практическую работу по стратегии к сфере искусства.

С точки зрения стратегического руководства вооруженным фронтом, понимаемым, как группировку операций для достижения конечной военной цели, важнейшей задачей искусства является избрание такой линии стратегического

[1]) „Первой обязанностью генерального штаба является выбор такого образа действий, который, в соответствии с качеством подготовленной к войне вооруженной силы, в кратчайший срок мог бы оказать на враждебный народ воздействие в желательном направлении“. Английский пол. устав, ч. II, гл. II, разд. 4, § 6.

[2]) Эта основная задача стратега, по выражению Фалькенгайна, заключается в неустанном сведении частностей в одно целое. Верховное командование, стр. 124.

поведения, которая и представляет гармонию требуемого согласования; в ее мудрости должен лежать ключ к толкованию требований непрерывно меняющейся обстановки; она не может предвидеть заранее фактический ход событий на вооруженном фронте, но в каждый данный момент она должна позволить нам реагировать на военные события в соответствии с той логикой, которой в данной войне все должно подчиняться для достижения победы.

Мы особенно подчеркиваем невозможность предвидеть фактический ход событий войны, потому что в массах гениальность всегда расценивается, как точное предвидение вперед. Чем гениальнее вождь, тем более он рассматривается массой, как пророк. Эти представления очень распространены и поддерживаются порой невежественными критиками. По существу своему, они требуют от полководца предвзятости, разгадки будущего за пределами мыслительных способностей человека. Эти заблуждения иногда склонен был поддерживать Наполеон и все те, которые позируют на гения. Реальное бытие не поощряет ни пророчеств, ни предвзятости. В стратегии пророчество может быть только шарлатанством, никакой гений не в силах предусмотреть, как фактически развернется война. Но он должен составить себе перспективу, в которой он и будет оценивать явления войны. Полководец нуждается в своей рабочей гипотезе. Конечно, не каждый полководец даст себе труд и имеет возможность проникнуть мыслью в характер будущей войны. Стратегическая посредственность, быть может, предпочтет исходить из шаблонов и рецептов. Действительность жестоко разочарует такого горе-полководца; теория стратегического искусства иметь его в виду не может.

Наши утверждения, быть может, покажутся абстрактными, висящими в безвоздушном пространстве, так как исследователи войн часто далеки от того, чтобы на протяжении своих многотомных трудов уделить хотя бы несколько страниц характеристике стратегической линии поведения стратегии обеих сторон в данной войне. Но стратегическая линия поведения—это реальность, и даже не мудрый, но сколько-нибудь последовательный и честный стратег имеет свою линию поведения, свой подход к оценке обстановки. Современная же военная история, пытающаяся исходить

из одной абсолютной, единственно верной линии стратегического поведения, неспособна сколько-нибудь уяснить смысл и связь нагромождения военных событий, которое она рассматривает, как некий хаос. Грубым самозванством, жестокой подделкой, „американским золотом“ звучат заглавия „стратегических очерков“ той или иной кампании. Военная история представляет пока лишь оперативный протокол.

Линия политического поведения—общепринятое понятие. Всем понятно, что военный коммунизм, или новая экономическая политика имеют каждый свою особую логику согласования. Найти эту логическую линию, отвечающую в данный момент условиям экономического базиса, величайшая задача политического искусства. В стратегии также каждый вооруженный фронт имеет свою базу—и действия на вооруженном фронте являются только производными от баз обеих сторон. В глубоком анализе этих баз и лежит разгадка избрания надлежащей линии стратегического поведения. Стратегия является частью политики, известным ее ракурсом и строится на той же базе. Отсюда, в конечном счете, и подчинение стратегии политике. Стратегическая линия поведения должна являться проекцией на вооруженный фронт общей политической линии поведения.

Весь наш труд, в сущности, посвящен вопросам, связанным со стратегической линией поведения. Мы стремились теоретически очертить ее с разных сторон. Более конкретный вид нашему изложению мы могли бы придать только в форме стратегического анализа какой-либо кампании.

ЧАСТЬ IV.

УПРАВЛЕНИЕ.

1. Стратегическое руководство.

Генеральный штаб. — Место ставки. — Ориентировка в действиях своих войск. — Диагноз неприятельских намерений. — Принятие решения. — Активность. — Высшее командование и тактика.—Скрытность.— Сообщения для печати.—Ориентировка работы тыла.

Генеральный штаб. В течение истекшего столетия в организации военного управления господствовала прусская схема, согласно которой на высшие командные посты в армии назначались лица, окруженные в юнкерско-феодальном классе большим почетом; по преимуществу это были члены царствующих в Германии династий, иногда довольно молодые, а частью это были генералы с огромным служебным старшинством. Эти лица пользовались крупным социальным весом, но удельный вес их, как специалистов в стратегическом или оперативном искусстве, был ничтожен. По существу, эти прусские командующие лишь шапронировали своих начальников штабов, на которых ложилась вся ответственная работа. Гинденбург в течение четырех с половиной лет мировой войны соглашался со всеми докладами Людендорфа и не ввел в предлагавшиеся Людендорфом планы ни одной поправки.

Преимущества германской системы заключались в том, что, сохраняя видимость феодального местничества, она допускала возложение ответственной работы на талантливых специалистов, не считаясь ни с их возрастом, ни со служебным положением. Армии вверялись молодому генералу или даже полковнику, который официально значился лишь, как „шеф“ (начальник штаба), и который имел при себе приличного представителя идеи феодального старшинства. Разумеется, выгоды этой системы отпадают в армии, окончательно освободившейся от феодальных предрассудков и с удовольствием приемлющей командование молодых вождей, вне всякой линии старшинства.

Отсюда, однако, еще не следует, что генеральный штаб является пережитком феодализма. С упразднением местничества, отношения между командующим и начальником штаба становятся более нормальными. Но командующий в современных условиях войны должен опираться на целый коллектив отборных помощников, хорошо понимающих друг друга, сплоченных, годных на всякую ответственную работу, заслуживающих полного доверия.

Такой коллектив требуется уже для упорядочения гигантской работы по подготовке к войне. Согласовать, гармонизировать подготовку, столь емкую, столь разнообразную, направляющуюся по стольким отдельным линиям, может только генеральный штаб, собрание лиц, выковавших и проверивших свои военные взгляды в одних и тех же условиях, под одним и тем же руководством, отобранных тщательнейшим образом, связавших себя круговой ответственностью, дружными выступлениями достигающих переломов в военном строительстве. В военном деле требуются разнообразные специалисты; специальностью генерального штаба должно быть сложение в одно целое отдельных усилий, устранение трений, достижение высшей ступени организованности.

Война требует этой специальности; на часовой фабрике существуют особые мастера, наивысшей квалификации, которые не производят, а только собирают в одно работающее целое отдельные колесики и пружины часового механизма; война имеет еще более сложный механизм, и еще большее искусство надо проявлять при его сборке. Современные формы операции, в которую развилось сражение, не позволяют руководить ею одному человеку; нужны десятки и сотни доверенных агентов, каждый из которых был бы не бюрократом, а сознательным представителем высшего военного управления, чтобы можно было бы применять современные оперативные формы. Никакое количество телеграфных проводов не обеспечит связи при отсутствии генерального штаба: в телеграммы будет вкладываться одно понимание пишущим, а другое—читающим.

Вооруженная борьба в настоящее время требует генерального штаба; последний не является организационным капризом и, конечно, будет возникать во всякой армии; декрет не властен отменить его, но он может упорядочить его, дать генеральному штабу наиболее разумный организационный облик. И этот облик должен отвечать всем особенностям армии.

Мы далеки от того, чтобы, отстаивая необходимость генерального штаба, становиться на точку зрения его непогрешимости. Грехов у всякого генерального штаба, в том числе и русского, было много, но с ними надо бороться, а для этого прежде всего необходимо юридически его признать.

Драгомиров, бывший в 1866 г. военным агентом при прусской армии, идеализировал в лице австрийского генерального штаба его отрицательные черты, его пороки и указал на важнейшие опасности [1]):

„Корпус австрийского генерального штаба отличается ученым педантизмом при полном отсутствии практичности. Расчеты кабинетные умеют делать, но задаваться целями — нет. Диспозиции и инструкции составляют до крайности длинные и с претензией написать все так, чтобы начальнику приходилось в деле не столько думать, сколько припоминать, какой параграф он в ту или другую минуту должен исполнить".

„Причину такого направления австрийского генерального штаба позволяю себе объяснить так: будучи представителями теоретических познаний в армии, в которой дух офицеров не располагает к приобретению этих познаний, офицеры генерального штаба по необходимости поставлены в положение изолированное; вследствие этого между ними, вероятно, много есть таких, которые веруют в свое неизменное превосходство над строевыми офицерами только потому, что с грехом пополам знают, положим, военную историю. В свою очередь, строевые не могут не возмущаться подобным самомнением, тем более, что при столкновении с практикой дела, оно нисколько не оправдывается и ведет к самым смешным промахам, когда речь зайдет о жизни войск.

[1]) М. Драгомиров. Очерки австро-прусской войны в 1866 г. Спб. 1867, стр. 78—79.

Таким образом, одни воображают о себе более, чем стоят, другие их чуждаются более, чем те заслуживают, и эти две силы, вместо того, чтобы итти рука об руку, подрывают, топят друг друга, не имея достаточно пунктов соприкосновения между собой, а следовательно, взаимного понимания".

Граф Чернин, умнейший австрийский политик мировой войны, констатирует, что многое из этой Драгомировской характеристики австрийского генерального штаба было еще верно и спустя 50 лет: „Часть нашего генерального штаба была совсем плоха. Были исключения, но они только подтверждали правило. Прежде всего у генерального штаба не было никакого контакта с войсками. Господа из генерального штаба заседали в тылу и писали приказы. Почти никогда не встречались они с солдатом там, где свистят пули. Войска во время войны научились ненавидеть генеральный штаб. Иначе было в германской армии. Германские офицеры генерального штаба требовали многое, но многое они и сами давали; и прежде всего они и себя подставляли под пули и подавали пример" [1]). Действительно, работник генерального штаба всегда должен быть готовым расхлебывать вместе с войсками заваренную им кашу, и не устраивать из своего письменного стола баррикаду, отделяющую его от поля сражения. Людендорф, один из вдохновителей идеи штурма Льежа на четвертый день мобилизации, сохранил свой авторитет в армии только благодаря тому, что в момент, когда штурм захлебнулся, встал во главе кучки бойцов и прорвал обвод крепости.

Наличность сработавшегося генерального штаба, в числе других преимуществ, позволяет обходиться лаконичными распоряжениями. При первой встрече работников передача оперативной мысли потребует большого количества строк; помимо особенностей данного решения, потребуется ряд соображений общего характера; но чем глубже общие взгляды одной инстанции будут известны другой инстанции, тем кратче может быть выражена оперативная мысль, и, несмотря на эту краткость, меньше будет оставаться поводов для разномыслия. Как два аппарата Юза, стоящих на двух концах проволоки, должны быть предварительно настроены ме-

[1]) Czernin. Im Weltkriege, стр. 28.

хаником, чтобы быстро и толково печатать передаваемую депешу, точно так же и генеральный штаб обеих сговаривающихся инстанций должен быть предварительно настроен опытным в стратегии и оперативном искусстве мастером.

Генеральный штаб должен говорить на одном языке, влагать одни и те же мысли в определенные выражения.

Конечно, достигнуть, чтобы весь генеральный штаб держался одних взглядов, нельзя, в особенности в нашу эпоху лихорадочного развития военного искусства. Полное единство доктрины, отсутствие различий в толковании оперативных и тактических вопросов, могло бы быть достигнуто лишь ценой остановки усилий к дальнейшему развитию. Такое единство доктрины казалось достигнутым перед мировой войной в прусском генеральном штабе—но лишь для недостаточно внимательных наблюдателей. Сами немцы отрицают его. Ход военных действий показывает, какие различные выводы делали из одной и той же военной обстановки различные вожди (Мольтке, Фалькенгайн, Людендорф). Во всяком случае, обмен мнений в течение долгих лет перед войной помогает генеральному штабу укоротить дискуссии во время операций и сократить непроизводительные издержки руководства военными действиями.

Чрезвычайно извращены взгляды на единство военной доктрины во Франции. В период подготовки к войне гонение на инакомыслящих обусловливало чрезвычайно замедленный темп перехода к новым стратегическим и оперативным идеям, общую реакционность французского военного искусства. В течение мировой войны крайним представителем единства взглядов, как вернейшего обеспечения операции, являлся Нивель. Задумав производство сокрушительного прорыва, он требовал прежде всего веры в успех операции, и всех сколько-нибудь сомневающихся начальников отрешал от должности. Начальник артиллерии корпуса, докладывавший, что на его участке атаки неважные наблюдательные пункты, изгонялся. Официальное благополучие этим было достигнуто в высшей степени: все славословили успехи, которые будут одержаны, но писали секретные письма влиятельным политикам, прося их удержать армии от операции, не имеющей никаких шансов на удачу. Повторить эти сомнения перед Нивелем на совещании, специально собранном

министром Пенлевэ, у них не хватило гражданского мужества.

Особенно важна роль генерального штаба по преодолению местных, колокольных интересов. На войне они чувствуются иногда весьма сильно. Два стоящих рядом полка, или корпуса, или фронта, иногда представляют не одно целое, а нечто в роде федерации. Эгоизм высших начальников, их сепаратистические тенденции при всех эпохах и режимах поразительны. Высший командный состав поддается дисциплинированию несравненно туже, чем красноармейцы. Генеральный штаб—это агенты одного целого, не связанные с местными интересами данной части, с данными традициями, а связанные с идеей победы на вооруженном фронте в целом. Его обязанность—выдвигать эти общие цели и бороться с колокольными уклонами.

Место ставки. В XVII и XVIII веках войной обычно руководили не из действующей армии, а из столицы. Командующие армиями являлись лицами, подчиненными в стратегическом отношении центру. Несмотря на отсутствие телеграфа, вопросы о вступлении в генеральное сражение и о направлении развития операций весьма часто отсылались с курьером на разрешение в центр. Такое управление отвечало требованиям войн на измор; действительно, операции преследовали лишь ограниченные цели; значение общего политического руководства войной было велико; нужно было также сообразовать средства государства с напряжением войны. В последние годы Семилетней войны, Австро-Венгрия, по экономическим соображениям, начала сокращать свою армию. Из столицы были виднее пределы достижимого напряжения, возможности пополнения магазинов и уплаты жалованья войскам, а также возможности вербовки новых укомплектований.

В XIX веке, при Наполеоне и Мольтке, имело место несколько сокрушительных войн, в которых все руководство войной было перенесено в действующую армию. Тыл работал лишь в период подготовки к войне; с началом военных действий вся его жизнь и работа отходили на второй план. Война велась преимущественно за счет припасенных заранее для нее сил и средств. На театре войны создавался решительный пункт; от исхода событий на нем зависела

участь государства. В этих условиях естественно весь центр тяжести руководства кратким, сокрушительным походом переносился в действующую армию и даже на важнейший участок поля сражения. Фош в своем стратегическом труде упрекает Мольтке за то, что в течение сражения Гравелот-Сен-Прива он оставался в 12 километрах от решительного пункта сражения, находившегося на левом фланге. Прусский военный министр в 1870 году сопровождал штаб главнокомандующего, олицетворяя подчиненное положение тыла.

В XX веке во многих отношениях, в том числе в управлении, мы стоим ближе к XVII, чем к XIX веку. Мы ведем преимущественно ограниченные операции стратегии измора; тыл и его работа чрезвычайно выросли в своем значении, политический и экономический фронты борьбы напрягаются в страшной степени. Нам рисуется, что необходимо сосредоточить в современных условиях стратегическое руководство в столице. Только в этом случае удастся обеспечить согласованность действий на вооруженном фронте с другими фронтами и избегнуть многих недоразумений. Само собой разумеется, что необходимо постараться обеспечить для стратегических работников такую же возможность сосредоточения на своей работе, изоляции от интересов обывательского существования и такую же возможность сохранения скрытности, как это достигается при расположении ставки в глухом пункте (например, в 1914 г. в Барановичах). Фалькенгайн в мировую войну дебатировал вопрос о том, должен ли военный министр находиться в тылу, или в ставке. Мы отвечаем: место ставки в тылу. Это не препятствует ставке, в случае необходимости оказания давления на оперативное руководство, выдвигать на важнейшее направление временный оперативный пункт — может быть, в место, где располагается штаб фронта, а может быть даже впереди него, в виде поезда, подходящего к линии фронта на дальность автомобильной или аэропланной рекогносцировки.

Ориентировка в действиях своих войск. Сила управления заключается в его ориентировке. Кто знает, тот и командует.

Ставка должна стараться найти непосредственный контакт с линией фронта, помимо иерархической лестницы

штабов. Кроме количественных, хронологических, геометрических данных, доставляемых последними, необходимо иметь еще ясное представление о том, что происходит в действительности при боевых столкновениях, какова их природа, каковы достоинства войск обеих сторон, их тактика и психика, с каким коэффициентом надо учитывать поступающие сводки. Но этого сближения с фронтом можно скорее достичь рекогносцирующими сотрудниками, а не относительным видвижением самой ставки. Изучение новых форм войны представляет одну из необходимых отраслей деятельности высшего командования; понять и оценить новый ход событий войны можно лишь, меряя их новым масштабом.

Необходимой предпосылкой верного решения является правильная, трезвая оценка своих войск; надо знать, что войска могут дать, чтобы предъявлять к ним разумные требования. В своем сознании вождь не должен скрывать никаких недостатков своих частей и не преувеличивать их достоинств. Только тогда он будет уверенно владеть ими. А так как достоинства войск непрерывно в течение войны изменяются, то вождь должен обеспечить себе тесную связь с ними, и в особенности точное наблюдение за картиной их действий в бою, где пульс бьется сильнее и где достоинства и недостатки рельефно выступают наружу.

Наполеон обыкновенно около полуночи располагал уже данными о пунктах, достигнутых корпусами накануне, и мог отдать приказы на следующий день. Ночь, в течение которой войска отдыхали, представляла достаточный промежуток времени, чтобы все донесения достигли ставки, и реакция на них, в виде приказов полководца, достигла войск. Иногда, правда, Наполеону приходилось распоряжаться предвзято, с завязанными глазами (например, в 1809 г. удар главными силами от Абенсберга к Ландсгуту оказался направленным не на главные силы эрцгерцога Карла, а на его левый прикрывающий отряд). В настоящее время, несмотря на телеграф и телефон, ночь не представляет достаточного времени для проработки сводок и решений всем усложнившимся аппаратом управления.

Результаты крупных боевых столкновений выясняются не так скоро. Значение победы под Кенигрецом выяснилось для Мольтке и пруссаков только на третий день; р. Эльба,

за которую отступили австрийцы, скрывала от пруссаков состояние побежденных. Вечером после сражения Мольтке послал в Берлин телеграмму, в которой говорилось о 20 захваченных орудиях; на следующий день он увеличил эту цифру до 50; в действительности же у австрийцев было захвачено 174 орудия, но подсчет их потребовал значительное время. Наш военный агент, М. Драгомиров, находившийся на прусской стороне, заметил, что между победителями находились и такие, которые вечером после сражения спрашивали—кто же победил, мы или они? „Должно быть подобные столкновения не менее ошеломляют победителя, чем побежденного“ [1]).

В мировую войну полупобеда русских у Гумбинена задала тяжелую задачу русской и немецкой ставкам. Отступление германской армии началось вечером 20 августа, а еще утром 22 августа ни германское, ни русское высшее командование вполне ясно не разбирались в результатах этого столкновения. Германская ставка, чтобы уяснить положение, вступила в непосредственные переговоры с командирами корпусов. Только вечером 21 августа германцы нашли свою 1-ю прусскую кавалерийскую дивизию, ушедшую далеко в русский тыл [2]), а сбежавшую русскую конницу не всю удалось разыскать и 22 августа. В течение 22 августа, когда перед армией Ренненкампфа не оставалось больше противника, армия была усилена, за счет армии Самсонова, II армейским корпусом „вследствие сильного встречаемого сопротивления“.

Важнейшие ошибки Мольтке младшего в руководстве войной связаны с тем, что он стеснялся установить свой непосредственный аппарат осведомления, посредством отборных офицеров генерального штаба, посланных в штабы армий и самостоятельно доносящих о достигнутых результатах. На настояния своих помощников Мольтке отвечал, что ни германские командующие армиями, ни их начальники штабов не заслуживают такого проявления недоверия. В результате, оценивая итоги пограничного сражения, он оказался во власти официального оптимизма иерархических инстанций.

[1]) М. Драгомиров. Очерки австро-прусской войны в 1866 г. стр. 189—190.

[2]) Reichsarchiv. Der Weltkrieg, т. II, стр. 102—108.

Мольтке настолько ясно отдавал себе отчет в решительном значении предпринятой на французском фронте операции, что, получив панический доклад о неудаче под Гумбиненом, отказался послать немедленно подкрепление в Восточную Пруссию с запада; мышление Мольтке в промежуток 21—23 августа характеризуется тем, что оставшийся в Германии на охране побережья IX резервный корпус он приказал 22 августа вести на французский фронт, а 33-я и 34-я ландв. бригады были задержаны на побережье, чтобы в случае нужды следовать за IX резервным корпусом. Но когда 24 августа Мольтке начал получать из всех армий донесения о многих тысячах пленных, массах захваченных орудий, огромных потерях французов, то Мольтке сделал основную ошибку—поверил им и принял решение перебросить 6 корпусов в Восточную Пруссию, по два с правого крыла, центра и левого крыла. Согласно отданным в ночь на 25 августа распоряжениям, началась действительно перевозка Гвард. резервного и XI корпусов, ослаблявшая важнейшее германское правое крыло. Другие перевозки задержались и были отменены [1]).

В гражданскую войну истинный облик многих событий вовсе не доходил до ставки. Не все штабы работали достаточно объективно. 18 августа 1920 года Западный фронт стремился сохранить оптимистический взгляд на развитие польского удара с юга. Начальник 8-й дивизии донес вечером 16 августа, что „части Мозырской группы повидимому совершенно рассеялись“, а на следующее утро „моя дивизия, как управляемая дивизия, уже исчезла“. Между тем фронт еще 18 августа объяснял, что „8-я дивизия частями атаковала Гарволин, но по случаю смены невполне планомерно и отошла к Ново-Минску“, „отход 16-й армии и Мозырской группы объясняется сильным истощением и переутомлением последней“. Высшее командование оперировало уже исчезнувшими единицами. Еще 23 августа, когда операция была совершенно закончена, ставка писала о том, что противник сейчас сам втягивается в рискованную для себя операцию, при чем уже теперь этот риск для противника увеличивается с каждым его шагом вперед. Это

[1]) Ibidem, т. I, стр. 433—440.

обстоятельство дает нам полную возможность сравнительно малыми силами, без труда вырвать у противника инициативу действий"... Никакой фактической почвы не было перед рассуждениями этой директивы [1]).

Быстрота ориентировки высшего командования во многом определяет методы руководства операциями. В условиях маневренной войны требуется по крайней мере 18—24 часа для того, чтобы высшее командование весьма приблизительно было осведомлено о происшествиях на фронте; особенно запаздывает ориентировка в моменты кризисов, когда многие важные линии связи перестают работать. В условиях позиционной войны довольно точная ориентировка получается уже через 12 часов; а посредством разговоров по телефону и телеграфу, с пропуском некоторых иерархических инстанций, Людендорф добивался даже, в 1918 г., осведомления о прорывах неприятеля через 6—7 часов после начала таковых.

Из этих данных надлежит сделать заключение, что высшее командование, в условиях маневренной войны, обыкновенно будет в состоянии реагировать на происшествия на фронте не на следующий день за событиями, а лишь на третий день; в позиционной войне реакция может последовать в течение того же самого дня: дивизии, находящиеся в резерве, близ железнодорожных станций, где имеется накопленный железнодорожный состав, уже через 10—12 часов после начала событий на фронте могут начать переброску по новому назначению. Отсюда, в условиях позиционной войны можно допустить несравненно большую централизацию управления, чем в маневренной. Если в последней все важные решения должны итти сверху, то они будут непременно значительно запаздывать и не отвечать быстро развивающейся обстановке. Если с момента события на фронте до приступа к фактическому исполнению распоряжений ставки должно пройти 3—4 суток, то, конечно, необходимо, чтобы ставка стремилась удержать в своих руках лишь распоряжения мероприятиями, имеющими длительный, основной характер; все же, что имеет менее дальнобойный характер, должно быть передано на усмотрение подчиненных инстанций.

[1]) Б. Шапошников. На Висле. Стр. 101, 183, 190.

Ориентирующая, целеуказующая работа ставки явно должна итти спокойным, ровным, уверенным темпом. Нервность работы свидетельствует о дефектах организации или руководства, и сейчас же передается всем подчиненным инстанциям.

Диагноз неприятельских намерений. Если данные о действиях своих войск поступают высшему командованию с значительным запозданием и в недостаточно точном виде, то еще большие трудности предстоит преодолеть для того, чтобы ориентироваться относительно неприятеля.

Прежде всего необходимо отдать себе отчет в развертывании неприятельских сил, в резервах, коими располагает неприятель для связи с тылом и для рокировок; знакомство с общими политическими и экономическими предпосылками у неприятеля и с характером его руководящих вождей должно помочь нам охватить важнейшие мотивы, на которых будет строиться логика неприятельских решений. Ошибочно предполагать, что неприятель будет поступать школьно правильно и встретит наш маневр наиболее естественными, на наш взгляд, контр-мероприятиями. Неприятель будет руководствоваться не нашей, а своей логикой, имеющей другие основы, и проникнуть в диалектику неприятельского мышления чрезвычайно важно. Изучить неприятельскую армию—это, прежде всего, уяснить себе *что* она будет делать в критический момент. Необходимо быть психологом, знать этнографические особенности неприятельского народа, все его социальные группировки и их устремления, остро оценивать малейшие детали, не теряя при этом из виду широкие точки зрения—и лишь тогда удастся вполне сообразовать решение с поведением неприятеля. Ведь операцию приходится вести не против неподвижно застывшего врага, а бить его на лету. Армия Бенедека в 1866 г. была еще у Ольмюца, когда Мольтке намечал удар на нее, с двух сторон, в районе Гичин — Иозефштадт. Седанский маневр армии Мак-Магона представлял собой жесточайшее отступление от школьной логики; и однако, его в зародыше уже одновременно разгадали два человека—Подбельский, генерал-квартирмейстер Мольтке, и Фридрих Энгельс. Наполеон в течение почти всей своей военной карьеры решал свои задачи наступательно, и однако, в осеннюю компанию

в 1813 году, можно было предугадать, что он перейдет на Эльбе к стратегической обороне, изучив состав французской армии, громадное большинство в коей образовывалось новобранцами. Если войска только что сформированы и неимеют организованного тыла (армии Гамбеты в 1870 г., армии гражданской войны 1918 г.), можно предусмотреть, что они окажутся пришитыми к железной дороге и будут маневрировать только вдоль рельсовых путей. В самом начале мировой войны можно было бы предвидеть, что англичанам удастся создать позиционную, но не маневренную армию.

Весьма важно, чтобы всю разведочную работу объединяла одна голова, освобожденная от всяких других забот. Не следует останавливаться перед тем, чтобы выдвигать на нее наиболее талантливого сотрудника полководческого штаба. Разгадка неприятельской стратегии может быть по силам только выдающемуся уму. Профессиональная работа разведочных органов часто далеко отстает от уровня, требуемого для того, чтобы сделать из разведочной работы нужные стратегические заключения, и соответственным образом организовать и саму разведку.

Надо уметь решаться с наличными сведениями о противнике, которые почти никогда не будут полными и достоверными. Стратегическая разведка даст сведения недостаточные и запоздалые. Важнейшие сведения базируются скорее на приметах и догадках, чем на положительных данных. К розыгрышу операции приступают в темную. Совет систематиков, что надо принимать к учету только вполне достоверные данные, вызывает у Клаузевица лишь насмешку над непониманием сути дела. Эти достоверные данные имеются лишь в редких случах,—и тогда оперативная работа упрощается до крайности.

Принятие решения. Стратегическое решение заключается по преимуществу в постановке промежуточной цели, которая являлась бы кратчайшим логическим звеном на пути к конечной цели и которая в то же время отвечала бы имеющимся для достижения ее средствам. Военные действия ведутся не лирикой и не декламацией или реминисценциями, а определенными материальными средствами. Если цель не будет находиться в соответствии с имеющимися материальными средствами, то идея, заложенная в наш замысел, обратится в „фразу“ и получит выражение в виде бесплодного размахивания кулаками, удара же, способного столкнуть противника и привести нас к венчающей операции оперативной победе, не получится. Такой „фразой“ являлась, например, идея наступления французского плана операций (№ 17) в августе 1914 года; в пограничном сражении 19—23 августа французская стратегия только размахивала кулаками и подвергала свои армии величайшей опасности.

Настоящий стратег не только стоит на почве действительности, но пускает в нее корни; эта реальность питает его фантазию; его творчество орудует только с имеющим реальное бытие материалом. Его желания и надежды не витают в четвертом измерении, а растут из действительности.

Цель намечаемой операции должна быть уяснена в полной мере; неясные формулировки цели, ограничивающиеся указанием направления и допускающие несколько толкований, не должны допускаться, так как они неизбежно вызовут в период операции шатание в решениях, со всеми отрицательными последствиями колеблющегося, нетвердого управления.

Правильное решение может быть избрано лишь после зрелого размышления над обстановкой. Анатоль Франс как-то заметил, что он завидует двум профессиям, свободным от мук сомнения,—священникам и солдатам. Эта точка зрения на военное искусство, как на нечто прямолинейное, требующее лишь решимости, определенности, врожденного темперамента, может быть известной хитрости, но не высших проявлений рассудочных способностей человека, представляет старое, освященное традициями, заблуждение. В вербовочных армиях XVIII века, действительно, господствовала идеология, не допускавшая у военных никаких колебаний. Военный должен был давать быстрый ответ на любой вопрос. Шарнгорст, перейдя на прусскую службу, застал в начале XIX века такое положение, что жаловался на то, что не может получить от офицеров обдуманных, сознательных ответов—каждый стремился выпалить ответ, как можно скорее, не углубляясь в суть дела. Это была та же школа борьбы с „немогузнайством“, которая у нас идеали-

зируется в лице Суворова [1]), и которая приводила к скалозубовским сентенциям. Гражданские лица смотрели на проявление военной мысли с определенной снисходительностью. Вяземский, защищая произведение близкого к декабристам Орлова, утверждал, что от пера, очиненного шпагой, вообще нельзя требовать более высоких достижений [2]). Утверждали, что всякий глубокий теоретик (например, Клаузевиц) на приктике окажется слабым, так как ему не будет хватать большого числа данных для решения, и он будет предвидеть всевозможные отрицательные последствия любого решения. Провозглашались достоинства слепоты: Измаил мог быть взят штурмом только ночью, а на рассвете наши воины, с высоты его валов, могли только удивляться тому, как они решились вскарабкаться на такие кручи [3]).

В особенности опасно, когда люди несильного характера захотят проявить упорство. Выше мы очертили, как Мольтке, под влиянием преувеличенных известий о результатах пограничного сражения, принял в ночь на 25 августа 1914 г. решение о переброске войск с французского фронта в Восточную Пруссию. 27 августа назначенные корпуса—Гвардейский резервный, XI и V—только собирались у погрузочных станций. Между тем, данные, полученные за 26 и 27 августа, не подтверждали первых известий о крупной победе в пограничном сражении. Из Восточной Пруссии пришли первые победные донесения Людендорфа об успешном ходе операции против Самсонова, о том, что 2—3 русских корпуса уже разгромлены, а назавтра ожидается большая победа. Домес и Тапен, ближайшие к Мольтке офицеры генерального штаба, докладывали о желательности и возможности отменить переброску. Но Мольтке опасался невыгодного впечатления, которое произведет оттягивание корпусов от фронта и возвращение их затем, и согласился отменить перевозку лишь V корпуса. Мотивируя свой отказ, Мольтке повторил известные слова: ordre, contre-ordre, désordre (приказ, контр-приказ, беспорядок [1]). Судьба Марны была решена.

Диалектика не может быть изгнана из обихода стратегической мысли, так как составляет ее существо. Чтобы освободиться от блуждания в деталях, нужно возможно чаще возвращаться к самым широким точкам зрения. Стратег должен быть готов взращивать свои решения в тяжелой борьбе с сомнениями. Наибольшую опасность представляет переход от дерзости к малодушию, всегда свойственный быстрым и энергичным, но не зрелым решениям. Митинговая впечатлительность и импульсивность для стратегии не имеют никакой цены.

Активность. Широкие замыслы, как и всякого рода воздушные замки, не требуют каких-либо материальных средств. Однако, человек ничто не может создать, в его силах только организовать и дисциплинировать; поэтому великих результатов он может добиться, лишь располагая достаточной базой, средствами, соответственными поставленной себе цели. Стратегическая мысль не всегда, однако, бывает достаточно дисциплинированной, чтобы согласиться с такими скромными утверждениями. Профессор Фош проповедывал априорную обязательность наступления: чем слабее мы, тем обязательнее для нас наступление. Правда, будучи поставленным в 1918 г. главнокомандующим Антанты, он первую половину 1918 г., когда у него не было перевеса

---

[1]) Не будем слишком жестоки в своих суждениях ни по отношению Фридриховских военных, ни по отношению к школе Суворова: еще перед самой мировой войной, в Париже, всемирном центре цивилизации, в Сорбонне держалась философия Бергсона, возвеличивавшая интуицию и весьма скептически оценивавшая рассудочную способность человека: „разум своим ледяным прикосновением сушит все, до чего он дотрагивается; реальное, конкретное, живое ускользает от него; разум может лишь заморозить его, обеднить его под предлогом анализа".

[2]) Гершензон. История молодой России, стр. 22.

[3]) Продолжая это рассуждение, можно было бы утверждать, что некоторые рискованнейшие операции гражданской войны удалось осуществить благодаря неосведомленности начальников в оперативном искусстве, что позволяло им действовать, как ночью, не замечая риска, которому они подвергали свои войска. Это, конечно, неверно. Суворов перед штурмом Измаила устроил учебные валы той же профили, и упражнял на них войска днем, прежде чем двинул их ночью на штурм. Приобретенные после окончания гражданской войны отличившимися в ней начальниками военные знания не помешают им одержать новые успехи, но, конечно, потребуют затраты на вполне сознательные решения большого количества моральных усилий. Преувеличенная осторожность и глубокое понимание дела, требующего риска, по существу, ничего не имеют общего.

Диалектика признавалась чем-то в корне противоречащим требованиям военного искусства.

Конечно, чтобы удержаться на правильно избранном решении, недостаточно еще быть теоретиком. Философ может быть в жизни ребенком; но с ребяческим мышлением нельзя подходить к стратегическим проблемам Непреклонная воля выражается не в сохранении раз взятого направления а в том, что ни на одну минуту не упускать конечную цель.

---

[1]) Reichsarchiv. Der Weltkrieg, т. I, стр. 604—609.

сил, провел в обороне, а во вторую половину, когда у него получился значительный перевес, перешел в наступление.

Весьма часто наблюдаемые ошибки в постановке цели, несоответствующей имеющимся для достижения ее средствам, объясняются отчасти ложными идеями об активности. Оборона получила малопочетный эпитет „подлой“. Все академические курсы перед войной в один голос восхваляли достоинства наступления, активности, захвата инициативы [1]). Однако, истинная активность заключается прежде всего в трезвом взгляде на условия борьбы; надо видеть все, как есть, а не строить себе обманчивую перспективу. Инициатива может трактоваться, как узкое понятие, определяемое исключительно временем — предупреждение неприятеля, захват почина действий. В таком случае мы должны будем согласиться с Клаузевицем, что все преимущества инициативы исчерпываются выигрышем, который дает внезапность, поскольку последняя будет вытекать из захвата нами почина действий; в противном случае инициатива в стратегии также убыточна, как и в игре. Однако, возможно сохранение в своих руках инициативы толковать и более глубоко, как искусство проводить свою волю в борьбе с неприятелем. Истинная инициатива может заключаться в том, что неприятель будет принужден к нападению в невыгодных для него условиях. Кто подлинно владеет инициативой—осаждающие крепость войска, или гарнизон, производящий вылазку?

[1]) Больше всех усердствовали в этом отношении французы. В мышлении Грандмезона, стоящем на высоте воздушных замков французского плана развертывания № 17, все извращения дошли уже до эксцесса, и понятия получили иное значение. Человеческому роду свойственно доходить до такой точки. Вот замечание, относящееся к Пелепонесской войне, предшествовавшей мировой на 2.344 года и записанное современником: „Даже слова стали употребляться не в том смысле, как раньше, и получили другое значение. Бессмысленная отвага стала называться служебным рвением; рассудительность — скрытой трусостью, разум — покровом к безучастию; лицо, стремившееся всегда действовать строго обдуманно, называлось простофилей. Сумасшедшее движение напролом понималось, как мужество, а умеренность—лишь как благовидный предлог уклониться. Кто громко ругался, считался самым надежным, положительным человеком, и противоречить ему— значило стать подозрительным гражданином. Изменником и паникером звали того, кто предлагал держаться не компрометирующего образа действий“. Фукидид, III. 82. Перевод Мищенко-Жебелева (изд. Сабашниковых, 1915 г.), стр. 225, исправленный по Ed. Schwarz. Thucydides und sein Werk. „Hans Delbrück Weltgeschichte, т. I (1924 г.), стр. 283. Только в обстановке такой психологии можно понять изгнание генерала Мишеля, предлагавшего готовиться к немецкому обходу через Бельгию, и замены его Жофром.

Тактически инициатива принадлежит несомненно гарнизону, но оперативную инициативу несомненно сохраняют осаждающие, вынуждающие гарнизон на вылазку, могущую его привести к поражению и лишенную каких бы то ни было оперативных перспектив. Такими вылазками, по существу, являлись наступления Людендорфа в 1918 году на Западном фронте, вынуждаемые истощением сил блокированной Германии и ожидаемым прибытием американских подкреплений. Не всякое продвижение вперед является, в сущности, стратегическим наступлением [1]).

28 сентября 1914 г. 9-я германская армия перешла в наступление севернее верхней Вислы, из верхней Силезии, для нанесения удара в охват правого фланга вторгнувшихся в Галицию русских армий. Однако, уже 4-го октября Людендорф составил себе впечатление, что русские на средней Висле изготовляются встретить его охват превосходными силами, которые перейдут в наступление на всем фронте от Варшавы до устья Сана. Движение 9-й германской армии вперед продолжалось, еще более спешно и на более широком фронте, однако целью этого движения было уже не нанесение русским удара, а занятие вдоль Вислы удобного оборонительного расположения.

Такой захват географического рубежа, удобного для обороны, вполне можно расценивать, как оперативное наступление. Но, с точки зрения стратегии, Людендорф, продолжая движение вперед к Висле, уже перешел к обороне, так как от преследования позитивной цели — нанесения удара правому крылу русских—он перешел к негативной цели—удержанию его на период времени развития австрийского наступления на р. Сан.

Наступление во что бы то ни стало, как априорно избираемый способ действий, приводит к тому, что наши силы расплываются там, где это допускает неприятель, активность вырождается в бессилие, в наступательную фразу, в очень сомнительное залегание фронта где-то впереди и возвращение „в исходное положение“.

[1]) Вилизен и фон-дер Гольц признают стратегическим наступлением только такое, которое грозило бы захватом неприятельских сообщений (обход или глубочайший прорыв).

Высшее командование и тактика. Характер тактических действий определяется условиями, складывающимися в бою. Уставы и инструкции во время боя являются законом лишь постолько, посколько они отвечают требованиям боя. Отсюда, однако, было бы ошибочно делать вывод, что высшее командование в течение войны может, сложа руки, предоставить тактике стихийно развиваться.

Высшее командование, прежде всего, должно отчетливо сознавать особенности тактических действий неприятельских и наших войск, их сильные и слабые стороны; это необходимо, чтобы разбираться в результатах боевых столкновений, уяснить себе намерения и логику неприятеля, понимать технику оперативного искусства; одна из основных задач управления на вооруженном фронте—постановка наших войск в более выгодное тактическое положение — без этого не будет достигнута. Например, в русско-турецкую войну 1877 года, сильной стороной турок являлось быстрое возведение укрепленных позиций и упорная их оборона, а слабой стороной—неспособность ни к маневрированию, ни к наступлению, выходящему за рамки частной контр-атаки. Отсюда, разумеется, для стратегии следовало заключать не о необходимости лобовых атак на плевненские укрепления Осман-паши, а о смелом маневре на его сообщения, который бы вынудил турецкого генерала выйти на чистое поле, наступать и маневрировать.

Но высшее командование не может становиться и на точку зрения рабского подчинения той тактической действительности, которая складывается на поле сражения. Подготовка и воспитание войск и их начальников, различные нормы снабжения войск техникой, различные нововведения и изобретения составляют также существенную часть боевой действительности. Будучи ориентированным в том, что происходит на поле боя, в тактической эволюции, можно пытаться влиять на нее. В тылу формируются и обучаются новые дивизии, работает целая сеть военных школ—и для подготовки молодых командиров и для повышения технической квалификации несущих уже службу на фронте работников. Ежемесячно фронт обновляется на 5—20% свежими пополнениями. Материальная часть на фронте сгорает так же быстро, как и люди. Этот поток освежения, усиления, перевооружения, переобучения нуждается в руководстве. Опыт искуснейших тактических начальников должен быть подвергнут оценке и распространен на все вооруженные силы. Верные и ценные выводы—удел немногих умов—но использовать их может вся масса. Эти тактические выводы представляют только часть искусства ведения военных действий, и потому должны согласоваться с требованиями стратегии и оперативного искусства. В русской армии такая тактическая работа в мировую войну самостоятельно не проделывалась; мы пользовались переделками и прямыми переводами французского тактического опыта, исходившего из совершенно отличной стратегической обстановки; эти чуждые переводы скорее путали войска, чем помогали им.

Определенные требования стратегии—необходимость подготовки к маневренной войне, или к обороне в позиционной войне, или к прорыву, или к десанту, необходимость жесткой обороны на известных участках, без уступки неприятелю территории, или необходимость экономить живую силу, вести затяжные бои, в особенности на растянутых фронтах и т. д., являются директивами, из которых должна исходить тактическая подготовка и регулирующие ее инструкции. В мирное время обстановка бывает не столь ясна; однако, французская тактика явно исходит из очень определенных и, повидимому, весьма мало применимых к русским условиям оперативных воззрений. В военное время тактика вовсе должна отказаться от энциклопедичности, и разучивать только приемы, требуемые стратегией. Судить об этом может лишь высшее командование.

Но как ни важны тактические требования, предъявляемые к высшему командованию, мы предостерегаем от увлечения тактическими специалистами на высоких постах, так как основная деятельность высшего командования имеет совершенно отличный характер.

Скрытность. Внезапность, главный козырь наступления, является, по Клаузевицу, орлом, у которого два крыла—скрытность и быстрота. Оперативное искусство и соответственная подготовка должны обеспечить быстроту развития операции; но ни тщательнейшая оперативная маскировка, ни крайнее напряжение усилий войск не принесут ника-

ких плодов, если неприятель проникнул в тайну наших намерений.

Легче всего проникать в важнейшие стратегические тайны тех государств, где не делается различия между действительно секретными данными и такими секретами, которые, по своей природе, являются общим достоянием — например, двухверстными топографическими картами, данными бытового или тактического характера. В Австрии перед мировой войной все почиталось секретом, и все военные секреты продавались от трех рублей и немногим дороже. Австрийский генерал Краус (начальник военной академии, в мировую войну начальник штаба фронта) сообщает, что в 1909 году, в момент кризиса австро-сербских отношений, он узнал о стратегическом развертывании, намеченном против Сербии, из разговоров офицеров в уличной венской кофейне. В течение войны даже на оперативных приказах и донесениях, в целях тайны, не проставлялось название селения, откуда оно посылалось, а писалось „место стоянки". Не легко теперь разбираться в австрийском архиве войны! Крупные штабы обозначались условным именем: псевдоним штаба балканского фронта был „узел-принц"; к чему мог служить такой секрет, расписанный на всех домах населенного сербами города Валиево, и сколько минут он мог остаться неразгаданным? Во избежание привлечения внимания, воспрещался приезд в ставку командующего и его начальника штаба для выяснения важных недоразумений, если им была поручена подготовка к ответственной задаче. Все это плодило крупные трения. В то же время, тайно подготавливая весенний удар 1916 года из Тироля, австрийцы переименовали находившийся в Тироле на правах штаба отдельного корпуса „штаб территориальной обороны" в штаб 11-й армии. А так как этот штаб находился в переписке со многими государственными учреждениями Австро-Венгрии, то сразу же было привлечено общее внимание к подготавливающейся операции [1]).

Применение условных наименований „работы Альбериха", „позиция Зигфрида", „Михайловская атака", как то делали германские штабы в период подготовки операций, при-

[1]) Alfred Krauss. Die Ursachen unserer Niederlage, стр 122, 141, 186, 189.

носит несомненно пользу. Однако, эти слова должны выбираться из числа совершенно неупотребляющихся в обычном военном языке (лучше всего брать их из имен греческих философов, или былинного эпоса), дабы не вызывать недоразумения. Ни в коем случае нельзя допускать шифровку в оперативной переписке наших намерений так называемым на чиновничьем жаргоне „двойным хлюстом", что может только вызвать трения; такова была, например, директива Юго-Западному фронту от 23-го июля 1920 года, в которой указывалось конной армии, обеспечив себя со стороны Львова, сосредоточить свои конные массы на узком фронте и действовать таковыми в определенно выбранном направлении, не распыляя их и не ослабляя тем силу удара. По объяснению Б. Шапошникова [1]), слова „в определенно выбранном направлении" означали в направлении на Люблин, что командованию фронтом было известно и что являлось шифровкой намерений нашей ставки. Как известно, конная армия на Люблин во - время не пошла; если приказ направляться ей туда не получил столь хитро затушеванный вид, а был бы во время отдан черным по белому, он, вероятно, возымел бы несколько большее действие.

Современные средства связи носят в себе большие опасности разглашения тайны. Документы, посылаемые с автомобилем, гораздо чаще попадают в руки неприятеля, чем с конным. Автомобиль связан дорогами, не опрашивает встречных, легко попадает в засаду, в несколько минут проскакивает из зоны, занятой нами, в неприятельскую. Известно, как военные инженеры Новогеоргиевска с планами крепости на автомобиле въехали в расположение германцев, шедших аттаковать Новогеоргиевск. Случаев захвата важных приказов, передававшихся на автомобиле, в маневренный период мировой войны было много.

24-го августа 1914 года дивизионная кавалерия VI-го французского корпуса захватила германский автомобиль с документами, из которых было видно, что 25-го августа XVI прусский корпус будет атаковать VI французский корпус с фронта, у Отена, и атака будет поддержана 33-й прус-

[1]) На Висле, стр. 92—93. Повидимому, объяснение Б. Шапошникова нельзя рассматривать, как исчерпывающее; необходимо дальнейшее внимательное исследование этого факта.

ской резервной дивизией, которая, выйдя из Меца, будет наносить удар VI корпусу в его правый фланг. Командир VI французского корпуса, генерал Манури, ориентированный столь детально в намерениях неприятеля, подготовил уступ, который должен был сам взять во фланг 33-ю прусскую резервную дивизию при осуществлении ею маневра. Полный успех увенчал его действия—немцы повсюду были отброшены с тяжелыми потерями, а Манури, за свою победу был назначен командующим 6-й армией [1]).

Несравненно большую опасность представляет радиотелеграф. Государство, не пожалевшее средств на устройство института с сотней сотрудников, имеет возможность в течение 24 часов разбирать любые шифры, если в депеше содержится достаточное количество строк. На этом погибли кадры русских войск в 1914 году и создалась репутация германских генералов.

Утром 31 августа 1914 года башня Эйфеля приняла и расшифровала германскую радиограмму—германской коннице переправиться через реку Уазу у Бальи и продвинуться к железной дороге из Лана в Суассон, в направлении на Воксальон. Это известие было передано командующему 5-й армией генералу Ларензаку, который перебросил к Воксальону по железной дороге одну бригаду 38-й дивизии, из ближайшей группы Валабрега, усилил ее дивизионом артиллерии, направил кавалерийскую дивизию Абоно с правого фланга армии на помощь ей, через Кран-Вальи [2]). Разумеется, германская конница оказалась не в удачном положении у цели своего набега. А русские все первые 6 месяцев войны сражались в таких условиях.

Таких неосторожностей германского радио-телеграфа можно было-бы привести несколько. Он едва не погубил операцию немцев на окружение в Августовских лесах центра 10-й руской армии, передав диспозицию, которая была дважды зашифрована, но без промедления разобрана башней Эйфеля и своевременно передана в русскую ставку и в штаб 10-й русской армии. Только полная растерянность командования последней выручила немцев. Но все рекорды побил,

[1]) Grouard. La conduite de la guerre jusqu'à la bataille de la Marne. стр. 54.

[2]) Larenzac. Le plan de campagne française, стр. 252.

конечно, русский радиотелеграф в мировую войну. Неаккуратные, ленивые работники в штабах более опасны, чем шпионы и изменники; они охотно обращаются к радиотелеграфу и выбалтывают, иногда даже не шифруя, важнейшие тайны. Любая посредственность у немцев была бы возведена нашим радиотелеграфом в гении. Наш радиотелеграф выдал немцам не только все расположение корпусов Самсонова и их дальнейшие маршруты, но он сообщил им и о том, что Ренненкампф на помощь не идет, и что руки у них развязаны [1]).

Данные стратегического масштаба часто выдаются по скверной привычке младших начальников—переписывать в своих приказах всю ориентировку, даваемую в распоряжениях высших инстанций. На русском офицере в бою под Гройцы 9 октября 1914 года немцы захватили приказ, рисовавший маневр по развертыванию 30 русских корпусов на Висле от Варшавы до устья Сана. Такие данные не должны были бы помещаться даже в приказе по армии, и никак не могли быть у строевого офицера, идущего в бой. Суворовская мысль о том, что всякий воин должен понимать свой маневр, толкуется извращенно. Командиры корпусов могут быть еще устно осведомлены об общих задачах на театре военных действий, но более широкой огласке последние не подлежат. Маневр воина включает только небольшую частицу операции и в ее границах и должен поясняться.

Ту же ошибку сделали поляки в приказе по 3-й польской армии от 8-го августа 1920 года, в котором указывалось, что через 9 дней, на 17 августа, намечается окончание сосредоточения в районе Люблина новой польской армии, имеющей целью ликвидировать русских в северном районе. Эти важнейшие основы намеченной на Висле операции разбалтывались в приказе по армии, чтобы мотивировать задачу, полученную 3-й армией—задержать до 18 августа русских, наступающих к реке Вепрж, с целью охраны

[1]) Приказ по 1-й армии, переданный незашифрованным IV русскому корпусу утром 25 августа. Reichsarchiv Der Weltkrieg, 1914—1918, т. II, стр. 136, 170. Получив эту телеграмму, Гинденбург отказался от первоначального своего намерения оставить против Ренненкампфа XVII прусский корпус, и двинул его против правого крыла Самсонова. Против Ренненкампфа была оставлена лишь 1-я кавалерийская дивизия.

сосредоточения новой армии. Этот приказ 9 августа во Влодаве был захвачен 12-й армией, а 10 августа был известен нашей ставке [1]); если бы не целый ряд трений в управлении, мы могли бы, в течение остающихся шести дней до начала польского удара, изготовиться к его встрече, или даже просто уклониться от него.

Сообщения для печати. Одна из важных функций стратегического руководства—давать ежедневное сообщение в печать о событиях на театре военных действий. При громадных интересах населения, связанных с войной, попытка умолчания о происшедших важных событиях ведет к распространению ложных слухов и чудовищных предположений. Одним из элементов спокойной, регулярной работы тыла является правильное его осведомление. Австрийцы, не дававшие в печать в первые дни войны никаких сведений, скоро почувствовали все неудобства создавшегося положения.

Сообщения для печати должны отличаться безусловной правдивостью; у тыла очень много связей с фронтом; он скоро отдает себе отчет в допускаемых в бюллетенях искажениях истины, и прежде всего пострадает доверие, которым пользуется высшее командование и которое ему необходимо, чтобы справиться с его тяжкой задачей.

Освещание событий на театре войны, искаженное в нашу пользу, представляет и ту существенную невыгоду, что скрывает от населения трудности, которые надо преодолеть, и понижает напряжение усилий для достижения военных целей. Кроме того, у тех событий, о которых дает отчет ставка, есть продолжение, завтрашний день. События должны иметь логику, и если войска повсюду одерживают успехи, а в результате фронт остается на месте, или даже отодвигается назад, то можно притти лишь к печальным для высшего командования заключениям.

Но, конечно, сообщения не должны сеять паники, уныния, и ни в коем случае не говорить о наших предположениях, не разглашать подготовки к новым операциям.

Сообщения воюющих сторон перепечатываются и коментируются всей мировой печатью. Высшее командование

[1]) В. Шапошников. На Висле. Стр. 80, 81, 96, 101, 172, 173.

должно иметь в виду это обстоятельство; в борьбе на политическом и экономическом фронтах данные сообщений играют крупную роль; в „текущем моменте“ агитационных речей и статей они оказываются на первом плане. Тем не менее, от грубо агитационных приемов в тексте сообщений необходимо воздерживаться.

Сообщения играют значительную роль в поддержании в населении интереса к войне, и поэтому должны составляться достаточно литературно и затрагивать интересные темы для военных обозревателей газет и журналов, а не представлять лишь сухие данные о нескольких неведомых массам глухих селениях, утерянных или захваченных нами.

В то же время сообщения иногда должны разрывать покров анонимности и тайны, окружающий действия войск и отдельных начальников. Когда операция уже развернулась и близится к концу, неприятель успевает дать себе отчет о большинстве действующих против него частей. Раскрытие подвигов отдельных дивизий и полков, указание фамилий отличившихся вождей представляет лучшую награду, которую высшее командование может дать героическим частям и их начальникам, при чем эта награда явится и очень важным стимулом для других напрягать свои усилия до крайности.

Анонимность работы вообще не отвечает характеру боевой деятельности. Подвиг требует немедленного признания его таковым, а не устройства впоследствии вечеров воспоминаний. Поэтому высшее командование параллельно должно организовать и широкую поставку в печать военных корреспонденций, отчетов, фотографий и т. д. В большинстве случаев, описание боя, напечатанное через две недели, уже не представляет военной тайны. Только высшее командование компетентно признать отсутствие в данном описании военного секрета, и только оно может прорывать заграждения военной цензуры. Последняя необходима, но бюрократический подход к цензурованию убивает в населении интерес к войне, и, опутывая все действия в армии анонимностью, повышает наглость бездельников и понижает порыв лучших работников.

Ориентировка работы тыла. Высшее командование является руководителем тех колоссальных усилий, которые необходимо сделать, чтобы приспособиться к требованиям войны, всегда оказывающимся новыми. Наилучше подго-

товленная армия окажется на войне, вероятно, не с теми штатами, которые нужны. Нельзя требования войны подгонять под существующие штаты и законоположения, а необходимо последние изменять в соответствии с выяснившейся обстановкой. При этом деятельность управления должна направляться не только на новое штатное творчество, как это было в русской армии в мировую войну, но необходимо немедленно сокращать и органы, оказывающиеся бездействующими, иначе процент нестроевых увеличится неимоверно. Так, позиционная война порождает необходимость во многих новых формированиях; но одновременно она позволяет значительно сократить число имеющихся транспортов и органов, необходимых лишь для глубокого наступления в неприятельские пределы; если это не будет сделано, война сильно удорожится, и в тылу, вероятно, возникнет кризис продовольствия и рабочей силы.

Экономическая мобилизация может быть подготовлена в мирное время в самых общих чертах; разработанная ее программа может охватывать лишь первый период войны. Только война покажет, что нужно войне. Высшее командование должно выдвинуть желательную ему программу заданий промышленности и указать сроки, к которым выполнение этих заданий желательно приурочить. Эта программа должна находиться в соответствии со стратегическими предположениями командования. Отношение между тяжелой и легкой артиллерией, внимание, уделяемое танкам, размер потребности в проволоке для создания многих заборов между Балтийским и Черным морями в значительной степени определяется лишь наступательными или оборонительными намерениями стратегии. Количество метров шинельного сукна вытекает из количества предположенных к призыву возрастов, а сроки их поставки—из ожидаемой последовательности призывов. Процент зданий в городах, которые придется уделить под лазареты, зависит от затишья или бури на фронте. Сеть военных школ, дающих кратковременную и недостаточную подготовку, должна регулировать свой учебный план соответственно количеству ежемесячно требуемых на пополнение командиров.

Громадный процент усилий, даже при организованности войны, затрачивается бесплодно. Повысить эту организованность, ликвидировать лишние рты, использовать все головы и мускулы можно только, установив тесный контакт между ведением военных действий и работой всего государства. Стратег, регулируя ход военных действий, как данную, зависимую от базы, должен докладывать и верховному руководству базы о тех ее усилиях и приспособлениях, которых требует обстановка на вооруженном фронте борьбы. Его работа—это работа заказчика, который не командует производством, но ориентирует его. Окончательное решение принадлежит интегральному руководству войной.

2. Методы управления.

Приказ и директива. Частная инициатива. Меры фактического воздействия. Гармоничность организации. Трения.

Приказ и директива. Начальник может указать подчиненным свое решение или в категорической форме боевого приказа, предусматривающего обстановку исполнения, или в форме директивы, ограничивающейся постановкой цели действий на ближайшие дни и представляющей исполнителю значительную свободу в выборе способов ее достижения.

Иногда вместо „директива“ употребляют русское слово „наставление“, смысл которого, однако, другой. Наставление—это условно обязательная инструкция, ряд советов, часто входящих в детали; в зависимости от обстановки, этими советами исполнитель может и даже должен пренебречь. Смешение директивы с наставлением не должно иметь место. Краткие указания директивы о цели ни в коем случае не должны получать полуобязательного характера. Применение директив, как средства управления, возможно лишь в том случае, если начальник, которому дается директива, воспитан так, что не злоупотребит той свободой исполнения, которую ему дает директива, и действительно будет преследовать указанную ему цель; там, где можно предполагать, что ищется лишь предлог, чтобы заняться своими особыми частными задачами и уклониться от общей работы, там применять управление помощью директив нельзя.

Управление директивами представляет большие выгоды, но при неподходящих начальниках представляет и большие

опасности. Мы полагаем, что важнейшее требование, которое следует предъявлять при подборе высшего комсостава, начиная с командира корпуса, заключается в подборе людей, которыми можно было бы управлять, указывая им цели, а не регулируя все их действия короткими приказами. С точки зрения стратегии, важнейшая графа аттестации заключалась бы в суждении о том, способно ли данное лицо преследовать определенную цель, или может выполнять лишь отдельные распоряжения.

Наполеон, как известно, предпочитал управление приказами, Мольтке—директивами. На предпочтение той или иной формы управления оказывают решительное влияние условия времени и места, в которых отдается распоряжение. Глубокая пропасть лежит между управлением Наполеона в сражении при Иене в 1806 г. и Мольтке—в сражении Сен. Прива—Гравелот в 1870 г. Наполеон ночует пред сражением среди войск; его палатка разбита внутри карэ полка, которому он хочет оказать особое внимание; Наполеон имеет возможность распорядиться в последнюю минуту, учтя все данные разведки к моменту рассвета. Главная квартира прусского короля и Мольтке под Мецом расположена в Понт-а-Муссоне, в 30 километрах от поля сражения. 16 августа произошло столкновение под Марс-ла-Туром. Утром 17 августа король прусский и Мольтке прибывают на наблюдательный пункт на высоту у Флавиньи. Происходит только сбор войск. Сражение состоится только завтра. Мольтке в 2 часа дня 17 августа отдает диспозицию на 18 августа, и уезжает с королем прусским назад на 30 километров. Надо отдохнуть и изготовиться к трудному завтрашнему дню. Мольтке распоряжается образцово, но на 12 часов раньше, чем Наполеон. Естественно, он менее осведомлен, должен отдавать более условные распоряжения; получаются варианты, как они ни нежелательны: если неприятель останется у Меца, то делать одно, а если попытается отходить вдоль бельгийской границы—то делать другое [1]).

Конечно, в настоящее время приходится распоряжаться, несмотря на телеграф, еще более заблаговременно, чем в эпоху Мольтке. Однако, против развития вариантов в опе-

[1]) Прекрасный анализ этого вопроса у Fritz Hoenig. 24 Stunden Moltkescher Strategie am 18 August 1870 г. Leipzig. III издание 1897 г.

ративных распоряжениях надо бороться всеми средствами. Нельзя заваливать штабы оперативными проектами. Чрезвычайно важно удачно выбрать минуту для отдачи распоряжения—ни слишком рано, когда оно не может быть достаточно точно, ни слишком поздно, когда самые лучшие мысли обречены на бесплодие. Нельзя переоценивать значения выбора правильного момента для отдачи приказа; Наполеон в высшей степени владел этим искусством; он вынашивал в себе несколько вариантов, но ни с кем не делился своими мыслями, и в надлежащую минуту с молниеносной быстротой приступал к выполнению одного из них.

Директивы в значительной степени децентрализуют управление; это не принесет вреда, если в высшем командном составе не будет места центробежным стремлениям, если будет в наличии генеральный штаб, охваченный одной идеей и готовый повсюду вступить в бой с колокольными интересами.

Позиционная война, как мы видели, допускает, по сравнению с маневренной, значительно большую централизацию управления. Поэтому неудивительно, что в результате четырехлетнего позиционного сидения народился известный сдвиг в пользу управления приказами, которые перед мировой войной казались совершенно отжившими методами стратегического и даже оперативного руководства. Ярче всех это стремление высказалось в методе управления Людендорфа. Приказ связан с вмешательством в сферу исполнения частного начальника, с исправлением допускаемых им при исполнении ошибок. Людендорф любил утром переговорить по телефону не только с фронтами, но и со всеми начальниками штабов армий. Такие методы управления ведут к расширению компетенции ставки и к подрыву авторитета и значения частных начальников. Замечательно, что на французском фронте в 1917 и 1918 годах не выделился ни один немецкий вождь — Людендорф всех их держал в черном теле исполнителей.

На русском фронте происходили обратные явления. Русская ставка слишком деликатничала с авторитетом частных начальников и не хотела подрывать его, выступая в роли школьного наставника, исправляющего ошибки учеников. Ошибочное направление движения Ренненкампфа к Кенис-

бергу наблюдалось ставкой в течение двух дней, вызывая удивление; однако, генерал-квартирмейстер Ю. Данилов, руководивший русской стратегией, стеснялся выступить с нравоучением; „местный в его бливости лучше рассудит", говорил еще Суворов; когда же ставка выступила, было уже поздно, и Самсоновская армия погибла. При эгоистических центробежных интересах фронтов—Юго-Западного и Северо-Западного, из коих один вел австрийскую войну, а другой германскую войну, и никто не вел мировой войны, слишком мягкие [1]) директивы ставки воспитывали не сильных и самостоятельных, а анархичных, не признающих никакого авторитета вождей.

Конечно, бывают моменты, когда вмешательство высшего командования не только в оперативные, но и в тактические детали является совершенно необходимым. В августе 1870 г., при следовании 1-й и 2-й прусских армий на очень узком фронте (2 корпуса по одной дороге) к р. Сааре, и многочисленных трениях на стыке между этими армиями, Мольтке самому пришлось войти в организацию марша обеих армий. В мировую войну, в августе 1914 года вся огромная 1-я германская армия имела в своем распоряжении лишь три дороги, которые сходились в гор. Аахене. Нужно было урегулировать движение войск по узким улицам этого города, назначить особого коменданта, составить такой расчет, чтобы войсковой поток шел бы в течение 4 суток днем и ночью, обеспечить на это время довольствие войск, которые тесниной города отрезывались от тыла и т. д. Штаб армии естественно должен был войти в рассмотрение вопросов, обычно решаемых начальником дивизии или командиром корпуса [2]).

При проявлении непослушания на фронте Мольтке старший переходил сейчас к форме приказа, начинающегося:

[1]) Эта мягкость являлась следствием организационного дефекта. Верховный главнокомандующий, Николай Николаевич, в действительности стратегией вовсе не занимался, равно как и его начальник штаба, генерал Янушкевич. По отношению к стратегическим усилиям Ю. Данилова они сохраняли позу нейтралитета, большей частью благожелательного. Но авторитет последнего, значительно младшего по службе начальников штабов фронтов, был недостаточен. Если возникали пререкания и требовался окрик сверху, Николай Николаевич в нем систематически отказывал и предлагал договориться до компромисса с фронтами.

[2]) Ганс Куль. Германский генеральный штаб. Стр. 201—202.

„я приказываю..." и подписываемого прусским королем. Когда мы проглядываем историю войн 1866 и 1870 годов и наталкиваемся на такие редкие приказы, мы можем быть уверены, что Мольтке приходилось преодолевать какого-нибудь внутреннего врага, не считавшегося с авторитетом его директив (Фогель фон-Фалькенштейн, Штейнмец).

Гражданская война 1918—1920 г.г., вследствие буйного проявления частной инициативы и недостаточной авторитетности ставки, несмотря на свою маневренность, обнаружила такую же тенденцию к централизации управления и приказу, как и позиционный период мировой войны. Недостаточная авторитетность сказывалась в том, что ставке приходилось еще в 1920 году начерно передавать свои директивы во фронты, и лишь по установлении соглашения с ними, они отдавались набело. Спецы консультировали и советовали в своих директивах, последние потеряли необходимый им характер волеизъявления, а подчинение одного начинается только там, где выступает воля другого. Характер стратегического управления виден из разговора 17 августа 1920 года, 2 ч. 30 мин., в момент кризиса на Висле, главнокомандования с фронтом (курсив наш): „о значении Люблинского района я вам говорил еще в Минске и предостерегал затем после повышения вашего фронта на север, главным образом, я опасался подъема 16 армии. Еще 11 августа я отдавал распоряжение [1]) о перегруппировке Буденного; в силу очень неприятных событий эта перегруппировка еще не началась и сегодня, и нет уверенности, что она начнется завтра... что вы рассосете ударную группу 16 армии, очень доволен, так как абсолютно не сочувствую лобовому удару, который наносит эта группа".

Разговор на следующий день 18 августа: „я очень прошу вас самым внимательным образом следить за Люблинским направлением, имея в виду, что на это направление готов еще дать 55-ю дивизию".

[1]) Важнейшая и очень мудрая директива главкома от 11 августа за № 4738 о движении Юго-Западного фронта в направлении на Люблин, с приступом к которому нельзя было повременить ни на один час, заканчивалась фразой: „Прошу вашего заключения по изложенному"—волевого толчка она не давала. Цитировано по труду Б. Шапошникова. На Висле, стр. 96, 97, 101, 102.

Конечно, теория не может приветствовать разговоры, советы, опасения, сочувствия и несочувствия, довольство и недовольство, распоряжения без уверенности в их исполнении, просьбы и готовность помочь, как метод управления. Однако, в конечном счете, и здесь обстоятельства повелевают; управление дело такта и познания человеческой психологии. Один подчиненный требует и заслуживает свободы, другого необходимо вести на твердом поводу, третий, великий и необходимый человек, капризничает и его надо уговаривать. Настоящая организация начинается там, где нет людей, без которых нельзя обойтись, а настоящее управление там, где можно ликвидировать любой генеральский каприз в течение двух - трех часов, где нет попутчиков, а есть дисциплина.

Люди очень упрямы; между самыми упрямыми бывают прекраснейшие военные начальники. Использование их значительно облегчается высоким авторитетом высшего управления. Мольтке младший и, в особенности, Фалькенгайн в германской армии не пользовались достаточным авторитетом, и Германии пришлось за этот недостаток жестоко поплатиться.

При организации Красной армии, авторитетность той или иной инстанции обусловливается не только подбором командного состава, но и политических работников. Большой ущерб для авторитета высшей инстанции будет связан с наличием высоко авторитетного политического деятеля в подчиненном реввоенсовете фронта или армии.

Как известно, приказы иногда пишутся не только для исполнения, но и для сложения с себя ответственности. Эта ужасная форма управления убивает всякий авторитет подписывающего такой приказ; появление ее свидетельствует о процессах разложения в командном составе, о гражданской трусости, об измене государственным интересам во имя шкурных интересов. Такие приказы нам известны лишь из опыта империалистической войны.

Изобилие директив и приказов подрывает внимание, коим они пользуются, и их силу. В течение 11 и 12 августа 1920 года Юго-Западному фронту было послано 3 директивы—за №№ 4738, 4752 и 4767 [1]). Последняя из них

[1]) Б. Шапошников. На Висле. стр. 97.

пришла первой; ни одна из них не была исполнена. Стратег должен отказаться при управлении от риторической формы повторения. Умение давать директиву на много дней вперед и так, чтобы ее не пришлось сейчас же изменять и дополнять, отличает зрелость стратегической мысли.

На отдаваемые распоряжения надо смотреть, как на детонатор (взрыватель) энергии, имеющейся на вооруженном фронте; как известно, шашка пироксилина, зажженная спичкой, сгорает спокойно, а воспламененная капсюлем гремучей ртути дает энергичный взрыв; способность различным образом детонировать свойственна войскам так же, как и всем взрывчатым веществам. Один метод распоряжений вызывает равнодушное исполнение, другой обусловит энергичную детонацию. Нельзя установить общих правил, так как особенности условий и личностей каждый раз требует применения особых приемов детонации.

Частная инициатива. Ясно, что партизанские уклоны, не изжитые вполне еще в 1920 году, должны были вызвать в Красной армии, как реакцию, тяготение к категорической форме боевого приказа. Лекарство, однако, иногда наносит организму больший вред, чем болезнь, против которой оно назначается. Опаснее всего бездушное, бюрократическое выполнение приказов, снижающее до ничтожной части полезную работу армии на вооруженном фронте. Красная армия во многом обязана своими успехами в гражданской войне могучему, буйному проявлению частной инициативы; задача заключается в том, чтобы дисциплинировать частную инициативу, а отнюдь не искоренять предпосылки ее проявления.

У истока революции заботиться о частной инициативе не приходится—ее хоть отбавляй. Но в обыкновенных условиях, при отсутствии особого революционного подъема, инициатива—это очень хрупкое явление, к которому нужно относиться очень бережно и тщательно его культивировать. Великолепнейшая заводная бюрократическая игрушка, Пруссия 1806 года так легко была раздавлена одной Иенской операцией именно потому, что не была способна ни к какому проявлению инициативы, и первая реформа Штейна была направлена на воспитание в государстве инициативы. Его циркуляр 1807 года гласил: „чиновники должны перестать

быть немым механическим орудием в руках монарха, машиной, выполняющей приказы, не влагающей при этом в исполнение ни своей воли, ни своей личной точки зрения. Я требую, чтобы отныне они самостоятельно решали дела, вкладывая в решение свой личный почин. Я не буду давать им подробных указаний и запрещаю им обращаться за советом к центральной власти. Я взыщу с неспособных и малодушных; я награжу мужественных и искусных".

Только на основе широкого развития инициативы в гражданском обществе может инициатива существовать и в армии. Она требует терпеливого и снисходительного отношения к отдельным неудачным своим проявлениям; она требует, чтобы о ней заботились уставы[1]), она требует, чтобы весь характер управления приспособлялся к возможностям ее выявления; она требует директив, а не приказов.

Пестрота, разнобой в средствах достижения цели нисколько не вредит делу. Но страшное зло — это покушение на указанную высшим начальником цель; необходимо бороться всемерно против этого явления, ведущего к злейшей анархии в управлении. Так как выбор средств всегда предоставлялся и старой теорией начальнику, получившему задачу, то „право предложения", явившееся под флагом либерального вывода из опыта мировой войны, сводилось, повидимому, к праву подчиненных предлагать начальнику общую цель действий; этот вывод мог родиться только на почве удивительного заблуждения ума. Всякие цели могут указываться только сверху, так как постановка их вытекает из анализа более широкого целого и более широкого политического и военного кругозора. Предложение целей в порядке частной инициативы опрокидывает все предпосылки

[1]) Уставы чаще становятся на точку зрения Скалозуба, а не Штейна. Образцом уставного стремления к подавлению инициативы являются уставы Бурбонской реставрации. Приказ, вводивший французкий внутренней службы 1818 года гласил: „Его величество, будучи уверен, что его служба выиграет, если войска будут подвергнуты единообразно установленным в уставе дисциплине и режиму; что уставы должны предвидеть и регламентировать все подробности и не допускать, чтобы что-либо решалось произвольно или оставалось неопределенным; что офицеры, переводимые из одной части в другую, не должны находить какой-либо разницы в порядке внутренеей службы, утверждает настоящий устав". Идеология, стремящаяся не допускать, чтобы что-либо решалось произвольно или оставалось неопределенным, не изжита и посейчас.

организованности, и сама мысль о ней может обратить каждого мыслящего военного во врага и всякой инициативы, и директив.

В отношении инициативы также требуется такт и психология: диллетантов, а также лиц, стремящихся скорее к личным подвигам, чем к успеху общего дела, и недостаточно проникнутых представлением о лежащей на них моральной ответственности, и авантюристов по природе обыкновенно выгодно сокращать; надежным, преданным работникам, образ мышления и метод действий коих хорошо известны стратегу, нужно открывать все возможности развернуться.

Меры фактического воздействия. Кроме адресуемых подчиненным инстанциям распоряжений, высшее командование имеет некоторые возможности более материально влиять на ход военных действий.

Основным средством воздействия является стратегический и оперативный резервы. Имеющаяся в руках высшего управления возможность прибавить свежих сил значительно повышает авторитетность его указаний. Русская ставка переживала такие подъемы мощи управления, когда она располагала оставленными на побережьи Балтийского и Черного морей дивизиями, или когда в ее распоряжение начинали подходить азиатские корпуса. Германская ставка наживала стратегический капитал на новых эшелонах мобилизации. Сумерки богов начинаются тогда, когда тыл перестает плодоносить резервы. Надо уметь выцарапывать у фронтов и армий войска—не излишествующие, но без которых возможно хотя бы временно обойтись. Эта работа связана с большими трениями. Устав, подготавливая мышление установлением широких нормальных протяжений фронта для обороны, может облегчить эту нелегкую задачу высшего командования.

В русских условиях перевеса местных интересов над государственными, в мировую войну перегруппировки часто приводили к неважным результатам; ясно, что высшее командование, стремясь отобрать войска в свой резерв, прежде всего обращается к частям, находящимся в резерве фронта или армии, с тем, чтобы фронт затем создал себе новый резерв, путем вывода в тыл части дивизий, находящихся в соприкосновении с неприятелем. Отсюда некоторые на-

чальники, дорожившие своими лучшими корпусами, стремились закрепить их за собой, занимая ими участки позиционного фронта, а наиболее слабые части держали позади, в черте досягаемости высшего командования. Тогда как немцы ввели у себя разделение дивизий на два класса—позиционные (похуже) и ударные (получше), и сосредоточивали позади, для переброски на важные направления, последние, мы поступали наоборот и производили перегруппировки часто за счет наименее боеспособных частей, на которые и возлагали самые ответственные задачи.

Кроме резервов в виде организованных воинских частей, существуют и другие государственные резервы, в виде тысяч окончивших ускоренные курсы командиров, сотен тысяч запасных для укомплектования, запасов вооружения, продовольствия, обмундирования, транспортных средств. Регулировка распределения материальных средств и укомплектований также повышает авторитет высшего управления; в то же самое время только высшее командование имеет возможность наиболее рационально использовать ограниченные материальные рессурсы государства в соответствии с преследуемой целью. Все это очень плохо понималось в начале мировой войны; по положению о полевом управлении 1914 года, русская ставка была совершенно устранена от распоряжения укомплектованием и материальными средствами: каждый фронт имел свой самостоятельный тыл и самостоятельно требовал от военного министра все ему необходимое. Стратегическое руководство русской ставки оказалось без материального базиса, что весьма его ослабило. С другой стороны, два фронта являлись потребителями, соперничавшими между собой и заинтересованными не столько в экономном расходовании на фронте государственных средств, как в том, чтобы скорее перекачать из ведения военного министерства в свои склады наиболее ценные и становящиеся редкими предметы снабжения. Первый снарядный кризис, на второй месяц войны, повидимому, создался на этой почве нездоровой конкуренции.

Конечно, сосредоточение распоряжения материальными средствами, даваемыми тылом, необходимо высшему командованию не только для того, чтобы подчеркнуть зависимость от него фронтов. Высшее командование должно стоять на

той точке зрения, что военные действия на фронте являются лишь производной от состояния двух баз, на которые опираются вооруженные силы обеих сторон, и что, следовательно, руководство военными действиями, прежде всего, должно основываться на полной компетенции в распоряжении средствами, даваемыми базой, без чего невозможно представительство ее интересов.

Изменение границ между фронтами и армиями мы относим также к мерам фактического воздействия. Действительно, иногда в период боевых действий является почти невозможным отнять войска у одной инстанции с целью перегруппировки, для поддержки соседней инстанции. Но той же цели можно добиться, сжав участок соседа и возложив на фронт или армию, имеющую скрытые источники сил, ответственность за более широкий участок. К этому методу слабое управление русской ставки часто оказывалось вынужденным прибегать. В октябре 1914 года ставка не могла получить от фронтов резерв для защиты Варшавы и нанесения здесь удара немцам; но, передавая Варшаву поочередно на ответственность то одного, то другого фронтов, ставка вынудила их выдвинуть на Варшавское направление все свободные силы, коими они могли располагать. К невыгодам этого метода надо отнести резкое каждый раз изменение установленной сети связи, разрушение наладившихся оперативных отношений, а также весьма резкое изменение нагрузки и направления работы тыла. Это—средство управления бедного волей и резервами командования; оно отзывается на понижении полезной работы всего войскового аппарата, и не должно без особой нужды применяться.

Наконец, необходим контроль. Отделенный командир, отдавая приказ, обязан проконтролировать его исполнение; наблюдение за исполнением конкретизирует приказ, дает ему действительную силу. Хотя посты высшего управления занимаются и самыми ответственными, заслуженными работниками, но и здесь распоряжение не должно получать отвлеченный характер слова, брошенного на ветер; надо наблюсти, чтобы оно дошло до назначения, было понято и исполнено. Замена директивы приказом, указывающим, что должно быть выполнено в течение одного—двух ближайших дней, является одной и притом стеснительной формой контроля. Истребо-

вание копий всех важнейших оперативных распоряжений подчиненных инстанций является нормальным видом стратегического контроля. Любопытные данные часто дают неприятельские официальные сообщения о войне; они непременно упоминают о захватах пленных, пушек, трофеев, тогда как наши донесения часто стремятся замолчать неприятные происшествия. Производство дознаний и расследований терпимо лишь в исключительных случаях (дознание генерала Пантелеева по Самсоновской катастрофе), так как вторжение формальной точки зрения юстиции в стратегические и оперативные вопросы понижает ту любовь к ответственности, которая является чрезвычайно ценной у всех деятелей на вооруженном фронте. Формы контроля не должны нарушать атмосферы доверия, которая необходима для успешной стратегической работы.

Гармоничность организации. Деление сухопутных вооруженных сил, действующих на одном театре, на частные армии, встречавшееся ранее лишь при коалиционных войнах, было успешно применено Мольтке в 1866 г., и с тех пор сделалось общераспространенным. При стратегическом развертывании 1914 года в русских войсках появилась еще новая инстанция оперативного руководства — фронт. Отсутствие такой инстанции при вторжении германских армий во Францию сказалось на значительных трудностях управления. В течение мировой войны управление фронта, как организационная инстанция, получила широкое распространение. Мы ее встречаем также на всем протяжении гражданской войны.

Реальное бытие фронта в течение шести лет (1914—1920), вызывает некоторые сомнения; его кратковременная история не блещет организационными достижениями. В России первый год маневренной войны прошел в беспрерывных трениях между двумя фронтами; в позиционный период войны мы имели три фронта; сколько-нибудь согласовать их действия не удалось. Людендорф также жалуется на трудности управления, которые ему создавало во Франции в 1917—1918 г.г. это организационное новшество. В гражданскую войну фронты являлись, несомненно, уместными, когда каждый объединял все действия на отдельном театре войны, против отдельного противника (Северный, Восточный, Южный фронты). Но когда пришлось согласовать действия двух фронтов против одного противника (против поляков), то эта задача не удалась [1]). Каждый фронт имел слишком большой вес и инерцию, которых высшему командованию преодолеть не удалось; увязать их действия к одной оперативной цели представило столь трудную задачу, перед которой пришлось отступить, сделав попытку передать в последнюю минуту в состав Западного фронта, обремененного своими пятью армиями (считая в том числе Мозырскую группу), еще и две армии Юго-Западного фронта, действовавшие против поляков. А, между тем, в гражданской войне в Красной армии не было корпусной инстанции,—лишней ступени оперативного управления.

Каждая лишняя инстанция представляет безусловное зло. Нарождение фронтовой инстанции объясняется невозможностью, при значительном числе армий, организовать для каждой самостоятельный глубокий тыл. Там, где нет увеличения численности армий свыше миллиона бойцов, и где имеется только один противник, достаточно иметь один фронт. Это будет в сущности, оперативное управление всех действующих сил, подчиненное главнокомандующему, остающемуся в столице и выполняющего в то же время функции военного министра. Если, кроме главного противника, имеются и второстепенные, выгоднее создавать против них отдельные армии, обходясь без фронтовой инстанции.

Клаузевиц замечает, что минимум организационных единиц, подчиненных каждой инстанции, должен быть три, и что при двух подчиненных инстанциях тактическое и оперативное руководство осложняется до крайности. Это в полной мере испытала русская ставка в 1914 году. Деление на два фронта недопустимо, так как представляет

[1]) Собственно говоря, против поляков в 1920 году действовало не два фронта, а полтора, так как Юго-Западный фронт действовал одновременно и на Волыни, против поляков, и против Врангеля, дебушировавшего из Крыма. Действия Юго-Западного фронта были поставлены в дисгармоничные условия погони сразу за двумя зайцами. Конечно, одно управление фронта не может охватывать два театра, в данном случае даже две войны. Это задача высшего управления. Необходимо было создать совершенно различные инстанции, раздробив Юго-Западный фронт на две части. Вероятно, при небольших массах 1920 года было бы выгоднее обойтись вовсе без фронтовой организации, и иметь две отдельные армии. Впрочем, в условиях 1920 г., может быть, для придания авторитета, эти организации следовало величать фронтами. Армии эпохи гражданской войны являлись, по своей массе, только корпусами.

тягчайшее покушение на авторитет высшего управления. Если представляется настоятельная необходимость в делении на фронты, то необходимо нарубить их по крайней мере три; две половинки, естественно, разваливаются, Вена и Берлин, Львов и Варшава, как цели фронтов, слишком обособляются. Наступление германцев весной 1915 г. против русских было начато группой Макензена (11-я германская и 4-я австрийская армии) и фронтом Гинденбурга—Людендорфа (8-я, 9-я, 10-я и Неманская армия, группа Гальвица—потом 12-я армия). Группа Войерша и южная армия были подчинены австро-венгерскому командованию. Таким образом, Фалькенгайн сносился с австрийским командованием и имел две подчиненные инстанции—Макензена и Гинденбурга—Людендорфа; последняя включала 5 армий; в этих условиях управления, оно приводило к такой же отчаянной дискуссии, как и управление двумя фронтами русской ставки; популярность Гинденбурга и ореол достигнутых им успехов позволял проявлять Людендорфу максимум упорства. В результате, чтобы создать более сносные условия, Фалькенгайну пришлось образовать третий фронт, отняв у Людендорфа 9-ю армию, находившуюся на левом берегу Вислы против Варшавы и соединив ее с группой Войерша. Чтобы быть удобоуправляемой, часть должна находиться в известной пропорции к целому. Иначе целое будет получать слишком сильные толчки. Нужно было умалить оперативную компетенцию Людендорфа, чтобы диктовать ему свою волю. Характер мероприятия Фалькенгайна ясно обрисовывается из того, что новый фронт, Леопольда Баварского, в отношении снабжения остался на попечении Людендорфа [1]).

Чтобы облегчить фронты, и сделать их более удобоуправляемыми сверху, важно не слишком расширять их тыловую границу; надо избегать образования сатрапий. Окупированное немцами генерал-губернаторство Варшавское было изъято из ведения фронта; Людендорф был лишен королевства Польского и должен был удовлетвориться великим княжеством Литовским, как говорили немцы на нашем фронте.

Трения. Всякий недостаток организации увеличивает трения при ведении военных действий, т.-е. количество

[1]) Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—18 г.г., т. I, стр. 124.

непроизводительно затрачиваемых войсками и командованием усилий на преодоление внутренних шероховатостей. Чтобы уменьшить эти непроизводительные издержки, управление в первую очередь обязано изучить подчиненных начальников, их взгляды на военное искусство и темперамент, подчиненные войска и их навыки. Донесение, гласящее о трудном положении, должно пониматься совершенно различно, смотря по тому, подписано ли оно человеком, которого в армии характеризуют, как „заведующего паникой", или стойким и преданным общим интересам борцом, или опытным, храбрым, но запасливым начальником, захватывающим в свой угол зрения только местные интересы и эгоистически стремящимся вырвать в свое распоряжение часть общего резерва. И каждому из этих начальников нужно приказывать особым языком. Личность в управлении сказывается в том, что каждое слово получает свой коэффициент. Когда управление устоится и действующие лица ознакомятся друг с другом, задачи его разрешаются более гладко, многие шероховатости вовсе отпадают. Наоборот, смена командования вызывает новый болезненный период приспособления. В настоящее время высших военных начальников убивают не пули, как в XVII веке, а поражения, заставляющие их сменять, и эту смену неприятельского командования может ставить себе в заслугу каждый начальник, добившийся ее своими успехами. Это трофей победы.

В начале войны трения особенно велики: войска оказываются в непривычной для них походной обстановке, начальники не вошли еще в свою роль, только что собранные высшие штабы еще не наладили разделение труда, тыловые управления только начинают осматриваться; весь войсковой аппарат работает со скрипом, затрачивая большую часть сил внутри себя на доделку и обточку шероховатостей. В атмосфере таких трений начала войны и развилась молниеносно Самсоновская катастрофа. Через месяц после начала войны, несмотря на ослабление потерями кадрового состава, она была бы почти невозможна, или потребовала бы от неприятеля много дополнительных усилий и лишней недели времени: у начальников и войск оказались бы нужные навыки.

Трения будут велики у территориальных частей в трудной обстановке маневренной войны и потребуют большего

времени для их изживания; но особенно угрожающими они будут у последующих эшелонов мобилизации, если не будет предусмотрено назначение из действующих войск достаточного количества отборного комсостава в новые формирования, вместе с которым действующая армия подарит ценную часть своего опыта. Но трения—не только детская, но и старческая болезнь.

Трения растут с уменьшением авторитета высшего командования; неудачи подрывают его; можно себе представить такой несчастный ход событий, когда все в армии начнут спорить с отдаваемыми приказами; смена начальства, сколь нежелательной не является она, явится единственным способом спасти управление от разложения. Но недостаточная авторитетность имеет в своем корне не только боевое счастье или несчастье: авторитетность связывается с личностью, с уважением к ней, с ее прошлым, полным согласования слова с делом, подвига, или устраивания своих мелких карьерных делишек, с почтением к твердости воли, глубине знаний, прямоте характера.

Высшее командование, чтобы преодолеть трения, должно быть удачно подобрано; оно должно быть хорошо организовано и иметь собственный разведывательный и осведомительный аппарат, а не быть связано в своем кругозоре лишь разведывательными сводками подчиненных инстанций. Наконец, оно должно быть на высоте тактических и технических требований и уметь сохранять контакт с войсками.

Местные интересы, противоставление эгоистических требований нуждам целого, являются особенно злокачественным источником трений. Стратегический партикуляризм может быть вырван с корнем лишь при очень высоком подъеме общего государственного сознания и очень авторитетном управлении.

С.С.С.Р. ИНСТИТУТ ... Ф. Энгельса Ц.И.К.

ВАЖНЕЙШИЕ ПОПРАВКИ.

стр.	*строка*	*напечатано*	*следует читать*
29	6 снизу	педантства	педантизма
30	выноска, 6 сверху;	Ргено	Рагено
—	—	Ragueneau	Ragueneau
—	3 снизу	Lonnal	Bonnal
81	2 снизу	могли бы заменить работу	могла бы заменить работа
114	выноска	Zternin	Tzernin
129	„ 6 сверху	Гагагской	Гаагской
154	3 сверху	Монтескуколи	Монтекуколи
190	6 снизу	с ростом	от роста
197	4 „	твердое	твердо
212	5 сверху	Буга	Буго-Нарева
213	2 снизу	для защиты гарнизона	для защиты—гарнизон
217	выноска, 3 снизу	и постепенное улучшение	то отметим постепенное улучшение
227	выноска, 4 снизу;	в намеченных лишь	в операциях, намеченных хотя бы лишь
232	3 сверху	на Рейн	за Рейн
235	5 „	сократить	сохранить
241	15 снизу	противником	противникам
262	9 „	на который	на него
264	10 сверху	достаточно	достаточные
277	9 снизу	сыграть функцию	стать функцией
283	15 „	как	когда
286	17 сверху	армии	армию

Государственное Военное Издательство.

МОСКВА, Тверская, 15.

Адрес для телеграмм: МОСКВА — ВОЕНГИЗ.

Бубнов, Н.—1924 год в военном строительстве. Изд. 1925 г.С 21 диагр. 286 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Жоффр.—1914—1915 г.г. Подготовка войны и ведение операций. Пер. с франц. Брагинского. 66 стр., с 1 сх. Ц. 75 к.

Зайончковский, А. М.—Стратегический очерк войны 1914—18 г.г. часть VI. Период от прорыва Юго-западного фронта в мае 1916 г. до конца года. 137 стр., с приложением 3 схем. Ц. 1 р.

Зайончковский, А. М.—Стратегический очерк войны 1914—18 г.г. часть VII. Кампания 1917 г. 192 стр., с 9 схемами в приложении. Ц. 3 р.

Зайончковский, А. М.—Мировая война 1914—18 г.г. Общий стратегический очерк. 457 стр. и 3 схемы в тексте. Ц. 3 р. 50 к.

Де-Лазари, А. Н.—Мировая война 1914—18 г.г. Атлас схем к труду А. Зайончковского, 50 красочных схем. Ц. 4 р. 50 к.

Дембицкий, К. В.—Оборона Индии. 68 стр. с 5 схемами. Изд. Разведупр. Ц. 1 р. 20 к.

Какурин, Н. — Русско - польская кампания 1918—1920 г.г. Политико-стратегич. очерк, посвящ. доблестн. войскам запфронта. 75 стр. Ц. 40 к.

Клаузевиц.—Основы стратегического решения. Перев. с немецк., под ред. А. Свечина. 32 стр. Ц. 30 к.

Клембовский, В.—Стратегический очерк войны 1914—18 г.г. часть V. Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Зап. фронтом. 124 стр. Ц. 1 р.

Корда. А.—Мировая война. Операции на суше 1918 г. Пер. с франц. В. Серебренникова. 124 стр. с 18 сх. Ц. 1 р. 60 к.

Кохенгаузен. — Вождение войск. Перев. с нем. 10 печ. лист. Ц. 2 р. 75 к.

Лебедев, П. П.—Государственная оборона. Орган. подготовки к борьбе. 48 стр. Ц. 25 к.

Незнанов, А. А.—Стратегич. очерк войны 1914—18 г.г. ч. III. Период с 12/25 ноября 1914 г. по 15/28 марта 1915 г. 84 стр. и 13 сх.-кар. Ц. 50 к.

Саджент, Г. Х.—Стратегия на Зап. фронте в 1914—18 г.г. Перев. с англ., под ред. проф. В. Ф. Новицкого. 153 стр. с 2 сх. на отд. лист. Ц. 1 р. 50 к.

Сборник статей по военному искусству. 217 стр., Ц. 90 к.

Свечин, А.—История воен. искусства, ч. III. Новейшее время 1814—1914 г.г. 211 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Свечин, А.—История воен. искусства. Изд. 3-е. 24 п. л. (Подгот. к печ.)

Стратегия в трудах воен. классиков. Ллойд, Наполеон, Медем, Вилизен, Леваль, Верди, Фон-дер-Гольц, Фош, Фон-Шлиффен. т. I. Под ред., со вступ.статьей и коммент. А. Свечина. 365 стр. В переплете. Ц. 2 р. 50 к.

Стратегия в трудах воен. классиков, т. II. Бюлов, Блюме, Шлихтинг и др. Под ред. проф. А. Свечина, 25 печ. лист. Изд. 1925 г. В переп. Ц. 2 р. 25 к.

Цихович, Я. К.—Стратегический очерк войны 1914—18 г.г. ч. I. Период от об'явлен. войны до начала сентяб. 1914 г. Первое вторж. русских армий в Вост. Пруссию и Галицийск. битва. 240 стр., с прил. 36. сх. Ц. 1 р. 75 к.

Троцкий, Л.—Кок вооружалась революция, т. I. 434 стр. и 6 сх. б/п—ц. 4 р. в/п,—ц. 4 р. 60 к.

Троцкий, Л.—Как вооружалась революция, т. II, кн. 1-я, 476 стр., с прил. 9 сх. б/п—ц. 4 р., в/п—ц. 4 р. 60 к.

Троцкий, Л.—Как вооруж. революция, т. II. кн. 2-а. 322 стр., с прил. 2 сх. б/п.—ц. 2 р. 60 к. в/п.—ц. 3 р. 25 к.

Троцкий, Л.—Как вооруж. революция, т. III, кн. 1-я. 335 стр., с прил. 6 сх, б/п.—ц. 2 р. 75 к. в/п.—ц. 3 р. 25 к.

Троцкий, Л.—Как вооруж. революция, т. III, кн. 2-я. 313 стр. 1925 г. б/п.—ц. 2 р. 60 к. в/п.—ц. 3 р. 20 к.

Троцкий, Л.—Вопросы гражданск. войны. 46 стр. Ц. 20 к.

Государственное Военное Издательство.

МОСКВА, Тверская 15.

Адрес для телеграмм: МОСКВА — ВОЕНГИЗ.

Верховский, А.—Общая тактика. Пособие для нормальной военной школы. 2-е изд. переработ., с 92 сх. 480 стр. Ц. 3 руб.

Верховский, А. — Исторические примеры к курсу общей тактики. 90 стр., с 80 сх. Ц. 50 к.

Верховский, А.—Тактика. Составление задания и плана занятий на оборонительный бой. 21 стр. Изд. Воен. Акад. Ц. 42 коп.

Каменский, М.—Наступление и оборона в современной войне. Ц. 1 р.

Какурин, Н.—Боевые действия дивизии в маневренной войне. Сборн. тактич. задач с разборами и решениями их. 235 стр. Изд. В. Ак. Ц. 2 р.

Незнамов, А. А.—Современ. война, ч. I. 261 стр., с прилож. 15 схем. Ц. 1 р. 25 к.

Сапожников.—Позиционная война. 113 стр. Изд. Врсуво. Ц. 90 к.

Дембицкий, К. В.—Сухопутные вооруженные силы Британской империи. По данным на 1-е декабря 1920 г. 150 стр., с 5 схемами. Изд. Разведупр. Ц. 1 р. 50 к.

Балк, В.—Развитие тактики в мировую войну. Ц. 1 р. 50 к.

Лукирский, С.—Применение к местности и маскировка. 120 стр. Ц. 60 к.

Антонов-Овсеенко, В. А.—Записки о гражданской войне. Т. I, с 6 сх. и 17 фотограф. 300 стр. Ц. 1 р. 90 к.

Какурин и Меликов.—Война с белополяками в 1920 г. Труды Военно-Историч. Комиссии. 650 стр. с 25 сх. и 95 прилож. Ц. 6 р.

Самойло, А.—Ночные действия. 166 стр. с 50 черт. Ц. 1 р.

Лавринович.—Иппология. Изд. 4. 1925 г. Ц. 2 р. 50 к.

Клюев, Л. — 1-я конная армия на польском фронте. 1925 г. Ц. 1 р. 75 к.

Тухачевский, М.—Воспросы высшего командования. 16 стр. 1924 г. Ц. 20 к.

Штродах, А.—Организация и тактика низших соединений польской армии. 52 стр., с 1 схемой. Изд. Разведупр. Ц. 60 к.

Энгельс.—Статьи о войне 1870—1871 г.г. С предисл. Л. Троцкого. 256 стр. с прилож. 2 карт—театра войны 1870—71 г.г. и окрестностей Парижа.

б/п. . . . . Ц. 1 р. 80 к.
в/п. . . . . Ц. 2 р. 40 к.

Уоррал, П.—Тактика дымовых завес. Перевод с английского 59 стр., с 5 схемами. 1922 г. Изд. Разведупр. Ц. 50 к.

Мобилизация промышленности в иностранных государствах. Сборник статей. Вып. I. 37 стр. 1924 г. Изд. Разведупр. Ц. 45 к.

Уличный бой. — Сборник статей, под редакц. В. Муратова. 274 стр., с 83 рис. Ц. 1 р. 10 к.

Хескет-Притчард, Х.—Снайпинг во Франции. Служба сверх-метких стрелков в мировую войну. Перев. с англ., под ред. Е. Н. Сергеева, 164 стр., с 25 рис. и 4 черт. Ц. 1 р.

Ле-Знаф и Борнек.—Французские железные дороги и война. Перев. с франц. Серебренникова. С предисл. ген. Гаскуэна. 284 стр., с 24 схем. Ц. 2 р. 50 к.

Любую интересующую читателя книгу как русскую, так и иностранную высылает без задатка наложен. платежом Почтово-Посылочный Отдел ГВИЗ'а.

По заказам свыше 5 р. П. П. О. принимает на свой счет стоимость отправки и упаковки.

Товарный отдел П. П. О. высылает по первому требованию без задатка писчебумажные товары и канцпринадлежности. Все для радио, спорта и фотографии. Наглядные пособия. Географические карты. Значки, флаги и знамена. Противопожарные огнетушители „Богатырь". Музыкальн. инструменты для клубов и кружков. Мишени и стрелков. приборы и т. д.

Требуйте все, что вам необходимо—заказы исполняются немедленно

Заказы адресовать: Почтово-Посылочному Отделу ГВИЗ'а, Москва, Тверская, д. № 15.

Государственное Военное Издательство.

МОСКВА, Тверская, д. 15.

Адрес для телеграмм: МОСКВА — ВОЕНГИЗ.

Бубнов, А.—1924 год в военном строительстве (статьи и доклады по вопросам военного строительства) с 21 диагр., стр. 286. Ц. 1 р. 60 к.

Боровский.—1905 год. Хроника событий. Библиография. Стр. 70. Ц. 50к.

Балк, В.—Развитие тактики в мировую войну. Ц. 1 р. 50 к.

Верховский, А.—Общая тактика. Пособие для нормальной военной школы. 2-е изд. переработан., с 92 сх. 480 стр. Ц. 3 р.

Его же.—Исторические примеры к курсу общей тактики. 90 стр. с 80 сх. Ц. 50 к.

Дембицкий, К. В.—Оборона Индии. 68 стр., с 5 сх. Изд. Разведупр. Ц. 1 р. 20 к.

Изместьев, П. — Зимние боевые действия. Ц. 40 к.

Изместьев, П. И. и Сапожников, Н. П.—Тактика в трудах военных классиков. Т. I. Ланглуа, Балк, Фош, под общей ред. и с предисловием С. Г. Лукирского. 252 стр. 1925 г. В изящном переплете Ц. 2 р. 20 к.

Изместьев, П. И., Бонч-Бруевич и Лукирский, Л. Г.—Тактика в трудах военных классиков. Т. II. Суворов, Драгомиров и Леер. Под общей ред. С. Г. Лукирского 18 п. л. 1925 г. В перепл. ц. ок. 2 р. 50 к.(Печатается).

Каменский, М. — Наступление и оборона в современной войне. Ц. 1 р.

Какурин, Н.—Боевые действия дивизии в маневренной войне. Сборн. тактич. задач с разборами и решениями их. 235 стр. Изд. Воен. Акад. Ц. 2 р.

Карты для тактич. занятий в масштабе 1000 метров в 1 см. Комплект из 9 карт со сборной картой в масштабе 1/40000. 1925 г. Ц. 2 р. 20 к.

Незнамов, А. А.—Современ. война. Ч. I. 261 стр., с прилож. 15 схем. Ц. 1 р. 25 к.

Свечин, А. — История военного искусства, ч. III. Новейшее время (1814—1914 г.г.), 211 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Валентинов, Н. - Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—18 г.г., ч. I, под ред. А. А. Свечина. 136 стр. Ц. 70 к.

Тухачевский, М.—Вопросы высшего командования. 16 стр. Ц. 20 к.

Штродах, А.—Организация и тактика низших соединений польской армии. 52 стр., с 1 схемой. Изд. Разведупр. Ц. 60 к.

Энгельс.—Статьи о войне 1870—1871 г.г. С предисл. Л. Троцкого. 256 стр. с прилож. 2 карт—театра войны 1870—71 г.г. и окрестностей Парижа. Ц. б/п. 1 р. 80к., в/п. 2 р. 40к.

Уоррал, П.—Тактика дымовых завес. Пер. с англ. 59 стр., с 5 схемами. Изд. Разведупр. Ц. 50 к.

Ле-Энаф и Борнек.—Французские железные дороги и война. Перев. с франц. Серебренникова. С предисл. ген Гаскуэна. 284 стр., с 24 сх. Ц. 2 р. 50 к.

Антонов-Овсеенко, В. А. — Записки о гражданской войне, т. I, с 6 схемами и 1 фотограф. 300 стр. Ц. 1 р. 90 к.

Какурин и Меликов.—Война с белополяками 1920 г. Труды Военно-Историч. Комиссии. 650 стр. с 25 сх. и 95 прилож. Ц. 6 р.

Какурин, Н. — Русско-Польская кампания 1918—20 г.г. Политико-стратегическ. очерк. 75 стр. Ц. 40 к.

Клюев, Л. — Конница Буденого на польском фронте. 1925 г. Ц. 1 р. 75 коп.

Любую интересующую читателя книгу как русскую, так и иностранную высылает без задатка наложен. платежом Почтово-Посылочный Отдел ГВИЗ'а. По заказам свыше 5 руб. П. П. О. принимает на свой счет стоимость отправки и упаковки.